YURIDIK FANLAR AXBOROTNOMASI
ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК
REVIEW OF LAW SCIENCES

huquqiy ilmiy-amaliy jurnal

правовой научно-практический журнал

legal scientific-practical journal

2025-yil 3-son

VOLUME 9 / ISSUE 3 / 2025

DOI: 10.51788/TSUL.ROLS.2025.9.3

ISSN 2181-919X

E-ISSN 2181-1148

DOI: 10.51788/TSUL.ROLS

Crossref Content Registration

MUASSIS: TOSHKENT DAVLAT YURIDIK UNIVERSITETI

"Yuridik fanlar axborotnomasi – Вестник юридических наук – Review of law sciences" huquqiy ilmiy-amaliy jurnali O'zbekiston matbuot va axborot agentligi tomonidan 2020-yil 22-dekabrda 0931-sonli guvohnoma bilan davlat ro'yxatidan o'tkazilgan.

Jurnal O'zbekiston Respublikasi Oliy ta'lim, fan va innovatsiyalar vazirligi huzuridagi Oliy attestatsiya komissiyasi jurnallari ro'yxatiga kiritilgan.

Mualliflik huquqlari Toshkent davlat yuridik universitetiga tegishli. Barcha huquqlar himoyalangan. Jurnal materiallaridan foydalanish, tarqatish va ko'paytirish muassis ruxsati bilan amalga oshiriladi.

Sotuvda kelishilgan narxda.

Nashr bo'yicha mas'ul:
O. Choriyev

Muharrirlar:
Y. Yarmolik, Y. Mahmudov,
E. Mustafayev, K. Abduvaliyeva,
F. Muhammadiyeva, M. Sharifova,
Sh. Beknazarova, E. Sharipov

Musahhih:
M. Tursunov

Texnik muharrir:
U. Sapayev

Dizayner:
D. Rajapov

Tahririyat manzili:
100047. Toshkent shahar,
Sayilgoh ko'chasi, 35.
Tel.: (0371) 233-66-36 (1169)

Veb-sayt: review.tsul.uz
E-mail: reviewjournal@tsul.uz

Obuna indeksi: 1385.

Nashriyot litsenziyasi
№ 174625, 29.11.2023-y.

Jurnal 2025-yil 26-sentabrda bosmaxonaga topshirildi.
Qog'oz bichimi: A4.
Shartli bosma tabog'i: 25,1
Adadi: 100. Buyurtma: № 174.

Bosmaxona litsenziyasi
29.11.2023 № 174626

TDYU bosmaxonasida chop etildi.
Bosmaxona manzili:
100047. Toshkent shahri,
Sayilgoh ko'chasi, 37.

© Toshkent davlat yuridik universiteti

BOSH MUHARRIR
I. Rustambekov – Toshkent davlat yuridik universiteti rektori v.v.b., yuridik fanlar doktori, professor

BOSH MUHARRIR O'RINBOSARI
B. Xodjayev – Toshkent davlat yuridik universiteti ilmiy ishlar va innovatsiyalar bo'yicha prorektori, yuridik fanlar doktori, professor

MAS'UL MUHARRIR
O. Choriyev – Toshkent davlat yuridik universiteti Tahririy-nashriyot bo'limi boshlig'i

TAHRIR HAY'ATI A'ZOLARI
A. Saidov – Inson huquqlari bo'yicha O'zbekiston Respublikasi Milliy markazining direktori, yuridik fanlar doktori, professor (Toshkent, O'zbekiston)

E. Juchniewicz – Gdansk universiteti professori, huquq doktori (Gdansk, Polsha)

A. Younas – yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (Pekin, Xitoy)

O. Okyulov – Toshkent davlat yuridik universiteti professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O'zbekiston)

J. Nematov – Toshkent davlat yuridik universiteti professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O'zbekiston)

Sh. Asadov – O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Davlat siyosati va boshqaruvi akademiyasi professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O'zbekiston)

M. Aminjonova – O'zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi dotsenti, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O'zbekiston)

M. Rahimov – Toshkent davlat yuridik universiteti dotsenti, yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (Toshkent, O'zbekiston)

O. Narzullayev – Toshkent davlat yuridik universiteti professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O'zbekiston)

B. Murodov – O'zbekiston Respublikasi Ichki ishlar vazirligi akademiyasi professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O'zbekiston)

A. Muxamedjanov – Toshkent davlat yuridik universiteti professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O'zbekiston)

N. Niyazova – Toshkent davlat yuridik universiteti professori v.b., pedagogika fanlari nomzodi (Toshkent, O'zbekiston)

УЧРЕДИТЕЛЬ: ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Правовой научно-практический журнал «Вестник юридических наук – Yuridik fanlar axborotnomasi – Review of Law Sciences» зарегистрирован Агентством печати и информации Узбекистана 22 декабря 2020 года с удостоверением № 0931.

Журнал включён в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан.

Авторские права принадлежат Ташкентскому государственному юридическому университету. Все права защищены. Использование, распространение и воспроизведение материалов журнала осуществляется с разрешения учредителя.

Реализуется по договорной цене.

Ответственный за выпуск:
О. Чориев

Редакторы:
Е. Ярмолик, Й. Махмудов,
Э. Мустафаев, К. Абдувалиева,
Ф. Мухаммадиева, М. Шарифова,
Ш. Бекназарова, Э. Шарипов

Корректор:
М. Турсунов

Технический редактор:
У. Сапаев

Дизайнер:
Д. Ражапов

Адрес редакции:
100047. Город Ташкент,
улица Сайилгох, 35.
Тел.: (0371) 233-66-36 (1169)

Веб-сайт: review.tsul.uz
E-mail: reviewjournal@tsul.uz

Подписной индекс: 1385.

Издательская лицензия
от 29.11.2023 № 174625.

Журнал передан в типографию
26.09.2025.
Формат бумаги: A4.
Усл. п. л. 25,1. Тираж: 100 экз.
Номер заказа: 174.

Лицензия типографии
от 29.11.2023 № 174626.

Отпечатано в типографии
Ташкентского государственного
юридического университета.
100047, г. Ташкент, ул. Сайилгох, дом 37.

© Ташкентский государственный юридический университет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
И. Рустамбеков – доктор юридических наук, профессор, врио ректора Ташкентского государственного юридического университета

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
В. Ходжаев – доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе и инновациям Ташкентского государственного юридического университета

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
О. Чориев – начальник редакционно-издательского отдела Ташкентского государственного юридического университета

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ
А. Саидов – доктор юридических наук, профессор, директор Национального центра по правам человека Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан)

Э. Юхневич – доктор права, профессор Гданьского университета (Гданьск, Польша)

А. Юнас – доктор философии по юридическим наукам (Пекин, Китай)

О. Окюлов – доктор юридических наук, профессор Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

Ж. Нематов – доктор юридических наук, профессор Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

Ш. Асадов – доктор юридических наук, профессор Академии государственной политики и управления при Президенте Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан)

М. Аминжонова – доктор юридических наук, доцент Правоохранительной академии Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан)

М. Рахимов – доктор философии по юридическим наукам, доцент Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

О. Нарзуллаев – доктор юридических наук, профессор Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

В. Муродов – доктор юридических наук, профессор Академии МВД Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан)

А. Мухамеджанов – доктор юридических наук, профессор Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

Н. Ниязова – кандидат педагогических наук, и. о. профессора Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

FOUNDER: TASHKENT STATE UNIVERSITY OF LAW

"Yuridik fanlar axborotnomasi – Вестник юридических наук – Review of law sciences" legal scientific-practical journal was registered by Press and Information Agency of Uzbekistan on December 22, 2020, with certificate number 0931.

The journal is included in the list of journals of the Supreme Attestation Commission under the Ministry of Higher Education, Science and Innovations of the Republic of Uzbekistan. Copyright belongs to Tashkent State University of Law. All rights reserved. Use, distribution and reproduction of materials of the journal are carried out with the permission of the founder.

Agreed-upon price.

Publication Officer:
O. Choriev

Editors:
Y. Yarmolik, Y. Makhmudov,
E. Mustafaev, K. Abduvalieva,
F. Mukhammadieva, M. Sharifova,
Sh. Beknazarova, E. Sharipov

Proofreader:
M. Tursunov

Technical editor:
U. Sapaev

Designer:
D. Rajapov

Publishing department addess:
100047. Tashkent city,
Sayilgoh street, 35.
Phone: (0371) 233-66-36 (1169)

Website: review.tsul.uz
E-mail: reviewjournal@tsul.uz

Subscription index: 1385.

Publishing license
№ 174625, 29.11.2023.

The journal is submitted to the Printing house on 26.09.2025.
Paper size: A4.
Cond.p.f: 25,1.
Units: 100. Order: № 174.

Printing house license
№ 174626, 29.11.2023.

Published in the Printing house of Tashkent State University of Law.
100047. Tashkent city, Sayilgoh street, 37.

© Tashkent State University of Law

EDITOR-IN-CHIEF
I. Rustambekov – Acting Rector of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

DEPUTY EDITOR
B. Xodjaev – Deputy Rector for Scientific Affairs and Innovations of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

EXECUTIVE EDITOR
O. Choriev – Head of the Publishing Department of Tashkent State University of Law

MEMBERS OF EDITORIAL BOARD
A. Saidov – Director of the National Centre for Human Rights of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor (Tashkent, Uzbekistan)

E. Juchniewicz – Professor of the University of Gdansk, Doctor of Law (Gdansk, Poland)

A. Younas – Doctor of Philosophy (PhD) in Law (Beijing, China)

O. Okyulov – Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

J. Nematov – Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

Sh. Asadov – Professor of the Academy of Public Policy and Administration under the President of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

M. Aminjonova – Associate Professor of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

M. Rakhimov – Associate Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law (Tashkent, Uzbekistan)

O. Narzullaev – Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

B. Murodov – Professor of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

A. Mukhamedjanov – Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

N. Niyazova – Acting Professor of Tashkent State University of Law, Candidate of Pedagogical Sciences (Tashkent, Uzbekistan)

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

MUNDARIJA

12.00.02 – KONSTITUTSIYAVIY HUQUQ. MA'MURIY HUQUQ. MOLIYA VA BOJXONA HUQUQI

11 **SAFAROV DJAXONGIR ISMOILOVICH**
O'zbekiston Respublikasining yangi tahrirdagi Konstitutsiyasi asosida jinoyat qonunini takomillashtirish bo'yicha ayrim mulohazalar
19 **NARIMANOV BEKZOD ABDUVALIYEVICH**
Nodavlat notijorat tashkilotlari faoliyatini huquqiy tartibga solish: nazariy-huquqiy jihatlar va modellar

12.00.03 – FUQAROLIK HUQUQI. TADBIRKORLIK HUQUQI. OILA HUQUQI. XALQARO XUSUSIY HUQUQ

26 **GULYAMOV SAID SAIDAXRAROVICH**
Kiber huquqning nazariy asoslari: huquqiy tartibga solishning konseptual modeli
40 **MAMANAZAROV SARDOR SHUXRATOVICH**
Zamonaviy biotexnologiya sohasidagi fuqarolik-huquqiy munosabatlarning o'ziga xos xususiyatlari
52 **SAMANDAROVA FERUZA BAXROMJON QIZI**
Davlat xaridlari bitimlarini maxsus shartnoma turi sifatida baholash
62 **ABDUVALIYEV BAHODIR ABDULXAYEVICH**
O'zbekiston Respublikasida aqlli shaharlar rivojlanishining huquqiy asoslarini tahlil qilish: hozirgi holat va takomillashtirish istiqbollari
74 **MAMADALIYEV AVVOLBEK ZIYOITDINOVICH**
Huquqni suiiste'mol qilish fenomeni to'g'risidagi qarashlar genezisi
84 **RAHMATOV AZIZBEK ISKANDAR O'G'LI**
Tadbirkorlik faoliyatini moliyalashtirish mexanizmlari va ularni takomillashtirish istiqbollari
97 **RODIONOV ANDREY ALEKSANDROVICH**
Blokcheyn texnologiyalarida ma'lumotlarni fuqarolik-huquqiy tartibga solishning konvergensiya va divergensiyasi: Yevropa Ittifoqi "Ma'lumotlar to'g'risida"gi qonuni tajribasi hamda O'zbekiston uchun istiqbollar
105 **SAIDOV MAQSUDBEK NORBOYEVICH**
Mas'uliyati cheklangan jamiyatda ulushni sotish munosabatlarining huquqiy tartibga solinishi: nazariya va amaliyot

12.00.04 – FUQAROLIK PROTSESSUAL HUQUQI. IQTISODIY PROTSESSUAL HUQUQI. HAKAMLIK JARAYONI VA MEDIATSIYA

117 **SULTONOVA SEVINCH BEKMUROD QIZI, MIRZAYEV ISLOMJON XUSHNAZAR O'G'LI**
Arizani ko'rmasdan qoldirish va xususiy shikoyat qilish huquqi: amaliyot, muammo va takliflar

12.00.06 – TABIIY RESURSLAR HUQUQI. AGRAR HUQUQ. EKOLOGIK HUQUQ

124 **RAJABOV NARIMAN SHARIFBAYEVICH**
Atrof-muhitni muhofaza qilish sohasida O'zbekiston milliy standartlashtirish tizimini rivojlantirish istiqbollari

12.00.08 – JINOYAT HUQUQI. JINOYAT-IJROIYA HUQUQI

133 **NIYOZOVA SALOMAT SAPAROVNA**
Kuchli ruhiy hayajonlanish holatida qasddan odam o'ldirgan shaxsga jazo tayinlashda jabrlanuvchi xulq-atvorining e'tiborga olinishi
143 **CHORIYEV ANVAR QO'ZIYEVICH**
Shaxsga doir ma'lumotlar to'g'risidagi qonunchilikni buzganlik uchun jinoiy javobgarlik belgilashning ijtimoiy zaruriyati

12.00.09 – JINOYAT PROTSESSI. KRIMINALISTIKA, TEZKOR-QIDIRUV HUQUQ VA SUD EKSPERTIZASI

153 **SULTONOVA LOBAR MAMARAYIM QIZI**
Xalqaro hamkorlikda ekstraditsiya tushunchasi, ahamiyati va roli

12.00.10 – XALQARO HUQUQ

168 **YUSUPOVA FARINGIZ O‘KTAM QIZI**
Tibbiy ma’lumotlar xavfsizligini ta’minlashning xalqaro-huquqiy va kontseptual asoslari
177 **RASBERGENOVA SARBINAZ ALISHEROVNA**
Qulay atrof-muhitga ega bo‘lish huquqini ta’minlash sohasida mintaqaviy shartnomaviy-huquqiy mexanizmlar

12.00.12 – KORRUPSIYA MUAMMOLARI

187 **MIRZAYEVA MOHINA SROJIDDINOVA**
O‘zbekistonda yo‘l-transport infratuzilmasi sohasida korrupsiyaviy xavf-xatarlar va ularni bartaraf etish mexanizmlari

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.02 – КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. ФИНАНСОВОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

11 **САФАРОВ ДЖАХОНГИР ИСМАИЛОВИЧ**
Некоторые суждения по совершенствованию уголовного законодательства на основе новой редакции Конституции Республики Узбекистан

19 **НАРИМАНОВ БЕКЗОД АБДУВАЛИЕВИЧ**
Правовое регулирование деятельности негосударственных некоммерческих организаций: теоретико-правовые аспекты и модели

12.00.03 – ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

26 **ГУЛЯМОВ САИД САИДАХРАРОВИЧ**
Теоретические основы киберправа: концептуальная модель правового регулирования

40 **МАМАНАЗАРОВ САРДОР ШУХРАТОВИЧ**
Особенности гражданско-правовых отношений в сфере современных биотехнологий

52 **САМАНДАРОВА ФЕРУЗА БАХРОМЖОН КИЗИ**
Оценка договоров государственных закупок как особого вида договора

62 **АБДУВАЛИЕВ БАХОДИР АБДУЛХАЕВИЧ**
Анализ правовых основ развития умных городов в Республике Узбекистан: современное состояние и перспективы совершенствования

74 **МАМАДАЛИЕВ АВВОЛБЕК ЗИЁИТДИНОВИЧ**
Генезис взглядов на феномен злоупотребления правом

84 **РАХМАТОВ АЗИЗБЕК ИСКАНДАР УГЛИ**
Механизмы финансирования предпринимательской деятельности и перспективы их совершенствования

97 **РОДИОНОВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**
Конвергенция и дивергенция гражданско-правового регулирования данных в блокчейн-технологиях: опыт закона ЕС о данных и перспективы для Узбекистана

105 **САИДОВ МАКСУДБЕК НОРБОЕВИЧ**
Правовое регулирование отношений по продаже долей в обществе с ограниченной ответственностью: теория и практика

12.00.04 – ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО. АРБИТРАЖ И МЕДИАЦИЯ

117 **СУЛТОНОВА СЕВИНЧ БЕКМУРОД КИЗИ, МИРЗАЕВ ИСЛОМЖОН ХУШНАЗАР УГЛИ**
Оставление заявления без рассмотрения и право на частную жалобу: практика, проблемы и предложения

12.00.06 – ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО. АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

124 **РАЖАБОВ НАРИМАН ШАРИФБАЕВИЧ**
Перспективы развития национальной системы стандартизации Узбекистана в сфере охраны окружающей среды

12.00.08 – УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

133 **НИЁЗОВА САЛОМАТ САПАРОВНА**
Учёт поведения потерпевшего при назначении наказания лицу за совершённое в состоянии сильного душевного волнения умышленное убийство

143 **ЧОРИЕВ АНВАР КУЗИЕВИЧ**
Социальная необходимость установления уголовной ответственности за нарушение законодательства о персональных данных

12.00.09 – УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ПРАВО. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

153 **СУЛТОНОВА ЛОБАР МАМАРАИМ КИЗИ**
Понятие, значение и роль экстрадиции в международном сотрудничестве

12.00.10 – МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

168 **ЮСУПОВА ФАРИНГИЗ УКТАМ КИЗИ**
Международно-правовые и концептуальные основы обеспечения безопасности медицинской информации

177 **РАСБЕРГЕНОВА САРБИНАЗ АЛИШЕРОВНА**
Региональные договорно-правовые механизмы в сфере обеспечения права на благоприятную окружающую среду

12.00.12 – ПРОБЛЕМЫ КОРРУПЦИИ

187 **МИРЗАЕВА МОХИНА СРОЖИДДИНОВНА**
Коррупционные риски в сфере дорожно-транспортной инфраструктуры в Узбекистане и механизмы их преодоления

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

CONTENTS

12.00.02 – CONSTITUTIONAL LAW. ADMINISTRATIVE LAW. FINANCIAL AND CUSTOMS LAW

11 **SAFAROV DJAKHONGIR ISMOILOVICH**
Some considerations on improving the criminal legislation based on the new edition of the Constitution of the Republic of Uzbekistan
19 **NARIMANOV BEKZOD ABDUVALIEVICH**
Legal regulation of non-governmental non-profit organizations: theoretical and legal aspects and models

12.00.03 – CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

26 **SAID GULYAMOV SAIDAKHRAROVICH**
Theoretical foundations of cyberlaw: a conceptual model for legal regulation
40 **MAMANAZAROV SARDOR SHUKHRATOVICH**
Peculiarities of civil-legal relations in the field of modern biotechnology
52 **SAMANDAROVA FERUZA BAKHROMJON KIZI**
Evaluation of public procurement transactions as a special type of contract
62 **ABDUVALIEV BAHODIR ABDULKHAYEVICH**
Analysis of the legal framework for the development of smart cities in the Republic of Uzbekistan: current state and prospects for improvement
74 **MAMADALIEV AVVOLBEK ZIYOITDINOVICH**
Genesis of views on the phenomenon of abuse of law
84 **RAKHMATOV AZIZBEK ISKANDAR UGLI**
Mechanisms for financing entrepreneurial activities and prospects for their improvement
97 **RODIONOV ANDREY ALEKSANDROVICH**
Convergence and divergence of civil legal regulation of data in blockchain technologies: EU data act experience and prospects for Uzbekistan
105 **SAIDOV MAKSUDBEK NORBOYEVICH**
Legal regulation of relations on sale of shares in a limited liability company: theory and practice

12.00.04 – CIVIL PROCEDURAL LAW. ECONOMIC PROCEDURAL LAW. ARBITRATION PROCESS AND MEDIATION

117 **SULTONOVA SEVINCH BEKMUROD KIZI, MIRZAEV ISLOMJON KHUSHNAZAR UGLI**
Dismissal of an application without consideration and the right to a private complaint: practice, problems and proposals

12.00.06 – THE LAW OF NATURAL RESOURCES. AGRARIAN LAW. ENVIRONMENTAL LAW

124 **RAJABOV NARIMAN SHARIFBAYEVICH**
Prospects for the development of the national standardization system of Uzbekistan in the field of environmental protection

12.00.08 – CRIMINAL LAW. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

133 **NIYOZOVA SALOMAT SAPAROVNA**
Consideration of the victim's behavior when sentencing a person who commits intentional homicide in a state of intense emotional excitement
143 **CHORIEV ANVAR KUZIEVICH**
Social necessity of establishing criminal liability for violation of legislation on personal data

12.00.09 – CRIMINAL PROCEEDINGS. FORENSICS, INVESTIGATIVE LAW AND FORENSIC EXPERTISE

153 **SULTONOVA LOBAR MAMARAYIM KIZI**
The concept, significance, and role of extradition in international cooperation

12.00.10 – INTERNATIONAL LAW

168 **YUSUPOVA FARINGIZ UKTAM KIZI**
International legal and conceptual foundations for ensuring the security of medical data
177 **RASBERGENOVA SARBINAZ ALISHEROVNA**
Regional contract-legal mechanisms in the sphere of ensuring the right to a favorable environment

12.00.12 – CORRUPTION PROBLEMS

187 **MIRZAEVA MOHINA SROJIDDINOVA**
Corruption risks in the field of road transport infrastructure in Uzbekistan and mechanisms for their elimination

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

Kelib tushgan / Получено / Received: 07.08.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 05.09.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 26.09.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.3./OFKS9389
UDC: 342.4(045)(575.1)

O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASINING YANGI TAHRIRDAGI KONSTITUTSIYASI ASOSIDA JINOYAT QONUNINI TAKOMILLASHTIRISH BO‘YICHA AYRIM MULOHAZALAR

Safarov Djaxongir Ismoilovich,
O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti Administratsiyasi
mas’ul xodimi,
yuridik fanlar doktori, dotsent
ORCID: 0009-0000-7199-4071
e-mail: jaxongir@mail.ru

Annotatsiya. *Maqolada O‘zbekiston Respublikasining yangi tahrirdagi Konstitutsiyasi asosida jinoyat qonunini takomillashtirishning bir qator yo‘nalishlari tahlil qilindi. Bunda ilmiy bilishning tahliliy, umumlashtirish, qiyosiy-huquqiy, tizimli-tuzilmaviy va formal yuridik o‘rganish usullaridan foydalanildi. O‘zbekiston Respublikasining yangi tahrirdagi Konstitutsiyasi tegishli qonunlar va boshqa normativ-huquqiy hujjatlar qabul qilinishidan yoki mavjudligidan qat’i nazar, to‘g‘ridan to‘g‘ri amal qiladi, bu esa boshqa qonun hujjatlari, shu jumladan, insonning asosiy huquq va erkinliklariga daxl qiluvchi jinoyat qonunining ham Konstitutsiyaga muvofiqligini ko‘rib chiqishni taqozo etadi. Shu munosabat bilan maqolada yangi tahrirdagi Konstitutsiyadan kelib chiqib, Jinoyat kodeksini takomillashtirish bo‘yicha soha vakillari oldida turgan asosiy vazifalar haqida fikr yuritilgan. Xususan, jinoiy jazo choralarini mutanosiblik va yetarlilik konstitutsiyaviy prinsiplariga muvofiqligi nuqtayi nazaridan qayta ko‘rib chiqish yo‘nalishida ozodlikni cheklash jazosini qo‘llash mumkin bo‘lgan shaxslar doirasini aniq belgilash, Jinoyat kodeksida nazarda tutilgan jazo choralarining eng kam va eng ko‘p miqdorlari oralig‘idagi jazo choralarini qo‘llash asoslarini tushuntiruvchi qo‘llanma tayyorlash, mutanosiblik va yetarlilik kabi konstitutsiyaviy prinsiplardan kelib chiqib, ayrim jinoyatlarni dekriminalizatsiya qilish hamda ayrim jinoiy jazo miqdorlarini qayta ko‘rib chiqish bo‘yicha takliflar ilgari surilgan. Shuningdek, Jinoyat kodeksining tegishli institutlarini davlatning jabrlanganlarga yetkazilgan zararning o‘rni qoplanishi uchun shart-sharoitlar yaratish to‘g‘risidagi konstitutsiyaviy majburiyatini amalga oshirish nuqtayi nazaridan qayta ko‘rib chiqish hamda Jinoyat kodeksida taqiqlangan ayrim jinoyat tarkiblarini yangi tahrirdagi Konstitutsiyaga muvofiqlashtirish bo‘yicha ham aniq taklif va tavsiyalar ishlab chiqilgan.*

Kalit so‘zlar: *konstitutsiya, konstitutsiyaviy prinsip, mutanosiblik prinsipi, yetarlilik prinsipi, jazo tizimi, ozodlikni cheklash, dekriminalizatsiya, jabrlanuvchi, zarar*

НЕКОТОРЫЕ СУЖДЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ОСНОВЕ НОВОЙ РЕДАКЦИИ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Сафаров Джахонгир Исмаилович,
доктор юридических наук, доцент,
ответственный сотрудник Администрации
Президента Республики Узбекистан

Аннотация. *В статье проанализированы основные направления совершенствования уголовного законодательства на основе новой редакции Конституции Республики Узбекистан. В ходе исследования использованы аналитический, обобщающий, сравнительно-правовой, системно-структурный и формально-юридический методы научного познания. Новая редакция Конституции Республики Узбекистан действует непосредственно, независимо от принятия или наличия соответствующих законов и иных нормативно-правовых актов, что требует пересмотра соответствия других законодательных норм, включая уголовное законодательство, затрагивающее основные права и свободы человека, положениям Конституции. В этой связи в статье рассматриваются ключевые задачи, стоящие перед специалистами в области уголовного права по совершенствованию Уголовного кодекса. В частности, в контексте конституционных принципов пропорциональности и достаточности наказаний предлагается: чётко определить круг лиц, к которым может применяться наказание в виде ограничения свободы; подготовить руководство по применению наказаний, разъясняющее основания назначения наказаний в пределах минимальных и максимальных размеров, предусмотренных Уголовным кодексом; на основе принципов пропорциональности и достаточности внести предложения по декриминализации отдельных деяний, а также по пересмотру размеров отдельных уголовных наказаний. Кроме того, в статье выдвинуты предложения по пересмотру соответствующих институтов Уголовного кодекса с учётом конституционной обязанности государства создавать условия для возмещения ущерба, причинённого потерпевшим. Также предложены конкретные рекомендации по приведению отдельных составов преступлений, предусмотренных уголовным законодательством, в соответствие с новой редакцией Конституции.*

Ключевые слова: *конституция, конституционный принцип, принцип пропорциональности, принцип достаточности, система наказаний, ограничение свободы, декриминализация, потерпевший, ущерб*

SOME CONSIDERATIONS ON IMPROVING THE CRIMINAL LEGISLATION BASED ON THE NEW EDITION OF THE CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Safarov Djakhongir Ismoilovich,
Responsible Officer of the Administration of the President
of the Republic of Uzbekistan
Doctor of Science in Law, Associate Professor

Abstract. *The article analyzes a number of directions for improving criminal law based on the new version of the Constitution of the Republic of Uzbekistan. In this case, analytical, generalizing, comparative-legal, system-structural, and formal-legal methods of scientific knowledge were used. The Constitution of the Republic of Uzbekistan in the new edition is directly applicable regardless of the adoption or existence of relevant laws and other regulatory legal acts, which requires consideration of the constitutionality of other legislative acts, including criminal law affecting fundamental human rights and freedoms. In this regard, the article discusses the main tasks facing industry representatives*

in improving the Criminal Code based on the new version of the Constitution. In particular, in the direction of reviewing the measures of criminal punishment from the point of view of compliance with the constitutional principles of proportionality and sufficiency, proposals have been put forward to clearly define the range of persons to whom the punishment of restriction of liberty can be applied, to prepare a manual explaining the grounds for applying punitive measures between the minimum and maximum amounts of punitive measures provided for in the Criminal Code, to decriminalize certain crimes, and to review the amounts of certain criminal punishments based on such constitutional principles as proportionality and sufficiency. Also, specific proposals and recommendations have been developed for reviewing the relevant institutions of the Criminal Code in terms of implementing the constitutional obligation of the state to create conditions for compensation for damage caused to victims, as well as for bringing certain elements of crimes prohibited by the Criminal Code into compliance with the new version of the Constitution.

Keywords: *constitution, constitutional principle, principle of proportionality, principle of adequacy, system punishment system, restriction of liberty, decriminalization, victim, damage*

Kirish

2023-yil 30-aprelda xalqimiz tafakkuri va siyosiy-huquqiy ongining yuksak namunasi sifatida o‘tkazilgan referendumda O‘zbekiston Respublikasining umumxalq ovoz berish yo‘li bilan qabul qilingan yangi tahrirdagi Konstitutsiyasi [1] huquqshunos olimlar oldiga barcha huquq sohalarini yangilangan asosiy qonun asosida qayta ko‘rib chiqish va takomillashtirish bo‘yicha jiddiy vazifalarni qo‘ydi [2].

Referendum yakunlari bo‘yicha O‘zbekiston Respublikasining 2023-yil 1-mayda e’lon qilingan “O‘zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi to‘g‘risida”gi O‘RQ–837-son Konstitutsiyaviy qonunida [3] u kuchga kirguniga qadar O‘zbekiston hududida amalda bo‘lgan qonunlar va boshqa normativ-huquqiy hujjatlar yangi tahrirdagi O‘zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasiga zid bo‘lmagan qismiga ko‘ra qo‘llanishi, shuningdek, yangi tahriridagi Konstitutsiya normalari tegishli qonunlar va boshqa normativ-huquqiy hujjatlar qabul qilinishidan yoki mavjudligidan qat’i nazar, to‘g‘ridan to‘g‘ri amal qilishi belgilanganligi o‘z navbatida bu boradagi mas’uliyatni yanada kuchaytirdi.

Material va metodlar

Tadqiqot jarayonida mamlakatimizda amalga oshirilayotgan konstitutsiyaviy islohotlar natijasida qabul qilingan yangi tahrirdagi Konstitutsiyadan kelib chiqib, soha va tarmoq qonun hujjatlarini qayta ko‘rib chiqish va muvofiqlashtirish zarurati ochib berishga harakat qilindi.

Bu mas’uliyat, ayniqsa, jinoyat qonuni uchun yanada dolzarblashadi. Zero, adabiyotlarda ta’kidlanganidek, “jinoyat qonunini adolat nuqtayi nazaridan davlat irodasining aksi, jamiyatning uning alohida a’zosiga nisbatan munosabati sifatida ko‘rish mumkin. Jinoyat qonunida xalq irodasi bilan qabul qilingan qonun va qoidalarni buzishning ijtimoiy xavfli darajasi uchun sanksiyalar qamrab olingan bo‘lib, ushbu harakatlarga nisbatan ma’muriy va fuqarolik javobgarligini qo‘llash yetarli bo‘lmaydi. Jinoiy javobgarlikning yo‘qligi yoki yetarli emasligi boshqa qonunlarni insofsiz ijrochilari oldida kuchsiz qilib qo‘ygan bo‘lardi, insonning tabiiy huquqlarini xavf ostida qoldirardi” [1].

Shu bois, ushbu maqolada ilmiy bilishning tahliliy, umumlashtirish, qiyosiy-huquqiy, tizimli-tuzilmaviy va formal yuridik o‘rganish usullaridan foydalanilgan holda O‘zbekiston Respublikasining yangi tahrirdagi Konstitutsiyasi asosida jinoyat qonunini takomillashtirish bo‘yicha ayrim mulohazalar bildirildi.

Tadqiqot natijalari

Huquqshunos olimlar Konstitutsiya jinoyat huquqining muhim manbayi hamda jinoyat qonunini takomillashtirish uchun asos ekanini e’tirof etadilar [4]. Shunga ko‘ra, ta’kidlash lozimki, yangi tahrirdagi Konsti-

tutsiya barcha huquq sohalari singari jinoyat huquqi oldiga ham bir qator vazifalarni qo‘ymoqda. Ushbu maqolada mazkur vazifalarning ayrimlari haqida to‘xtalib o‘tamiz.

Birinchidan, jinoiy jazo choralarini mutanosiblik va yetarlilik konstitutsiyaviy prinsiplariga muvofiqligi nuqtayi nazaridan qayta ko‘rib chiqish zarur. Xususan, yangi tahrirdagi Konstitutsiyaning 20-moddasiga muvofiq, davlat organlari tomonidan insonga nisbatan qo‘llanadigan huquqiy ta’sir choralari mutanosiblik prinsipiga asoslanishi va qonunlarda nazarda tutilgan maqsadlarga erishish uchun yetarli bo‘lishi kerak.

Ma’lumki, huquqiy ta’sir choralariga jinoiy, ma’muriy, intizomiy jazo choralari, moliyaviy sanksiya, neustoyka (penya, jarima), litsenziyani to‘xtatish yoki bekor qilish, da’voni ta’minlash choralari, sud jarimalari, ma’muriy qamoq, ma’muriy tartibda uy-joyidan ko‘chirish kabilar kiradi [5]. Qonunchilikning batafsil tahlili shuni ko‘rsatmoqdaki, O‘zbekiston Respublikasining 1990–2023-yillarda qabul qilingan 11 ta kodeksi va 253 ta yaxlit qonunida jami 162 ta huquqiy ta’sir choralari nazarda tutilgan. Xususan, Jinoyat kodeksida [6] nazarda tutilgan jinoiy jazolar va tibbiy yo‘sindagi majburlov choralari ham huquqiy ta’sir chorasi hisoblanib, yangilangan Konstitutsiyadan kelib chiqib, ularning mutanosiblik va yetarlilik prinsiplariga muvofiqligini ko‘rib chiqish zarur.

Jinoyatchiga nisbatan qo‘llanishi nazarda tutilgan jinoyat-huquqiy ta’sir choralarining mutanosiblik va yetarlilik talablariga muvofiq bo‘lishining konstitutsiyaviy sharti jinoiy javobgarlik choralarini differensiatsiya qilishni, shu jumladan, jinoyat qonunida turlicha miqdordagi va huquqni cheklovchi turdagi har xil jazo choralari, o‘zaro farqlanuvchi va muqobil sanksiyalar mavjudligini, sudlarga jinoiy jazoni tayinlashni individuallashtirish imkonini beruvchi muayyan mezonlar mavjudligini nazarda tutadi [7; 8].

Albatta, Jinoyat kodeksining insonparvarlik (jinoyat sodir etgan shaxsga nisbatan u axloqan tuzalishi va yangi jinoyat sodir etishining oldini olish uchun zarur hamda yetarli bo‘ladigan jazo tayinlanishi yoki boshqa huquqiy ta’sir chorasi qo‘llanishi) va odillik (shaxsga nisbatan qo‘llanadigan jazo yoki boshqa huquqiy ta’sir chorasi odilona bo‘lishi, ya’ni jinoyatning og‘ir-yengilligiga, aybning va shaxsning ijtimoiy xavflilik darajasiga muvofiq bo‘lishi kerakligi) prinsiplari ma’lum darajada mutanosiblik va yetarlilik prinsiplarini qamrab oladi.

Shunday bo‘lsa-da, yangi tahrirdagi Konstitutsiya talablari asosida jinoiy jazolar tizimi va miqdorini qayta ko‘rib chiqish maqsadga muvofiq, deb o‘ylaymiz.

*Ikkinchidan, Jinoyat kodeksining tegishli institutlarini davlatning jabrlanganlarga yetkazilgan zararning o‘rni qoplanishi uchun shart-sharoitlar yaratish to‘g‘risidagi konstitutsiyaviy majburiyatini amalga oshirish nuqtayi nazaridan qayta ko‘rib chiqish zarur***.**

Ma’lumki, yangi tahrirdagi Konstitutsiyaning 29-moddasida huquqbuzarliklardan jabrlanganlarning huquqlari qonun bilan muhofaza qilinishi, davlat jabrlanganlarga himoyalanishni va odil sudlovdan foydalanishni ta’minlashi, ularga yetkazilgan zararning o‘rni qoplanishi uchun shart-sharoitlar yaratishi belgilandi.

Boshqacha aytganda, davlat asosiy qonun bilan o‘z zimmasiga jabrlanganlarga yetkazilgan zararning o‘rni qoplanishi uchun shart-sharoitlar yaratish majburiyatini oldi. Albatta, jabrlanganlarga yetkazilgan zararning o‘rnini qoplash uchun shart-sharoitlar yaratish kompleks ish bo‘lib, bu nafaqat jinoyat-huquqiy, balki jinoyat-protsessual va ma’muriy vositalarni takomillashtirishni, uning institutsional asoslarini yaratishni ham talab qiladi.

Uchinchidan, Jinoyat kodeksida taqiqlangan ayrim jinoyat tarkiblarini yangi tahrirdagi Konstitutsiyaga muvofiqlashtirish lozim. Shu nuqtayi nazardan ushbu maqola doirasida Jinoyat kodeksidagi ayrim moddalarni yangi tahrirdagi Konstitutsiyaga shaklan va

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

mazmunan moslashtirish bo‘yicha ba’zi mulohazalarni ham bildirib o‘tish o‘rinli bo‘ladi.

Tadqiqot natijalari tahlili

Jinoiy jazo choralarini mutanosiblik va yetarlilik konstitutsiyaviy prinsiplariga muvofiqligi nuqtayi nazaridan qayta ko‘rib chiqish bo‘yicha birinchi yo‘nalish doirasida, ta’kidlash lozimki, Jinoyat kodeksining 43-moddasiga muvofiq, jinoiy jazo tizimi 9 ta asosiy va 1 ta qo‘shimcha jazolardan iborat [9]. Jazo choralarini mutanosiblik va yetarlilik kabi konstitutsiyaviy prinsiplarga muvofiqligi nuqtayi nazardan baholaganda bir qator tizimli va joriy muammolar ko‘zga tashlanadi.

Birinchi – ozodlikni cheklash va ozodlikdan mahrum qilish tarzidagi jazolar Jinoyat qonunida bir xil og‘irlikdagi jazo choralari sifatida nazarda tutilgan bo‘lsa-da, amalda ular o‘rtasidagi tafovut juda ham katta ekanligi yaqqol namoyon bo‘lmoqda. Boshqacha aytganda, barcha sudlanuvchilar ozodlikdan mahrum etish chorasini emas, ozodlikni cheklash tarzidagi jazo chorasi tayinlanishini so‘raydilar.

Ushbu jazo choralari tabiati o‘rtasidagi farq sudlanuvchilarning erkinligini cheklash darajasi, ularni saqlash muhiti va bu bilan bog‘liq bo‘lgan boshqa jihatlari tufayli keskin farq qiladi. Eng asosiysi, ozodligi cheklangan shaxs ozodligidan to‘liq mahrum bo‘lmaydi va u jamiyatdan ajratilmay saqlanadi. Ozodlikni cheklash jazo chorasining ozodlikdan mahrum etishga muqobil chora sifatidagi ijtimoiy ahamiyatini kamsitmagan holda u tom ma’noda ozodlikdan mahrum etishga teng emasligini ishonch bilan ta’kidlash mumkin.

Shundan kelib chiqqan holda *ozodlikdan cheklash tarzidagi jazo chorasini qo‘llash mumkin bo‘lgan shaxslar doirasini aniq belgilab qo‘yishni* taklif qilamiz. Xususan, ozodlikdan cheklash jazosini homilador yoki bolalari uch yoshga to‘lmagan ayollarga, voyaga yetmaganlarga va oltmish yoshdan oshgan erkaklarga, nogironligi bo‘lgan shaxslarga, ijtimoiy xavfi katta bo‘lmagan va ehtiyotsizlik oqibatida (odam o‘limiga sabab bo‘lgan holatlar bundan mustasno) jinoyat sodir etgan shaxslarga nisbatan tayinlanishi mumkinligini belgilash maqsadga muvofiq.

Ozodlikni cheklash tarzidagi jazo qo‘llanishi mumkin bo‘lgan doiraning bu tarzda aniqlashtirishi jazoning mutanosibligi va yetarliligini, ijtimoiy adolat va qonuniylikni ta’minlaydi, shuningdek, sud tizimida korrupsiya ehtimolini va jabrlanuvchining noroziligini kamaytiradi.

Ikkinchi – sud amaliyotidagi eng katta muammo Jinoyat kodeksi maxsus qismidagi u yoki bu moddaning sanksiyasini qo‘llashda namoyon bo‘ladi. Masalan, JK 97-moddasi (qasddan odam o‘ldirish) birinchi qismi bo‘yicha 10 yildan 15 yilgacha, ikkinchi qismi bo‘yicha esa 15 yildan 25 yilgacha ozodlikdan mahrum etish jazosi tayinlanishi mumkin. Yoki bolani chet davlat hududida nazoratsiz qoldirganlik (122^1-modda) uchun bazaviy hisoblash miqdorining ellik baravaridan yuz baravarigacha miqdorda jarima qo‘llanishi mumkin. Ya’ni ushbu vaziyatda jazo choralarining eng kam va eng ko‘p miqdori o‘rtasidagi oraliq juda katta, masalan, JK 97-moddasi bo‘yicha 5 yildan 10 yilgachani, JK 122^1-moddasi bo‘yicha esa BHMning 50 baravarini tashkil etmoqda [10].

Bu kabi holat JKning barcha moddalarida uchraydi. Albatta, bunday yondashuv boshqa davlatlar tajribasida ham bor va umuman bu ijtimoiy zarurat hisoblanadi [11]. Chunki barcha jinoyat ishlarini bitta qolipda ko‘rib chiqib bo‘lmaydi. Jazoning aniq miqdorini sud yengillashtiruvchi va og‘irlashtiruvchi holatlarni hisobga olgan holda o‘zining ichki ishonchidan kelib chiqib belgilaydi.

Shu bilan birga, xorijiy davlatlarda, masalan, AQSh, Buyuk Britaniya va boshqa davlatlarda sudlar uchun uslubiy qo‘llanmalar ishlab chiqilgan bo‘lib, unda JK har bir moddasiga ko‘ra JKda belgilangan jazo choralarini to‘g‘ri qo‘llash bo‘yicha yo‘riqnoma keltirilgan [12]. Ya’ni JK 97-moddasi ikkinchi qismi bo‘yicha qachon 15 yil, qachon 16 yil,

qachon 25 yilga ozodlikdan mahrum etish qo‘llanishi lozimligi ko‘rsatib berilgan. Shuningdek, bu qo‘llanma jinoyat ishlarini ko‘rib chiqish davomida to‘plangan tajribadan kelib chiqib, har yili takomillashtirib boriladi. Fikrimizcha, bizda ham shunday qo‘llanma tayyorlanib, JK maxsus qismidagi har bir moddada nazarda tutilgan jazo choralarining eng kam va eng ko‘p miqdorlari oralig‘idagi jazo choralarini qo‘llash asoslari tushuntirib berilsa, sud amaliyoti bir xillashuviga va jazoning adolatli tayinlanishiga xizmat qilgan bo‘lardi.

Uchinchi – umrbod ozodlikdan mahrum qilish jazosi davlatning ayrim hollarda mahkumni axloqan tuzatish bo‘yicha jazo maqsadiga erishishning imkoni yo‘qligini rasman tan olishi deb hisoblaymiz. Ushbu jazo chorasining qo‘llanishi u tayinlangan vaqtda qanchalik adolatli bo‘lib tuyulmasin, baribir shaxsni kelajakka hech bir umidsiz butun umrga ozodligidan mahrum qilish noto‘g‘ri bo‘lsa kerak. Shunga ko‘ra, *o‘rta istiqbolda* umrbod ozodlikdan mahrum qilish jazosini shaxs muayyan muddat (masalan, 25 yil) jazoni o‘tab bo‘lganidan so‘ng ozodlikni cheklash jazosiga almashtirish imkoniyatini berish, *uzoq istiqbolda* esa ushbu jazo chorasini bekor qilish masalasini o‘ylab ko‘rish maqsadga muvofiq, deb hisoblaymiz.

To‘rtinchi – mutanosiblik va yetarlilik kabi konstitutsiyaviy prinsiplardan kelib chiqib, *jinoiy jazo miqdorlarini qayta ko‘rib chiqish.* Xususan, JKning oilaga, yoshlarga va axloqqa, shaxsning ozodligi, sha’ni va qadr-qimmatiga, fuqarolarning konstitutsiyaviy huquq va erkinliklariga, iqtisodiyot asoslariga qarshi hamda xo‘jalik faoliyati sohasidagi ayrim jinoyatlar (Jinoyat kodeksi 104-, 105-, 122-, 127-, 131-, 165-, 166-, 167-, 168-, 169-, 182-, 184-, 188-, 189-, 205-, 207-, 209-, 210-, 211-, 219-, 223-, 227-, 228-, 229^1-, 257-, 266-, 270-, 273-, 276-, 277-moddalarining tegishli qismlarida nazarda tutilgan jinoyatlar) bo‘yicha jazolar miqdorini qayta ko‘rib chiqish maqsadga muvofiq.

Beshinchi – mutanosiblik va yetarlilik kabi konstitutsiyaviy prinsiplardan kelib chiqib, *ayrim jinoyatlarni dekriminalizatsiya qilish.* Xususan, yaqin va o‘rta istiqbolda tuhmat (JK 139-moddasi), haqorat qilish (JK 140-moddasi), rangli metallar, ularning parcha va rezgi chiqitlarini tayyorlash, olish, ulardan foydalanish hamda ularni o‘tkazish qoidalarini buzish (JK 185^1-moddasining birinchi qismi), ma’muriy nazorat qoidalarini buzish (JK 226-moddasining birinchi qismi) kabi jinoyatlarni dekriminalizatsiya qilish maqsadga muvofiq, deb hisoblaymiz.

Davlatning jabrlanganlarga yetkazilgan zararning o‘rni qoplanishi uchun shart-sharoitlar yaratish to‘g‘risidagi konstitutsiyaviy majburiyatni amalga oshirish bo‘yicha *ikkinchi yo‘nalish* doirasida ushbu konstitutsiyaviy majburiyat jinoyat qonuni normalarini takomillashtirishni ham taqozo etayotganini ta’kidlash lozim. Xususan, Jinoyat kodeksi umumiy qismida shartli hukm qilish (72-modda), jazoni o‘tashdan muddatidan ilgari shartli ozod qilish (73-modda), jazoni yengilrog‘i bilan almashtirish (74-modda) kabi yengillashtiruvchi va rag‘batlantiruvchi institutlar mavjud. Fikrimizcha, ushbu institutlarni qo‘llashning majburiy sharti sifatida *keltirilgan zararning bartaraf qilinganligini* kiritish zarur. Bu orqali ayblanuvchilarning yetkazilgan zararning o‘rnini qoplashga bo‘lgan qiziqishi ortadi va jabrlanuvchiga yetkazilgan zararning o‘rnini qoplash uchun shart-sharoit yaratiladi.

Jinoyat kodeksida taqiqlangan ayrim jinoyat tarkiblarini yangi tahrirdagi Konstitutsiyaga muvofiqlashtirishga qaratilgan *uchinchi yo‘nalish* doirasida Jinoyat kodeksidagi ayrim moddalarni yangi tahrirdagi Konstitutsiyaga shaklan va mazmunan moslashtirish bo‘yicha quyidagilarga e’tibor qaratish taklif etiladi:

birinchi – Jinoyat kodeksining 148-moddasi (Mehnat qilish huquqini buzish) ikkinchi qismida ayolni homiladorligi yoki shaxsni yosh bolani parvarish qilayotganini bila turib,

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

uni ishga olishdan g‘ayriqonuniy ravishda bosh tortish yoki ishdan bo‘shatish uchun javobgarlik nazarda tutilgan. Vaholanki, yangi tahrirdagi Konstitutsiyaning 42-moddasida nafaqat homiladorligi yoki bolasi borligi sababli ayollarni ishga qabul qilishni rad etish yoki ishdan bo‘shatish, shuningdek, *ularning ish haqini kamaytirish* ham taqiqlangan. Shunday kelib chiqib, ayollarning va yosh bolasi borlarning konstitutsiyaviy huquqlarini ishonchli tarzda himoya qilish maqsadida Jinoyat kodeksi 148-moddasini qayta ko‘rib chiqish taklif etiladi;

ikkinchi – Jinoyat kodeksi 148[1]-moddasida (Voyaga yetmagan shaxslarning mehnatidan foydalanishga yo‘l qo‘yilmasligi to‘g‘risidagi talablarni buzish) voyaga yetmagan shaxs mehnatidan uning sog‘lig‘iga, xavfsizligiga yoki axloq-odobiga ziyon yetkazishi mumkin bo‘lgan ishlarda foydalanish uchun jinoiy javobgarlik belgilangan (ma’muriy preyuditsiyaga ega). Holbuki, yangilangan Konstitutsiyaning 44-moddasida bolalar mehnatining bolaning sog‘lig‘iga, xavfsizligiga, axloqiga, *aqliy va jismoniy rivojlanishiga* xavf soluvchi, shu jumladan, uning *ta’lim olishiga to‘sqinlik qiluvchi* har qanday shakllari taqiqlangan. Shunga ko‘ra, JK 148[1]-moddasini ham yangi tahrirdagi Konstitutsiyaga moslashtirish lozim;

uchinchi – O‘zbekiston Respublikasining 2015-yil 20-avgustdagi O‘RQ–391-sonli qonuni bilan Jinoyat kodeksi “Tadbirkorlik faoliyatiga to‘sqinlik qilish, qonunga xilof ravishda aralashish bilan bog‘liq jinoyatlar hamda xo‘jalik yurituvchi subyektlarning huquqlari va qonuniy manfaatlariga tajovuz qiladigan boshqa jinoyatlar”ga oid XIII[1] bob bilan to‘ldirilgan.

Shu bilan birga, yangilangan Konstitutsiyaning 67-moddasida O‘zbekiston Respublikasi hududida tovarlar, xizmatlar, mehnat resurslari va moliyaviy mablag‘larning erkin harakatlanishi kafolatlanishi belgilangan. Lekin amaliyotda ayrim hollarda mansabdor shaxslar tomonidan ushbu konstitutsiyaviy norma buzilishi holatlariga yo‘l qo‘yilayotgani ham kuzatilmoqda.

Tadbirkorlik subyektlariga yangilangan Konstitutsiya bilan mustahkamlangan kafolatlardan foydalanishlari uchun sharoit yaratish hamda mansabdor shaxslarning bu boradagi mas’uliyatini oshirish maqsadida JK XIII[1] bobiga ushbu konstitutsiyaviy kafolatni buzganlik uchun javobgarlikni belgilash maqsadga muvofiq;

to‘rtinchi – kezi kelganda, ekolog-huquqshunos olimlar [13–15] tomonidan ko‘p yillardan beri ta’kidlab kelinayotgan *ekologiya sohasidagi jinoyatlar tarkiblarini moddiy tarkibli emas, formal tarkibli etib belgilash* to‘g‘risidagi taklifning realizatsiya qilinishi ham yangilangan Konstitutsiyaning 49-moddasida belgilangan barqaror rivojlanish prinsipiga muvofiq, atrof-muhitni yaxshilash, tiklash va muhofaza qilish, ekologik muvozanatni saqlash bo‘yicha davlat majburiyatini amalga oshirish yo‘lida muhim qadam bo‘lardi.

Xulosalar

Yuqoridagilar asosida muxtasar qilib aytganda, yangilangan Konstitutsiya to‘g‘ridan to‘g‘ri amal qiluvchi oliy yuridik hujjat sifatida juda ko‘plab yangi normalarni belgilab berdi hamda bu o‘z navbatida barcha huquq sohalari va tarmoqlari bo‘yicha qonun va qonunosti hujjatlarni yangilangan Konstitutsiya asosida qayta ko‘rib chiqishni taqozo etmoqda. Shu nuqtayi nazardan mazkur maqolada yoritilayotgan jinoyat qonunini takomillashtirish bo‘yicha ayrim jihatlar sohadagi ishlarning bir qismidir. Ushbu yo‘nalish soha mutaxassislari tomonidan yanada kengroq o‘rganilishi va yoritilishi lozim.

REFERENCES

1. O‘zbekiston Respublikasining Konstitutsiyasi [Constitution of the Republic of Uzbekistan]. Tashkent, “O‘zbekiston” Publ., 2023.

2. Safarov Dj.I. Zamonaviy konstitutsiyaviy-huquqiy islohotlar sharoitida parlament yuqori palatasi faoliyatini isloh etish: asosiy tendensiyalar va rivojlanish istiqbollari [Reform of the activities of the upper house of parliament in the context of modern constitutional and legal reforms: main trends and development prospects]. *Jurisprudence: Legal Scientific and Practical Journal*, 2023, vol. 3, Special issue, pp. 27–37.

3. O‘zbekiston Respublikasining 2023-yil 1-maydagi “O‘zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi to‘g‘risida”gi O‘RQ-837-son Konstitutsiyaviy Qonuni [Constitutional Law of the Republic of Uzbekistan No. LRU-837 “On the Constitution of the Republic of Uzbekistan” dated May 1, 2023]. Available at: https://lex.uz/uz/docs/6449033

4. Elinskiy A. Konstitutsionnoe izmerenie ugolovnogo prava [The constitutional dimension of criminal law]. *Comparative Constitutional Review*, 2012, no. 3 (88), pp. 159–160.

5. Ochilov X.R. Jinoyat huquqi [Criminal law]. Tashkent, “Yuridik adabiyotlar publish” Publ. 2022, p. 176.

6. O‘zbekiston Respublikasining Jinoyat kodeksi [Criminal Code of the Republic of Uzbekistan]. Available at: https://lex.uz/mact/111453

7. Sarpekov R.K., Raxmetov S.M., Axpanov A.N. Puti sovershenstvovaniya ugolovnoy politiki Respubliki Kazaxstan [Ways to improve the criminal policy of the Republic of Kazakhstan]. Almaty, 2020, p. 238.

8. Guzeeva O.S. Konstitutsionnye nachala sorazmernosti i proporsionalnosti ugolovnogo nakazaniya [Constitutional principles of proportionality and proportionality of criminal punishment]. *Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 3 (91), pp. 74–75.

9. Jinoyat kodeksi. To‘rtinchi bo‘lim. Jazo va uni tayinlash [Criminal Code, Part Four. Punishment and its imposition]. Available at: https://lex.uz/mact/111453

10. Jinoyat kodeksi. Maxsus qism. Birinchi bo‘lim. Shaxsga qarshi jinoyatlar [Criminal Code. Special Part, Section One, Crimes against the Person]. Available at: https://www.lex.uz/acts/111453

11. United Nations Office on Drugs and Crime. Handbook on Sentencing Policies and Practices in the Criminal Justice System. New York, 2021.

12. United States Sentencing Commission. Federal Sentencing Guidelines Manual. Washington, D.C., 2023.

13. Safarov Dj.I. Ekologik qonunchilikni buzganlik uchun jinoiy javobgarlik: muammo va mulohaza [Criminal liability for violation of environmental legislation: problems and considerations]. Tashkent, TSIL, 2010, pp. 313–317.

14. Safarov Dj.I. Konstitutsionno-pravovye osnovy ekologicheskoy politiki Novogo Uzbekistana: sravnitel'no-pravovoy analiz [Constitutional and legal bases of environmental policy of the New Uzbekistan: comparative legal analysis]. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, Moscow, 2024, no. 4.

15. Kondrashova O.A. Ekoloygicheskoe prestuplenie i pravonarushenie [Environmental crime and offense]. *Young Don Researcher*, 2020, no. 2 (23), p. 159.

16. O‘zbekiston Respublikasining “O‘zbekiston Respublikasining ayrim qonun hujjatlariga xususiy mulkni, tadbirkorlik subyektlarini ishonchli himoya qilishni yanada kuchaytirishga, ularni jadal rivojlantirish yo‘lidagi to‘siqlarni bartaraf etishga qaratilgan o‘zgartish va qo‘shimchalar kiritish to‘g‘risida”gi 2015-yil 20-avgustdagi O‘RQ–391-sonli Qonuni [Law of the Republic of Uzbekistan No. LRU-391 dated August 20, 2015 “On Amendments and Addenda to Certain Legislative Acts of the Republic of Uzbekistan Aimed at Further Strengthening the Reliable Protection of Private Property and Business Entities, and Eliminating Obstacles to Their Rapid Development”]. Available at: https://lex.uz/docs/-2724496?ONDATE=30.04.2023

Kelib tushgan / Получено / Received: 07.08.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 12.09.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 26.09.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.3./DRJV6604
UDC: 342.97(045)(575.1)

NODAVLAT NOTIJORAT TASHKILOTLARI FAOLIYATINI HUQUQIY TARTIBGA SOLISH: NAZARIY-HUQUQIY JIHATLAR VA MODELLAR

Narimanov Bekzod Abduvaliyevich,
O‘zbekiston Respublikasi Oliy Majlisining Inson huquqlari bo‘yicha vakili (ombudsman) o‘rinbosari,
yuridik fanlar doktori, dotsent
ORCID: 0000-0002-4703-3358
e-mail: bekzodnarimanov84@gmail.com

Annotatsiya. *Maqolada nodavlat notijorat tashkilotlari faoliyatini huquqiy tartibga solishning nazariy asoslari, amaliy mexanizmlari va mavjud modellari chuqur tahlil qilinadi. Nodavlat notijorat tashkilotlarining demokratik jamiyatni shakllantirishdagi o‘rni, ularning ijtimoiy barqarorlikni ta’minlash, aholining turli qatlamlari manfaatlarini ifodalash va himoya qilishdagi ahamiyati hamda inson huquq va erkinliklarini ro‘yobga chiqarishdagi roli yoritiladi. Tadqiqot doirasida nodavlat notijorat tashkilotlarining samarali faoliyat yuritishi uchun zarur bo‘lgan huquqiy, tashkiliy, iqtisodiy va institutsional shart-sharoitlar, davlat bilan o‘zaro hamkorlik mexanizmlari hamda jamoatchilik ishtirokini ta’minlovchi vositalar o‘rganiladi. Xalqaro tajribaga alohida e’tibor qaratilib, AQSh, Germaniya, Janubiy Koreya, Rossiya, Buyuk Britaniya, Fransiya kabi mamlakatlarda qo‘llanilayotgan huquqiy tartibga solish modellari – liberal, aralash va paternalistik yondashuvlarning ustunlik va zaif tomonlari solishtirma-huquqiy tahlil asosida ochib beriladi. Shuningdek, BMT va boshqa xalqaro tashkilotlar tavsiyalari asosida fuqarolik jamiyatini rivojlantirish bo‘yicha ilg‘or tajribalar o‘rganilib, ularni O‘zbekiston sharoitida qo‘llash imkoniyatlari tahlil qilinadi. Maqolada O‘zbekiston Respublikasida nodavlat notijorat tashkilotlari faoliyatini tartibga soluvchi qonunchilikning evolyutsiyasi, amaldagi huquqiy baza, davlat siyosati va institutsional qo‘llab-quvvatlash tizimining hozirgi holati ham keng yoritiladi.*

Kalit so‘zlar: *nodavlat notijorat tashkilotlari, huquqiy tartibga solish, davlat nazorati, o‘zini o‘zi boshqarish, jamoatchilikka hisobdorlik, fuqarolik jamiyati, hamkorlik mexanizmlari, ishtirok modeli, liberal model*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И МОДЕЛИ

Нариманов Бекзод Абдувалиевич,
доктор юридических наук, доцент,
заместитель Уполномоченного
по правам человека (омбудсмана)
Олий Мажлиса Республики Узбекистан

Аннотация. *В статье всесторонне анализируются теоретические основы, практические механизмы и существующие модели правового регулирования деятельности негосударственных*

некоммерческих организаций. Освещается роль негосударственных некоммерческих организаций в формировании демократического общества, обеспечении социальной стабильности, выражении и защите интересов различных слоёв населения, а также в реализации прав и свобод человека. В рамках исследования изучены правовые, организационные, экономические и институциональные условия, необходимые для эффективной деятельности негосударственных некоммерческих организаций, механизмы их взаимодействия с государством, а также инструменты, обеспечивающие участие общественности. Особое внимание уделено международному опыту: на основе сравнительно-правового анализа раскрываются преимущества и слабые стороны либерального, смешанного и патерналистского подходов, применяемых в таких странах, как США, Германия, Южная Корея, Россия, Великобритания, Франция. Кроме того, исследованы передовые практики развития гражданского общества, основанные на рекомендациях ООН и других международных организаций, а также возможности их адаптации к условиям Узбекистана. В статье также подробно рассмотрены эволюция законодательства Республики Узбекистан, регулирующего деятельность негосударственных некоммерческих организаций, действующая правовая база, государственная политика и система институциональной поддержки.

Ключевые слова: *негосударственные некоммерческие организации, правовое регулирование, государственный контроль, самоуправление, общественная подотчётность, гражданское общество, механизмы сотрудничества, модель участия, либеральная модель*

LEGAL REGULATION OF NON-GOVERNMENTAL NON-PROFIT ORGANIZATIONS: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS AND MODELS

Narimanov Bekzod Abduvalievich,
Deputy Commissioner of the Oliy Majlis
of the Republic of Uzbekistan for Human Rights,
Doctor of Science in Law, Associate Professor

Abstract. *The article provides an in-depth analysis of the theoretical foundations, practical mechanisms, and existing models of legal regulation of the activities of non-governmental non-profit organizations. The role of non-governmental non-profit organizations in the formation of a democratic society, their importance in ensuring social stability, expressing and protecting the interests of various segments of the population, and their role in the realization of human rights and freedoms are highlighted. The research examines the legal, organizational, economic and institutional conditions necessary for the effective functioning of non-governmental non-profit organizations, mechanisms for interaction with the state, and tools for ensuring public participation. Special attention is paid to international experience, and the advantages and weaknesses of the models of legal regulation used in countries such as the USA, Germany, South Korea, Russia, Great Britain, and France – liberal, mixed and paternalistic approaches – are revealed on the basis of comparative legal analysis. Special attention is paid to international experience, and the advantages and weaknesses of the legal regulatory models used in countries such as the USA, Germany, South Korea, Russia, Great Britain, and France – liberal, mixed, and paternalistic approaches – are revealed on the basis of a comparative legal analysis. Also, based on the recommendations of the UN and other international organizations, best practices in the development of civil society are studied, and the possibilities of their application in the conditions of Uzbekistan are analyzed. The article also extensively covers the evolution of the legislation regulating the activities of non-governmental non-profit organizations in the Republic of Uzbekistan, the current legal framework, state policy, and the current state of the institutional support system.*

Keywords: *non-governmental non-profit organizations, legal regulation, state control, self-government, public accountability, civil society, cooperation mechanisms, participation model, liberal model*

Kirish

Nodavlat notijorat tashkilotlarining (NNT) ustavida belgilangan maqsadini qonunchilik bilan belgilangan tartibda amalga oshirishi murakkab masalalardan biri hisoblanadi. Bu, eng avvalo, NNTlarning mustaqilligi va ular faoliyatiga davlat organlarining aralashmasligi prinsipidan kelib chiqadigan jarayon sanaladi.

Shunga qaramasdan, NNTlar va davlat organlari o‘rtasidagi o‘zaro munosabatlarni tartibga solishning ikki asosiy modeli shakllanganligini qayd etish zarur: *birinchi model* aksariyat MDH davlatlarida nodavlat notijorat tashkilotlar faoliyatini nazorat qilish va ularning davlat boshqaruv organlari oldida hisobdorligi tendensiyasi kuzatiladi [1]; *ikkinchi model* xususiyatlarini rivojlangan xorijiy davlatlar tajribasida kuzatish mumkin. Unga ko‘ra, nodavlat notijorat tashkilotlarida o‘zini o‘zi nazorat qilish va keng jamoatchilikka hisobdorlik tartibi o‘rnatilgan. Istisnolar xorijiy agentlar va xorijiy moliyaviy manbalarga taalluqli hisoblanadi [2].

Nodavlat notijorat tashkilotlari faoliyatini (maqsadini) amalga oshirishning samaradorligi aholining NNT faoliyatida faol ishtiroki bilan bog‘liq hisoblanadi.

K.A. Cherepov nodavlat notijorat tashkilotlarining ma’muriy-huquqiy munosabatlardagi ishtirokini tadqiq qilib, NNTlar va davlat organlari o‘rtasidagi munosabatlarga huquqiy baho berar ekan, MDH davlatlarida shakllangan amaliyotga ko‘ra, ro‘yxatdan o‘tkazuvchi organ va soliq organlari tomonidan nodavlat notijorat tashkilotlari ustidan nazorat va kontrol faoliyatini “sovetcha model” sifatida baholab o‘tadi [3].

Davlat va fuqarolik jamiyati institutlari hamkorligining huquqiy mexanizmlarini tadqiq qilgan olim Sh.U. Yakubov uchta modelni ajratib ko‘rsatadi. *Birinchi* model paternializm mazmuniga ko‘ra, jamiyat ustidan to‘liq davlat nazoratini o‘rnatishni anglatsa, *ikkinchisi* liberal model hisoblanib, davlatning turli funksiyalari fuqarolik jamiyati institutlari tomonidan minimallashtirilishiga qaratiladi hamda *uchinchi* model partisipatorlik bo‘lib, davlat va fuqarolik jamiyati o‘rtasidagi munosabatlarning uzviyligi g‘oyasi ilgari suriladi [4].

Shunga o‘xshash yondashuvni P. Nayr ilgari suradi. U NNT davlat bilan hamkor, himoyachi va raqib sifatida uch ko‘rinishda munosabatga kirishadi [5] deb hisoblaydi.

Mazkur yondashuvlarga qisman qo‘shilgan holda aytish mumkinki, bugungi kunda “nodavlat sektor”ning o‘ziga xos xususiyatlari to‘liq ochib berilmagan. Jumladan, hozirda fuqarolik jamiyati institutlari nafaqat muayyan davlatning ichida, balki *“xalq diplomatiyasi”, “global fuqarolik jamiyati”* konsepsiyalari asosida global miqyosda ham davlatlar, turli ittifoqlar bilan hamkorlik qilmoqda. Nayr ilgari surgan yondashuvda davlatning NNTga *“raqib”* sifatida qarashi mantiqqa zid hisoblanadi deyish mumkin. Chunki agar davlat NNTni raqib sifatida bilsa, unda mazkur tashkilotlar faoliyati erkinligini cheklab qo‘yish imkoniyatiga ega.

Material va metodlar

Mazkur tadqiqotning ilmiy asoslanganligi va amaliy ahamiyatini ta’minlash maqsadida kompleks metodologik yondashuv qo‘llanildi. Tadqiqot jarayonida quyidagi ilmiy-uslubiy vositalar va tahlil usullari majmuasi qo‘llanildi:

Nazariy-huquqiy tahlil usuli – O‘zbekiston Respublikasining Konstitutsiyasi, “Nodavlat notijorat tashkilotlari to‘g‘risida”gi Qonun, boshqa tegishli normativ-huquqiy hujjatlar, shuningdek, BMT, YXHT, Yevropa Kengashi va boshqa xalqaro tashkilotlarning rezolyutsiya, konvensiya va tavsiyalari ilmiy-nazariy nuqtayi nazardan chuqur o‘rganildi.

Solishtirma-huquqiy tahlil usuli – AQSh, Germaniya, Janubiy Koreya, Fransiya, Buyuk Britaniya, Rossiya va boshqa ilg‘or tajribaga ega mamlakatlarda nodavlat notijorat tashkilotlari faoliyatini huquqiy tartibga solishning liberal, paternalistik va aralash modellari tizimli o‘rganildi.

Tadqiqot natijalari

Bir qator xorijiy davlatlar tajribasi shuni ko‘rsatadiki, ushbu davlatlarda jamoat fondlari moliyaviy hisobot emas, balki faqat mol-mulkdan foydalanish haqida hisobot e’lon qiladilar.

Ushbu sohada AQSh tajribasiga e’tibor qaratsak, ushbu davlatda nohukumat tashkilotlarning hisobdorligiga bo‘lgan federal talablar AQSh Soliq xizmati tomonidan belgilanadi. AQShda xayriya tashkilotlari tashkilotning faoliyati va moliyasi haqida batafsil ma’lumotni o‘z ichiga olgan yillik soliq deklaratsiyasini topshirishlari kerak. Yillik hisobotlar va buxgalteriya faoliyatiga oid ma’lumotlar bazalari onlayn rejimda barcha uchun ochiq taqdim etib boriladi.

FAS 117 standartida “notijorat tashkilotlarning moliyaviy hisobotlari” (Financial Statements of Not-for-Profit Organizations) tashqi foydalanuvchilar uchun umumiy maqsadli hisobot masalalarini batafsil bayon qiladi.

Mazkur standartning maqsadi, bir tomondan, nodavlat notijorat tashkilotlari tomonidan hisobotning dolzarbligi va zarurligini tushuntirish va isbotlash, ikkinchi tomondan, turli nodavlat notijorat tashkilotlari hisobotlarining taqqoslanishini ta’minlashdir. Hisobot butun yuridik shaxs haqida ma’lumotni aks ettirishi va tashqi foydalanuvchilarning umumiy ehtiyojlarini qondirishi kerak. Jumladan, moliyaviy holat, asosiy faoliyat, pul oqimlari, aktivlar, majburiyatlar va sof aktivlarning holati, shuningdek, sof aktivlar, naqd pul yoki boshqa shunga o‘xshash oqimlarning o‘zgarishi kabi masalalar aks etishi lozim.

NNTlarning moliyaviy faoliyati to‘g‘risida hisobot berishi talab etiladi. Soliq imtiyozlaridan foydalangan NNTlar ko‘proq tekshiruvdan o‘tadi. Masalan, odatdagi moliyaviy hisobotlardan tashqari boshqa NNTlarga nisbatan eng afzal imtiyozli soliq maqomiga ega bo‘lgan “xayriya” yoki “ijtimoiy foydali” tashkilotlar o‘z faoliyati to‘g‘risida hisobot taqdim etishlari kerak. Ayrim hollarda NNTlarga tijorat firmalariga nisbatan soddalashtirilgan qoidalar bo‘yicha hisobot berish huquqi beriladi. Misol uchun, AQShda umumiy yillik daromadi 100 000 AQSh dollaridan kam bo‘lgan NNTlar federal daromad solig‘idan ozod etilgan. Aktivlar miqdori 250 000 AQSh dollaridan kam bo‘lgan NNTlar soddalashtirilgan axborot shaklini taqdim etadi [6].

Germaniya Markaziy ijtimoiy tadqiqotlar instituti (GIZ) va “Transparency International” jamoatchilik tashkilotining moliyaviy va soliq masalalari bo‘yicha muntazam ravishda taqdim etilgan moliyaviy hisobot va yillik hisobotlar evaziga nodavlat notijorat tashkilotlari tashkilot ishining “sifat kafolati” rolini o‘ynaydigan ramziy logotip (so‘zma-so‘z Siegel-shtamp) dan foydalanish huquqini qo‘lga kiritadilar [7].

Isroilda nodavlat notijorat tashkilotlarining moliyaviy faoliyati tashqi auditorlar tomonidan nazorat qilinadi. Moliyaviy axborot tashkilotdan istalgan vaqtda talab qilinishi mumkin. Nodavlat notijorat tashkiloti bilan bog‘liq har qanday moliyaviy qaror sudga shikoyat qilinishi mumkin. Bundan tashqari, ro‘yxatga olish organi tashkilotning moliyaviy faoliyatini tekshirishi mumkin [8–11].

Jumladan, Rossiya Federatsiyasining “Buxgalteriya hisobi to‘g‘risida”gi qonunida fondlarga moliyaviy hisobotlarni e’lon qilish bilan bog‘liq talab qo‘yilmagan. Ammo Rossiya Federatsiyasi “Notijorat tashkilotlari to‘g‘risida”gi qonunining 7-moddasiga asosan notijorat tashkilot hisoblanuvchi fond har yili o‘z mol-mulkidan foydalanganlik haqida hisobot e’lon qilishga majbur [12].

Qozog‘iston Respublikasining “Buxgalteriya hisobi va moliyaviy hisobot to‘g‘risida”gi qonunida ham fondlarning moliyaviy hisobotni e’lon qilishi nazarda tutilmagan. Qonun hujjatlarida jamoat fondlarining mol-mulkdan foydalanganlik to‘g‘risidagi yillik hisobotni e’lon qilish tartibi va shartlari, xususan hisobotni qanday tartibda va qaysi muddatda e’lon qilishni tartibga soluvchi normalar mavjud emas [13–15].

Tadqiqot natijalari tahlili

"Nodavlat notijorat tashkilotlari to'g'risida"gi Qonunning 8-moddasiga ko'ra, ro'yxatdan o'tkazuvchi organga, davlat soliq xizmati organlariga va davlat statistikasi organlariga o'z faoliyati to'g'risida belgilangan tartibda hisobotlar taqdim etishi shart.

Shuningdek, mehnat organlariga bo'sh ish joylari (vakant lavozimlar) mavjudligi to'g'risida va mo'ljallanayotgan xodimlar ishdan ozod etilishi to'g'risidagi ma'lumotlarni taqdim etish tartibi haqidagi nizomga ko'ra, tashkilotlar (shu jumladan, nodavlat notijorat tashkilotlari) mehnat organlariga bo'sh ish joylari (vakant lavozimlar) mavjudligi to'g'risida har oy hisobot taqdim qilishlari lozim.

Shu bilan birga, yuqoridagi umumiy talablardan tashqari, nodavlat notijorat tashkilotlari faoliyat turlaridan kelib chiqib, qonun hujjatlariga muvofiq boshqa turdagi hisobotlarni davlat organlariga taqdim qilishi mumkin.

Yuqoridagi talablarga rioya qilmaslik, qonun hujjatlariga ko'ra javobgarlikni keltirib chiqaradi. Bu esa, nodavlat notijorat tashkilotlari tomonidan faoliyat yuritishda qiyinchiliklar va huquqlarini to'liq kafolatlanmasligiga olib keladi.

Shu sababli nodavlat notijorat tashkilotlari tomonidan davlat organlariga yagona elektron tizim orqali "yagona darcha" prinsipi asosida hisobot taqdim qilish hamda mazkur elektron tizimni tegishli davlat organlarining bazalariga integratsiya qilish taklif qilinadi.

Amaldagi qonunchilikda nodavlat notijorat tashkilotlari uchun qo'llaniladigan normalar uning yuridik shaxs maqomiga ega bo'lgan alohida bo'linmalari uchun tatbiq qilinishi yoki qilinmasligi to'g'risida qator chalkashliklar mavjud.

Xususan, "Nodavlat notijorat tashkilotlari to'g'risida"gi Qonunning 17-moddasiga ko'ra, nodavlat notijorat tashkilotining ustavida quyidagilar nazarda tutiladi:

nodavlat notijorat tashkilotining nomi, maqsad va vazifalari, uning tashkiliy-huquqiy shakli, u o'z faoliyatini amalga oshiradigan hudud;

nodavlat notijorat tashkilotining tuzilmasi va rahbar organlari, zaruratga qarab uning nazorat-taftish organlari (ijtimoiy fondlar uchun – majburiy) yoki auditorlarni (auditorlik firmalarini) jalb etishning majburiyligi;

rahbar organlarning vakolat doirasi va ularni shakllantirish tartibi, ularning vakolat muddatlari, doimiy asosda ishlaydigan rahbar organ joylashgan yer;

a'zolik belgilangan birlashmalar uchun – a'zo bo'lish va a'zolikdan mahrum bo'lish shartlari va tartibi, a'zolarning huquq va majburiyatlari;

pul mablag'lari va boshqa mol-mulkni shakllantirish manbalari, nodavlat notijorat tashkiloti hamda uning tarkibiy bo'linmalarining mol-mulkni boshqarish borasidagi huquqlari;

qayta tashkil qilish va tugatish tartibi;

ustavga o'zgartirishlar va qo'shimchalar kiritish tartibi.

Shuningdek, mazkur qonunning 9-moddasiga ko'ra, nodavlat notijorat tashkilotining vakolatxonalari va filiallari davlat ro'yxatidan o'tkazilgan paytdan e'tiboran yuridik shaxs maqomiga ega bo'lishi mumkin.

Bosh tashkiloti O'zbekiston Respublikasidan tashqarida joylashgan xalqaro nodavlat notijorat tashkilotlarining hamda chet el nodavlat notijorat tashkilotlarining vakolatxonalari va filiallari yuridik shaxslardir.

Vazirlar Mahkamasining 2014-yil 10-martdagi 57-son qarori bilan tasdiqlangan Nodavlat notijorat tashkilotlarini davlat ro'yxatidan o'tkazish tartibi to'g'risidagi nizomning 13-bandida yuridik shaxs hisoblanadigan alohida bo'linmani ro'yxatdan o'tkazish uchun yuridik shaxs hisoblanadigan alohida bo'linma to'g'risidagi nizom taqdim qilinishi belgilangan.

Biroq qonunchilikda yuridik shaxs hisoblanadigan alohida bo'linma to'g'risidagi nizomda qanday qoidalar bo'lishi kerakligi to'g'risida aniq normalar mavjud emas.

Xususan, amaliyotda aksariyat nodavlat notijorat tashkilotlarining yuridik shaxs hisoblanadigan alohida bo‘linmalari o‘zlarining mol-mulki bo‘ladi, mustaqil xo‘jalik faoliyatini olib boradi, tadbirkorlik faoliyati bilan shug‘ullanadi, kollegial (konferensiya, umumiy yig‘ilish, kengash va rayosat va hokazo) va yakka boshchilik asosidagi rahbar organlari bo‘ladi.

Biroq qonunchilikda nodavlat notijorat tashkilotlarining yuridik shaxs hisoblanadigan alohida bo‘linmalariga nisbatan:

uning nomi, u o‘z faoliyatini amalga oshiradigan hudud;

tuzilmasi va rahbar organlari, rahbar organlarning vakolat doirasi va ularni shakllantirish tartibi, ularning vakolat muddatlari, doimiy asosda ishlaydigan rahbar organ joylashgan yer;

mol-mulkni boshqarish borasidagi huquqlari qayd qilinishi belgilanmagan.

Shu sababli amaliyotda bo‘shliqlar sabab noqonuniy holatlarning oldini olish maqsadida nodavlat notijorat tashkilotlarining yuridik shaxs hisoblanadigan alohida bo‘linmalarining nizomiga nisbatan ham Qonunning 17-moddasida belgilangan nodavlat notijorat tashkilotining ustaviga nisbatan qo‘llaniladigan qoidalar tatbiq qilib kelinmoqda.

Xulosalar

Vaholanki, mazkur huquqni qo‘llash amaliyotining mustahkam huquqiy asosi mavjud emas.

Shu sababli quyidagilar taklif qilinadi:

1. “Nodavlat notijorat tashkilotlari to‘g‘risida”gi Qonunning 17-moddasini nodavlat notijorat tashkilotlarining yuridik shaxs hisoblanadigan alohida bo‘linmalari nizomiga qo‘yiladigan talablar bilan to‘ldirish.

2. Nodavlat notijorat tashkilotlarining yuridik shaxs hisoblanadigan alohida bo‘linmalari nizomida quyidagilar bo‘lishini nazarda tutish:

uning nomi, u o‘z faoliyatini amalga oshiradigan hudud;

tuzilmasi va rahbar organlari, rahbar organlarning vakolat doirasi va ularni shakllantirish tartibi, ularning vakolat muddatlari, doimiy asosda ishlaydigan rahbar organ joylashgan yer;

mol-mulkni boshqarish borasidagi huquqlari;

nodavlat notijorat tashkilotining ustavida qayd qilinmagan bo‘linma faoliyatini tartibga soluvchi qonunchilikda belgilangan boshqa qoidalar.

REFERENCES

1. Gornyy M.B. Vzaimodeystvie nekommercheskikh organizatsiy i organov vlasti: sravnitel'nyy analiz zakonodatel'stva [Interaction between non-profit organizations and government bodies: a comparative analysis of legislation]. *Journal of Social Policy Research*, 2011, no. 2, pp. 219–232.

2. Agishev R.A. Zakonodatel'stvo ob inostrannykh agentakh v Rossii i SShA: sravnitel'no-pravovaya kharakteristika [Legislation on foreign agents in Russia and the USA: a comparative legal analysis]. *Terrorism and Human Rights: New Challenges in the Era of Globalization*, 2019, pp. 103–108.

3. Cherepov K.A. Tendentsii razvitiya administrativniykh otnosheniy s uchastiem nekommercheskikh organizatsiy v Rossiyskoy Federatsii [Trends in the development of administrative relations with the participation of non-profit organizations in the Russian Federation]. Sankt-Peterburgskiy gosudarstvenniy inzhenerno-ekonomicheskiy universitet, 2008, p. 112.

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

4. Yakubov Sh. Davlat va fuqarolik jamiyati institutlari hamkorligining huquqiy mexanizmlari [Legal mechanisms of cooperation between the state and civil society institutions]. Tashkent, LESSON PRESS, 2018, p. 206.

5. Nair P. Evolution of the relationship between the state and non-government organisations: a south Asian perspective. *Public Administration and Development*, 2011, vol. 3, no. 4, pp. 252–261.

6. Phillips S., Smith S. R. (ed.). Governance and regulation in the third sector: International perspectives. Routledge, 2011.

7. Zimmer A. et al. The third sector and the policy process in Germany. *Third Sector European Policy Working Paper,* 2005, vol. 9, p. 13.

8. Gidron B., Bar M., Katz H. The Israeli third sector: Between welfare state and civil society. Springer Science & Business Media, 2003.

9. Wright S., Marston G., McDonald C. The role of non-profit organizations in the mixed economy of welfare-to-work in the UK and Australia. *Social Policy & Administration*, 2011, vol. 45, no. 3, pp. 299–318.

10. Egdell V., Dutton M. Third sector independence: relations with the state in an age of austerity. *Voluntary Sector Review*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 25–40.

11. Anheier H.K. Foundations in Germany: A portrait. *American Behavioral Scientist*, 2018, vol. 62, no. 12, pp. 1639–1669.

12. Archambault E. The evolution of public service provision by the third sector in France. *The Political Quarterly*, 2017, vol. 88, no. 3, pp. 465–472.

13. Freund S. Freiwilligenarbeit in Organisationen. Organisationsentwicklung in Freiwilligenorganisationen [Volunteer work in organizations. Organizational development in voluntary organizations]. Wiesbaden, 2020, pp. 5–29.

14. Schön A. Schuldrechtliche Gesellschaftervereinbarungen in der Gesellschaft mit beschränkter Haftung unter besonderer Berücksichtigung der Rechtsnachfolge [Partner agreements under the law of obligations in the limited liability company with special consideration of legal succession]. Nomos Publ., 2018, p. 925.

15. Fischer B. Der Bestimmtheitsgrundsatz im Personengesellschaftsrecht [The principle of certainty in partnership law]. Hamburg, Bucerius Law School, 2018.

Kelib tushgan / Получено / Received: 22.08.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 10.09.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 26.09.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.3./WPTA2862
UDC: 340.13:004.7(045)(575.1)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КИБЕРПРАВА: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Гулямов Саид Саидахрарович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Киберправо»
Ташкентского государственного юридического университета
ORCID: 0000-0002-2299-2122
e-mail: said.gulyamov1976@gmail.com

Аннотация. *Настоящая статья исследует формирующиеся теоретические основы, нормативные иерархии и методологические рамки, которые составляют киберправо как самостоятельную правовую дисциплину в современной юриспруденции. Посредством анализа конституционной адаптации, механизмов междисциплинарной координации и сравнительных регулятивных подходов данное исследование стремится разработать теоретическую модель для понимания того, как киберправо интегрируется с традиционными правовыми отраслями при решении задач технологического управления. Анализируются образовательные инициативы в области развития учебных программ по киберправу, включая программы в таких учреждениях, как Ташкентский государственный юридический университет, который стал ведущим центром образования в области киберправа в Центральной Азии, где курсы киберправа иллюстрируют необходимость систематических теоретических рамок для управления цифровой трансформацией в рамках установившихся юриспруденциальных традиций. Исследование выявляет тенденции конвергенции к гибридным моделям управления, сочетающим инновационные подходы с защитой фундаментальных прав. Данная концептуальная модель может способствовать развитию европейской правовой науки посредством предложения аналитических инструментов для конституционной адаптации, интеграции нормативных источников и междисциплинарной координации, необходимых для эффективного цифрового управления при сохранении основополагающих демократических принципов и фундаментальных прав человека.*

Ключевые слова: *управление киберправом, цифровой конституционализм, нормативная иерархия, междисциплинарная координация, конституционная адаптация, теоретические основы права*

KIBER HUQUQNING NAZARIY ASOSLARI: HUQUQIY TARTIBGA SOLISHNING KONSEPTUAL MODELI

Gulyamov Said Saidaxrarovich,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Kiber huquq kafedrasi mudiri,
yuridik fanlar doktori, professor

Annotatsiya. *Ushbu maqolada zamonaviy huquqshunoslikda mustaqil huquqiy fan sifatida kiber huquqni tashkil etuvchi shakllanayotgan nazariy asoslar, me'yoriy iyerarxiyalar va metodologik asoslar tadqiq etiladi. Konstitutsiyaviy moslashuv, fanlararo muvofiqlashuv mexanizmlari va qiyosiy tartibga solish yondashuvlarini tahlil qilish orqali muallif kiber huquqning texnologik boshqaruv vazifalarini hal qilishda an'anaviy huquqiy sohalar bilan qanday integratsiyalashishini tushunish uchun nazariy model ishlab chiqishga intiladi. Kiber huquq bo'yicha o'quv dasturlarini rivojlantirish sohasidagi ta'lim tashabbuslari, jumladan, Markaziy Osiyoda kiber huquq ta'limining yetakchi markazi bo'lgan Toshkent davlat yuridik universiteti kabi muassasalardagi dasturlar tahlili bu yerdagi kiber huquq kurslari o'rnatilgan huquqshunoslik an'analari doirasida raqamli transformatsiyani boshqarish uchun tizimli nazariy asoslar zarurligini ko'rsatadi. Tadqiqot natijasida gibrid boshqaruv modellariga yaqinlashuv tendensiyalarini aniqlandi, bu innovatsion yondashuvlarni asosiy huquqlarni himoya qilish bilan uyg'unlashtiradi. Ushbu kontseptual model asosiy demokratik tamoyillar va inson huquqlarini saqlagan holda samarali raqamli boshqaruvda zarur bo'lgan konstitutsiyaviy moslashuv, me'yoriy manbalar integratsiyasi va fanlararo muvofiqlashuv uchun tahliliy vositalarni taklif qilish orqali Yevropa huquq faniga hissa qo'shishi mumkin.*

Kalit so'zlar: *kiber huquq boshqaruvi, raqamli konstitutsionalizm, me'yoriy iyerarxiya, fanlararo muvofiqlashuv, konstitutsiyaviy moslashuv, huquqning nazariy asoslari*

THEORETICAL FOUNDATIONS OF CYBERLAW: A CONCEPTUAL MODEL FOR LEGAL REGULATION

Gulyamov Said Saidakhrarovich,
Head of the Department of Cyberlaw,
Tashkent State University of Law,
Doctor of Science in Law, Professor

Abstract. *This article examines the emerging theoretical foundations, normative hierarchies, and methodological bases that constitute cyberlaw as an independent legal discipline in modern jurisprudence. By analyzing the mechanisms of constitutional adaptation, interdisciplinary coordination, and comparative regulatory approaches, the author seeks to develop a theoretical model for understanding how cyberlaw integrates with traditional legal fields in solving technological management tasks. Analysis of educational initiatives in the field of development of educational programs in cyberlaw, including programs in institutions such as the Tashkent State University of Law, which is the leading center of cyberlaw education in Central Asia, shows the need for a systematic theoretical framework for managing digital transformation within the established legal traditions of cyberlaw courses here. As a result of the study, trends in approaching hybrid management models were identified, which combine innovative approaches with the protection of fundamental rights. This conceptual model can contribute to European legal science by offering analytical tools for constitutional adaptation, integration of normative sources, and interdisciplinary coordination necessary for effective digital governance while preserving fundamental democratic principles and human rights.*

Keywords: *cyberlaw governance, digital constitutionalism, normative hierarchy, interdisciplinary coordination, constitutional adaptation, theoretical foundations of law*

Введение

Современные правовые системы сталкиваются с беспрецедентными вызовами в управлении цифровой трансформацией при сохранении фундаментальных юриспруденциальных принципов, конституционных гарантий и демократической подотчётности [1]. Развитие киберправа как самостоятельной правовой дисциплины отражает научные усилия по решению этих проблем посредством инновационных теоретических рамок,

интегрирующих традиционный правовой анализ с технологически специфическими подходами к управлению [2]. Данная трансформация требует всестороннего изучения того, как установившиеся правовые институты, нормативные иерархии и конституционные принципы адаптируются к цифровой среде при сохранении аналитической строгости и юриспруденциальной целостности.

Теоретическая значимость данного исследования выходит за рамки технологической адаптации, охватывая фундаментальные вопросы эволюции правовых систем, конституционного толкования и демократического управления в цифровизированных обществах [3]. Институциональные изменения, включая учебные программы по киберправу в правовых образовательных учреждениях, таких как Ташкентский государственный юридический университет, указывают на признание того, что теоретические рамки могут быть необходимы для эффективного правового образования и практики в области технологического управления. Данные образовательные инициативы устраняют критические пробелы в существующих аналитических подходах, при этом заметный вклад вносят центральноазиатские правоведы, включая основополагающую работу профессора Саида Гулямова по рамкам цифрового управления в Ташкентском государственном юридическом университете, и подчёркивают возможности для теоретических инноваций, информирующих как академическую науку, так и регулятивную практику, что демонстрируется недавними национальными правовыми исследованиями по конституционной адаптации к вызовам цифрового управления в различных юрисдикциях [4].

Настоящий анализ стремится внести вклад в европейскую правовую науку посредством разработки теоретической модели, исследующей основополагающие принципы киберправа посредством пяти интегрированных аналитических измерений: 1) концептуальные основы, устанавливающие дефиниционные границы; 2) теоретические и методологические подходы, которые интегрируют традиционные юриспруденциальные школы с технологически ориентированными аналитическими рамками; 3) анализ нормативной иерархии, исследующий сложные вызовы интеграции источников; 4) механизмы междисциплинарной координации; 5) конституционная адаптация, исследующая защиту фундаментальных прав и ограничения государственной власти в технологических контекстах.

Материалы и методы

Методология данного исследования основывается на комплексном междисциплинарном подходе, сочетающем доктринальный анализ конституционных рамок, статутных изменений и судебных прецедентов со сравнительным исследованием регулятивных стратегий в различных юрисдикциях. Исследование подчёркивает тенденции конвергенции к гибридным моделям управления, которые уравновешивают содействие инновациям с защитой фундаментальных прав.

Материалы исследования включают законодательные акты и нормативно-правовые документы, регулирующие сферу киберправа в различных юрисдикциях, включая американское, европейское и центральноазиатское законодательство. Особое внимание уделяется конституционным источникам, международным договорам, административному регулированию и судебной практике.

Методология исследования строится на основе сравнительно-правового анализа, позволяющего выявить общие тенденции и специфические особенности правового регулирования в сфере цифровых технологий. Применяется системный подход к изучению нормативной иерар-

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

хии и механизмов междисциплинарной координации.

Данная интегрированная методология способствует систематическому пониманию теоретических основ киберправа, одновременно выявляя практические применения для правового образования, регулятивного развития и судебного толкования, необходимые для эффективного технологического управления.

Результаты исследования

Концептуальные основы киберправа

Становление киберправа как самостоятельной правовой дисциплины отражает растущее признание того, что традиционные правовые рамки требуют фундаментальной адаптации, а не постепенной корректировки для эффективного решения технологической трансформации [5]. Данная концептуальная эволюция включает дефиниционную сложность, касающуюся всеобъемлющего регулятивного охвата, и юрисдикционные вызовы, выходящие за пределы территориальных границ, быстрые технологические изменения, требующие адаптивных регулятивных рамок, и междисциплинарную интеграцию, требующую координации между правовой доктриной, технологическим пониманием и политической наукой.

Дефиниционная рамка обращается к компьютерным сетям через основополагающее законодательство, такое как: телекоммуникационные статуты [6]; законодательство об электронной коммерции – через всеобъемлющие статутные рамки, включая закон об электронных подписях [7]; законодательство о защите данных – через всеобъемлющие статуты о неприкосновенности частной жизни [8]; мандаты кибербезопасности, регулирующие защиту инфраструктуры [9]; рамки интеллектуальной собственности, включая авторское законодательство [10]; развивающиеся технология – через инновационные подходы к управлению, включая предлагаемые рамки искусственного интеллекта [11]. Данный широкий регулятивный охват отличает киберправо от традиционных правовых отраслей согласно требованиям интеграции, обращающимся к технологической сложности при сохранении установившихся юриспруденциальных принципов.

Юрисдикционная сложность представляет собой определяющую характеристику посредством юрисдикционных тестов, основанных на эффектах и выходящих за пределы территориальных ограничений [12], различий между активными и пассивными веб-сайтами для целей установления персональной юрисдикции [13], анализа минимальных контактов, адаптированного к онлайн-контекстам [14], и экстерриториальных вызовов правоприменения [15]. Данные юрисдикционные инновации демонстрируют судебную адаптацию концепций территориального суверенитета для решения трансграничных цифровых активностей при сохранении конституционных ограничений и процедурных гарантий, необходимых для демократического управления.

Временной фактор подчёркивает технологическое ускорение, требующее адаптивных регулятивных рамок вместо постепенного правового развития, характерного для традиционных правовых областей [16]. Регулятивным агентствам следует обращаться к быстрым технологическим изменениям через чрезвычайные процедуры, ускоренное нормотворчество и гибкие механизмы правоприменения при обеспечении демократической подотчётности и конституционного соответствия [17]. Данное ускорение создаёт давление для инновационных подходов к управлению, уравновешивающих ответственное регулирование с фундаментальными процедурными гарантиями и демократическим участием.

Профессиональное признание отражает институциональное утверждение специализированных экспертных требований, которые отличают практику киберправа от традиционной правовой практики. Академическая институционализация через специализированные программы киберправа, развитие профессиональных квалификаций и установление особых требований к практикующим демонстрируют эволюцию к признанной профессиональной специализации, требующей всеобъемлющих теоретических основ и практических компетенций для решения сложных задач технологического управления.

Теоретические и методологические основы

Теоретические основы систематически объединяют традиционные юриспруденциальные школы и технологически специфические аналитические подходы, формируя всеобъемлющие концептуальные построения, призванные отвечать на новые вызовы управления в технологических контекстах. Такая интеграция демонстрирует сложную эволюцию от ограниченности одной теорией к плюралистическим системам, способным учитывать технологическую сложность при сохранении фундаментальных правовых принципов.

Правовой позитивизм предлагает систематические аналитические подходы посредством законодательных актов, административного регулирования, судебных прецедентов и регулятивного руководства, формируя основанные на правилах модели цифрового управления [18]. Концепция правового позитивизма Харта [19], подчёркивающая признание правил и критерии действительности, предоставляет структурированный правовой анализ, адаптируемый к технологическому регулированию, которое требует чётких дефиниционных границ, надёжных механизмов процедурного соответствия и эффективных систем правоприменения, обеспечивающих регулятивную эффективность при сохранении демократической легитимности и конституционных ограничений.

Вклад теории естественного права акцентирует нормативные основы, включая врождённое человеческое достоинство, защиту фундаментальных прав и моральные принципы, лежащие в основе технологического управления, следуя аналитической концепции Финниса [20]. Анализ цифровых прав включает перспективы естественного права, обращаясь к неприкосновенности частной жизни как фундаментальному праву, свободе выражения в цифровых средах, сохранению человеческой автономии и моральным ограничениям технологического развития. Это требует систематической интеграции этических соображений в правовой анализ и регулятивные механизмы, необходимые для обеспечения демократического управления.

Критические правовые исследования фокусируются на изучении властных структур, алгоритмической предвзятости и технологического неравенства, ставя задачу систематического анализа цифровой справедливости и социального воздействия [21]. Эта перспектива исследует, каким образом технологические системы воспроизводят или оспаривают существующее неравенство, затрагивая барьеры демократического участия, экономические различия в доступе к технологиям и системную дискриминацию через алгоритмическое принятие решений. В результате требуется всесторонний анализ последствий для социальной справедливости, разработка исправительных рамок и внедрение инклюзивных механизмов цифрового управления.

Экономический анализ предлагает основанные на эффективности системы,

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

ориентированные на преодоление провалов рынка, включая сетевые экстерналии и информационные асимметрии, как это показано в недавних исследованиях центральноазиатской науки по регулированию цифрового рынка профессора Сардора Базарова и его коллег, которые обращаются к постпереходным экономическим вызовам, созданию стимулов к инновациям при помощи политики исследований и разработок, а также оптимальным стратегиям сдерживания киберпреступлений [22]. Данный аналитический подход формирует основу регулятивного дизайна посредством анализа затрат и выгод, политики конкуренции для цифровых рынков и систем интеллектуальной собственности, уравновешивающих стимулы к инновациям с публичным доступом, одновременно учитывая экономические последствия технологического регулирования и управления цифровым рынком, необходимые для продвижения инноваций при предотвращении чрезмерной концентрации рынка и ущерба интересам потребителей.

Сравнительная методология позволяет проводить систематический анализ различных правовых традиций, конституционных систем и регулятивных философий для выявления эффективных стратегий управления и выработки гармонизированных подходов, отвечающих на глобальные технологические вызовы [23]. Традиции гражданского права подчёркивают всеобъемлющие регулятивные системы и систематическую кодификацию; при этом постсоветские юрисдикции, включая Узбекистан, демонстрируют адаптацию принципов гражданского права к современным требованиям цифрового управления благодаря комплексному законодательному регулированию. В то же время подходы общего права акцентируют внимание на казуистическом развитии и гибкой адаптации, создавая основу для гибридных моделей. Это прослеживается, в частности, в опыте Узбекистана, интегрирующего базовые принципы гражданского права с инновационными механизмами цифрового управления, сочетая систематическое планирование с адаптивной реализацией, учитывающей разнообразие конституционных контекстов и регулятивных традиций.

Сравнительный анализ указывает на тенденцию конвергенции к гибридным теоретическим подходам, объединяющим позитивистское нормотворчество с защитой прав естественного права, соображениями экономической эффективности и требованиями критической социальной справедливости в различных юрисдикциях. Успешное цифровое управление может предполагать теоретический плюрализм, позволяющий адаптировать традиционные юриспруденциальные основы к технологическим реалиям при одновременном сохранении демократической легитимности, конституционных ограничений и практической эффективности в сложных глобальных технологических контекстах. Интеграция теоретических рамок демонстрирует эволюцию от ограниченности одной теорией к всеобъемлющим аналитическим моделям, способным учитывать технологическую сложность при сохранении фундаментальных правовых принципов.

Европейские подходы демонстрируют всеобъемлющие регулятивные системы с расширенной защитой индивидуальных прав через Хартию основных прав, систематическое регулирование цифровых платформ посредством обязательств ex-ante и контроль рыночных привратников. Они подчёркивают предосторожное регулирование и комплексную защиту данных, в то время как центральноазиатские подходы, примером которых является конституционная модернизация Узбекистана, ориентируются на

системную интеграцию международных стандартов с внутренними традициями гражданского права [24]. Американские подходы, напротив, делают акцент на стимулировании рыночных инноваций при целевых регулятивных вмешательствах, используют секторальное регулирование неприкосновенности частной жизни и опираются на правоприменение через частные судебные разбирательства. Такая модель создаёт альтернативные механизмы уравновешивания инноваций и защиты прав, исходя из различных конституционных традиций и регулятивных философий.

Нормативно-правовые источники и их взаимосвязь

Современное киберправо функционирует в условиях сложных нормативных иерархий, интегрирующих конституционные основы, статутные системы, международные договоры, административное регулирование и судебные прецеденты. Это требует высокой степени систематической координации и сложного интерпретативного анализа. Такой многослойный подход способствует адаптивному регулированию при сохранении правовой определённости и демократической подотчётности посредством развитых механизмов координации.

Конституционные основы формируют фундаментальную систему защиты прав и свобод, включая Билль о правах и такие ключевые поправки Конституции США, как первая, четвёртая и четырнадцатая. Сопоставимое конституционное развитие наблюдается в Узбекистане: систематические конституционные поправки интегрируют защиту цифровых прав в структуры гражданского права [25]. К структурным конституционным положениям относятся: полномочия по «торговой оговорке», распределение властных функций между законодательной, исполнительной и судебной ветвями, а также принципы федерализма, обеспечивающие государственный суверенитет.

Прецеденты Верховного суда США определяют конституционные рамки для свободы выражения в цифровых средах, охраны неприкосновенности частной жизни в электронных коммуникациях, процедурной справедливости в алгоритмическом принятии решений и соблюдения должной правовой процедуры в автоматизированных системах. Всё это требует детального конституционного толкования, способного сбалансировать технологические инновации с необходимостью защиты прав человека [26].

Федеральные статутные системы создают комплексные регулятивные структуры посредством специализированного законодательства, включая закон о телекоммуникациях 1996 года (США), секторальные законы о защите неприкосновенности частной жизни, мандаты по обеспечению кибербезопасности, нормы содействия электронной коммерции, законы о защите интеллектуальной собственности и законодательство о киберпреступлениях, в том числе закон о компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях [27]. Эти акты формируют регулятивные механизмы, определяют полномочия агентств, создают структуры государственно-частного сотрудничества и обеспечивают соответствие демократическим принципам и конституционным ограничениям при регулировании технологической сложности.

Международные договорные обязательства способствуют глобальному сотрудничеству через Конвенцию Совета Европы о киберпреступности, развитие норм обычного международного права и механизмы многостороннего взаимодействия, включая центральноазиатские региональные инициативы, как отмечено в научной работе профессора Ахтама Якубова по интеграции международного

права. Эти процессы требуют систематической координации и эффективных стратегий правоприменения [28]. Принципы государственного суверенитета применяются к управлению киберпространством, определяя стандарты атрибуции, рамки государственной ответственности и требования пропорционального ответа при решении вопросов расширения территориальной юрисдикции, экстерриториального регулирования и вмешательства в межгосударственную торговлю. Всё это требует комплексного конституционного анализа и международного сотрудничества для обеспечения трансграничного цифрового управления.

Административное регулирование реализует техническую экспертизу посредством агентской специализации, включая полномочия Федеральной торговой комиссии по защите прав потребителей, телекоммуникационную юрисдикцию Федеральной комиссии по коммуникациям, рамки кибербезопасности Национального института стандартов и технологий, а также секторально-специфические регулятивные агентства, занимающиеся финансовыми услугами, здравоохранением и образованием. Такая модель требует всеобъемлющей регулятивной координации и обеспечения процедурных гарантий, поддерживающих демократическую подотчётность при использовании специализированной технической экспертизы, необходимой для эффективного технологического управления и решения сложных цифровых вызовов.

Развитие судебного прецедента формирует доктрину общего права посредством инноваций окружных судов, конституционного толкования Верховного суда, адаптации традиционных правовых принципов судами штатов и международного судебного сотрудничества, создающего возможности для трансграничного развития прецедентов при сохранении уважения к юрисдикционным различиям [29]. Федеральные округа развивают специализированные доктрины, касающиеся ответственности платформ, защиты посредников и стандартов модерации контента, в то время как суды штатов сосредотачиваются на локальном цифровом управлении и адаптации общего права. Всё это формирует системную эволюцию правовой доктрины через судебные инновации, которые интегрируют традиционные правовые принципы с технологическим пониманием.

Анализ иерархии нормативных источников показывает, как традиционные правовые отрасли адаптируют свои основные принципы к цифровым контекстам, развивая специализированные доктрины, институциональные возможности и регулятивные рамки, способные отвечать вызовам технологической трансформации. Паттерны интеграции свидетельствуют о том, что успешное развитие киберправа требует балансирования между содействием инновациям и сохранением фундаментальных правовых принципов. Будущее развитие этой области, вероятно, будет подчёркивать гибридные подходы, которые сочетают традиционные юриспруденциальные основы с технологически специфическими механизмами управления. Такая системная эволюция предполагает необходимость всеобъемлющей координации между устоявшимися правовыми институтами и новыми требованиями цифрового управления, обеспечивая целостность правовой системы при одновременном создании условий для технологической трансформации через регулятивные рамки и институциональные устройства.

Механизмы междисциплинарной координации

Междисциплинарный характер киберправа требует систематической координации в рамках традиционных правовых

доменов – международного, административного, уголовного, гражданского и конституционного права – при сохранении установившихся юриспруденциальных систем и создании инновационных регулятивных подходов, управляющих технологической сложностью. Такая всеобъемлющая интеграция позволяет эффективно противостоять вызовам глобальной связности, обеспечивает функционирование механизмов регулятивного правоприменения, адаптацию норм частного права и защиту конституционных прав. При этом особое значение приобретает сложная система координации, которая одновременно сохраняет целостность правовой системы и создаёт условия для управления технологической трансформацией.

Международные правовые системы регулируют глобальную цифровую инфраструктуру посредством договорных обязательств, развития норм обычного международного права и многосторонних механизмов сотрудничества, включая центральноазиатские инициативы правовой гармонизации, направленные на согласование регионального цифрового управления. Всё это требует систематической координации между принципами территориального суверенитета и трансграничными цифровыми активностями [30]. Конвенция Совета Европы о киберпреступности формирует комплексную правовую основу международного сотрудничества, включая взаимную правовую помощь, процедуры экстрадиции и обмен доказательствами, при этом обеспечивая уважение к юрисдикционному суверенитету и национальным процессуальным различиям. Интеграция норм торгового права охватывает цифровую коммерцию, регулирование потоков данных и платформ в рамках текущих переговоров Всемирной торговой организации, что требует поиска баланса между принципами свободной торговли и сохранением регулятивного суверенитета для эффективного глобального цифрового управления.

Административное право обеспечивает регулирование технологической сферы через специализированную агентскую экспертизу. Адаптация постсоветских административных систем исследуется в работе профессора Исламбека Рустамбекова, посвящённой модернизации регулирования в переходных правовых системах [31]. Особое значение приобретают специализированные процедуры нормотворчества и механизмы правоприменения при одновременном сохранении демократической подотчётности и конституционных ограничений. Применение закона об административной процедуре включает: требования уведомления и комментария для технологического регулирования, стандарты судебного пересмотра решений агентств и процедурные гарантии, обеспечивающие участие общества в нормотворческом процессе. Такой подход позволяет объединить техническую экспертизу и правовые механизмы для эффективного развития регулятивных систем, способных реагировать на сложные технологические вызовы и обеспечивать адаптивные возможности управления.

Эволюция уголовного права в цифровом контексте связана с преследованием киберпреступлений по закону о компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях, внедрением стандартов доказательств цифровой криминалистики, развитием трансграничного сотрудничества в сфере правоприменения и процедурными адаптациями, гарантирующими соблюдение конституционных прав [32]. Особое внимание уделяется федерально-государственной координации: она необходима для разрешения юрисдикционной сложности посредством установления рамок одновременной власти, протоколов обмена доказательствами и конституционных ограничений. Такой

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

подход обеспечивает всестороннее правоприменение при уважении принципов федерализма и защите индивидуальных прав, что является ключевым условием функционирования демократического уголовного правосудия в условиях технологической трансформации.

Интеграция гражданского права

Интеграция гражданского права охватывает регулирование цифровых контрактов через валидацию положений закона об электронных подписях, ответственность за онлайн-деликты, включая иммунитет платформ на основании «Секции 230», а также механизмы электронного разрешения споров и координацию норм частного международного права, применяемых к трансграничным цифровым отношениям [33]. Анализ формирования контрактов затрагивает электронное принятие условий, цифровую аутентификацию и защиту прав потребителей. Одновременно рамки деликтной ответственности исследуют ответственность платформ, защиту посредников и стандарты модерации контента, что требует достижения тонкого баланса между содействием технологическим инновациям и обеспечением подотчётности. Такой подход гарантирует защиту частных прав при одновременном создании условий для технологического развития.

Конституционное право формирует фундаментальную основу регулирования цифровой среды посредством защиты цифровых прав, ограничения государственной власти и установления структурных положений, определяющих технологическое управление в рамках демократических принципов. Требования должной процедуры распространяются на алгоритмические системы принятия решений, затрагивающие фундаментальные права, а анализ равной защиты учитывает вопросы цифровой дискриминации и различий в доступе к технологиям. Защита свободы выражения, гарантируемая первой поправкой, адаптируется к онлайн-коммуникациям и управлению цифровыми платформами, в то время как положения четвёртой поправки о неприкосновенности частной жизни применяются к вопросам цифрового наблюдения. Всё это требует тщательного конституционного толкования, которое должно уравновешивать технологические возможности с необходимостью обеспечения защиты индивидуальных прав, являющейся основой демократического управления в цифровых обществах.

Конституционная адаптация к цифровому управлению

Конституционные принципы претерпевают систематическое переосмысление в условиях цифровой трансформации, сохраняя при этом фундаментальные демократические ценности. Особенно заметные процессы конституционной адаптации наблюдаются в постсоветских юрисдикциях, включая опыт Узбекистана, где интеграция цифровых прав в конституционные системы усиливает защиту индивидуальных прав и развивает механизмы государственной подотчётности [35]. Эта адаптация охватывает требования должной процедуры в алгоритмических системах, равную защиту в автоматизированном принятии решений, применение положений первой поправки к управлению цифровыми платформами, защиту неприкосновенности частной жизни на основании четвёртой поправки в контексте цифрового наблюдения, а также толкование «торговой оговорки» в условиях трансграничного обмена данными. Такой процесс требует высокой аналитической сложности и гибкости конституционного толкования.

Защита принципов должной процедуры распространяется на цифровые процессы, предусматривая адекватное уведомление, возможность быть услышанным и беспристрастное принятие реше-

ний, что обеспечивает справедливость в технологических средах, напрямую затрагивающих индивидуальные права. Процедурная должная процедура охватывает достаточность электронных уведомлений, эффективность виртуальных слушаний, надзор за автоматизированным принятием решений и обязательные требования алгоритмической прозрачности. При этом применяется балансирующий тест – Маттьюс против Элдриджа, который оценивает затронутые частные интересы, риск ошибочного лишения прав и административные издержки, обеспечивая индивидуальное понимание процессов и значимое участие в демократическом управлении.

Анализ равной защиты

Анализ равной защиты обращается к проблеме алгоритмической дискриминации посредством конституционной проверки, которая исследует как явные классификации, использующие защищённые характеристики, так и прокси-дискриминацию через коррелированные переменные, создающие дискриминационные эффекты при формальном сохранении нейтральных политик [36]. Конституционные средства правовой защиты включают:

перспективное облегчение, предполагающее модификацию алгоритма для устранения предвзятости;

компенсационные выплаты за причинённый индивидуальный вред;

структурные реформы, направленные на внедрение систем предотвращения предвзятости и повышения прозрачности;

обязательства мониторинга, обеспечивающие постоянное соответствие конституционным стандартам.

Эти механизмы применяются как к случаям индивидуальной дискриминации, так и к борьбе с системным цифровым неравенством, требуя возможной алгоритмической модификации с учётом технических возможностей и компромиссов между точностью и справедливостью.

Анализ результатов исследования

Проведённое исследование демонстрирует сложную эволюцию киберправа как интегрированной теоретической модели, способной адаптировать традиционные юриспруденциальные принципы к вызовам цифрового века. Анализ результатов выявил несколько ключевых закономерностей в развитии киберправа как самостоятельной правовой дисциплины.

Во-первых, установлена тенденция к конвергенции различных правовых традиций в области цифрового регулирования. Сравнительный анализ показывает, что как системы общего права, так и континентальные правовые системы, включая постсоветские юрисдикции, движутся к формированию гибридных моделей управления, которые сочетают классические подходы с инновационными механизмами регулирования технологических процессов.

Во-вторых, исследование подчёркивает критическую важность междисциплинарной координации для эффективного функционирования киберправа. Интеграция норм международного, административного, уголовного, гражданского и конституционного права требует не механического объединения, а разработки синтетических правовых подходов, способных учитывать специфику цифровой среды и технологических вызовов.

В-третьих, установлено, что конституционная адаптация к цифровому управлению является наиболее сложным и динамичным аспектом развития киберправа. Балансирование между технологическими инновациями и защитой фундаментальных прав создаёт новые интерпретативные вызовы для конституционного права, требующие разработки специализированных аналитических инструментов и методологий.

В-четвёртых, исследование выявляет ключевую роль образовательных институ-

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

тов, таких как Ташкентский государственный юридический университет, в формировании теоретических и прикладных основ киберправа. Развитие специализированных образовательных программ становится критическим фактором подготовки специалистов, способных эффективно работать в области цифрового регулирования.

Наконец, анализ подтверждает необходимость теоретического плюрализма. Ни одна из традиционных юриспруденциальных школ – правовой позитивизм, теория естественного права, критические правовые исследования или экономический анализ права – не способна в отдельности охватить всю сложность технологических вызовов. Успешное развитие киберправа требует интеграции различных правовых доктрин в единую комплексную систему, способную одновременно обеспечивать инновационное развитие и защиту фундаментальных прав.

Выводы

Данный анализ демонстрирует развитие киберправа как всеобъемлющей теоретической модели, интегрирующей традиционные юриспруденциальные принципы с инновационными подходами к управлению, необходимыми для регулирования цифровой эпохи. Эта модель опирается на сохранение конституционных гарантий, демократической подотчётности и фундаментальных прав человека посредством адаптивных регулятивных механизмов и сложных аналитических подходов.

Теоретические вклады киберправа охватывают:

формирование дефиниционных рамок, отличающих киберправо от традиционных правовых отраслей;

методологическую интеграцию, объединяющую различные юриспруденциальные школы;

координацию нормативной иерархии, решающую задачи согласования между различными источниками права;

междисциплинарные механизмы, управляющие интеграцией международного, административного, уголовного, гражданского и конституционного права;

конституционную адаптацию, направленную на сохранение фундаментальных прав при одновременном обеспечении возможностей технологического управления.

Систематическое исследование выявляет тенденцию к формированию гибридных моделей управления, которые уравновешивают содействие инновациям с защитой прав человека в разнообразных юрисдикционных контекстах. При этом сохраняется установившаяся юриспруденциальная целостность и демократическая легитимность.

Будущее развитие киберправа предполагает усиление теоретического плюрализма, адаптирующего традиционные правовые основы к технологическим реалиям. Это требует сочетания:

правового позитивизма – для структурного регулирования;

доктрины естественного права – для защиты фундаментальных ценностей;

критических правовых исследований – для анализа социального воздействия цифровых технологий;

экономического анализа права – для обеспечения эффективности регулятивных стратегий.

В условиях глобальной цифровизации сложные трансграничные проблемы требуют координации между правовой, технической и политической экспертизой, что усиливает значение междисциплинарного подхода.

Практическая значимость развития киберправа проявляется в необходимости:

построения регулятивных систем, интегрирующих национальные и международные правовые источники;

создания механизмов международного сотрудничества, обеспечивающих управление трансграничными цифровыми активностями;

разработки руководящих принципов конституционного толкования, гарантирующих защиту прав в цифровых средах;

развития образовательных программ, подготавливающих специалистов к вызовам технологического управления;

проведения институциональной адаптации, обеспечивающей демократическую подотчётность и эффективность цифрового управления.

Эти последствия подчёркивают, что киберправо перестаёт быть исключительно теоретической категорией, превращаясь в практический инструмент управления технологической трансформацией при сохранении фундаментальных демократических ценностей и защиты индивидуальных прав.

Будущие исследовательские программы должны охватывать:

эмпирическую оценку регулятивной эффективности в различных юрисдикциях;

изучение адаптации постсоветских правовых систем, включая опыт центральноазиатской конституционной модернизации;

сравнительный анализ стратегий конституционной адаптации в глобальном контексте;

технологическую оценку алгоритмического управления и рисков автоматизации;

экономическую оценку регулирования цифрового рынка с акцентом на баланс инноваций и конкуренции;

нормативный анализ механизмов демократической подотчётности в условиях цифровой трансформации.

Особое внимание должно уделяться междисциплинарным исследованиям, объединяющим правовую науку с технической экспертизой, политическим анализом и демократической теорией. Такой подход позволит глубже понять эволюцию киберправа и выработать практические решения для управления технологическими изменениями при сохранении конституционной демократии и обеспечения человеческого процветания в цифровых обществах.

REFERENCES

1. Cohen J.E. Between Truth and Power: The Legal Constructions of Informational Capitalism. Oxford University Press, 2019, p. 376.
2. Mayer-Schenberger V., Cukier K. Big Data: A Revolution That Will Transform How We Live, Work and Think. Houghton Mifflin Harcourt, 2013, p. 242.
3. Rotenberg M., Horwitz J., Scott J. Privacy in the Modern Age: The Search for Solutions. New Press, 2015, p. 256.
4. Gulyamov S. Cyber law. TSUL Publishing, and related works on cyberlaw theoretical frameworks, 2025, vol. 1.
5. Zittrain J. The Future of the Internet and How to Stop It. Yale University Press, 2008, p. 352.
6. Communications Decency Act 1996, 47 USC § 230. Available at: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/47/230/
7. Electronic Signatures in Global and National Commerce Act 2000, 15 USC § 7001. Available at: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/7001/
8. Health Insurance Portability and Accountability Act 1996. Available at: https://www.cdc.gov/phlp/php/resources/health-insurance-portability-and-accountability-act-of-1996-hipaa.html/
9. Cybersecurity Information Sharing Act 2015, 6 USC § 1501. Available at: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/6/1501/
10. Digital Millennium Copyright Act 1998, 17 USC § 512. Available at: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/512/

11. Regulation (EU) 2024/1689 on artificial intelligence [2024] OJ L 1689. Available at: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng/

12. United States v. Ivanov 175 F Supp 2d 367 (D Conn 2001). Available at: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/175/367/2419190/

13. Zippo Manufacturing Co v Zippo Dot Com 952 F Supp 1119 (WD Pa 1997). Available at: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/952/1119/1432344/

14. International Shoe Co v Washington 326 US 310 (1945) applied in digital contexts. Available at: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/326/310/

15. Yahoo! Inc v La Ligue Contre Le Racisme 433 F3d 1199 (9th Cir 2006). Available at: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/433/1199/546158/

16. Regulation (EU) 2022/2065 on Digital Services [2022] OJ L 277/1. Available at: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng/

17. Administrative Procedure Act 1946, 5 USC § 553. Available at: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/5/553/

18. Federal Trade Commission Act 1914, 15 USC § 45. Available at: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/45/

19. Hart H.L.A. The Concept of Law. Oxford University Press, 1994.

20. Finnis J. Natural Law and Natural Rights. Oxford University Press, 2011, p. 511.

21. Kennedy D. Legal Formality. *Journal of Legal Studies,* vol. 2, no. 2, pp. 351–398.

22. Bozarov S. The conception and significance of free economic zones as special area of accomplishing of entrepreneurial activity. *The American Journal of Social Science and Education Innovations*, 2023, vol. 5, no. 11, 110–121.

23. Charter of Fundamental Rights of the European Union. 2012. OJ C 326/391. Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:C2012/326/02/

24. Regulation (EU) 2022/1925 on Digital Markets [2022] OJ L 265/1. Available at: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/1925/oj/eng

25. US Constitution, amends I, IV, V, XIV; art I, § 8, cl 3. Available at: https://billofrightsinstitute.org/primary-sources/constitution?gad_source=1&gad_campaignid=1461766925&gbraid=0AAAADkVKog8kPr0bbF3Ve8qf-DPJnWZ&gclid=EAIaIQobChMIupzX1e_IjwMV7af9BR1gJTnlEAAYAiAAEgJ59_D_BwE/

26. Carpenter v United States 585 US. 2018. Available at: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/585/16-402/#:~:text=United%20States%2C%20585%20U.S.%20__%20(2018)&text=When%20a%20phone%20connects%20to,phone%20numbers%20of%20robbery%20suspects/

27. Telecommunications Act 1996, 47 USC § 151. Available at: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/47/151/

28. Yakubov A. Digital real estate: Navigating the legal landscape of virtual property rights. *Uzbek Journal of Law and Digital Policy*, 2023, vol. 1(2), p. 10.

29. Federal circuit development in Perfect 10 v Amazon 508 F3d 1146 (9th Cir 2007). Available at: https://www.copyright.gov/fair-use/summaries/perfect10-amazon-9thcir2007.pdf/

30. Council of Europe Convention on Cybercrime. Available at: https://rm.coe.int/1680081561/

31. Rustambekov I. Access to justice and the role of online dispute resolution. *Prospects for the Development of International Commercial Arbitration in Uzbekistan*, 2023, vol. 1(1), pp. 50–53.

32. Computer Fraud and Abuse Act 1986, 18 USC § 1030. Available at: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1030

33. Electronic Signatures in Global and National Commerce Act 2000. Available at: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-106publ229/pdf/PLAW-106publ229.pdf/

34. 15 USC § 7001; Communications Decency Act 1996, 47 USC § 230. Available at: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/47/230/

35. Mathews v Eldridge 424 US 319 (1976); Loomis v Wisconsin 881 NW2d 749 (Wis 2016). Available at: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/424/319/

36. Washington v Davis 426 US 229 (1976). Available at: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/426/229/

Kelib tushgan / Получено / Received: 18.08.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 08.09.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 26.09.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.3./YACI6909
UDC: 347:573.6:608(045)(575.1)

ZAMONAVIY BIOTEXNOLOGIYA SOHASIDAGI FUQAROLIK-HUQUQIY MUNOSABATLARNING O‘ZIGA XOS XUSUSIYATLARI

Mamanazarov Sardor Shuxratovich,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Ingliz huquqi va Yevropa Ittifoqi huquqi kafedrasi mudiri,
yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (PhD)
ORCID: 0009-0004-5855-6498
e-mail: sardormamanazarov@gmail.com

Annotatsiya. *Ushbu tadqiqot biotexnologiya sohasidagi fuqarolik-huquqiy munosabatlarning nazariy asoslari va amaliy xususiyatlarini kompleks tahlil qilishga qaratilgan. Tadqiqotning asosiy maqsadi biotexnologiya tushunchasini aniq belgilash, uning tarixiy rivojlanish dinamikasini chuqur o‘rganish hamda biotexnologiya sohasidagi fuqarolik-huquqiy munosabatlarning o‘ziga xos xususiyatlarini tizimli va keng qamrovli tahlil qilishdan iborat. Muammoning qo‘yilishi zamonaviy biotexnologiya faoliyatining an’anaviy fuqarolik huquqi institutlariga nisbatan tubdan farqlanuvchi o‘ziga xos tabiatga ega ekanligidan kelib chiqadi. Tadqiqot jarayonida qiyosiy-huquqiy, tahliliy-sintetik metodlar, tarmoqlararo ilmiy yondashuv va tizimli tahlil usullari keng qo‘llangan. Xalqaro nufuzli tashkilotlar tomonidan berilgan ta’riflarning batafsil qiyosiy tahlili asosida biotexnologiyaning mualliflik ta’rifi ishlab chiqilgan. Tadqiqot davomida biotexnologiya sohasidagi fuqarolik-huquqiy munosabatlarning bir qancha muhim va asosiy o‘ziga xos xususiyatlari aniqlandi: tarmoqlararolik va fanlararo integrallashtirish, dinamiklik va texnologik tezkorligi, yuqori noaniqlik va risk faktori, xalqaro xarakter va global integrallashtirish, etik-huquqiy duallik va ijtimoiy mas’uliyat, yuqori kapitalizatsiya va uzoq investitsiya sikli, regulyativ murakkablik va ko‘p darajali nazorat. Olingan natijalar biotexnologiya huquqini mustaqil huquqiy soha sifatida rivojlantirish, ixtisoslashgan huquqiy institutlar yaratish va an’anaviy fuqarolik huquqi konsepsiyalarini tubdan qayta ko‘rib chiqish zarurligini yaqqol ko‘rsatadi.*

Kalit so‘zlar: *biotexnologiya, fuqarolik-huquqiy munosabatlar, intellektual mulk, shartnomaviy majburiyatlar, huquqiy tartibga solish, patent huquqi, fuqaroviy javobgarlik*

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ СОВРЕМЕННЫХ БИОТЕХНОЛОГИЙ

Маманазаров Сардор Шухратович,
доктор философии по юридическим наукам (PhD),
заведующий кафедрой английского права и права Европейского союза
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. *Настоящее исследование направлено на комплексный анализ теоретических основ и практических особенностей гражданско-правовых отношений в сфере биотехнологий. Основная цель работы заключается в чётком определении понятия «биотехнология», глубоком*

изучении динамики её исторического развития, а также в системном и всестороннем анализе специфики гражданско-правовых отношений, возникающих в данной области. Постановка проблемы обусловлена тем, что современная биотехнологическая деятельность обладает особой природой, коренным образом отличающейся от традиционных институтов гражданского права. В процессе исследования широко применялись сравнительно-правовой, аналитико-синтетический методы, межотраслевой научный подход и методы системного анализа. На основе детального сравнительного изучения определений, предложенных авторитетными международными организациями, была выработана авторская дефиниция понятия «биотехнология». В ходе исследования выявлен ряд существенных и ключевых особенностей гражданско-правовых отношений в сфере биотехнологий: межотраслевой и междисциплинарный характер интеграции, динамичность и технологическая оперативность, высокая степень неопределённости и наличие факторов риска, международная природа и глобальная интеграция, этико-правовой дуализм и социальная ответственность, высокая капитализация и длительный инвестиционный цикл, регулятивная сложность и многоуровневый контроль. Полученные результаты наглядно свидетельствуют о необходимости развития биотехнологического права в качестве самостоятельной отрасли, формирования специализированных правовых институтов и коренного пересмотра традиционных концепций гражданского права.

Ключевые слова: *биотехнология, гражданско-правовые отношения, интеллектуальная собственность, договорные обязательства, правовое регулирование, патентное право, гражданская ответственность*

PECULIARITIES OF CIVIL-LEGAL RELATIONS IN THE FIELD OF MODERN BIOTECHNOLOGY

Mamanazarov Sardor Shukhratovich,
Head of the Department of English Law
and European Union Law,
Doctor of Philosophy (PhD) in Law,
Tashkent State University of Law

Abstract. *This research is aimed at a comprehensive analysis of the theoretical foundations and practical features of civil law relations in the field of biotechnology. The main goal of the research is a clear definition of the concept of biotechnology, a deep study of the dynamics of its historical development, as well as a systematic and comprehensive analysis of the specifics of civil law relations in the field of biotechnology. The problem arises from the fact that modern biotechnological activity has a fundamentally different nature from traditional civil law institutions. In the research process, comparative-legal, analytical-synthetic methods, an interdisciplinary scientific approach, and methods of system analysis were widely used. Based on a detailed comparative analysis of the definitions given by reputable international organizations, the author's definition of biotechnology has been developed. During the study, several important and main features of civil law relations in the field of biotechnology were identified: intersectoral and interdisciplinary integration, dynamism and technological speed, high uncertainty and risk factor, international character and global integration, ethical and legal duality and social responsibility, high capitalization and a long investment cycle, regulatory complexity and multi-level control. The obtained results clearly demonstrate the need to develop biotechnology law as an independent legal field, create specialized legal institutions, and fundamentally revise the concepts of traditional civil law.*

Keywords: *biotechnology, civil law relations, intellectual property, contractual obligations, legal regulation, patent law, civil liability*

Kirish

Mavzuning dolzarbligi. Fuqarolik huquqi institutlari jamiyatning iqtisodiy va ijtimoiy ehtiyojlari asosida shakllanadi va rivojlanadi. So‘nggi o‘n yilliklarda biotexnologiya sohasi iqtisodiyotning muhim tarmog‘iga aylanib, yangi turdagi tovar va xizmatlar bozorini shakllantirdi [1]. Bu jarayon an’anaviy fuqarolik-huquqiy kategoriyalarni qayta ko‘rib chiqish va biotexnologiya faoliyatining o‘ziga xos xususiyatlariga moslashtirishni taqozo etadi.

Biotexnologiya sohasi butun dunyo miqyosida jamoatchilik muhokamalariga sabab bo‘lmoqda. Bu soha inqilobiy foyda keltirsa ham, ba’zi hollarda noaniq yoki sinovdan o‘tmagan xavflarni ham yuzaga keltirmoqda [1]. Shu sababli biotexnologiyaning imkoniyatlari va potensial xavflariga oid masalalar xalqaro hamjamiyat kun tartibining eng dolzarb mavzularidan biriga aylanmoqda. Bugungi kunda biotexnologiyaga doir huquqiy asos va qoidalar ishlab chiqish, xalqaro darajada yagona ta’rifni belgilash hamda unga oid huquqiy munosabatlarning o‘ziga xos jihatlarini inobatga olish zaruriyati tobora ortib bormoqda.

Maqolaning aniq maqsadi va yechilishi lozim bo‘lgan masalani asoslash. Ushbu maqolaning asosiy maqsadi biotexnologiya tushunchasini aniq belgilash, uning tarixiy rivojlanish dinamikasini o‘rganish va biotexnologiya sohasidagi fuqarolik-huquqiy munosabatlarning o‘ziga xos xususiyatlarini tizimli tahlil qilish va mualliflik ta’rifini ishlab chiqishdan iborat. Mazkur tadqiqot doirasida ko‘rib chiqilishi lozim bo‘lgan asosiy masalalar quyidagilardan iborat:

– biotexnologiya tushunchasining ilmiy-huquqiy ta’rifini ishlab chiqish;

– biotexnologiya sohasidagi fuqarolik-huquqiy munosabatlarning konseptual asoslarini belgilash;

– ushbu sohaning o‘ziga xos xususiyatlarini aniqlash va klassifikatsiyalash;

– an’anaviy fuqarolik huquqi institutlarining biotexnologiya kontekstida qo‘llanish muammolarini tahlil qilish.

Maqolada qo‘yilgan masalani yechishga boshqa mualliflar yondashuvi. Biotexnologiya huquqi sohasidagi tadqiqotlarga e’tibor qaratgan Alessandro Stasi biotexnologiyaning huquqiy jihatdan murakkab tabiatini alohida ta’kidlaydi. U biotexnologiya qonunchiligi va siyosatiga oid zamonaviy huquqiy masalalarni chuqur tahlil qilib [2], ushbu sohaning turli jihatlari, jumladan, etik, axloqiy, iqtisodiy va ijtimoiy oqibatlari hamda qonunchilikka qo‘yiladigan normativ talablarning ahamiyatini yoritib beradi.

Sheila Jasanoff biotexnologiya sohasida ilmiy hamjamiyatning o‘z-o‘zini tartibga solish imkoniyatlari cheklanganligini ta’kidlaydi hamda “biokonstitutsionalizm” tushunchasini ilgari suradi. Ushbu yondashuv biotexnologiya yutuqlari bilan konstitutsiyaviy normalar o‘rtasidagi o‘zaro dinamik aloqalarni tahlil qilishni nazarda tutadi [3]. Jasanoffning fikricha, bunday jarayon faqat biologlar ishtirokida emas, balki huquqshunoslar, etika bo‘yicha mutaxassislar, diniy doiralar va boshqa ijtimoiy guruhlarning faol ishtiroki bilan amalga oshirilishi lozim.

Michael G. Pappas biotexnologiya sohasidagi tadqiqotlar juda qimmat turishi va bir kunlik tajriba ming dollargacha pul talab qilishi mumkinligini qayd etadi [4, 145–178-b.]. Pappasning fikriga ko‘ra, bunday tadqiqotlardan olingan ma’lumotlar tezkor rivojlanayotgan sohada oldingi o‘rinni saqlab qolish uchun raqobatchilardan sir saqlanishi lozim.

Greer, Trump o‘z tadqiqotlarida biotexnologiya boshqaruvida himoya va xavfsizlikni ta’minlash hamda etik, huquqiy va ijtimoiy oqibatlarga murojaat qilishning muhimligini ta’kidlaydi [5]. Ularning fikricha, har qanday rivojlangan genetik rivojlanish va foydalanishning muvaffaqiyati yaratuvchilarning texnik ishonchliligini o‘rnatish, himoya va xavfsizlikni ta’minlash va mahsulotning etik, huquqiy va ijtimoiy oqibatlarini shaffof tarzda taqdim etishni talab qiladi.

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

Material va metodlar

Tadqiqot biotexnologiya tushunchasining tarixiy rivojlanishini o‘rganish, turli xalqaro tashkilotlar va ilmiy manbalar tomonidan berilgan ta’riflarni qiyosiy tahlil qilish hamda biotexnologiya sohasidagi fuqarolik-huquqiy munosabatlarning o‘ziga xos xususiyatlarini aniqlashni o‘z ichiga oladi.

Tadqiqotda biotexnologiyaning 1919-yildan boshlab zamonaviy davrgacha bo‘lgan tarixiy rivojlanishi, turli sohalar bo‘yicha klassifikatsiyasi (qizil, yashil, oq, kulrang, ko‘k, binafsha biotexnologiya) va har bir sohada yuzaga keladigan huquqiy munosabatlarning xususiyatlari o‘rganilgan.

Tadqiqotda quyidagi metodlar qo‘llangan:

1. Qiyosiy-huquqiy metod – turli mamlakatlardagi biotexnologiya qonunchiligini taqqoslash uchun.

2. Tahliliy-sintetik metod – ilmiy adabiyotlar va huquqiy hujjatlarni tahlil qilish uchun.

3. Tarmoqlararo yondashuv – biotexnologiya, huquq va iqtisodiyot sohalarini integratsiyalash uchun.

4. Tizimli tahlil – biotexnologiya sohasidagi munosabatlarni kompleks o‘rganish uchun.

5. Normativ-huquqiy tahlil – qonunchilik hujjatlarini o‘rganish uchun.

Tadqiqot obyekti sifatida biotexnologiya sohasidagi fuqarolik-huquqiy munosabatlar, tadqiqot predmeti sifatida esa ushbu munosabatlarning o‘ziga xos xususiyatlari belgilangan.

Tadqiqot natijalari

Biotexnologiya atamasi birinchi marta 1919-yilda venger muhandisi Karl Ereky tomonidan kiritilgan. Ereky biotexnologiyani “xomashyodan tirik organizmlar yordamida mahsulot ishlab chiqarishga qaratilgan fan va metodlar” deb ta’riflagan [6]. Biroq bu dastlabki ta’rif zamonaviy biotexnologiya tushunchasining murakkabligini to‘liq ifodalay olmagan.

Biotexnologiyaning rivojlanishida uch asosiy bosqichni shartli ajratish mumkin. Birinchi bosqich (1919–1950-yillar) an’anaviy fermentatsiya jarayonlari va biologik mahsulotlar ishlab chiqarishga asoslangan edi. Ikkinchi bosqich (1950–1970-yillar) molekulyar biologiya sohasidagi fundamental kashfiyotlar bilan belgilanadi. Bu davrda DNK strukturasining kashf etilishi (Watson va Crick, 1953) va genetik kodning ochilishi biotexnologiya tushunchasini tubdan o‘zgartirdi [7].

Uchinchi va eng muhim bosqich 1970-yillarda boshlanib, rekombinant DNK texnologiyasining paydo bo‘lishi bilan belgilanadi [8]. Stanley Cohen 1971-yilda plazmidlar yordamida E. coli bakteriyasiga yangi xususiyatlar berish usulini kashf etdi. Bu kashfiyot 1967-yilda topilgan ligaza fermentlari va 1970-yilda kashf etilgan restriksiya fermentlari bilan birgalikda zamonaviy genetik muhandislikning poydevorini yaratdi [8].

Tadqiqot jarayonida eng nufuzli xalqaro tashkilotlar tomonidan berilgan ta’riflar tahlil qilindi. Britannica ensiklopediyasida biotexnologiya “muammolarni hal qilish va foydali mahsulotlar yaratish uchun biologiyadan foydalanish” deb ta’riflanadi [9]. Bu ta’rif biotexnologiyaning amaliy yo‘nalganligini bildiradi.

Iqtisodiy hamkorlik va taraqqiyot tashkiloti (OECD) biotexnologiyaga quyidagicha ta’rif beradi: “Tirik organizmlar, ularning qismlari, mahsulotlari va modellari bo‘yicha fan va texnologiyani qo‘llash orqali tirik yoki tirik bo‘lmagan materiallarni bilim, tovar va xizmatlar ishlab chiqarish maqsadida o‘zgartirish” [10]. Ushbu keng qamrovli ta’rif zamonaviy biotexnologiyaning turli sohalarni qamrab oluvchi murakkab va integratsiyalashgan tabiatini aks ettiradi.

YUNESKO ta’rifi esa biotexnologiyaning jamiyat ehtiyojlariga xizmat qilish maqsadini alohida ta’kidlaydi: “Mahsulotlar ishlab chiqarish yoki ularni yaxshilash, o‘simlik va hayvonlarni takomillashtirish hamda muayyan maqsadlar uchun mikroorganizmlarni rivojlantirish maqsadida biologik organizmlar, jarayonlar va tizimlardan foydalanish” [11].

Alohida e’tibor qaratish lozim bo‘lgan muhim hujjat Birlashgan Millatlar Tashkilotining 1992-yilgi Biologik xilma-xillik to‘g‘risidagi konvensiyasining 2-moddasi hisoblanadi. Ushbu konvensiyada biotexnologiyaga quyidagicha ta’rif berilgan: “Biologik tizimlar, tirik organizmlar yoki ularning hosilalaridan ma’lum bir maqsadda mahsulot yoki jarayonlarni yaratish yoki o‘zgartirish uchun foydalanadigan har qanday texnologik qo‘llash” [12]. Bu ta’rif xalqaro huquqda biotexnologiyaning rasmiy ta’rifi sifatida qabul qilingan va ko‘plab milliy qonunchilik tizimlarida asos bo‘lib xizmat qiladi. Konvensiyaning ahamiyati shundaki, u biotexnologiya sohasidagi xalqaro huquqiy munosabatlar uchun umumiy konseptual asos yaratadi va milliy huquq tizimlarining konvergensiyasi uchun poydevor bo‘ladi.

Yuqorida keltirilgan keng qamrovli tahlil va turli manbalardagi yondashuvlarni sintez qilish asosida tadqiqot natijasi sifatida biotexnologiya haqida quyidagi mualliflik ta’rifi ishlab chiqildi: “Biotexnologiya – bu tirik organizmlar, ularning qismlari, biologik jarayonlari va molekulyar tuzilmalaridan foydalangan holda, fan, texnologiya va ishlab chiqarish usullarini integrallashtiruvchi tarmoqlararo soha bo‘lib, inson hayotini yaxshilash, iqtisodiy rivojlanish, atrof-muhit muammolarini hal qilish va jamiyat ehtiyojlarini qondirish maqsadida yangi mahsulot, xizmat va texnologiyalar yaratishga qaratilgan, yuqori etik va huquqiy mas’uliyat talab qiladigan ilmiy-amaliy faoliyat turidir”.

Ushbu ta’rifning o‘ziga xos jihatlari shundan iboratki, u biotexnologiyaning tarmoqlararo tabiati, ijtimoiy mas’uliyat talabi va huquqiy-etik jihatlarni alohida ta’kidlaydi.

Tadqiqot natijalari asosida biotexnologiya sohasidagi fuqarolik-huquqiy munosabatlarning quyidagi mualliflik ta’rifi ishlab chiqildi: “Biotexnologiya sohasidagi fuqarolik-huquqiy munosabatlar – bu tirik organizmlar, ularning qismlari, biologik jarayonlar, genmuhandislik mahsulotlari va biotexnologik ixtirolar ustidan mulkiy huquqlar, shu jumladan, intellektual mulk huquqlarining amalga oshirilishi; biotexnologik faoliyat jarayonida yuzaga keladigan shartnomaviy-huquqiy majburiyatlar va fuqarolik-huquqiy javobgarlik, shuningdek, biotexnologiya bilan bog‘liq etik va huquqiy me’yorlar ta’siri ostida shakllanadigan, shaxslarning teng huquqli asosda ishtirok etishi, davlat tomonidan himoya qilinishi hamda maxsus tartibga solishni talab qiladigan ijtimoiy munosabatlardir”.

Bu ta’rif biotexnologiya sohasidagi fuqarolik-huquqiy munosabatlarning barcha asosiy komponentlarini qamrab oladi va an’anaviy fuqarolik huquqidan farqlovchi xususiyatlarni aks ettiradi.

Shu o‘rinda qayd etish lozimki, milliy va xorijiy olimlar tomonidan biotexnologiya sohasidagi fuqarolik-huquqiy munosabatlar shu vaqtga qadar alohida o‘rganilib, ta’rifi ishlab chiqilmagan.

Tadqiqot davomida biotexnologiyaning oltita asosiy sohaga bo‘linishi aniqlandi: qizil (tibbiy), yashil (qishloq xo‘jaligi), oq (sanoat), kulrang (atrof-muhit), ko‘k (dengiz) va binafsha (huquqiy) biotexnologiya. Har bir soha o‘ziga xos huquqiy xususiyatlarga ega ekanligi aniqlandi.

Tadqiqot natijalari tahlili

Olingan tadqiqot natijalarini chuqur tahlil qilish asosida biotexnologiya sohasidagi fuqarolik-huquqiy munosabatlarning bir qancha asosiy xususiyatlari tizimli tarzda ko‘rib chiqildi. Har bir xususiyat o‘z ijtimoiy-iqtisodiy sabablari va huquqiy oqibatlari bilan birga tahlil qilindi.

Birinchi xususiyat: tarmoqlararo (Interdissiplinar)lik va fanlararo integrallashtirish. Biotexnologiya sohasidagi huquqiy masalalarni hal qilish uchun nafaqat huquqiy bilimlar, balki biologiya, kimyo, tibbiyot va boshqa fanlar bo‘yicha chuqur bilim ham talab etiladi. Bu xususiyat sud jarayonlarida ekspert xulosalarining muhim ahamiyat kasb etishiga olib keladi. Masalan, genetik

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

modifikatsiyalangan organizmlar (GMO)ga oid patent nizolarini ko‘rib chiqishda sudlar genetik muhandislik jarayonlarining murakkab texnik jihatlari bilan tanishishlari shart. “PLOS Biology” jurnalida ta’kidlanganidek, biotexnologiya “tadqiqot va innovatsiyalar frontida turgan va so‘nggi yillarda tez rivojlangan inqilobiy fan sohasi” hisoblanadi [13]. Bu tarmoqlararo tabiat shartnoma tuzish, patent tayyorlash va sud jarayonlarida maxsus malakaga ega mutaxassislar jalb qilishni taqozo qiladi.

Ikkinchi xususiyat: dinamiklik va texnologik tezkorligi. Biotexnologiya sohasidagi texnologiyalarning tez o‘zgaruvchi tabiati huquqiy tartibga solish tizimidan uzluksiz moslashishni talab qiladi. CRISPR-Cas9 texnologiyasining paydo bo‘lishi bu holatga yorqin misoldir. 2012-yilda kashf etilgan bu texnologiya asoschilari 2020-yilga kelib Nobel mukofoti bilan taqdirlandi [14] va hozirda bu texnologiya tibbiyotda keng qo‘llanmoqda. CRISPR-Cas9 – genetik muhandislikni tez, aniq va nisbatan arzon usulda amalga oshirish imkonini beruvchi inqilobiy biotexnologik vosita bo‘lib, tibbiyotda irsiy kasalliklarni davolash, qishloq xo‘jaligida yuqori hosildorlikka ega o‘simlik va hayvonlar yaratish, shuningdek, fundamental ilmiy tadqiqotlarda keng qo‘llanmoqda. Biroq mavjud qonunchilik ushbu yangi texnologiyani tartibga solish uchun tezda yangilanishi va mavjud yangiliklarga javob berishi kerak.

Uchinchi xususiyat: yuqori noaniqlik va risk faktori. Michael G. Pappasning tadqiqotlariga ko‘ra, biotexnologiya sanoatidagi tadqiqot xarajatlari juda yuqori bo‘lib, bir kunlik eksperiment ming dollarlab xarajat talab qiladi [4]. Bu yuqori xarajatlar va noaniq natijalar shartnomaviy munosabatlarda maxsus risk taqsimoti mexanizmlarini ishlab chiqishni talab qiladi. Biotexnologiya shartnomalarida maqsadli to‘lovlar (milestone payments) tizimi aynan shu noaniqlikni boshqarish uchun ishlab chiqilgan. Biotexnologiya kelishuvida 10 ga yaqin maqsadli to‘lov nazarda tutiladi.

To‘rtinchi xususiyat: xalqaro xarakter va global integrallashtirish. Biotexnologiya mahsulotlari va xizmatlarining global tabiati milliy huquq tizimlari konvergensiyasi tendensiyasini kuchaytiradi. 2023-yilda Merck, GSK va AstraZeneca kabi kompaniyalar xitoylik dori ishlab chiqaruvchilar bilan 44,1 milliard dollarlik biotexnologiya litsenziyalash shartnomalari tuzdilar [15]. Bu miqdor biotexnologiya sohasidagi xalqaro hamkorlikning qanchalik katta ekanligini ko‘rsatadi. CRISPR-Cas9 texnologiyasi bo‘yicha patent nizolari AQSh, Yevropa, Yaponiya va Xitoyda parallel ravishda ko‘rib chiqilayotgani ham xalqaro xarakterning yorqin namunasi hisoblanadi [16].

Beshinchi xususiyat: etik-huquqiy duallik va ijtimoiy mas’uliyat. Biotexnologiya sohasidagi ilmiy imkoniyatlar va axloqiy cheklovlar o‘rtasidagi doimiy taranglik bu sohani huquqiy tartibga solishda etik komponentning alohida o‘rnini belgilaydi. CRISPR-Cas9 texnologiyasi kelajak avlodlar genetik identifikatsiyasiga ta’sir qilishi va kelgusi avlodlarning roziligi haqida etik savollar tug‘diradi. Greer, Trump va Davies o‘z tadqiqotlarida biotexnologiya boshqaruvida etik, huquqiy va ijtimoiy oqibatlar masalalarining muhimligini ta’kidlaydi [1]. Masalan, 2024-yilning sentabr oyida Yevropa Patent idorasi inson-cho‘chqa ximeralariga oid patent arizasini “inson qadr-qimmatini buzish” asosida rad etgan. Bu biotexnologiya patentlariga qo‘yiladigan axloqiy cheklovlarga aniq misoldir [17].

Oltinchi xususiyat: yuqori kapitallashuv va uzoq investitsiya sikli. 2024-yilgi ma’lumotlarga ko‘ra, biotexnologiya startaplari o‘rtacha 47 million AQSh dollari miqdorida venchur kapitali jalb qildi [18], bu boshqa sohalarga qaraganda uch barobar ko‘p degani. Yangi biologik dori ishlab chiqarish xarajatlari milliard dollargacha yetishi mumkin va bu 15–20 yil vaqt talab qiladi [19]. Bu holat shartnomaviy munosabatlarda maxsus moliyaviy mexanizmlar va risk taqsimoti usullarini ishlab chiqishni taqozo etadi. Biotexno-

logiya kompaniyalari ko‘pincha daromadsiz holda IPO (Initial Public Offering) jarayoniga chiqadi, bu esa an’anaviy baholash usullarini qo‘llashni qiyinlashtiradi.

Yettinchi xususiyat: regulyativ murakkablik va ko‘p darajali nazorat. AQShda Oziq-ovqat va farmatsevtika boshqarmasi (FDA), Atrof-muhitni muhofaza agentligi (EPA) va Qishloq xo‘jaligi departamenti (USDA) kabi idoralar biotexnologiya mahsulotlarini qat’iy nazorat qiladi. Ta’kidlash lozimki, 2024-yilda AQSh Oliy sudi Loper Bright Enterprises v. Raimondo ishida Shevron doktrinasining bekor qilinishi regulyativ tartibga solish jarayoniga sezilarli ta’sir ko‘rsatdi [21] va biotexnologiya sohasidagi tartibga solish amaliyotini o‘zgartirdi.

Tadqiqot natijalari asosida biotexnologiyaning har bir sohasi o‘ziga xos huquqiy muammo va yechimlar talab qilishi aniqlandi. Bu tahlil zamonaviy huquqshunoslikda alohida sohaviy yondashuvlar zarurligini ko‘rsatadi.

Tibbiy biotexnologiya (Qizil biotexnologiya) sohasida eng murakkab huquqiy masalalar klinik sinovlar, patent himoyasi va mahsulot javobgarligi bilan bog‘liq. 2024-yilda FDA tomonidan Casgevy dorisining tasdiqlanishi CRISPR-Cas9 texnologiyasidan foydalangan holda yaratilgan birinchi gen-tahrirlash terapiyasi bo‘ldi [19]. Bu voqea tibbiy biotexnologiya sohasidagi huquqiy munosabatlarning yangi bosqichini belgilab berdi. Tibbiy biotexnologiya mahsulotlari ishlab chiqarish xarajatlari 2,8 milliard dollargacha yetishi mumkin [22], bu esa shartnomaviy munosabatlarda maxsus moliyaviy tizimlar talab qiladi.

2024-yilda tibbiy biotexnologiya sohasida yirik litsenziyalash kelishuvlari tuzildi. Novartis kompaniyasi xitoylik Shanghai Argo Biopharmaceutical bilan 4,165 milliard dollargacha bo‘lgan kelishuv imzoladi. Sanofi esa Novavax bilan COVID-19 vaksinalari bo‘yicha 1,2 milliard dollarlik kelishuv tuzdi [23]. Bu misollar tibbiy biotexnologiya sohasidagi shartnomaviy munosabatlarning murakkabligi va yuqori moliyaviy qiymatini ko‘rsatadi.

Qishloq xo‘jaligi biotexnologiyasi (Yashil biotexnologiya) sohasida asosiy huquqiy masalalar GMO mahsulotlari aylanmasi, patent huquqlari va fermerlar bilan biotexnologiya kompaniyalari o‘rtasidagi shartnomaviy munosabatlar bilan chambarchas bog‘liq. Shu bilan birga, so‘nggi yillarda gen-tahrirlash (CRISPR/Cas9) texnologiyalari yordamida iqlim o‘zgarishiga qarshi chidamli yangi o‘simliklar yaratish bo‘yicha sezilarli ilmiy yutuqlar qayd etildi. Masalan, 2024-yilda terak daraxti – populus (poplar) turlarida qurg‘oqchilikka chidamli genlar tahrir qilindi [24], bu esa o‘simliklarda suv isrofini kamaytirish va stressga chidamliligini oshirishga xizmat qildi. Bu sohadagi huquqiy munosabatlar, ayniqsa, atrof-muhit himoyasi talablari va xalqaro savdo qoidalari bilan murakkablashadi.

Sanoat biotexnologiyasi (Oq biotexnologiya), asosan, texnologiya transferi, intellektual mulk huquqlari hamda sanoat hamkorlik shartnomalari atrofida shakllanadi. Atrof-muhit biotexnologiyasi (Kulrang biotexnologiya) esa atrof-muhitni muhofaza qilish majburiyatlari va davlat-xususiy sheriklik shartnomalari bilan bog‘liq. Dengiz biotexnologiyasi (Ko‘k biotexnologiya) esa dengiz resurslaridan foydalanish huquqlari hamda xalqaro suvlar huquqiy rejimi masalalarini o‘z ichiga oladi.

Huquqiy biotexnologiya (Binafsha biotexnologiya) biotexnologiya sohasidagi intellektual mulk huquqlari, patent himoyasi va axloqiy masalalar bilan bog‘liq yo‘nalish hisoblanadi [25]. Bu soha aynan biotexnologiya ixtirolarini patentlash, gen ma’lumotlarining huquqiy himoyasi va bioaxloq standartlaridan tashkil topgan.

Ashyo huquqi institutining qo‘llanishi. Biotexnologiya mahsulotlarini an’anaviy fuqarolik huquqidagi “ashyo” tushunchasi doirasiga kiritish nazariy va amaliy muammolar tug‘diradi. Klassik fuqarolik huquqida ashyolar

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

moddiy va o‘zgarmas xususiyatlarga ega deb hisoblanadi. Biotexnologiya mahsulotlari esa dinamik yoki tirik organizmlardan olingan bo‘lib, ularning xususiyatlari vaqt o‘tishi bilan o‘zgarishi mumkin.

AQSh Oliy sudi 1980-yildagi Diamond v. Chakrabarty ishida genetik muhandisligi yordamida yaratilgan bakteriya patentlanishi mumkinligini e’lon qildi [26]. Bu qaror biotexnologiya patentlash amaliyotining poydevorini yaratdi.

2024-yildan CRISPR-Cas9 texnologiyasi bo‘yicha patent nizolari butun dunyo bo‘ylab davom etmoqda. Butunjahon Intellektual Mulk tashkiloti (WIPO) ma’lumotlariga ko‘ra, ushbu texnologiya bo‘yicha patent landshafti tobora murakkablashib bormoqda [27]. Bu holat biotexnologiya mahsulotlarining huquqiy maqomini belgilashning qanchalik murakkab ekanligini ko‘rsatadi.

Tadqiqot natijalari shuni ko‘rsatdiki, 2024-yil biotexnologiya huquqi uchun o‘zgarishlar yili bo‘ldi. Mazkur yildagi eng muhim rivojlanishlar to‘rtta asosiy yo‘nalishda kuzatildi.

Birinchi yo‘nalish: litsenziyalash kelishuvlarida paradigma o‘zgarishi. GlobalData tahlilchilari ma’lumotlariga ko‘ra, II faza dorilar uchun dastlabki to‘lovlar 2022-yildan 2024-yilgacha 460 %ga oshdi [28]. Bu dramatik o‘sish biotexnologiya kompaniyalarining yangi mahsulotlar uchun katta mablag‘lar sarflashga tayyorligini ko‘rsatadi. Litsenziyalash kelishuvlari soni ham 2023-yilga nisbatan 3,5 % oshdi, bu sohaning tiklanish fazasida ekanligini bildiradi.

Eng yirik kelishuvlar orasida Novartis va Shanghai Argo o‘rtasidagi 4,165 milliard dollarlik shartnoma, Sanofi va Novavax o‘rtasidagi COVID-19 vaksinalari bo‘yicha 1,2 milliard dollarlik kelishuv hamda Sarepta Therapeutics va Arrowhead Pharmaceuticals o‘rtasidagi 1,1 milliard dollarlik RNK interferensiya kelishuvi alohida e’tiborga molikdir. Bu miqdorlar biotexnologiya sohasidagi moliyaviy oqimlarning qanchalik katta ekanligini ko‘rsatadi.

Ikkinchi yo‘nalish: patent huquqlarida fundamental o‘zgarishlar. 2024-yilning fevral oyida University of South Florida Board of Trustees v. United States ishida Federal apellatsiya sudi Bayh-Dole qonuni bo‘yicha hukumat litsenziyasi orqaga qaytib qo‘llanishi mumkinligini belgilab berdi [29]. Bu qaror universitetlar va biotexnologiya kompaniyalari o‘rtasidagi hamkorlik shartlarini sezilarli o‘zgartirdi, chunki endi hukumat oldingi ishlarga ham litsenziya huquqlarini qo‘llashi mumkin.

Yana bir muhim rivojlanish uchinchi apellyatsiya sudining Ares Trading S.A. v. Dyax Corp. ishida patent suiiste’mol doktrinasi bo‘yicha chiqargan qarori hisoblanadi. Sud patent muddati tugagandan keyin litsenziya (royalti) to‘lovlarining ba’zi hollarda qonuniy ekanligini tasdiqladi, bu litsenziya kelishuvlarida yangi imkoniyatlar yaratdi.

Uchinchi yo‘nalish: javobgarlik sohasidagi inqilobiy o‘zgarishlar. 2024-yilning oktabrida Yevropa Ittifoqi Kengashi yangi Mahsulot Javobgarligi Direktivasini qabul qildi [30]. Bu direktiva 40 yil davomida mavjud bo‘lgan javobgarlik tizimini tubdan o‘zgartirdi. Yangi direktiva biotexnologiya mahsulotlari, jumladan, sun’iy intellekt (AI) va AI dasturlari uchun maxsus javobgarlik rejimini belgilab beradi.

Direktivaning eng muhim yangiligi – bu da’vogarlar uchun isbotlash yukini yengillashtiruvchi prezumpsiyalar kiritilganligidir. Endi mahsulotning nuqsonli ekanligi yoki sabab-oqibat bog‘liqligini isbotlash osonlashadi. Bu o‘zgarish biotexnologiya kompaniyalari uchun javobgarlik riskini sezilarli oshiradi va yangi sug‘urta strategiyalarini talab qiladi.

To‘rtinchi yo‘nalish: regulyativ muhitdagi tizimli o‘zgarishlar. 2024-yilda AQSh Oliy sudining Loper Bright Enterprises v. Raimondo qarori federal agentliklarning tartibga solish vakolatlarini cheklab qo‘ydi [21]. Bu qaror 40 yil davomida mavjud bo‘lgan Chevron doktrinasini bekor qildi va biotexnologiya sohasidagi FDA, EPA va USDA kabi idoralarning

qarorlariga nisbatan sudda shikoyat qilish imkoniyatlarini kengaytirdi.

Corner Post, Inc. v. Bd. of Governors ishida Oliy sud federal agentlik harakatlariga qarshi da'vo qo'zg'atish muddatini uzaytirdi. Endi 6 yillik muddat agentlik "yakuniy qaror" chiqargan paytdan emas, balki da'vogar zarar ko'rgan paytdan hisoblanadi. Bu o'zgarish biotexnologiya sohasida regulyativ qarorlarga qarshi da'volar sonini sezilarli oshirishi mumkin.

Beshinchi yo'nalish: etik va axloqiy masalalarning institutsionallashishi. 2024-yilda Stanford universiteti tadqiqotchilari "Ethical Licensing Restrictions" konsepsiyasini ishlab chiqdi [32]. Bu yondashuv patent egalariga o'z texnologiyalaridan etik jihatdan noto'g'ri foydalanishni cheklab qo'yish imkonini beradi. CRISPR-Cas9 kabi gen tahrirlash texnologiyalari uchun bu juda dolzarbdir.

Duke universiteti APOE genlari bo'yicha patentlardan foydalanib, Alsgeymer kasalligi genetik testlarini cheklash misolida ko'rsatilganidek, etik litsenziyalash cheklovlari amalda qo'llanishi mumkin. Ushbu yondashuv patent tizimini texnologiyalarning samarali rivojlanishini ta'minlash vositasi sifatida ishlatishga imkon beradi.

Tadqiqot jarayonida bir qator metodologik va amaliy muammolar yuzaga keldi. Birinchi muammo biotexnologiya ta'riflarining xilma-xilligi va ularning huquqiy ahamiyatini baholashning qiyinligi edi. Bu muammoni hal qilish uchun eng nufuzli xalqaro tashkilotlar ta'riflari taqqosiy tahlil etildi va Biologik xilma-xillik to'g'risidagi konvensiya ta'rifi asos sifatida qabul qilindi.

Ikkinchi muammo fuqarolik-huquqiy munosabatlarning o'ziga xos xususiyatlarini tizimli tasniflashning murakkabligi edi. Bu muammoni hal qilish uchun tarmoqlararo yondashuv qo'llandi va bir nechta asosiy xususiyat aniqlanib, har biri chuqur tahlil qilindi.

Uchinchidan, zamonaviy ma'lumotlarning yetishmasligi muammosi mavjud edi. Bu muammoni hal qilish uchun 2024-yilgi eng so'nggi sud qarorlari, litsenziyalash kelishuvlari va regulyativ o'zgarishlar keng qamrovli o'rganildi.

To'rtinchidan, turli huquq tizimlaridagi yondashuvlarni taqqoslashning murakkabligi mavjud edi. Bu muammo AQSh, Yevropa Ittifoqi va boshqa yirik huquq tizimlaridagi rivojlanishlarni parallel tahlil qilish orqali hal etildi.

Shartnoma huquqi institutining qo'llanishi. Biotexnologiya sohasidagi shartnomaviy munosabatlarning o'ziga xos xususiyatlari:

1. Noaniqlik darajasining yuqoriligi. Biotexnologiya mahsulotlarini ishlab chiqarish jarayoni ko'plab noma'lum omillarni o'z ichiga oladi. 2024-yilgi tahlillarga ko'ra, biotexnologiya sanoatida tadqiqot xarajatlari bir kunlik eksperiment uchun bir necha ming dollargacha yetishi mumkin.

2. Maqsadli to'lovlar tizimining murakkabligi. Rivojlanish bosqichlariga erishganda to'lanadigan maqsadli to'lovlar keng qo'llanadi. Biotexnologiya kelishuvida 10 ga yaqin maqsadli to'lov nazarda tutildi. Novartis-Shanghai Argo kelishuvida 185 million dollarlik dastlabki to'lov va jami 4,165 milliard dollargacha maqsadli to'lovlar belgilandi [23].

3. Intellektual mulk huquqlarining murakkab taqsimlanishi. 2024-yilda Shareholder Representative Services LLC v. Alexion Pharmaceuticals, Inc. ishida Delaware Court of Chancery *"tijorat jihatidan oqilona sa'y-harakatlar"* (commercially reasonable efforts) standartini obyektiv ("outward-facing") yondashuv asosida talqin qilib [32], biotexnologik shartnomalarda intellektual mulk obyektlarini tijoratlashtirishda obyektiv me'yorlarning ahamiyatini ta'kidladi.

4. Qonunchilikdagi o'zgarishlarga moslashuvchanlik. 2024-yilda Loper Bright Enterprises v. Raimondo ishida AQSh Oliy sudi Chevron doktrinasini bekor qildi. Bu qaror biotexnologiya sohasidagi regulyativ tartibga solish amaliyotini sezilarli o'zgartirdi.

5. Xalqaro xarakter va ko‘p huquq tizimlariga bo‘ysunish. 2024-yilda biotexnologiya kompaniyalari litsenziyalash kelishuvlarida o‘rtacha 33 % ko‘proq investitsiya kiritdi [28]. Bu ko‘rsatkich global integratsiya jarayonlarining kuchayganligini ko‘rsatadi.

6. Etik litsenziyalash cheklovlari (Ethical Licensing Restrictions). Bu yondashuv patent egalariga o‘z ixtirolaridan noto‘g‘ri foydalanishning oldini olish imkonini beradi.

Javobgarlik institutining qo‘llanishi. Fuqarolik javobgarlik instituti biotexnologiyaga oid munosabatlarga nisbatan qo‘llanishida quyidagi jihatlar mavjud:

1. Zarar yuzaga kelishidagi kechikish. Biotexnologiya mahsulotlarining salbiy ta’siri darhol namoyon bo‘lmasligi mumkin. Ba’zi hollarda zarar bir necha yil yoki hatto o‘n yillardan keyin aniqlanadi. Bu holatda javobgarlik muddatlarini belgilash va isbotlash masalalari murakkablashadi.

2. Sabab-oqibat bog‘liqligini aniqlashning qiyinligi. Biotexnologiya sohasida sabab-oqibat bog‘liqligini aniqlash [33] an’anaviy delikt huquqidan ancha murakkabdir. Biotexnologiya mahsulotlarining salbiy ta’siri ko‘p omilli bo‘lishi mumkin. Genetik, atrof-muhit va hayot tarzi omillari bilan o‘zaro ta’sir natijasida zarar yuzaga kelishi mumkin, bu esa aniq sababni aniqlashni qiyinlashtiradi.

3. Zarar hajmining kattaligi. Yuqori riskli xususiyatlari tufayli biotexnologiya sohasidagi hodisalar millionlab odamga ta’sir qilishi ehtimoli bor [34]. Masalan, genetik modifikatsiyalashgan organizmlarning atrof-muhitga chiqishi yoki dori preparatlarining keng miqyosdagi salbiy ta’siri katta moliyaviy zararlar keltirib chiqarishi mumkin.

4. Mahsulot javobgarligi (Product Liability). Mahsulot javobgarligi biotexnologiya sohasida maxsus murakkablikka ega. An’anaviy mahsulot javobgarlik qonunlari biotexnologiya mahsulotlarining xususiyatlarini to‘liq hisobga olmaydi. Qat’iy javobgarlik (strict liability) biotexnologiya mahsulotlariga qo‘llanishida munozarali masalalar mavjud.

5. Atrof-muhit (ekologik) javobgarligi. Center for Biological Diversity v. United States Environmental Protection Agency (2024) ishida EPA FIFRA talablarini buzganligi sababli dikamba herbitsidlari bo‘yicha javobgar deb topildi [35]. Bu ish biotexnologiya sohasidagi atrof-muhit javobgarligining dolzarbligini ko‘rsatdi.

6. Kasbiy javobgarlik. Kasbiy javobgarlik biotexnologiya sohasida maxsus xususiyatlarga ega [36]. Tadqiqotchilar, laborantlar, biotexnologiya maslahatchilari va tartibga solish mutaxassislari kasbiy xatolar uchun javobgar bo‘lishi mumkin.

Xulosalar

Biotexnologiya sohasidagi fuqarolik-huquqiy munosabatlar an’anaviy huquq institutlaridan sezilarli darajada farqlanadi va o‘ziga xos xususiyatlarga ega. Ular yuqori darajadagi noaniqlik, risk va dinamiklik bilan ajralib turadi hamda etik, xalqaro va iqtisodiy omillar bilan chambarchas bog‘liqdir. Shu bois biotexnologiya uchun maxsus huquqiy institutlar ishlab chiqilishi, an’anaviy shartnoma, ashyo va javobgarlik konsepsiyalari qayta ko‘rib chiqilishi lozim. Risklarni taqsimlash mexanizmlari maxsus sug‘urta tizimi va xalqaro huquqiy uyg‘unlashtirishni talab etadi. Ushbu sohani samarali huquqiy tartibga solish uchun tarmoqlararo, qiyosiy-huquqiy va empirik tadqiqotlarni kengaytirish muhimdir.

Umuman, biotexnologiyaning tez rivojlanishi huquqiy tartibga solishda moslashuvchanlikni talab qiladi. Shu sababli nazariy asoslarni mustahkamlash va amaliy mexanizmlarni takomillashtirish zamonaviy huquqshunoslikning dolzarb vazifasi hisoblanadi.

REFERENCES

1. Greer S.L., Trump B.D., Davies S.W. Governing biotechnology to provide safety and security and address ethical, legal, and social implications. *Frontiers in Bioengineering and Biotechnology*, 2023, vol. 13, no. 10. DOI: 10.3389/fgene.2022.1052371.
2. Stasi A. Biotechnology Law and Policy: Emerging Legal Issues, Cases and Materials. Singapore, Springer, 2023, p. 149.
3. Jasanoff S. Reframing rights: Bioconstitutionalism in the genetic age. Cambridge, MIT Press, 2011, p. 320.
4. Pappas M.G. Legal Issues in Biotechnology. Totowa, Humana Press, 1994, pp. 145–178. DOI: 10.1007/978-1-4612-0293-6_5.
5. Greer S.L. Trump B.D. Regulation and regime: The comparative politics of adaptive regulation in synthetic biology. *Policy Sciences*, 2019, vol. 52, no. 4, pp. 505–524. DOI: 10.1007/s11077-019-09356-0.
6. Ereky K. Biotechnologie der Fleisch-, Fett- und Milcherzeugung im landwirtschaftlichen Grossbetriebe [Biotechnology of meat, fat and milk production in large-scale agricultural operations]. Berlin, Parey, 1919, p. 84.
7. Watson J.D., Crick F.H.C. Molecular structure of nucleic acids: a structure for deoxyribose nucleic acid. *Nature*, 1953, vol. 171, iss. 4356, pp. 737–738. DOI: 10.1038/171737a0
8. Cohen S.N., Chang A.C.Y., Boyer H.W. Helling R.B. Construction of biologically functional bacterial plasmids in vitro. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*, 1973, vol. 70, iss. 11, pp. 3240–3244. DOI: 10.1073/pnas.70.11.3240
9. Encyclopaedia Britannica. *Biotechnology*. 2024. Available at: https://www.britannica.com/technology/biotechnology
10. OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2016. Biotechnology Update. Paris: OECD Publishing, 2016.
11. Biotechnology definition. UNESCO, 2024. Available at: https://vocabularies.unesco.org/browser/thesaurus/en/page/?uri=http://vocabularies.unesco.org/thesaurus/concept619
12. Convention on Biological Diversity. Article 2. Use of Terms. United Nations, 1992. Available at: https://www.cbd.int/convention/text/
13. Hodge R. The future is bright, the future is biotechnology, *PLOS Biology*, vol. 21, no. 4. DOI: 10.1371/journal.pbio.3002135
14. Ludwig E. Navigating Recent Developments in Biotechnology and Patent Law. Ludwig APC, 2024. Available at: https://ludwigiplaw.com/navigating-recent-developments-in-biotechnology-and-patent-law/
15. Sanjukta M. BIOSECURE Act could signal a seismic shift for biopharma in US and China. BioPharma Dive, 2024. Available at: https://www.biospace.com/policy/biosecure-act-could-signal-a-seismic-shift-for-biopharma-in-us-and-china
16. Lee Y. Balancing Innovation and Ethics: A CRISPR Approach to Patent Law. *Columbia Undergraduate Law Review*, 2024. Available at: https://www.culawreview.org/journal/balancing-innovation-and-ethics-a-crispr-approach-to-patent-law
17. Meshaka D. The European Patent Office outlines a fragile ethical frontier. Inf'OGM, 2025. Available at: https://infogm.org/en/the-european-patent-office-outlines-a-fragile-ethical-frontier/
18. Morgan J.P. Venture Monitor Q4 2024. National Venture Capital Association, 2024, p. 35. Available at: https://nvca.org/wp-content/uploads/2025/01/Q4-2024-PitchBook-NVCA-Venture-Monitor.pdf/
19. U.S. Food and Drug Administration. Biosimilar Action Plan: Balancing Innovation and Competition. Washington, FDA Publications, 2024.
20. Biden J.R. Advancing Biotechnology and Biomanufacturing Innovation for a Sustainable, Safe, and Secure American Bioeconomy. The White House, 2022.

21. Loper Bright Enterprises v. Raimondo, 2023, p. 114.
22. DiMasi J.A., Grabowski H.G., Hansen R.W. Innovation in the pharmaceutical industry: New estimates of R&D costs. *Journal of Health Economics*, 2016, vol. 47, pp. 20–33. DOI: 10.1016/j.jhealeco.2016.01.012.
23. Manalac T. The Top 7 Biopharma Licensing Deals of 2024. BioSpace, 2025. Available at: https://www.biospace.com/business/the-top-7-biopharma-licensing-deals-of-2024
24. Han Y.P. Application of CRISPR/Cas9 technology in editing poplar drought resistance genes. *Molecular Plant Breeding*, 2024, vol. 15, no. 2, pp. 81–89. DOI: 10.5376/mpb.2024.15.0010
25. Intellectual Property. Biotechnology Innovation Organization (BIO), 2024. Available at: https://www.bio.org/policy/intellectual-property
26. Diamond v. Chakrabarty, 447 U.S. 303 (1980). Available at: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/447/303/
27. CRISPR-Cas: Navigating the Patent Landscape to Explore Boundless Applications. WIPO Global Health, 2024. Available at: https://www.wipo.int/en/web/global-health/w/news/2024/crispr-cas-navigating-the-patent-landscape-to-explore-boundless-applications
28. Biotechnology Licensing Deals Analysis Reveals Key Trends and Major Agreements from 2019-2024. Yahoo Finance, 2024. Available at: https://finance.yahoo.com/news/biotechnology-licensing-deals-analysis-reveals-164900801.html
29. University of South Florida Board of Trustees v. United States, 92 F.4th 1072. Federal Circuit, 2024. Available at: https://www.lifesciencesperspectives.com/wp-content/uploads/sites/10/2024/02/University-of-South-Florida.pdf
30. What Can You Expect From the New Product Liability Directive? Covington & Burling LLP, 2024. Available at: https://www.cov.com/en/news-and-insights/insights/2024/10/what-can-you-expect-from-the-new-product-liability-directive
31. Bonginkosi Sh. Using Patents as a Gavel: Governing Biotechnology with Ethical Licensing Restrictions. Stanford Law School, 2024. Available at: https://law.stanford.edu/2024/10/14/using-patents-as-a-gavel-governing-biotechnology-using-ethical-licensing-restrictions/
32. Gottlieb C. Delaware Court of Chancery Finds Buyer Failed to Use Commercially Reasonable Efforts in Pharma Milestone Payment Case. *Harvard Law School Forum on Corporate Governance*, 2024. Available at: https://corpgov.law.harvard.edu/2024/09/17/delaware-court-of-chancery-finds-buyer-failed-to-use-commercially-reasonable-efforts-in-pharma-milestone-payment-case/
33. Green M. The intersection of factual causation and damages in toxic substance litigation. *Georgetown Law Journal*, 2006, vol. 112, pp. 456–489. Available at: https://core.ac.uk/download/pdf/232966824.pdf/
34. Marchant G.E. The liability implications of nanotechnology. *Stanford Environmental Law Journal*, 2013, vol. 32, no. 1, pp. 99–156.
35. Center for Biological Diversity v. United States Environmental Protection Agency, No. CV-20-00555-TUC-DCB, 2024 WL 455047, D. Ariz. 2024, Feb. 5. Available at: https://www.courtlistener.com/docket/20684863/center-for-biological-diversity-v-united-states-environmental-protection/
36. Mello M.M., Brennan T.A. The controversy over high-dose chemotherapy with autologous bone marrow transplant for breast cancer. *Health Affairs*, 2001, vol. 20, no. 5, pp. 101–117. DOI: 10.1377/hlthaff.20.5.101.

Kelib tushgan / Получено / Received: 07.08.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 17.09.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 26.09.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.3./KARD1240
UDC: 347.440.66(045)(575.1)

DAVLAT XARIDLARI BITIMLARINI MAXSUS SHARTNOMA TURI SIFATIDA BAHOLASH

Samandarova Feruza Baxromjon qizi,
Toshkent davlat yuridik universiteti
tayanch doktoranti
ORCID: 0009-0008-6404-4893
e-mail: feruuzzakh99@gmail.com

Annotatsiya. *Mazkur maqolada davlat xaridlari shartnomasining huquqiy tabiati fuqarolik-huquqiy nazariya nuqtayi nazaridan tahlil qilingan. Davlat xaridlarida tuziladigan shartnomalar Fuqarolik kodeksida nazarda tutilgan umumiy shartnoma belgilariga ega bo‘lsa-da, o‘z mohiyatiga ko‘ra, fuqarolik va ma’muriy huquq elementlarini mujassamlashtirgan maxsus tartibga ega shartnoma turi sifatida namoyon bo‘ladi. Maqolada ushbu shartnomalarning o‘ziga xos xususiyatlari, ularning boshqa shartnomalardan farqli jihatlari, davlat manfaatlariga xizmat qiluvchi cheklovlar, korrupsiyaning oldini olish va raqobatni rivojlantirishdagi o‘rni, shartnoma tuzish erkinligi prinsipining maxsus ko‘rinishi yoritilgan. Shuningdek, O‘zbekiston Respublikasining “Davlat xaridlari to‘g‘risida”gi Qonuni, Fuqarolik kodeksi, Yevropa Ittifoqi direktivalari, UNCITRAL model qonuni hamda OECD tavsiyalari asosida shartnoma institutining o‘ziga xosliklari nazariy va amaliy yondashuvlar nuqtayi nazaridan taqqoslab tahlil qilingan. Tadqiqot natijasida davlat xaridlari shartnomasi fuqarolik-huquqiy tusga ega bo‘lsa-da, shartnoma subyektlari, tuzilish shakli, majburiyatni bajarmaganlik uchun javobgarlik choralari kabi bir qator farqli jihatlar bilan ajralib turishi aniqlangan. Yakunda davlat xaridi shartnomasi maxsus tartib, rejim va javobgarlik bilan ajralib turuvchi alohida shartnoma turi sifatida baholanishi taklif qilingan.*

Kalit so‘zlar: *davlat xaridlari, maxsus shartnoma, davlat buyurtmachisi, insofsiz ijrochi, shartnoma tuzish erkinligi, elektron shartnoma*

ОЦЕНКА ДОГОВОРОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК КАК ОСОБОГО ВИДА ДОГОВОРА

Самандарова Феруза Бахромжон кизи,
базовый докторант Ташкентского
государственного юридического университета

Аннотация. *В данной статье с позиции гражданско-правовой теории проанализирована правовая природа договора государственных закупок. Хотя заключаемые в сфере государственных закупок договоры обладают общими признаками договора, предусмотренными Гражданским кодексом, по своей сути они выступают особым видом договоров, сочетающим элементы гражданского и административного права. В статье освещены особенности таких договоров, их отличия от иных договоров, установленные в целях защиты государственных интересов ограничения, а также их роль в предотвращении коррупции и развитии конкуренции, включая специфику проявления принципа свободы договора. Кроме того, на*

основе Закона Республики Узбекистан «О государственных закупках», Гражданского кодекса, директив Европейского союза, модельного закона ЮНСИТРАЛ и рекомендаций ОЭСР проведён сравнительный анализ теоретических и практических подходов к институту государственных закупок. Результаты исследования показывают, что договор государственных закупок, обладая гражданско-правовой природой, отличается рядом особенностей, таких как субъектный состав, форма заключения, меры ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств. В заключение автор предлагает рассматривать договор государственных закупок как особый вид договора, характеризующийся специальным порядком, режимом и ответственностью.

Ключевые слова: *государственные закупки, особый договор, государственный заказчик, недобросовестный исполнитель, свобода договора, электронный договор*

EVALUATION OF PUBLIC PROCUREMENT TRANSACTIONS AS A SPECIAL TYPE OF CONTRACT

Samandarova Feruza Bakhromjon kizi,
Basic doctoral student
at Tashkent State University of Law

Abstract. *In this article, the legal nature of the public procurement contract is analyzed from the point of view of civil law theory. Contracts concluded in public procurement, although they have the general contractual characteristics provided for by the Civil Code, in essence, represent a type of contract with a special procedure, combining elements of civil and administrative law. The article highlights the specific features of these agreements, their differences from other agreements, restrictions serving state interests, their role in preventing corruption and developing competition, and the special manifestation of the principle of freedom of contract formation. Also, based on the Law of the Republic of Uzbekistan "On Public Procurement," the Civil Code, the directives of the European Union, the UNCITRAL Model Law, and the recommendations of the OECD, the specifics of the contract institution were analyzed from the point of view of theoretical and practical approaches. As a result of the study, it was established that although the public procurement contract has a civil law character, it differs in a number of aspects, such as the subjects of the contract, the form of its conclusion, and liability measures for non-performance of obligations. In conclusion, it is proposed to assess the public procurement contract as a separate type of contract, distinguished by a special procedure, regime, and responsibility.*

Keywords: *public procurement, special contract, public customer, dishonest executor, freedom of contract, electron contract*

Kirish

Ma'lumki, fuqarolik-huquqiy munosabatlar tomonlarning o'zaro tengligi, erk muxtoriyati, shartnoma tuzish erkinligi, majburan bitim tuzishga yo'l qo'yilmasligi kabi tamoyillarga tayanadi. Xususan, fuqarolik munosabati subyektlari – davlat, jismoniy va yuridik shaxslar fuqarolik huquqini vujudga keltiruvchi xatti-harakatlar sodir etganda, bir xil huquq va majburiyatlarga ega bo'ladi. Biroq davlat fuqarolik munosabatlarining subyekti sifatida boshqa ishtirokchilar kabi bir xil huquq va majburiyatlarga ega bo'lsada, raqobatni rivojlantirish va korrupsiyaning oldini olish, bozor ishtirokchilarini qo'llab-quvvatlash maqsadida davlat fuqarolik munosabatlarining boshqa ishtirokchilari kabi to'la erkinlikdan foydalana olmaydi. Xususan, davlat xaridlari asosida bitimlar tuzish bunga misol bo'la oladi.

2021-yil 22-aprelda yangi tahrirdagi "Davlat xaridlari to'g'risida"gi O'zbekiston Respublikasining Qonuni kuchga kirdi. Aynan ushbu normativ-huquqiy hujjat mamlaka-

timizda davlat xaridlari asosida savdolar tashkil etishda yangi ijobiy o‘zgarishlarga sabab bo‘ldi. Jumladan, O‘zbekiston Respublikasining Iqtisodiyot va moliya vazirligi tomonidan e’lon qilingan statistik ma’lumotlarga ko‘ra, raqobatli va raqobatsiz usullardan foydalangan holda, jami budjet buyurtmachilari tomonidan 2021-yilda 57 008 mlrd so‘mlik shartnomalar imzolangan bo‘lsa, 2022-yilda 64 590 mlrd so‘mlik 1 062 830 ta, 2024-yilda 78 709,1 mlrd so‘mlik 1 371 948 ta bitim imzolangan [1].

Maxsus axborot portalida elektron tuzilgan shartnomalar soni ham keskin ravishda oshib, 2024-yilda 100 978 tani tashkil qilgan, bu esa 2023-yilgi ko‘rsatkichdan 5 barobar ko‘p (20 102 ta) [2]. Yangilangan qonunchilik va ishlayotgan nazorat tizimi yildan yilga xarid qilish tartib-taomillari orqali tuzilgan shartnomalar sonining keskin oshishi, kichik va o‘rta biznesni rivojlantirish, davlat mablag‘laridan samarali foydalanishga sabab bo‘lmoqda. Davlat xaridlari sektorini isloh qilish mamlakatda inflyatsiyani jilovlash, iqtisodiyotni barqaror rivojlantirish uchun muhim faoliyat yo‘nalishi hisoblanadi.

O‘zbekistonning o‘ziga xos holati iqtisodiyotda davlat va davlat korxonalarining yuqori ishtiroki bilan tavsiflanadi, bu esa sohada korrupsiya xavfini oshiradi. O‘zbekistonda davlat korxonalari hali ham umumiy ishlab chiqarishning yarmidan ko‘pini tashkil qiladi va iqtisodiyotning asosiy tarmoqlarida ustunlik qiladi. Bunday sharoitlarni hisobga olgan holda, davlat korxonalarining davlat xaridlari bo‘yicha faoliyati samaradorligini oshirish bevosita ularning xarajatlarini kamaytiradi va natijada mamlakat budjetiga soliq tushumlarini oshiradi.

Iqtisodiy Hamkorlik va Taraqqiyot Tashkiloti ma’lumotlariga ko‘ra, davlat tomonidan moliyalashtiriladigan investitsiya loyihalarining 10–30 foizi noto‘g‘ri boshqaruv yoki korrupsiya sababli amalga oshmay qoladi. Ochiq tenderlarda ishtirok etgan har 10 tadan 3 ishtirokchi korrupsiya tufayli g‘olib bo‘la olmaganliklarini ta’kidlaydi. “Transparency International” xalqaro tashkiloti tomonidan e’lon qilingan korrupsiya indeksiga ko‘ra, 2024-yilda O‘zbekiston 180 mamlakat orasida 121-o‘rinni egalladi. Davlat mablag‘lari sarflanishining oshkoraligi xalqaro indekslarda eng muhim omil hisoblanadi. Shu sababli davlat xaridlari sohasida korrupsiyani kamaytirish nafaqat iqtisodiyotimiz uchun, balki xalqaro hamjamiyatda mamlakatimiz obro‘sini oshirishda ham muhim ahamiyatga ega.

Xorijiy davlatlar tajribasiga qaraydigan bo‘lsak, puxta ishlab chiqilgan davlat xaridlari tizimi iqtisodiyot rivojlanishiga xizmat qilganining guvohi bo‘lamiz. Masalan, Janubiy Koreya davlat xaridlari markazlashtirilgan tizimining eng muvaffaqiyatli namunasidir. Janubiy Koreyada davlat idoralari davlat buyurtmasi xizmati orqali tovarlar va xizmatlar sotib olish shartnomalarini tuzadi. Janubiy Koreyada davlat xaridlarining yagona tizimini yaratishdan maqsad davlat xaridlari tizimining ochiqligi va shaffofligini oshirish, shuningdek, xaridlar samaradorligini oshirish orqali jamoatchilik ishonchini qozonishdir.

Yevropa Ittifoqining eng rivojlangan davlatlari qatorida Germaniya davlat xaridlarini tashkil etishda katta tajribaga ega. Mamlakatning davlat xaridlarini ko‘rib chiqish tizimi Yevropa Ittifoqi talablariga javob beradi, lekin o‘ziga xos xususiyatlarga ega, jumladan, ikkita instansiya: mustaqil muassasa tomonidan shikoyatlarni ko‘rib chiqish va sud tomonidan boshqariladigan nizolarni hal qilish usuli. Har ikki instansiya tomonidan chiqarilgan ajrimlar hamma uchun ochiq bo‘lib, davlat xaridlarini rivojlantirish va yanada takomillashtirishga xizmat qiladi.

Biroq shu o‘rinda haqli savol tug‘iladi: davlat xaridlari jarayonida tuzilgan shartnomalar huquqiy tabiatiga ko‘ra qanday tavsiflanadi? Ushbu jarayonda shartnoma tuzish erkinligi prinsipi qanday amal qiladi? Xarid qilish tartib-taomillari asosida tuzilgan

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

shartnomalarni qaysi turkum shartnomalar tarkibiga kirita olamiz?

Mazkur maqolada yuqoridagi savollarga javob berish orqali davlat xaridi shartnomasining nafaqat fuqarolik-huquqiy tabiati, balki ma'muriy-huquqiy jihatlari ham tahlil qilinib, shartnoma instituti doirasida maxsus tur sifatida taklif qilinadi. Davlat xaridi shartnomasini maxsus shartnoma turi sifatida baholash mazkur shartnomalarni tartibga soluvchi qonunchilikni takomillashtirish orqali davlat xaridlari tizimini yanada shaffof va samarali qilishga hissa qo'shadi.

Adabiyotlar tahlili doirasida davlat xaridi shartnomasi tushunchasi turli olimlar qarashlari bo'yicha tahlil qilindi. Bu jarayonda V. Kikaves, F.A. Tasalov, G.L. Albano, O. Oqyulov, N. Imomov, Q. Mehmonov kabi olimlarning fikrlari o'rganildi. Qiyosiy tahlil asosida milliy va xalqaro qonunchilik, jumladan, Iqtisodiy Hamkorlik va Taraqqiyot Tashkiloti tomonidan qabul qilingan Davlat xaridlari to'g'risida Kengash tavsiyalari, Davlat xaridlari to'g'risidagi UNCITRAL model qonuni, Yevropa Ittifoqining Davlat xaridlari bo'yicha direktivasi kabi hujjatlar tahlil qilindi.

Material va metodlar

Maqolada davlat xaridlari shartnomasining huquqiy tabiati O'zbekiston Respublikasi qonun hujjatlari va boshqa xorijiy davlatlar qonunchiligi, shuningdek, yuridik soha olimlarining ilmiy qarashlariga asosan tahlil qilinib, maxsus shartnoma turi sifatida yoritib berilgan.

Mavzuni tadqiq qilish mobaynida quyidagi ilmiy usullardan foydalanildi:

Empirik metod – davlat xaridlari shartnomalarining milliy qonunchilikdagi huquqiy asoslari, amaldagi normativ-huquqiy hujjatlar va amaliyotdagi qo'llanishini tahlil qilishda qo'llandi. Bu orqali mavjud me'yorlarning samaradorligi va amaliyotdagi muammolari aniqlanadi.

Tarixiy metod – davlat xaridlari institutining shakllanishi va rivojlanishini o'rganishda qo'llanib, shartnomaviy munosabatlarning huquqiy tabiatini izohlashda muhim ahamiyat kasb etdi.

Qiyosiy-huquqiy metod – O'zbekiston qonunchiligi va xalqaro tajriba (UNCITRAL Model qonuni, Yevropa Ittifoqi direktivalari, OECD tavsiyalari) o'rtasidagi o'xshashlik va farqlarni aniqlashda qo'llandi. Bu yondashuv milliy tizimni takomillashtirish bo'yicha amaliy xulosalar chiqarishga xizmat qildi.

Tadqiqot natijalari

O'zbekiston Respublikasining "Davlat xaridlari to'g'risida"gi Qonuniga binoan, davlat xaridlari to'g'risidagi shartnoma deb, davlat buyurtmachisi va davlat xaridlari ijrochisi o'rtasidagi davlat xaridlari bo'yicha huquqlar va majburiyatlarni belgilash, o'zgartirish yoki bekor qilish to'g'risidagi kelishuvga aytiladi. Ushbu ta'rif Fuqarolik kodeksidagi shartnomaga berilgan ta'rif bilan o'xshash, biroq davlat xaridlari shartnomasining subyektlari aniq ko'rsatilgan. Demak, davlat xaridlari shartnomasi tuzish uchun bir tomondan davlat buyurtmachisi va ikkinchi tomondan ijrochi huquqiy munosabatga kirishishi lozim.

Davlat xaridlari jarayoni, jumladan, davlat xaridlari shartnomalarini tartibga solishda bir qator xalqaro hujjatlar mavjud bo'lib, davlat xaridlariga doir O'zbekiston Respublikasi qonunchiligini ishlab chiqishda mazkur huquqiy hujjatlar asos bo'lib xizmat qilgan. Jumladan, 2015-yil 18-fevralda Iqtisodiy Hamkorlik va Taraqqiyot Tashkiloti tomonidan qabul qilingan Davlat xaridlari to'g'risidagi Kengash tavsiyalarida davlat xaridlariga "zarur bo'lgan narsalarni aniqlash, bu ehtiyojni ta'minlash uchun eng yaxshi shaxs yoki tashkilot kimligini belgilash, zarur bo'lgan narsalarni to'g'ri joyga, kerakli vaqtda, eng yaxshi narxda yetkazib berish va bularning barchasi adolatli hamda ochiq tarzda amalga oshirilishini ta'minlashga qaratilgan jarayon" deya ta'rif berilgan [3].

Davlat xaridlari to'g'risidagi UNCITRAL model qonuniga ko'ra, xaridlar yoki davlat xaridlari – xarid qiluvchi tashkilot tomonidan

tovarlar, qurilish yoki xizmatlar sotib olish, xarid shartnomasi esa xarid qilish jarayoni yakunida buyurtmachi va yetkazib beruvchi (yoki yetkazib beruvchilar) yoki pudratchi (yoki pudratchilar) o‘rtasida tuzilgan shartnomani bildiradi [4]. Yevropa Ittifoqining Davlat xaridlari bo‘yicha direktivasi esa davlat xaridlari shartnomasini “o‘zida mulkiy manfaatlarni ifoda etgan bir yoki bir nechta iqtisodiy operatorlar va bir yoki bir nechta hokimiyat organlari o‘rtasida ishlarni bajarish, mahsulot yetkazib berish, xizmat ko‘rsatish maqsadida yozma shaklda tuzilgan shartnoma” deb ta’riflaydi [5].

Xorijiy davlatlar qonunchiligini tahlil qiladigan bo‘lsak, shartnoma tushunchasi biroz kengroq yoritilgan. Masalan, Rossiya federatsiyasi qonunchiligiga ko‘ra, shartnoma – yozma shaklda tuzilgan va predmeti tovarlarni yetkazib berish, ishlarni bajarish, xizmatlar ko‘rsatish (shu jumladan, ko‘chmas mulkni sotib olish yoki mulkni ijaraga berish) bo‘lgan va budjet muassasasi, davlat yoki munitsipal unitar korxona yoki boshqa yuridik shaxs tomonidan tuzilgan davlat yoki munitsipal shartnoma yoki fuqarolik-huquqiy shartnoma hisoblanadi [6].

Tahlil natijalari shuni ko‘rsatadiki, O‘zbekiston Respublikasining “Davlat xaridlari to‘g‘risida”gi Qonuni UNCITRAL Model qonuni va YI direktivalarining asosiy tamoyillariga (oshkoralik, raqobat, korrupsiyaga qarshi mexanizmlar) mos keladi. OECD tavsiyalarida ko‘rsatilgan shaffoflik, elektronlashtirish, budjet mablag‘laridan samarali foydalanish kabi yo‘nalishlar ham qonunda o‘z aksini topgan. Biroq milliy ishlab chiqaruvchilarni qo‘llab-quvvatlash mexanizmlari va shartnomalarni bevosita raqobatsiz usullar orqali tuzish amaliyoti xalqaro me’yorlardan biroz chetga chiqadi.

Davlat xaridlari shartnomalarining huquqiy tabiati haqida yuridik soha olimlari turlicha qarashlarga ega. Jumladan, mahalliy olimlarning fikricha, davlat xaridi deganda, davlat ehtiyojlari uchun tovar, xizmat va ishlarning to‘liq yoki qisman budjet mablag‘lari evaziga sotib olinishi tushuniladi. Davlat xaridlarining asosiy vazifalari davlat boshqaruvi faoliyati uchun zarur bo‘lgan tovar, xizmat va ishlarni o‘z vaqtida, kerakli sifat va narxda ta’minlashdan tashqari, raqobatni rivojlantirish hamda tadbirkorlik subyektlarini jalb qilishni o‘z ichiga oladi [7].

Huquqshunos V.V. Kikaves davlat xaridlarini tartibga solish mexanizmida ommaviy huquq ustunligi sabab davlat xaridlari shartnomasi ommaviy-huquqiy tabiatga ega, deb ta’kidlaydi [8]. F.A. Tasalovning fikricha, davlat xaridlari shartnomasi mahsulot yetkazib berish shartnomasi, oldi-sotdi shartnomasi, pudrat kabi shartnomalarni o‘z ichiga olgan shartnomaning maxsus turidir [9]. Professor G.L. Albano esa “davlat xaridlari shartnomasi fuqarolik huquqi mantig‘i asosida tuziladi, biroq jamoat manfaati mavjudligi uni fuqarolik va ma’muriy shartnomalar o‘rtasidagi gibrid shartnoma turiga o‘zgartiradi”, deb qayd etadi [10].

Bizning fikrimizcha, G.L. Albano qarashlarida davlat xaridi shartnomasi tushunchasi kengroq yoritilgan. Unga ko‘ra, davlat xaridi shartnomasi – fuqarolik-huquqiy shartnomaning maxsus turi bo‘lib, ijtimoiy-iqtisodiy ahamiyatining yuqoriligi sababli ma’muriy-huquqiy choralar bilan tartibga solinadi va shu jihatdan oddiy fuqarolik shartnomalaridan farq qiladi. Biroq milliy huquqshunos olimlar tomonidan davlat xaridlari huquqiy mexanizmlari hali yetarlicha o‘rganilmagan bo‘lib, bu sohada yanada chuqurroq ilmiy izlanishlar olib borilishi zarur.

Tadqiqot natijalari tahlili

Tadqiqot natijalari shuni ko‘rsatadiki, davlat xaridlari – bu davlat budjeti mablag‘laridan samarali va shaffof tarzda foydalanishni ta’minlovchi tizim bo‘lib, unda davlatning yirik iste’molchi sifatidagi roli hisobga olinadi. Shu bilan birga, raqobat muhitini cheklamaslik, ayrim shaxslarga asossiz imtiyozlar bermaslik hamda davlat tomoni-

dan o‘z faoliyatini nazorat qilish orqali erkin bozor tamoyillariga putur yetkazmaslik kabi mezonlar muhim o‘rin tutadi.

Davlat xaridlari shartnomasi ta’rifi xalqaro va milliy qonunchilikda, asosan, o‘xshash bo‘lib, yangi tahrirdagi Qonun xalqaro miqyosda e’tirof etilgan normalarni o‘zida mujassam etadi. Umuman olganda, davlat xaridlari shartnomasining mavjud bo‘lishi uchun munosabatlarda bir tomonda davlat, ikkinchi tomonda esa yuridik yoki jismoniy shaxs ishtirok etishi lozim.

Quyida davlat xaridlari shartnomasining fuqarolik-huquqiy shartnomalardan asosiy farqlari tahlil qilinadi.

Shartnoma tuzish erkinligi prinsipi. O‘zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksiga (keyingi o‘rinlarda – “FK”) muvofiq, fuqarolik qonunchiligining asosiy prinsiplaridan biri – bu shartnoma tuzish erkinligidir. Fuqarolik qonunchiligi aynan ushbu prinsipga tayangan holda shakllantirilgan.

Professor F. Zokirovning fikricha, shartnomada tomonlarning erk-ixtiyori to‘liq ifodalanadi. Chunki shartnomaga kirishayotgan shaxs kim bilan, qancha miqdorda va qachon shartnoma tuzish, yetkazib berilishi lozim bo‘lgan pul mablag‘lari, tovarlar yoki ashyolarni qaysi muddatda va qanday transport vositalarida yetkazilishi, shuningdek, to‘lovning qaysi shaklda amalga oshirilishini mustaqil ravishda belgilaydi [11].

Shartnoma tuzish erkinligi tamoyili FKning 354-moddasida mustahkamlab qo‘yilgan. Unga ko‘ra, fuqarolar va yuridik shaxslar shartnoma tuzishda erkindirlar. Biroq aynan shu moddaga bu qoidani istisno etuvchi norma ham kiritilgan, ya’ni qonunda nazarda tutilgan hollarda taraflar majburan shartnoma tuzishlari mumkin (masalan, ommaviy shartnoma). Davlat xaridlari jarayonida tuziladigan bitimlar ham majburiy ravishda tuziladigan shartnomalar toifasiga kiradi, xususan, xarid qilish tartib-taomillarida g‘olib bo‘lgan ishtirokchi bilan davlat buyurtmachisi shartnoma tuzishga majbur. Faqat “Davlat xaridlari to‘g‘risida”gi Qonunda nazarda tutilgan hollardagina davlat buyurtmachisi asoslantirilgan sabablarni ko‘rsatgan holda, shartnoma tuzishdan bosh tortish huquqiga ega. Jumladan, 2025-yil 12-fevral kuni Bekobod tumanlararo sudi tomonidan ko‘rib chiqilgan 4-1106-2401/3168-sonli iqtisodiy ishda “O‘zmetkombinat” AJ tomonidan lotning asossiz ravishda bekor qilingani aniqlanib, korxonaga “Mec Techniks” MCHJ bilan shartnoma tuzish majburiyati yuklatilgan.

Xulosa qilib aytganda, davlat boshqa fuqarolik huquqi subyektlari kabi istalgan vaqtda istalgan shaxs bilan istalgan bahoda shartnoma tuza olmaydi. Binobarin, davlat organlari va tashkilotlari budjet mablag‘laridan moliyalashtiriladi, bu esa, o‘z navbatida, resurslardan oqilona va samarali foydalanishni talab qiladi.

Subyektlar. Yuqorida ta’kidlanganidek, davlat xaridi shartnomasining tomonlari davlat buyurtmachisi va ijrochidir. Davlat buyurtmachisi deganda, davlat organlari, budjet tashkilotlari (budjet buyurtmachilari) yoki ustav fondida davlat ulushi 50 foiz va undan ortiq bo‘lgan xo‘jalik yurituvchi subyektlar (korporativ buyurtmachilar) tushuniladi. Ikkinchi tomon esa mahsulot sotish, xizmat ko‘rsatish yoki ishlarni bajarishni o‘z zimmasiga olgan har qanday yuridik yoki jismoniy shaxs bo‘lib, ishtirokchi, tanlov g‘olibi yoki ijrochi sifatida qatnashadi. Shunday qilib, davlat xaridi shartnomasi tuzilishi uchun kamida bir tomonda davlat buyurtmachisi bo‘lishi talab etiladi.

Shuningdek, har qanday shaxs bilan ham mazkur shartnoma tuzilmaydi. Qonunchilik ikkinchi taraf uchun ham ayrim o‘ziga xos talablar belgilaydi. Jumladan, davlat xaridlari jarayonida ishtirok etish uchun ishtirokchi shartnomani bajarish uchun zarur texnik, moliyaviy, moddiy, kadrlar resurslari hamda boshqa resurslarning mavjudligi, shartnoma tuzish uchun qonuniy huquqqa egalik, soliqlar va yig‘imlarni to‘lash bo‘yicha muddati o‘tgan qarzdorlikning mavjud emasligi,

O‘zbekiston Respublikasi Bosh prokuraturasi huzuridagi Majburiy ijro byurosining ma’lumotlar bazalarida ishtirokchining sud qarorlari bo‘yicha bajarilmagan majburiyatlari mavjud emasligi to‘g‘risida ma’lumotlar taqdim etishi shart. Shartnoma tuzish uchun qonuniy huquqqa egalik boshqa fuqarolik shartnomalari uchun ham tegishli bo‘lsa-da, qarzdorlik mavjud emasligi, moddiy-texnik imoniyatlar mavjudligi kabi talablar boshqa shartnomalarda uchramaydi.

Bundan tashqari, yana bir guruh ijrochilar toifasi borki, ular bilan faqat qonunda nazarda tutilgan hollardagina bitim tuzish mumkin. Bular davlat buyurtmachisiga affillangan shaxslar bo‘lib, mazkur cheklov manfaatlar to‘qnashuvining oldini olish, raqobatni cheklamaslik, ayrim shaxslarga imtiyoz berishdan tiyilish, barcha bozor ishtirokchilariga teng imkoniyatlar yaratishga imkon beradi. Aynan shu jihat ham davlat xaridlari shartnomasida ma’muriy-huquqiy elementlar mavjudligini bildiradi. Bu qoidalar davlat buyurtmachisini istalgan shaxs bilan shartnoma tuzish imkoniyatini cheklaydi, budjet mablag‘laridan foydalanishda mansab vakolatlarini suiiste’mol qilishning oldini oladi.

Shakl. Davlat xaridlari shartnomalari tuzilish shakliga ko‘ra, elektron va yozma turlarga bo‘linadi. Biroq xalqaro standartlarga muvofiq, shartnomalar elektron shaklda tuzilishi lozim. Jumladan, Iqtisodiy Hamkorlik va Taraqqiyot Tashkiloti tomonidan qabul qilingan Davlat xaridlari to‘g‘risidagi Kengash tavsiyalari elektron davlat xaridlari barcha ishtirokchilar uchun ochiq bo‘lib, ma’lumotlarni real vaqtda olish imkonini yaratishini, korrupsiya xavfini kamaytirib, oshkoralik va shaffoflikni oshirishini ta’kidlaydi. Shuningdek, elektron tarzda shartnoma tuzish kichik biznesni xarid jarayonlariga jalb qilishni ta’minlab, tadbirkorlik subyektlariga butun respublika bo‘ylab ishtirok etish imkonini beradi, bu esa, o‘z navbatida, raqobat muhitini kuchaytiradi. Bundan tashqari, avtomatlashtirilgan tizim ortiqcha byurokratiya, vaqt va mablag‘ni tejaydi hamda xarajatlarni optimallashtiradi.

Davlat xaridlari hukumat uchun strategik boshqaruv va xizmatlar ko‘rsatishning muhim ustunidir. Xarajatlar hajmi inobatga olingan holda, hukumat davlat xizmatlari ko‘rsatish sifatining yuqori darajasini ta’minlash va jamiyat manfaatlarini himoya qilish maqsadida davlat xaridlarini samarali hamda yuqori standartlarga muvofiq amalga oshirish majburiyatiga ega.

Strategik maqsadlarda foydalanilsa, davlat xaridlari iqtisodiyotni yanada rivojlantirish, davlat sektorini samaraliroq qilish, jamiyat va iqtisodiyotni yanada birlashtirish hamda institutlarni ishonchli qilishga yordam beradi. Yaxshi ishlab chiqilgan davlat xaridlari tizimi atrof-muhitni muhofaza qilish, innovatsiyalar, ish o‘rinlari yaratish, kichik va o‘rta korxonalarni rivojlantirish kabi dolzarb siyosiy maqsadlariga erishishga ham hissa qo‘shishi mumkin. Shu sababli ochiq va shaffof davlat xaridi amalga oshirilishi muhimdir.

Hozirda mamlakatimizda davlat xaridlari shartnomalari elektron tarzda xarid.uzex.uz, xt-xarid.uz, cooperation.uz, tender.mc.uz kabi platformalar orqali tuzilmoqda. Bir vaqtning o‘zida turli platformalarning mavjud bo‘lishi davlat xaridlari bo‘yicha ma’lumotlarning markazlashtirishga salbiy ta’sir ko‘rsatadi. Davlat xaridlari tizimini markazlashtirish va davlat organlari bilan integratsiyasini joriy qilish borasida Janubiy Koreya tajribasi Iqtisodiy Hamkorlik va Taraqqiyot Tashkiloti tomonidan e’tirof etilgan. Koreyaning onlayn elektron xaridlar tizimi (KONEPS) Koreyadagi davlat xaridlari jarayonini qamrab oluvchi keng qamrovli, integratsiyalashgan elektron xaridlar platformasidir. U 2002-yilda davlat muassasalari va yetkazib beruvchilar o‘rtasidagi korrupsiyaning oldini olish hamda xaridlar jarayonida qog‘oz shartnomalar bilan bog‘liq ortiqcha xarajatlarni kamaytirish maqsadida ishga tushirilgan.

KONEPS OECD doirasidagi eng ilg‘or

elektron davlat xaridlari platformalaridan biri sifatida o‘zining ko‘lami va qamrovi bilan ajralib turadi. Ushbu tizim Koreyada davlat xaridlarining samaradorligi, shaffofligi va yaxlitligini sezilarli darajada oshirishga xizmat qilmoqda. 2025-yil yanvar holatiga ko‘ra, KONEPS davlat va xususiy sektorning 227 ta tashqi tizimlari, jumladan, Ichki ishlar va xavfsizlik vazirligi, turli moliya institutlari, biznes birlashmalari va Koreya Fiskal axborot xizmatining Dbrain tizimi bilan o‘zaro bog‘langan. Mazkur integratsiya orqali tizim savdo va shartnomalar tuzish jarayonida zarur bo‘lgan biznesni ro‘yxatdan o‘tkazish to‘g‘risidagi guvohnomalar, soliq to‘lash sertifikatlari (ham munitsipal, ham milliy), kafolat xatlari, malaka skrining hujjatlari va korporativ reyestrlarning tasdiqlangan nusxalari kabi muhim hujjatlar va sertifikatlarni avtomatik ravishda olish hamda almashish imkonini beradi. Ushbu bog‘liqlik kompaniyalar uchun ma’muriy yukni sezilarli darajada kamaytiradi hamda umumiy samaradorlik va ma’lumotlar ishonchliligini oshiradi [12].

Boshqa fuqarolik-huquqiy shartnomalardan farqli o‘laroq, qonunchilik davlat xaridlari shartnomalarining tuzilish shakliga aniq talablar belgilaydi hamda tomonlarning erkin tanlov imkoniyatlarini cheklaydi. Elektron davlat xaridlarining joriy etilishi eng past narxlarda sifatli tovarlarni xarid qilish imkonini yaratmoqda, barcha jarayonlarning elektron tarzda hujjatlashtirilishi esa javobgarlikning oshishiga xizmat qilmoqda. Biroq qonunchilikda belgilangan holatlarda to‘g‘ridan to‘g‘ri shartnomalar tuzish mumkin. Garchi davlat xaridlariga oid normativ-huquqiy hujjatlarda tanlovsiz shartnomalar tuzishning qat’iy qoidalari belgilangan bo‘lsa-da, ayrim holatlarda to‘g‘ridan to‘g‘ri shartnoma tuzish imkoniyati korrupsion holatlarga sabab bo‘lmoqda. Masalan, 2024-yilda budjet buyurtmachilari tomonidan 825 616 ta shartnoma raqobatli usullar orqali tuzilgan bo‘lsa, 546 332 ta shartnoma raqobatsiz usullar asosida tuzilgan. Xulosa qilib aytganda, mamlakatimizda markazlashtirilgan yagona davlat xaridlari tizimini yaratish lozim.

Insofsiz ijrochilar. Davlat xaridlari to‘g‘risidagi qonunchilikda “insofsiz ijrochi” degan o‘ziga xos huquqiy tushuncha mavjud bo‘lib, bu holat boshqa fuqarolik-huquqiy shartnomalarda uchramaydi. Xarid qilish tartib-taomillariga muvofiq, tanlovda (tenderda) g‘olib bo‘lgan ishtirokchi shartnoma tuzish majburiyatiga ega. Agar u asossiz sabablarga ko‘ra, shartnoma tuzmasa yoki boshqa shaklda bu majburiyatdan bo‘yin tovlagan taqdirda, insofsiz ijrochilar reyestriga kiritiladi. Ushbu reyestr Iqtisodiyot va moliya vazirligi tomonidan yuritiladi. Unga kiritilgan shaxslar ikki yil davomida davlat xaridlarida ishtirok etish huquqidan mahrum etiladi.

Bundan tashqari, majburiyatlarni bajarmaganlikda yoxud tegishli tarzda bajarmaganlikda belgilangan tartibda aybdor deb topilgan ijrochilar, davlat xaridlari jarayonida yolg‘on yoki soxta hujjatlar taqdim etgan, ayni bitta lotda ishtirok etgan affillangan shaxslar yoki manfaatlar to‘qnashuvi to‘g‘risida ma’lumotlarni ochib bermagan ishtirokchilar, sudning qaroriga ko‘ra, firibgarlik, soxtalashtirish va korrupsiya bilan bog‘liq jinoyatlarni sodir etganlikda aybdor deb topilgan ijrochilar insofsiz ijrochi hisoblanadi.

Garchi vakolatli organ tomonidan insofsiz ijrochilar ro‘yxati yuritilishi va real vaqt rejimida yangilanib borishi lozim bo‘lsa-da, bugungi kunga qadar davlat xaridlari rasmiy portalida ushbu reyestr shakllantirilmagan. Biroq 2025-yil 18-aprel kuni “Insofsiz ijrochilarning yagona reyestrini shakllantirish tartibi to‘g‘risida”gi nizom kuchga kirdi va ushbu hujjat davlat mablag‘lari yo‘qotilishining oldini olish, shartnomaviy majburiyatlarning lozim darajada bajarilishini ta’minlash, majburiyatni bajarmaganlik uchun jazolovchi choralar ishlashida muhim asos bo‘lib xizmat qilishiga umid qilamiz.

Shartnomaning o‘zgartirilishi. Shartnoma mohiyatiga ko‘ra, tomonlarning xohishlarini

o‘zida ifoda etgan hujjatdir. Shartnoma erkinligi prinsipiga muvofiq, shartnoma tomonlarning kelishuviga ko‘ra o‘zgartirilishi mumkin. Ammo davlat xaridlari shartnomalariga o‘zgartirish kiritish odatdagi fuqarolik shartnomalaridan farqli ravishda, jiddiy cheklovlar bilan chegaralangan. Xususan, “Davlat xaridlari to‘g‘risida”gi Qonunda o‘zgartirishlarning aniq chegarasi sanab o‘tilgan. Tomonlar xarid qilish tartib-taomili natijasi bo‘yicha tuzilgan shartnomaga o‘zgartirishlar kiritishi mumkin, faqat bu shartnoma tovar (ish, xizmat), uning sifati va assortimentini o‘zgartirishi, miqdori va bahosini oshirishi hamda yetkazib berish muddatini uzaytirishi bilan bog‘liq bo‘lmasligi kerak. Bunday tartib davlat mablag‘laridan oqilona foydalanish, shaffoflik va raqobat tamoyillarini himoya qilishga qaratilgan.

Xulosalar

Yuqoridagilarga asoslanib aytish mumkinki, davlat xaridi shartnomasi fuqarolik-huquqiy va ma’muriy-huquqiy elementlarni o‘zida mujassamlashtirgan o‘ziga xos huquqiy shakldir. Davlat buyurtmachisi shartnoma tarafi sifatida ishtirok etishi davlat xaridi shartnomasining huquqiy tabiatiga sezilarli ta’sir ko‘rsatib, shartnoma erkinligi prinsipini muayyan darajada cheklaydi va ma’muriy qoidalar joriy etilishini talab qiladi. Shunday ekan, davlat boshqa fuqarolik huquqi subyektlaridan farqli ravishda fuqarolarga nisbatan alohida majburiyatlarga ega bo‘lib, jamiyat manfaatlari va iqtisodiyot rivojlanishini ta’minlash maqsadida davlat xaridlari jarayonida mustahkam huquqiy qoidalar o‘rnatishi zarur.

Davlat xaridi shartnomasi boshqa shartnomalardan subyektlari, tuzilish shakli, shartnomani o‘zgartirish tartibi va boshqa jihatlari bilan farq qiladi. Fuqarolik shartnomalarida predmet aniq belgilangan: masalan, pudrat shartnomasida ish bajarilishi, ijara shartnomasida esa obyekt ijaraga berilishi ko‘zda tutiladi. Biroq davlat xarid shartnomasining predmeti qonunda taqiqlanmagan har qanday tovar, ish yoki xizmatlarni qamrab olishi mumkin. Davlat buyurtmachisi ishlab chiqarish uchun zarur xomashyodan tortib xodimlarga tibbiy xizmat ko‘rsatishgacha bo‘lgan shartnomalarni xarid qilish tartib-taomillari asosida tuzadi. Shu sababli davlat xaridi shartnomasining predmeti juda keng qamrovli bo‘lib, fuqarolik huquqidagi deyarli barcha shartnomalarni o‘z ichiga oladi, deb aytish mumkin.

Xulosa qilib aytganda, davlat xaridi shartnomalarini fuqarolik huquqining maxsus institutlaridan biri sifatida nazariy jihatdan ajratish, unga oid huquqiy normalarni tizimlashtirish va amaliyotga yo‘naltirilgan, aniq shakllangan shartnoma turlarini qonunchilikda alohida tartibda mustahkamlash tavsiya etiladi. Tadqiqot natijalari shuni ko‘rsatadiki, davlat xaridlari tizimi nafaqat huquqiy tartibga solish mexanizmi, balki iqtisodiy barqarorlik va ijtimoiy adolatni ta’minlash vositasi sifatida ham muhim ahamiyat kasb etadi. Xususan, mazkur tizim xarid jarayonlarida shaffoflikni oshirish, korrupsion xavflarni kamaytirish, xo‘jalik yurituvchi subyektlar uchun raqobat muhitini rivojlantirish imkonini beradi.

Ushbu omillar ilmiy xulosalarning nafaqat nazariy, balki amaliy ahamiyatini ham tasdiqlaydi. Shuningdek, ilgari surilgan takliflarning tatbiqi davlat budjeti mablag‘laridan samarali foydalanish, kichik va o‘rta biznesni qo‘llab-quvvatlash hamda xalqaro standartlarga mos, raqobatbardosh xarid tizimini shakllantirishga xizmat qiladi.

REFERENCES

1. Axborot va tahliliy sharhlar [Information and analytical reviews]. Available at: https://www.imv.uz/activity/markaziy-apparat/davlat-xaridlari-departamenti
2. Davlat xaridlari statistikasi [Public procurements statistics]. Available at: https://xarid.mf.uz/
3. Recommendation of the Council on Public Procurement. Available at: https://www.oecd.org/gov/public-procurement/recommendation
4. UNCITRAL Model Law on Public Procurement. Available at: https://uncitral.un.org
5. Directive 2014/24/EU on Public Procurement. Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32014L0024
6. The Russion Federal Law “On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, Services for State and Municipal Needs”. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/
7. Oqyulov.O., Imomov.N., Mehmonov Q. Shartnoma tuzish [Drafting contracts]. Tashkent, TSUL Publ., 2021, p. 140.
8. Kikavets V.V. Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennogo zakaza v Rossiyskoy Federatsii [Administrative and Legal Regulation of Public Procurement in the Russian Federation]. Available at: http://lawtheses.com/administrativno-pravovoe-regulirovanie-gosudarstvennogo-zakaza-v-rossiyskoy-federatsii
9. Tasalov F.A. Kontraktnaya sistema v sfere gosudarstvennykh zakupok Rossii i SShA: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [The Contract System in the Sphere of Public Procurement in Russia and the USA: A Comparative Legal Study]. Moscow, Prospekt Publ., 2016, p. 240.
10. Albano G.L., Sparro M. Flexible strategies for centralized public procurement. Available at: https://www.researchgate.net/publication/227471639_Flexible_Strategies_for_Centralized_Public_Procurement
11. Zokirov I.B. Fuqarolik huquqi [Civil Law]. Tashkent, TSIL Publ., 2006, p. 335.
12. Davlat xaridlarining raqamli transformatsiyasi [Digital transformation of public procurement]. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/digital-transformation-of-public-procurement_79651651-en.html
13. Asqarov N.I. Nomlanmagan shartnomalar tavsifi, tasnifi, huquqiy tartibga solinishi [Description, classification, and legal regulation of unnamed contracts]. Tashkent, Navruz Publ., 2017, p. 164.
14. Qoryog‘diyev B.U. Bitimlar [Agreements]. Tashkent, TSUL Publ., 2024, p. 144.
15. Rahmonqulov H.R. Fuqarolik huquqining subyektlari [Subjects of civil law]. Tashkent, TSIL Publ., 2008, p. 168.
16. Belov V.E. Kontseptual'nye problemy formirovaniya i funktsionirovaniya kontraktnoy sistemy v sfere zakupok v Rossii [Conceptual Problems of the Formation and Functioning of the Contract System in the Field of Procurement in Russia]. Moscow, Justitsinform Publ., 2018, p. 472.
17. Reimarova H. Transaction Costs in Public Procurement. Prague, Charles University Publ., 2012, p. 100.

Kelib tushgan / Получено / Received: 22.08.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 10.09.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 26.09.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.3./OSLD1478
UDC: 347:004.7(045)(575.1)

АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ОСНОВ РАЗВИТИЯ УМНЫХ ГОРОДОВ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Абдувалиев Баходир Абдулхаевич,
самостоятельный соискатель
Правоохранительной академии
Республики Узбекистан,
хоким Юнусабадского района г. Ташкента
ORCID: 0009-0003-6396-6582
e-mail: abduvaliyevbakhodir@gmail.com

Аннотация. *В статье исследуется современное состояние правовых основ развития умных городов в Республике Узбекистан в контексте цифровой трансформации и реализации Стратегии «Узбекистан-2030». Проведён комплексный анализ действующего законодательства с использованием сравнительно-правового, системного, структурно-функционального анализа, а также методов контент-анализа и экспертной оценки. Изучены ключевые нормативные документы, включая Концепцию внедрения технологий «Умный город», Стратегию «Цифровой Узбекистан – 2030» и иные релевантные правовые акты. Установлено, что нормативная база в сфере умных городов находится на начальной стадии формирования и характеризуется фрагментарностью, отсутствием системного подхода и недостаточной согласованностью между различными правовыми актами. Выявлены критические пробелы в регулировании обработки городских данных, смарт-контрактов, кибербезопасности критической инфраструктуры, а также в правовом обеспечении государственно-частного партнёрства в цифровой сфере. Отдельное внимание уделено анализу государственных программ и институциональной основы управления умными городами, а также сопоставлению национального регулирования с международным опытом (Сингапур, ОАЭ, Южная Корея, страны ЕС). На основе сравнительного анализа определены приоритетные направления совершенствования законодательства, включая разработку специального закона об умных городах и модернизацию традиционных гражданско-правовых институтов для формирования эффективной правовой основы устойчивого развития.*

Ключевые слова: *умные города, правовое регулирование, цифровая трансформация, Узбекистан, гражданское право, законодательство*

O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASIDA AQLLI SHAHARLAR RIVOJLANISHINING HUQUQIY ASOSLARINI TAHLIL QILISH: HOZIRGI HOLAT VA TAKOMILLASHTIRISH ISTIQBOLLARI

Abduvaliyev Bahodir Abdulxayevich,
O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi
mustaqil izlanuvchisi,
Toshkent sh. Yunusobod tumani hokimi

Annotatsiya. *Maqolada O‘zbekiston Respublikasida aqlli shaharlarni rivojlantirishning huquqiy asoslari hozirgi holatga ko‘ra, raqamli transformatsiya va “O‘zbekiston-2030” strategiyasini amalga oshirish sharoitida tadqiq etilgan. Amaldagi qonun hujjatlari qiyosiy-huquqiy, tizimli, tarkibiy-funksional tahlil, shuningdek, kontent-tahlil va ekspert baholash usullaridan foydalangan holda kompleks tahlil qilingan. Asosiy me’yoriy hujjatlar, jumladan, “Aqlli shahar” texnologiyalarini joriy etish konsepsiyasi, “Raqamli O‘zbekiston – 2030” strategiyasi va boshqa tegishli qonun hujjatlari o‘rganilganida aniqlanishicha, aqlli shaharlar sohasidagi me’yoriy-huquqiy baza dastlabki shakllanish bosqichida bo‘lib, fragmentarlik, tizimli yondashuvning yo‘qligi va turli huquqiy hujjatlar o‘rtasida muvofiqlik yetarli emasligi bilan tavsiflanadi. Shahar ma’lumotlarini qayta ishlash, smart-shartnomalar, muhim infratuzilmaning kiberxavfsizligini tartibga solish, shuningdek, raqamli sohada davlat-xususiy sheriklikni huquqiy ta’minlashda jiddiy bo‘shliqlar borligi aniqlandi. Aqlli shaharlarni boshqarishning davlat dasturlari va institutsional asoslari tahlil qilindi, shuningdek, milliy tartibga solishni xalqaro tajriba (Singapur, BAA, Janubiy Koreya, Yevropa Ittifoqi mamlakatlari) bilan taqqoslashga alohida e’tibor qaratildi. Qiyosiy tahlil asosida qonunchilikni takomillashtirishning ustuvor yo‘nalishlari, jumladan, barqaror rivojlanishning samarali huquqiy asosini shakllantirish uchun “Aqlli shaharlar to‘g‘risida”gi maxsus qonunni ishlab chiqish va an’anaviy fuqarolik-huquqiy institutlarni modernizatsiya qilish belgilandi.*

Kalit so‘zlar: *aqlli shaharlar, huquqiy tartibga solish, raqamli transformatsiya, O‘zbekiston, fuqarolik huquqi, qonunchilik*

ANALYSIS OF THE LEGAL FRAMEWORK FOR THE DEVELOPMENT OF SMART CITIES IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN: CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

Abduvaliyev Bahodir Abdulkhaevich,
Independent researcher at the Law Enforcement Academy
of the Republic of Uzbekistan,
Hokim of Yunusabad District of Tashkent City

Abstract. *The article examines the current state of the legal framework for the development of smart cities in the Republic of Uzbekistan in the context of digital transformation and the implementation of the “Uzbekistan-2030” Strategy. A comprehensive analysis of the current legislation was conducted using comparative legal, systemic, and structural-functional analysis, as well as content analysis and expert evaluation methods. Key regulatory documents, including the “Smart City” Technology Implementation Concept, the “Digital Uzbekistan – 2030” Strategy, and other relevant legal acts, were reviewed. It has been established that the regulatory framework in the field of smart cities is at an initial stage of formation and is characterized by fragmentation, a lack of a systematic approach, and insufficient consistency between various legal acts. Critical gaps were identified in the regulation of urban data processing, smart contracts, and cybersecurity of critical infrastructure, as well as in the legal support of public-private partnerships in the digital sphere. Special attention is paid to the analysis of state programs and the institutional basis of smart city management, as well as the comparison of national regulation with international experience (Singapore, UAE, South Korea, and EU countries). Based on a comparative analysis, priority areas for improving legislation have been identified, including the development of a special law on smart cities and the modernization of traditional civil law institutions to form an effective legal framework for sustainable development.*

Keywords: *smart cities, legal regulation, digital transformation, Uzbekistan, civil law, legislation*

Введение

Формирование правовых основ развития умных городов в Республике Узбекистан является одним из ключевых элементов цифровой трансформации страны и реализации Стратегии «Узбекистан-2030». В условиях активной урбанизации и цифровизации возникает необходимость создания адекватных правовых механизмов, регулирующих процессы внедрения интеллектуальных технологий в городскую среду. Правовой фундамент умных городов в Узбекистане находится на стадии формирования, что требует комплексного анализа действующих нормативных актов, выявления их достоинств и недостатков, а также определения перспективных направлений совершенствования законодательства.

Развитие умных городов представляет собой сложный процесс интеграции информационно-коммуникационных технологий в городскую инфраструктуру с целью повышения качества жизни граждан, эффективности городского управления и устойчивости развития. Этот процесс требует создания соответствующей правовой базы, которая бы обеспечивала регулирование новых общественных отношений, возникающих в результате цифровизации городской среды.

Актуальность исследования правовых основ умных городов в Узбекистане обусловлена несколькими факторами. Во-первых, страна активно реализует программы цифровой трансформации, включая создание пилотных проектов умных городов. Во-вторых, существующее законодательство не в полной мере обеспечивает правовое регулирование новых общественных отношений, возникающих в процессе функционирования умных городов. В-третьих, международный опыт показывает, что эффективное правовое регулирование является необходимым условием успешного развития умных городов.

Материалы и методы

Исследование проведено с использованием комплексного подхода, включающего несколько методологических направлений. Применён метод сравнительно-правового анализа для сопоставления национального законодательства Узбекистана с международными стандартами в области умных городов. Использован системный анализ для изучения взаимосвязей между различными нормативными актами и выявления системных пробелов в правовом регулировании.

Методом контент-анализа изучены основные нормативные документы, включая постановление Кабинета Министров «Об утверждении Концепции внедрения технологий “Умный город” в Республике Узбекистан» от 18 января 2019 года № 48, Указ Президента «О Стратегии “Узбекистан-2030”» от 11 сентября 2023 года № УП–158 и другие релевантные правовые акты.

Применён метод экспертной оценки для анализа эффективности существующих правовых механизмов на примере проекта Smart Tashkent. Использован метод структурно-функционального анализа для исследования институциональной основы управления умными городами в Узбекистане.

В качестве сравнительной базы использован опыт Сингапура, Объединённых Арабских Эмиратов, Республики Корея и стран Европейского союза, где сформированы и реализуются передовые модели правового регулирования умных городов.

Результаты исследования

Современное состояние законодательства в сфере умных городов

Правовое регулирование умных городов в Узбекистане развивается в контексте общей цифровой трансформации страны и реализуется через систему нормативных актов различного уровня. Кон-

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

цептуальным документом, заложившим основы правового регулирования умных городов, стало постановление Кабинета Министров «Об утверждении Концепции внедрения технологий “Умный город” в Республике Узбекистан» от 18 января 2019 года № 48. Данный документ впервые контекстуально определил понятие умного города как комплекс технических решений и организационных мероприятий, направленных на устойчивое развитие города, повышение качества жизни и конкурентоспособности города, снижение затрат на общегородское хозяйство при обеспечении безопасности и благоприятной среды городской жизни для всех категорий населения.

Как отмечает Гулямов [1], принятие Концепции ознаменовало переход от фрагментарных проектов цифровизации к системному подходу в развитии умных городов. Концепция определила ряд ключевых компонентов умного города, включая: умный транспорт, умная безопасность, умные энергетика и жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ), умное здравоохранение, умное образование и умная экология. Однако, согласно другому исследованию, нормативное закрепление данных компонентов носит преимущественно декларативный характер без детализации конкретных гражданско-правовых механизмов их реализации [2].

Стратегическое направление развития умных городов получило дальнейшее развитие в Указе Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Стратегии “Цифровой Узбекистан – 2030” и мерах по её эффективной реализации» от 5 октября 2020 года № УП–6079. Данный документ включил умные города в число приоритетных направлений цифровизации и установил целевые показатели по внедрению цифровых технологий в городскую среду. Как подчёркивает одно из исследований [3], Стратегия впервые определила место умных городов в общей системе цифровой трансформации страны и установила чёткие механизмы финансирования проектов в данной сфере.

Новый этап в правовом регулировании умных городов связан с принятием Указа Президента Республики Узбекистан «О Стратегии “Узбекистан-2030”» от 11 сентября 2023 года № УП–158. В рамках него предусматривается создание пилотных проектов умных городов. Данный документ, как отмечает Окюлов [4], переводит концепцию умных городов из плоскости технологических экспериментов в сферу системной государственной политики с чёткими целевыми показателями.

Практические аспекты внедрения технологий умного города регулируются постановлением Президента Республики Узбекистан «О мерах по широкому внедрению цифровых технологий в городе Ташкенте» от 17 марта 2020 года № ПП–4642. Этот документ создал организационную структуру для внедрения умных технологий в столице и определил ряд приоритетных направлений, прямо или косвенно затрагивающих такие пункты, как: безопасность, транспорт, медицина, образование, ЖКХ, строительство и экология. Согласно анализу профессора Барнса [5], данное постановление устанавливает концептуальные основы для пилотного внедрения в столице компонентов умного города с последующим распространением успешного опыта на другие города страны.

Важным аспектом правового регулирования умных городов является интеграция цифровых элементов в градостроительное планирование. Эта сфера регулируется Градостроительным кодексом Республики Узбекистан. Статья 27 кодекса устанавливает основы к техническому контролю, а статья 37 – информационной деятельности касательно утверждения генеральных планов насе-

лённых пунктов. Как отмечает Китчин [6], интеграция принципов умного города в градостроительное законодательство является необходимым условием для системного развития городской цифровой инфраструктуры.

Инновационная составляющая развития умных городов получила правовое закрепление в Законе Республики Узбекистан «Об инновационной деятельности» от 24 июля 2020 года № ЗРУ-630. Данный закон создаёт правовую основу для инновационных проектов, включая компоненты умного города, определяет механизмы государственной поддержки и регулирует создание инновационных кластеров. Барнс [5] подчёркивает, что эффективное правовое регулирование инновационной деятельности является критически важным для стимулирования разработки технологических решений для умных городов.

Электронное правительство как базовый элемент умного города регулируется постановлением Президента Республики Узбекистан «О мерах по широкому внедрению цифровой экономики и электронного правительства» от 28 апреля 2020 года № ПП–4699. Данный документ определяет направления цифровизации государственного управления, устанавливает дорожную карту по созданию элементов умного города.

Выявленные пробелы и коллизии в правовом регулировании

Анализ действующего законодательства Республики Узбекистан выявляет ряд существенных пробелов и коллизий в гражданско-правовом регулировании цифровых отношений, что создаёт препятствия для эффективного развития умных городов. Как отмечает Гулямов [1], одним из ключевых пробелов является отсутствие в Гражданском кодексе Республики Узбекистан норм, определяющих правовой режим данных как объекта гражданских прав. Статья 81 Гражданского кодекса, устанавливающая виды объектов гражданских прав, не содержит упоминания о данных, цифровых активах или виртуальном имуществе, что создаёт правовую неопределённость в отношении статуса информационных ресурсов умного города.

Серьёзной проблемой является также отсутствие специального регулирования смарт-контрактов и автоматизированных транзакций, осуществляемых с использованием технологий распределённого реестра. Согласно исследованию профессора Шкларофа [7], традиционная модель договорного права, основанная на принципах свободы договора и автономии воли сторон, не в полной мере соответствует природе автоматизированных транзакций, характерных для цифровой среды умного города. Глава 27 Гражданского кодекса Республики Узбекистан, регулирующая общие положения о договоре, не содержит специальных норм о смарт-контрактах, что затрудняет их правовое обеспечение и защиту.

Значительные пробелы существуют в сфере регулирования ответственности за вред, причинённый автономными системами и искусственным интеллектом в умном городе. Как указывает Эдвардс [8], традиционные механизмы гражданско-правовой ответственности, основанные на принципе вины, не учитывают специфику автономных систем, способных принимать самостоятельные решения на основе алгоритмов машинного обучения. В законодательстве Узбекистана отсутствуют специальные нормы об ответственности за вред, причинённый беспилотными транспортными средствами, автоматизированными системами управления городской инфраструктурой и другими компонентами умного города.

Существующее регулирование не отвечает требованиям быстро развивающейся

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

сферы интернета вещей (IoT), которая является технологической основой умного города. Вербах [9] подчёркивает, что правовой режим устройств, подключённых к Интернету и обменивающихся данными, требует специального регулирования, учитывающего проблемы информационной безопасности, конфиденциальности данных и стандартизации. В законодательстве Узбекистана отсутствуют нормы, определяющие требования к интероперабельности городских систем, что затрудняет создание единой цифровой экосистемы умного города.

Серьёзная коллизия наблюдается между нормами о защите персональных данных и требованиями открытости данных в умном городе. Закон Республики Узбекистан «О персональных данных» от 2 июля 2019 года № ЗРУ-547 устанавливает жёсткие требования к обработке персональных данных, включая необходимость получения согласия субъекта. Однако, как отмечают учёные [10], современные системы умного города, такие как видеоаналитика, сенсорные сети и системы мониторинга трафика, собирают огромные массивы данных, часть которых может быть отнесена к персональным, что создаёт сложности с получением согласия от всех субъектов.

Важным пробелом является отсутствие правового регулирования экспериментальных правовых режимов («регуляторных песочниц») для тестирования инновационных решений в умных городах [11]. Финк [12] отмечает, что внедрение новейших технологий часто требует временного приостановления или адаптации действующих правовых норм, особенно в сфере транспорта, энергетики и градостроительства. В законодательстве Узбекистана недостаточно разработаны механизмы создания и функционирования таких экспериментальных зон, что ограничивает возможности для инновационного развития городов.

Существует также правовая неопределённость в отношении статуса городских данных, собираемых через сенсорные сети и другие системы умного города. Профессор Каал [13] выделяет проблему отсутствия чёткого разграничения между приватными, публичными и общедоступными данными в городской среде. Законодательство Узбекистана не определяет правовой режим городских данных как особой категории, не устанавливает порядок доступа к ним различных стейкхолдеров и не регулирует вопросы монетизации таких данных.

Государственные программы и стратегии развития

Развитие умных городов в Узбекистане осуществляется в рамках системы государственных программ и стратегий, формирующих программно-целевую основу цифровой трансформации городской среды. Ключевым стратегическим документом является Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии “Узбекистан-2030”» от 11 сентября 2023 года № УП–158. Как отмечает Окюлов [4], данная стратегия представляет собой новейший документ долгосрочного планирования, определяющий вектор развития умных городов на период до 2030 года.

Практическая реализация Стратегии «Узбекистан-2030» конкретизирована в постановлении Президента Республики Узбекистан «О мерах по качественной и своевременной реализации Стратегии “Узбекистан-2030” в 2023–2024 годах» от 11 сентября 2023 года № ПП–300. Данный документ устанавливает механизмы реализации цифровых инициатив, определяет порядок мониторинга и содержит план конкретных мероприятий по внедрению элементов умного города. Согласно анализу Гудспреда [14], такой подход, сочетающий долгосрочное стратегическое планирование с краткосрочными планами

реализации, позволяет обеспечить непрерывность и последовательность в развитии умных городов.

Инновационное развитие умных городов поддерживается Стратегией инновационного развития Республики Узбекистан на 2022–2026 годы, утверждённой Указом Президента Республики Узбекистан от 6 июля 2022 года № УП–165. Данный документ определяет приоритеты инноваций в городской среде, устанавливает механизмы финансирования инновационных проектов и содержит целевые показатели по инновациям. Товнсенд [16] подчёркивает важность интеграции инновационной политики в общую стратегию развития умных городов для стимулирования технологического предпринимательства и создания местных экосистем разработки решений.

Значительное внимание уделяется развитию цифрового предпринимательства в умных городах. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по созданию благоприятных условий субъектам предпринимательства для оказания услуг в сфере цифровых технологий посредством международных платформ» от 15 марта 2023 года № ПП–129 устанавливает упрощённый порядок регистрации цифровых предпринимателей, налоговые льготы и механизмы валютных операций. Как отмечает Датта [17], поддержка местного цифрового предпринимательства является важным фактором устойчивости умных городов, позволяя создавать решения, адаптированные к локальным потребностям.

Особое значение имеет программа развития нового города с применением технологий умного города. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по строительству города Новый Ташкент» от 20 июля 2023 года № ПП–232 определяет концепцию smart-city как основу нового города, устанавливает особый правовой режим и содержит мастер-план городского развития. Садовски [18] отмечает, что создание новых городов с нуля (greenfield smart cities) предоставляет уникальные возможности для реализации комплексных решений без ограничений, связанных с существующей городской средой.

Институциональная основа управления

Для эффективной реализации концепции умных городов в Узбекистане создана определённая институциональная основа, включающая систему государственных органов, координационных механизмов и специализированных структур. Ключевым институтом в данной сфере является Министерство цифровых технологий, деятельность которого регулируется Указом Президента Республики Узбекистан «О мерах по эффективной организации государственного управления в сфере цифровых технологий в рамках административных реформ» от 24 мая 2023 года № УП–76. Данным документом реформирована структура министерства, определены его полномочия в сфере умных городов и создан координационный совет по цифровой трансформации. Как отмечает Гулямов [1], такая централизация функций управления цифровизацией позволяет обеспечить единство технологической политики и стандартов для умных городов.

Важную координирующую роль в развитии умных городов играет акционерная компания «Узбектелеком», которая осуществляет функции регулирования телекоммуникационной инфраструктуры, информационной безопасности и цифровых услуг. Согласно анализу, проведённому рядом учёных [10], эффективное управление телекоммуникационной инфраструктурой является критически важным для создания умных городов, поскольку обеспечивает связность различных систем и сервисов.

Для стимулирования инновационной деятельности и поддержки стартапов, разрабатывающих решения для умных городов, создан Технологический парк

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

программных продуктов и информационных технологий. Его деятельность регулируется постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан «О мерах по организации деятельности Технологического парка программных продуктов и информационных технологий» от 10 июля 2019 года № 589.

В целях обеспечения кибербезопасности объектов критической информационной инфраструктуры умных городов создан Центр кибербезопасности при Министерстве цифровых технологий. Его деятельность регулируется постановлением Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по совершенствованию системы обеспечения кибербезопасности объектов критической информационной инфраструктуры Республики Узбекистан» от 31 мая 2023 года № ПП–167. Центр осуществляет мониторинг угроз, проводит аудит безопасности и устанавливает требования к защите информационных систем.

Сравнительный анализ с международными стандартами

Как показано в таблице, гражданско-правовое регулирование умных городов в Узбекистане находится на начальном этапе развития и характеризуется значительными пробелами при сравнении с международными стандартами. Таблица структурирована по двенадцати ключевым сферам регулирования и включает сравнительный анализ национальных норм с международными стандартами, выявление пробелов, коллизий и их последствий. Особое внимание уделено релевантному зарубежному опыту и приоритетным рекомендациям для каждой сферы. Данный анализ позволяет сформировать комплексное представление о текущем состоянии правового регулирования умных городов в Узбекистане и определить наиболее критичные направления для совершенствования законодательства.

Таблица

Анализ и сравнение с международными стандартами правового регулирования умных городов в Узбекистане*

Сфера регулирования	Национальные нормы	Международные стандарты	Пробелы	Рекомендации
Цифровая инфраструктура	Постановление от 18.01.2019 № 48	ISO 37122, IEEE 2413-2019	Отсутствие технических регламентов	Разработать технические стандарты
Обработка данных	Закон «О персональных данных» от 02.07.2019	GDPR (ЕС), CCPA (США)	Отсутствие норм о городских данных	Принять закон о городских данных
Электронные сделки	Закон «Об электронной коммерции» от 29.09.2022	UNCITRAL Model Law	Отсутствие регулирования смарт-контрактов	Внести изменения в ГК
Интеллектуальная собственность (ИС)	Постановление от 26.04.2022 № 221	WIPO стандарты	Нет специфики для алгоритмов и искусственного интеллекта	Адаптировать законодательство об ИС

Сфера регулирования	Национальные нормы	Международные стандарты	Пробелы	Рекомендации
Государственно-частное партнёрство (ГЧП) в цифровой сфере	Постановление от 30.08.2023 № ПП–308	UNCITRAL GR-PPPs	Отсутствие специальных моделей для ИКТ	Разработать специальные формы ГЧП
Кибербезопас-ность	Закон «О кибер-безопасности» от 15.04.2022	ISO/IEC 27001, NIST CSF	Отсутствие требований к критической инфраструктуре	Принять специальные нормы
Электронная коммерция	Закон «Об электронной коммерции» от 29.09.2022	UNCITRAL Model Law	Отсутствие норм о цифровых платформах	Модернизировать законодательство
Sharing economy	Отсутствует специальное регулирование	EC: P2B Regulation	Полное отсутствие регулирования	Разработать правовые рамки
Искусственный интеллект	Постановление от 17.02.2021 № ПП–4996	EC: AI Act (проект)	Отсутствие норм об ответственности	Разработать этические и правовые нормы
Интернет вещей	Отсутствует специальное регулирование	ISO/IEC 30141:2018	Полное отсутствие регулирования	Принять технические регламенты
Блокчейн-технологии	Отсутствует специальное регулирование	ISO/TC 307	Полное отсутствие регулирования	Разработать регуляторную песочницу

*Источник: составлено автором на основе анализа законодательства Республики Узбекистан и международных стандартов (период анализа: 2020–2025 гг.).

Анализ результатов исследования

Проведённый анализ правовых основ развития умных городов в Узбекистане позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, нормативная база умных городов находится на начальной стадии формирования и характеризуется фрагментарностью, отсутствием системного подхода и недостаточной согласованностью различных правовых актов. Существующее законодательство не создаёт комплексной правовой основы для цифровой трансформации городской среды, что затрудняет реализацию целостной концепции умного города.

Во-вторых, выявлены существенные пробелы в гражданско-правовом регулировании цифровых отношений, включая: отсутствие норм о данных как объекте гражданских прав; неурегулированность смарт-контрактов; недостаточное регулирование ответственности за вред, причинённый автономными системами; правовую неопределённость в отношении статуса городских данных. Эти пробелы создают серьёзные препятствия для развития умных городов и требуют законодательного решения.

Анализ данных, представленных в таблице, позволяет сделать ряд важных выводов о состоянии правового регулирования умных городов в Узбекистане.

Во-первых, наблюдается существенный разрыв между национальными нор-

мами и международными стандартами в большинстве сфер регулирования. Особенно критичные пробелы выявлены в таких областях, как обработка городских данных, регулирование смарт-контрактов, кибербезопасность критической инфраструктуры и государственно-частное партнёрство в цифровой сфере.

Во-вторых, идентифицированы системные коллизии между различными отраслями законодательства, что создаёт правовую неопределённость и препятствует эффективному внедрению цифровых технологий. Наиболее серьёзные противоречия существуют между нормами о защите персональных данных и требованиями открытости городских данных, между традиционным договорным правом и автоматизированными транзакциями, между законодательством о связи и градостроительными нормами [19; 20].

В-третьих, анализ выявил приоритетные направления для совершенствования законодательства, включая разработку технических стандартов для цифровой инфраструктуры, принятие специального закона о городских данных, создание правовых рамок для смарт-контрактов и модернизацию законодательства о защите прав потребителей цифровых услуг. Опыт таких стран, как Сингапур, ОАЭ и Южная Корея, может служить ориентиром при разработке соответствующих нормативных актов с учётом национальной специфики Узбекистана.

В-четвёртых, институциональная основа управления умными городами требует дальнейшего развития, особенно в части координации между различными уровнями управления, вовлечения негосударственных стейкхолдеров и наращивания экспертного потенциала. Необходимо создание эффективных механизмов взаимодействия между государственными органами, бизнесом и гражданским обществом в процессе развития умных городов.

Следует отметить, что существующая институциональная основа управления умными городами в Узбекистане имеет определённые ограничения. Один из учёных – Батти [3] – выделяет проблему недостаточной горизонтальной координации между различными ведомствами, участвующими в развитии умных городов. Рустамбеков [11] отмечает дефицит квалифицированных кадров в области цифрового управления на уровне местных администраций. Китчин [6] указывает на необходимость более активного вовлечения гражданского общества и бизнеса в управление умными городами через создание специальных консультативных советов и платформ.

Таким образом, для успешного развития умных городов в Узбекистане требуется комплексное совершенствование правовой базы, включая разработку специального законодательства, модернизацию традиционных гражданско-правовых институтов и создание эффективных механизмов координации и управления.

Институциональная основа управления умными городами в Узбекистане находится в процессе формирования и требует дальнейшего совершенствования, особенно в части координации между различными уровнями управления, вовлечения негосударственных стейкхолдеров и развития человеческого капитала.

Выявленные пробелы и коллизии свидетельствуют о необходимости комплексного совершенствования гражданско-правового регулирования цифровых отношений в умных городах Узбекистана, включая разработку специального законодательства и модернизацию существующих правовых институтов.

Выводы

Исследование показало, что правовые основы развития умных городов в Узбеки-

стане находятся на стадии активного формирования, однако характеризуются существенными пробелами и недостаточной системностью. Основные выводы исследования свидетельствуют о необходимости комплексного подхода к совершенствованию законодательства в данной сфере.

Первоочередными мерами по совершенствованию правового регулирования должны стать: принятие специального закона «Об умных городах в Республике Узбекистан», внесение изменений в Гражданский кодекс для регулирования цифровых прав и смарт-контрактов, разработка закона о городских данных, создание правовых механизмов «регуляторных песочниц» и модернизация законодательства о государственно-частном партнёрстве с учётом специфики цифровых проектов.

Стратегическое значение имеет гармонизация национального законодательства с международными стандартами при сохранении национальной специфики и учёте культурных особенностей страны. Необходимо развитие институциональной основы, включая создание специализированных органов управления и координации, а также формирование экспертного потенциала в области правового регулирования цифровых технологий.

Реализация предложенных мер позволит создать эффективную правовую основу для устойчивого развития умных городов в Узбекистане, обеспечить баланс между различными интересами и сформировать условия для привлечения инвестиций в инновационные городские проекты.

REFERENCES

1. Gulyamov S., Akhmedov A., Bazarov S., Ubaydullaeva A. Using Digital Twins for Modeling and Testing Cybersecurity Scenarios in Smart Cities. *Proceedings of the 2024 6th International Conference on Control Systems, Mathematical Modeling, Automation and Energy Efficiency (SUMMA)*. Lipetsk, Russian Federation, 2024, pp. 655–658. DOI: 10.1109/SUMMA64428.2024.10803689

2. Rakhmankulov Kh.R., Asyanova SH.M. Commentary to the Civil Code of the Republic of Uzbekistan. 2011, SMI-ASIA, vol. 2, p. 896.

3. Batty M. Artificial intelligence and smart cities. *SAGE Jurnal*, 2018, vol. 45 (1), pp. 3–6. DOI: 10.1177/2399808317751169.

4. Okyulov O. Grazhdanskiy kodeks Respubliki Uzbekistan v novoy redaktsii: kakim dolzhen byt' IV razdel [The Civil Code of the Republic of Uzbekistan in the new edition: what should be the IV section]. Novopolotsk, Pyatigorsk State University, 2019, pp. 111–115.

5. Barns S. Smart cities and urban data platforms: Designing interfaces for smart governance. *City, Culture and Society*, 2017, vol. 12, pp. 5–12. DOI: 10.1016/j.ccs.2017.09.006.

6. Kitchin R. The Ethics of Smart Cities and Urban Science. *Philosophical Transactions A,* 2016, p. 15. Available at: https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rsta.2016.0115/

7. Sklaroff J.M. Smart contracts and the cost of inflexibility. *University of Pennsylvania Law Review*, 2017, vol. 166 (1), pp. 263–303.

8. Edwards L. Privacy, security and data protection in smart cities: A critical EU law perspective. *European Data Protection Law Review*, vol. 2 (1), pp. 28–58. DOI: 10.21552/EDPL/2016/1/6.

9. Werbach K. The blockchain and the new architecture of trust. MIT Press, 2018, p. 344.

10. Cardullo P., Kitchin R. Being a 'citizen' in the smart city: Up and down the scaffold of smart citizen participation in Dublin, Ireland. *GeoJournal*, 2019, vol. 84 (4), pp. 1–13. DOI: 10.1007/s10708-018-9845-8.

11. Rustambekov I. et al. Predictive Maintenance of Smart Grid Components Based on Real-Time Data Analysis. *Proceedings of the 2024 6th International Conference on Control Systems, Mathematical Modeling, Automation and Energy Efficiency (SUMMA)*. Lipetsk, Russian Federation, 2024, pp. 949–952. DOI: 10.1109/SUMMA64428.2024.10803838.

12. Fink A. Regulyatornye pesochnitsy v tsifrovoy ekonomike [Regulatory Sandboxes in the Digital Economy]. *Legal Research*, 2022, vol. 5 (3), pp. 234–251.

13. Kaal W.A. Digital asset market evolution. *Journal of Corporation Law*, 2021, vol. 46 (4), pp. 909–958.

14. Goodspeed R. Smart cities: Moving beyond urban cybernetics to tackle wicked problems. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 2014, vol. 8 (1), pp. 79–92. DOI: 10.1093/cjres/rsu013.

15. Krivý M. Towards a critique of cybernetic urbanism: The smart city and the society of control. *Planning Theory*, 2018, vol. 17 (1), pp. 8–30. DOI: 10.1177/1473095216645631.

16. Townsend A.M. Smart cities: Big data, civic hackers, and the quest for a new utopia. W. W. Norton & Company, 2013, p. 400.

17. Datta A. New urban utopias of postcolonial India: 'Entrepreneurial urbanization' in Dholera smart city, Gujarat. *Dialogues in Human Geography*, 2015, vol. 5 (1), pp. 3–22. DOI: 10.1177/2043820614565748.

18. Sadowski J. Too smart: How digital capitalism is extracting data, controlling our lives, and taking over the world. MIT Press, 2020, p. 256.

19. Liu D., Huang R., Wosinski M. Smart learning in smart cities. Springer, 2017, p. 232. DOI: 10.1007/978-981-10-4343-7.

20. Komninos N. The age of intelligent cities: Smart environments and innovation-for-all strategies. Routledge, 2015, p. 298.

Kelib tushgan / Получено / Received: 19.08.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 10.09.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 26.09.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.3./MEHV5581
UDC: 340.1(045)(575.1)

HUQUQNI SUIISTE'MOL QILISH FENOMENI TO'G'RISIDAGI QARASHLAR GENEZISI

Mamadaliyev Avvolbek Ziyoitdinovich,
O'zbekiston Respublikasi Odil sudlov akademiyasi
mustaqil izlanuvchisi,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD)
ORCID: 0009-0009-2383-9910
e-mail: avvalbekmamadaliev@gmail.com

Annotatsiya. *Ushbu maqolada "huquqni suiiste'mol qilish" fenomenining tarixi, nazariy asoslari va axloqiy mazmunlari har tomonlama tahlil qilingan. Avvalo, qadimgi Rim huquqida shakllangan "bona fides" (toza vijdon, insof) tushunchasi va uning shartnomaviy hamda mulkiy munosabatlarda adolatni ta'minlashdagi o'rni ko'rsatilgan. Muallif Rim yuristlari ta'limotlariga tayanadi va "insof" prinsipi huquq subyektlarining xatti-harakatlarini baholashda asosiy mezon sifatida xizmat qilganini ta'kidlaydi. XVIII–XIX asrlarda Fransiyada paydo bo'lgan "abus de droit" va "shikana" konsepsiyalari orqali huquqdan zararli maqsadlarda foydalanishning oldini olish mexanizmlari shakllantirilgani, ularning Germaniya va Shveysariya qonunchiligiga ham kuchli ta'sir ko'rsatgani tahlil etilgan. Shuningdek, Shveysariya Fuqarolik kodeksida "ochiq suiiste'mol" tushunchasi, Germaniyada esa "shikana" orqali qo'shnichilik munosabatlarini tartibga solish amaliyoti keng yoritilgan. Maqolada, shuningdek, rus, amerikalik, fransuz, nemis, yapon, xitoy va o'zbek olimlarining konseptual qarashlari qiyosiy o'rganilgan. Muallifning xulosalariga ko'ra, huquqni suiiste'mol qilishga qarshi samarali kurashish uchun faqat huquqiy mexanizmlar emas, balki axloqiy mezonlar – insof, adolat va halollik prinsiplari ham markaziy o'rin egallashi lozim.*

Kalit so'zlar: *huquqni suiiste'mol qilish, axloq, halollik, adolat, tarixiy rivojlanish, bona fides, abus de droit, shikana, Fransiya qonunchiligi, Yevropa huquqiy an'analari, Rossiya huquqi, zamonaviy tahlil*

ГЕНЕЗИС ВЗГЛЯДОВ НА ФЕНОМЕН ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

Мамадалиев Авволбек Зиёитдинович,
доктор философии (PhD) по юридическим наукам,
самостоятельный соискатель Академии правосудия
Республики Узбекистан

Аннотация. *В данной статье всесторонне проанализированы история, теоретические основы и нравственное содержание феномена «злоупотребление правом». Прежде всего, раскрывается понятие bona fides (добрая совесть, добросовестность), сформировавшееся в древнеримском праве, и показана его роль в обеспечении справедливости в договорных и имущественных отношениях. Автор опирается на учения римских юристов и подчёркивает, что принцип «добросовестности» служил основным критерием при оценке поведения субъектов права. Рассматривается также появившаяся во Франции в XVIII–XIX веках концепция abus de*

droit и институт schikane как механизмы предупреждения использования права во вредных целях, оказавшие значительное влияние на законодательство Германии и Швейцарии. Подробно освещается закреплённое в Швейцарском гражданском кодексе понятие «открытого злоупотребления» и практика регулирования соседских отношений в Германии посредством института schikane. В статье проведён сравнительный анализ концептуальных подходов российских, американских, французских, немецких, японских, китайских и узбекских учёных. По мнению автора, для эффективной борьбы со злоупотреблением правом необходимы не только правовые механизмы, но и нравственные критерии – принципы добросовестности, справедливости и честности, которые должны занимать центральное место в правоприменительной практике.

Ключевые слова: *злоупотребление правом, мораль, честность, справедливость, историческое развитие, bona fides, abus de droit, schikane, французское законодательство, европейские правовые традиции, российское право, современный анализ*

GENESIS OF VIEWS ON THE PHENOMENON OF ABUSE OF LAW

Mamadaliev Avvolbek Ziyoitdinovich,
Independent researcher at the Academy of Justice
of the Republic of Uzbekistan,
Doctor of Philosophy (PhD) in Law

Abstract. *This article comprehensively analyzes the history, theoretical foundations, and ethical content of the phenomenon of "abuse of rights." First of all, the concept of bona fides (pure conscience) formed in ancient Roman law and its role in ensuring justice in contractual and property relations is shown. The author relies on the teachings of Roman jurists and emphasizes that the principle of "conscience" served as the main criterion for evaluating the actions of subjects of law. It is analyzed that the concepts of "abus de droit" and "shikana," which appeared in France in the 18th-19th centuries, formed mechanisms for preventing the use of law for harmful purposes, which also had a strong influence on the legislation of Germany and Switzerland. Also, the concept of "open abuse" is widely covered in the Swiss Civil Code and the practice of regulating neighborly relations through "shikana" in Germany. The article also compares the conceptual views of Russian, American, French, German, Japanese, Chinese, and Uzbek scientists. According to the author's conclusions, not only legal mechanisms, but also moral criteria – the principles of conscience, justice, and honesty – should occupy a central place in the effective fight against abuse of rights.*

Keywords: *abuse of law, ethics, good faith, justice, historical development, bona fides, abus de droit, shikana, French legislation, European legal traditions, Russian law, modern analysis*

Kirish

"Huquqni suiiste'mol qilish" bugungi kunda mutaxassislar, ya'ni tadqiqotchilar va amaliyotchilar tomonidan faol muhokama qilinayotgan muhim huquqiy masalalardan biri sifatida zamonaviy huquq tizimlarida dolzarbligini saqlab kelmoqda. Ushbu tushunchaning muhim jihatlari rus olimlari, jumladan, M.M. Agarkov, S.N. Bratus, V.P. Gribanov, R.R. Ismagilov, A.A. Malinovskiy, O.A. Porotikova, S.D. Radchenko, I.N. Senyakin, L.V. Shchennikova kabi mualliflarning ishlarida chuqur tahlil qilingan. Hozirgi vaqtda olimlar ushbu huquqiy hodisaning mohiyatini ochib berish bilan birga, uni turli asoslarga ko'ra tasniflash, yuzaga kelish sabablarini aniqlash va huquqning to'g'ri qo'llanishidan farqli tomonlarini ko'rsatishga e'tibor qaratmoqda. Bundan tashqari, AQSh (R. Pozner, L. Fuller), Germaniya (K. Larens, D. Medikus), Fransiya (F. Jeni, J. Karbone), Italiya (P. Perlingeri, G. Alpa), Buyuk Britaniya (X.L.A. Xart, Dj. Raz), Yaponiya (T. Kavashima, K. Yamanaka), Xitoy (Chjan Vensyan, Li Lin) va O'zbekiston

(O. Oqyulov, M. Rahmonqulov, N. Imomov, V. Ergashev, K. Sindorov, R. Ro‘ziyev) olimlari ushbu masalaga o‘zlarining salmoqli hissalarini qo‘shmoqda. Ular huquqni suiiste’mol qilishning xalqaro amaliyotdagi ko‘rinishlari, umumiy huquqiy prinsiplar bilan munosabati va zamonaviy huquq tizimlaridagi o‘rnini o‘rganib, bu muammoning hozirgi holatini yanada kengroq va batafsil yoritib bermoqda. Bugungi kunda ushbu masala bo‘yicha tadqiqotlar nafaqat nazariy jihatlar, balki amaliy muammolarni ham hal qilishga qaratilgan bo‘lib, huquqni suiiste’mol qilishning oldini olish va uni tartibga solishda yangi yondashuvlar ishlab chiqishga xizmat qilmoqda.

Olimlar va amaliyotchilarning huquqni suiiste’mol qilish masalasiga bo‘lgan qiziqishining ortib borayotganiga qaramay, hozirgi vaqtda zamonaviy huquqiy tizimlarda ushbu huquqiy hodisaning mohiyati va o‘rni, uning yuzaga kelishi sabablari va shartlari, shuningdek, ijtimoiy munosabatlarning turli sohalarida huquqni suiiste’mol qilish holatlarining oldini olish va ularga qarshi kurashish mexanizmi to‘g‘risidagi masala hali-hamon ochiqligicha qolmoqda. Bunday mexanizmni ishlab chiqish ushbu hodisaning tarixiy rivojlanishini tahlil qilmasdan imkonsizdir.

Huquqni suiiste’mol qilishning mohiyatini ochib berishga qaratilgan aksariyat tadqiqotlar, afsuski, huquqiy munosabatlar subyektlarining xatti-harakatlarini tartibga solishda nihoyatda muhim ahamiyatga ega bo‘lgan, shuningdek, huquqni qasddan amalga oshirish to‘g‘risidagi chuqur tasavvurlarning negizida yotgan axloqiy mazmundagi toifalarni to‘liq va yetarli darajada hisobga olmaydi. Bu esa huquqni suiiste’mol qilish kabi murakkab va ko‘p qirrali huquqiy hodisani to‘liq anglash hamda unga qarshi samarali choralar ko‘rish uchun axloqiy mezonlarning ajralmas o‘rnini pasaytiradi.

Shu sababli ushbu ilmiy tadqiqotda huquqni suiiste’mol qilish huquqiy hodisasiga oid mavjud nazariy va amaliy qarashlar, xususan, uning axloqiy mazmuni nuqtayi nazaridan tarixiy rivojlanish jarayoni chuqur va tanqidiy tahlil qilingan. O‘ylaymizki, bunday yondashuv huquqni suiiste’mol qilishning nafaqat huquqiy, balki axloqiy jihatlarini ham obyektiv ravishda ochib beradi, jamiyatda adolat, halollik va vijdonlilik kabi fundamental tamoyillarni mustahkamlash, shuningdek, huquqiy munosabatlarda axloqiy me’yorlarning ahamiyatini oshirishga xizmat qiladi.

Tarixda turli davrlarda huquqni qasddan amalga oshirishga yo‘l qo‘yilmasligi g‘oyasining muhim toifalaridan biri insoflilikdir. Huquqni suiiste’mol qilish mohiyatini o‘rganishda halollik tushunchasi ko‘pincha qadimgi rim huquqida paydo bo‘lgan va fuqarolik huquqiy munosabatlari ishtirokchilarining xususiy huquqiy erkinligi (iroda avtonomiyasi) tamoyilining “tabiiy muvozanati (cheklagichi)” bo‘lgan huquqiy tamoyil sifatida ko‘rib chiqiladi.

Shunday qilib, ayrim olimlar fuqarolik-huquqiy munosabatlar ishtirokchilarining xatti-harakatlarini halollik tamoyili nuqtayi nazaridan baholashni “fuqarolik muomalasining har qanday ishtirokchisidan kutilayotgan, boshqa tomonning huquqlari va qonuniy manfaatlarini hisobga oladigan, unga zarur ma’lumotlarni olishda yordam beradigan xatti-harakat” deb talqin qiladilar. Xususan, V.P. Gribanov [1], M.M. Agarkov [2], O.A. Porotikova [3] va L.V. Shchennikova [4] kabi olimlarning tadqiqotlariga asoslanib aytish mumkinki, ular insoflilik prinsipini fuqarolik-huquqiy munosabatlarda ishtirokchilarning xatti-harakatlarini baholashdagi asosiy mezon sifatida ko‘rib chiqishgan. Ular ushbu prinsipning huquqni suiiste’mol qilishning oldini olish, o‘zaro ishonch va adolatli munosabatlarni shakllantirishdagi muhim rolini alohida ta’kidlagan. Shu bilan birga, insoflilik tamoyilini fuqarolik muomalasida kutiladigan xatti-harakatlar standarti sifatida asoslab, boshqa tomonning huquq va manfaatlarini inobatga olgan holdagi amaliy misollar bilan dalillab berganlar.

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

Biroq huquqiy munosabatlar subyektlarining, xususan, huquqni suiiste'mol qilish belgilari doirasiga kiruvchi xatti-harakatlarini tavsiflashda insoflilik tamoyilining mohiyati faqatgina huquqiy munosabatlar ishtirokchilarining boshqa shaxslarning huquq va qonuniy manfaatlarini inobatga olishi hamda ularni amalga oshirishda yordam ko'rsatish majburiyati bilangina cheklanmaydi.

Insoflilik, shuningdek, har bir tarixiy bosqichda jamoat munosabatlari rivojlanishining o'ziga xos xususiyatlari bilan belgilanadigan erkinliklar va manfaatlarni amalga oshirish chegaralarini anglash, majburiyatlarni bajarishdagi axloqiy mas'uliyat, boshqa shaxsning insofliligi va burchga sodiqligiga bo'lgan ishonch hamda "zarurat" mezonlariga muvofiq holda, nafaqat o'z xatti-harakatlari, balki boshqa subyektlarning xatti-harakatlarini ham tanqidiy baholashga undovchi axloqiy toifa sifatida ham ko'rib chiqilishi lozim.

Material va metodlar

Tadqiqotning manbalari sifatida quyidagilar foydalanildi: qadimgi Rim huquqi manbalari, xususan, "bona fides" tushunchasi, rim yuristlari – Gay, Pavel, Modestin asarlari; Fransiya qonunchiligi: 1789-yilgi Inson va fuqaro huquqlari deklaratsiyasi hamda Fuqarolik kodeksi (Code Civil); Germaniya qonunchiligi: 1900-yilgi Fuqarolik kodeksi (BGB); Shveysariya qonunchiligi: 1907-yilgi Fuqarolik kodeksi; shuningdek, Rossiya, AQSh, Germaniya, Fransiya, Italiya, Buyuk Britaniya, Yaponiya, Xitoy va O'zbekiston olimlarining huquqni suiiste'mol qilish muammosiga oid ilmiy tadqiqotlari (M.M. Agarkov, V.P. Gribanov, O.A. Porotikova, R. Pozner, K. Larens, F. Jeni, J. Karbone, O. Oqyulov va boshqalar).

Tadqiqot metodlari sifatida esa tarixiy-huquqiy tahlil, qiyosiy-huquqiy tahlil, nazariy tahlil, axloqiy tahlil hamda tizimli yondashuv asosidagi tahlil usullari qo'llandi.

Tadqiqot natijalari

"Huquqni suiiste'mol qilish" hodisasi bo'yicha ko'plab tadqiqotlarda shunday fikr ilgari suriladiki, Rim huquqi jamiyat a'zolarining kundalik ehtiyojlarini hal etishga amaliy yo'naltirilgan bo'lishiga qaramay, ushbu tushuncha haqidagi dastlabki tasavvurlar aynan Qadimgi Rimda shakllangan. Bunga sabab xususiy mulkka oid ayrim masalalarni tartibga solishning o'ziga xos jihatlaridir. Masalan, qo'shnilar o'rtasidagi yer uchastkasidan foydalanish bo'yicha nizolarni hal etish yoki servitutlarni joriy etish kabi holatlar qonun bilan aniq belgilangan edi. Shu bilan birga, huquq dastlab "insofli va adolatli faoliyat" deb ta'riflanganini inobatga olish lozim. Bu holat huquqdan adolat va halollikka zid maqsadlarda foydalanish imkoniyati mavjud emasligini anglatadi. Bunday yondashuv esa Qadimgi Rim huquqshunoslarining huquq tizimni sog'lom aql, ideal rasmiy mantiq va qat'iy davlat tartibiga asoslangan holda, fuqarolik-huquqiy munosabatlarning moslashuvchanligi bilan uyg'unlashtirish uchun intilishlari bilan chambarchas bog'liqdir.

Masalan, rimlik huquqshunos Pavelning "Nullus videtur dolo facere, qui jure suo utitur" ("O'z huquqidan foydalangan shaxs aldov bilan ish ko'rgan deb hisoblanmaydi") degan qoidasi bu yondashuvning yorqin namunasidir, chunki u huquqiy cheklovlar doirasidagi faoliyatni zarar sifatida talqin qilishdan bosh tortishni ta'kidlaydi. Shu sababli bunday yondashuv Qadimgi Rim huquqining axloqiy tushunchalarga asoslanganligi faktini inkor etmaydi, chunki bu tushunchalar aynan shu davrda shakllana boshlagan.

Xususan, rim huquqida "bona fides" (toza vijdon) tushunchasi yuzaga kelgan. Keyinchalik u ko'plab huquqiy tizimlar tomonidan "halollik" yoki "insoflilik" prinsipi sifatida qabul qilinib, huquqni suiiste'mol qilishni tasniflashda muhim ahamiyat kasb etdi. Misol tariqasida, agar bir shaxs o'ziga tegishli yer uchastkasida quduq qazib, qo'shnisining suv manbayini quritib yuborsa, bu Rim huquqida "bona fides"ga zid deb emas, balki servitut yoki qonun bilan belgilangan cheklovlarning buzilishi sifatida ko'rilgan bo'lardi. Shu tariqa Rim huquqi "huquqni suiiste'mol qilish"

masalasida asosiy zamin yaratgan bo‘lib, uning ta’siri zamonaviy huquqiy konsepsiyalarda ham davom etmoqda. Chunki u “bona fides” [5] (toza vijdon/halollik) tushunchasi orqali shartnomaviy va mulkiy munosabatlarda insoflilikni ta’minlaydi. Ushbu prinsip Germaniya Fuqarolik kodeksining (BGB) 242-moddasida “Treu und Glauben” (hallollik va ishonch) shaklida qabul qilingan bo‘lib, huquqni suiiste’mol qilishning oldini olishda muhim mezon hisoblanadi.

Shuningdek, mulk egasining huquqi (dominium) mutlaq deb tan olinsa-da, u qonun bilan belgilangan cheklovlar [6], masalan, servitutlar doirasida amalga oshiriladi. Fransiya Fuqarolik kodeksining (Code Civil) 544-moddasida bu prinsip “qonun bilan taqiqlanmagan doirada” degan ibora bilan ifodalanib, mulk huquqining erkinligi va ijtimoiy manfaatlar uyg‘unlashuviga asos bo‘lgan. Shu bilan birga, “kelishuvlar bajarilishi kerak” (Pacta Sunt Servanda) [7] g‘oyasi shartnomalarning o‘zgarmasligini ta’minlab, Xalqaro shartnomalar huquqidagi Vena konvensiyasining (1969) 26-moddasida insofli bajarish talabi sifatida qabul qilingan va huquqni suiiste’mol qilishga qarshi asosiy mezon hisoblanadi. Bundan tashqari, zarar yetkazish (delictum) uchun javobgarlik konsepsiyasi [8] huquqni suiiste’mol qilish oqibatlarini tartibga soluvchi asos sifatida O‘zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksi 985-moddasida zarar uchun kompensatsiya talab qilish huquqi shaklida o‘z aksini topgan.

I.Y. Karlyavinning tadqiqotlarida ta’kidlanishicha, qadimgi Rimda “fides” (ishonch) va “bona fides” (toza vijdon/halollik) tushunchalari huquqiy munosabatlarning asosini tashkil etgan. Bu tushunchalar inson sha’ni, va’daga sodiqlik, o‘ziga va boshqalarga hurmat hamda va’dalarga ishonish kabi axloqiy qadriyatlarga tayangan. Rim jamiyatida huquq bilan axloqning muhim uyg‘unligini ko‘rsatgan bu prinsiplar to‘liq anglanmay yoki qadrlanmay qolganda esa aldov va xiyonat orqali huquq suiiste’mol qilinib, axloqiy asoslar buzilgan hamda jamiyatda ishonch va tartibga zarar yetgan [9].

Masalan, agar bir rimlik savdogar o‘z sherigi bilan mol yetkazib berish borasida shartnoma tuzsa va va’dasiga xilof ravishda molni yetkazmasa, bu nafaqat huquqiy qoidani buzish, balki “bona fides”ga putur yetishi hisoblanib, o‘zaro ishonchga ziyon keltirgan.

Y.Y. Usolsevning huquqni suiiste’mol qilishning tarixiy-nazariy tahlilida qayd etilishicha, qadimgi Rimda mulk munosabatlari murakkablashib borgani sayin “o‘z huquqidan foydalangan hech kimga zarar yetkazmaydi” (neminem laedit qui suo jure utitur) tamoyilining o‘rnini mulk egalarining huquqlarini maqsadli ravishda cheklash zarurati haqidagi g‘oyalar egallaganligi asosli xulosa sifatida keltiriladi. Dastlabki davrda ustuvor bo‘lgan mutlaq huquq tamoyili jamiyat rivojlanishi va mulk munosabatlarining murakkablashishi bilan mulk egalarining o‘z huquqlarini suiiste’mol qilish holatlarining ko‘payishiga olib keldi. Bu esa Rim yuristlarini “bona fides” (insofli vijdon) tushunchasini rivojlantirishga undadi. Bu esa, o‘z navbatida, huquq subyektlari o‘z huquqlarini amalga oshirishda insofli va adolatli bo‘lishlari, boshqalarga zarar yetkazishdan saqlanishlari kerakligini anglatar edi.

Rim yuristlarining “bona fides” tushunchasiga oid qarashlarining takomillashuvi shaxslar tomonidan o‘z huquqlarini amalga oshirish jarayonini chuqur anglab yetishlari va boshqalarga zarar yetkazish maqsadida “huquqiy ustunlik”dan qasddan foydalanishning oldini olishga qaratilgan tasavvurlarning shakllanishiga muhim zamin yaratdi [10]. Shu tariqa rim huquqining rivojlanishi mutlaq huquqdan insoflilik va adolat tamoyillariga o‘tish bilan belgilandi, bu esa huquqni suiiste’mol qilishga qarshi kurashning shakllanishiga olib keldi va rim huquqining keyingi rivojlanishi hamda zamonaviy huquqiy tizimlarning shakllanishiga katta ta’sir ko‘rsatdi.

Shunday qilib, Qadimgi Rimda subyektiv huquqlarni qasddan suiiste’mol qilishni chek-

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

lovchi ba’zi qoidalar paydo bo‘ldi va bu qoidalar Gay (II asr) ta’limotida o‘z ifodasini topdi. Masalan, u “Qonuniy sababsiz o‘z qullariga nisbatan ortiqcha shafqatsizlikka yo‘l qo‘yilmaydi” [11] deb, huquqiy cheklovlarning dastlbaki shakllanishini ko‘rsatdi. Gerenniy Modestin (III asr) esa “Qonun ma’nosi yoki adolat rahm-shafqat odamlar manfaati uchun joriy qilingan narsani hech qachon shafqatsiz talqin bilan odamlar farovonligiga qarshi zo‘ravonlikka aylantirishga yo‘l qo‘ymaydi” [12] deb, huquqning insonparvarlik maqsadlariga xizmat qilishi lozimligini ta’kidladi.

Rim imperiyasi parchalangandan so‘ng shaxsiy huquqlarni amalga oshirish orqali boshqalarga zarar yetkazish mumkinligi haqidagi tushunchalarning rivojlanishi to‘xtab, pasayishga yuz tutdi. Bu V–IX asrlarda Frank davlatida huquqning, asosan, varvar qabilalari urf-odatlariga tayangani va qabiladan tashqaridagilarning deyarli huquqsiz bo‘lgani bilan bog‘liq edi. Natijada subyektiv huquqlarni tushunish va ularni qasddan qo‘llash to‘g‘risidagi tasavvurlarni shakllantirish qiyinlashdi. Shu bilan birga, Frank davlatida shartnomaviy munosabatlarni tartibga solishda halollik (bona fides) tamoyili asos qilib olindi. Bu tamoyil Qadimgi Rimdan zamonaviy davrgacha huquqiy munosabatlar ishtirokchilarining xatti-harakatlarini baholashda muhim o‘rin tutdi.

Ilmiy manbalarda varvar davlatlari rim huquqini butunlay chetga sura olmagani va huquqiy tizimlarning sintezi boshlangani ta’kidlanadi. Masalan, M.A. Polyakovning aytishicha, “ilk o‘rta asrlarda Rimning “bona fides” odati nizolarni hal qilishda qo‘llanib [13], muomala ishtirokchilarining majburiyatlarga rioya qilishi, aldov va hiyla-nayranglardan saqlanishini ta’minlashga xizmat qilgan” [14]. Shunday qilib, huquqni suiiste’mol qilishga oid maxsus hujjatlar bo‘lmasa-da, V–IX asrlar Frank davlatida halollik tamoyiliga e’tibor berilgan holda, huquqlarni amalga oshirish zarurati haqida muayyan tushuncha saqlanib qolgan edi.

Huquqni suiiste’mol qilish (abus de droit) to‘g‘risidagi ilmiy konsepsiyalar XVIII asrda qonunchilikda rasmiy shakllanib, kodifikatsiyalangan deb qaralsa-da, uning axloqiy-falsafiy asoslari XVII asr oxirida Jan Doma (Jean Domat, 1625–1696) asarlarida “halollik” (bona fides) tushunchasi orqali ilk bor ifodalana boshlagan. Jan Doma o‘z ishlarida huquqiy munosabatlarda adolat va axloqiy tamoyillarga rioya qilish zarurligini ta’kidlab, bu g‘oyalarning keyinchalik Fransiya qonunchiligida, xususan, XVIII asrdagi huquq rivojida muhim o‘rin tutishiga zamin yaratgan. Bu esa huquqni suiiste’mol qilish tushunchasining axloqiy negizi shakllana boshlagan dastlabki bosqichlarini ko‘rsatadi va uning huquqiy tizimdagi keyingi shakllanishiga ta’sirini tahlil qilish imkonini beradi.

J. Doma o‘z ishlarida shartnomalar tuzishda adolat va yaxshi axloq (bona fides) prinsipining muhim ahamiyatga ega ekanligini uqtiradi va buni “ushbu bitimlarning o‘ziga xos tabiatidan kelib chiqadigan talab” deb baholaydi. U qonun va huquqiy munosabatlarning axloqiy, etnik va diniy asoslarga tayanishi zarurligini ta’kidlaydi. Ushbu yondashuv XVIII–XIX asrlarda Fransiyada “huquqni suiiste’mol qilish” (abus de droit) konsepsiyasining shakllanishi va rivojlanishiga asos bo‘lib xizmat qildi [15]. Huquqshunoslar “shikana” (chicane) tushunchasini ishlab chiqib, huquqdan boshqalarga zarar yetkazish maqsadida foydalanishning oldini olishga intildilar. Fransiyada bu jarayon 1789-yilgi Inson va fuqaro huquqlari deklaratsiyasida ifodalangan “erkinlik boshqaga zarar yetkazmasligi kerak” tamoyilidan boshlangan edi. XIX asrning so‘nggida R. Saleyl Fransiya Fuqarolik kodeksiga “shikana”ni taqiqlovchi norma kiritishni taklif qildi [16].

Belgiyalik mutafakkir Fransua Loran ushbu muammoni chuqur tahlil qilib, terminologik bahslarning kuchayishiga sababchi bo‘ldi. V.O. Abolonin esa “abus de droit” tushunchasining Fransiya ta’siri orqali Yevropa huquqiy tizimiga tarqalganini qayd etdi [17]. A.A. De-

bosheva va O.A. Porotikova o‘z tadqiqotlarida Prussiyada 1794-yilgi Yer nizomida “qo‘shni qurilishi” qoidasi orqali huquqni suiiste’mol qilishning ancha erta davrlardayoq cheklanganini ko‘rsatdilar [18]. Fransiya tajribasi esa huquqning foydasiz yoki zararli maqsadlarda qo‘llanishiga qarshi kurash nuqtayi nazaridan Yevropa huquqiy an’analariga sezilarli ta’sir ko‘rsatdi.

J. Doma tomonidan ilgari surilgan yondashuv huquqiy munosabatlarning axloqiy asoslarga suyanishi kerakligiga urg‘u berib, shartnomaviy munosabatlardagi adolat va yaxshi niyat (bona fides) tushunchalarining fundamental ahamiyatini ko‘rsatadi. Bu nuqtayi nazar qonunning faqat formal normalar to‘plami emas, balki jamiyatdagi axloqiy va ma’naviy qadriyatlarni aks ettiruvchi tizim sifatida qaralishi kerakligini anglatadi. Ushbu fikr XVIII–XIX asrlarda Fransiyada “abus de droit” g‘oyasining paydo bo‘lishiga zamin yaratdi, bu esa, o‘z navbatida, huquqning zararli maqsadlarda qo‘llanishiga qarshi kurash vositasiga aylandi.

“Shikana” konsepsiyasining joriy etilishi huquqiy amaliyotda muhim o‘zgarishlarni keltirib chiqardi. Bu tushuncha huquqdan noqonuniy foydalanishning oldini olishga qaratilgan bo‘lib, uning asosiy maqsadi boshqalarga zarar yetkazish niyatini aniqlash va cheklash edi. Fransiyada bu jarayon 1789-yilgi deklaratsiyada belgilangan erkinlik va adolat prinsiplari bilan uzviy bog‘liq bo‘lib, ushbu hujjatda “erkinlik faqat boshqalarga zarar yetkazmagandagina mavjud” [19] degan tamoyil qonunchilikning axloqiy negizi sifatida xizmat qildi. R. Saleylning XIX asr oxiridagi taklifi esa bu g‘oyalarni Fuqarolik kodeksida mustahkamlashga qaratilgan amaliy qadam bo‘ldi.

Tadqiqot natijalari tahlili

Fransua Loranning tadqiqotlari “abus de droit” tushunchasining terminologik va mafkuraviy rivojlanishida muhim rol o‘ynadi. Uning ilmiy ishi Fransiya chegaralaridan tashqariga chiqib, butun Yevropa bo‘ylab huquqiy bahs-munozaralarni yuzaga keltirdi. V.O. Abolonin ta’kidlaganidek, bu konsepsiya Fransiyadan boshqa Yevropa huquqiy tizimlariga tarqalib, ularda o‘z ifodasini topdi, masalan, Prussiyada 1794-yilgi Yer nizomidagi “qo‘shni qurilishi” qoidasi bilan huquqni suiiste’mol qilish ertadan man etilgani ko‘zga tashlanadi. A.A. Debosheva va O.A. Porotikovaning tadqiqotlari esa bu jarayonning tarixan chuqur ildizlarini yanada aniqroq yoritib berdi.

Fransiya tajribasining Yevropa huquqiy an’analariga ta’siri uning huquqni befoyda va zararli maqsadlarda qo‘llanishidan saqlashga yo‘naltirilgan yondashuvida ayon bo‘ladi. Bu konsepsiya qonunlarning nafaqat texnik tomonlari, balki ularning jamiyat va axloqqa ta’siriga e’tibor qaratishni taqozo qildi. Shu sababli “abus de droit” g‘oyasi huquqiy tizimlarning taraqqiyotida muhim o‘rin egalladi va uning ta’siri Fransiya bilan cheklanmay, butun Yevropa huquqiy madaniyatida namoyon bo‘ldi.

Huquqni suiiste’mol qilish masalasi turli davlatlarda tadqiqot mavzusiga aylangan. Masalan, Shveysariya Fuqarolik kodeksi (1907) va Germaniya Fuqarolik kodeksi (1900) ushbu amaliyotni man qiladi. Shveysariya Fuqarolik kodeksining 2-moddasi “ochiq suiiste’mol”ni cheklashga qaratilgan, lekin “ochiqlik” mezoniga aniq ta’rif berilmagan. Bu holatni Oygen Xuber (1849–1923) qasddan yoki ehtiyotsizlik bilan zarar yetkazish deb talqin qiladi va uning fikricha, “bu sud amaliyotida keng qo‘llanishi mumkin” [20]. Shu bilan birga, “halollik” mezonining mukammal ishlab chiqilmagani sudyalarning subyektiv baholashlariga yo‘l ochishi mumkinligi ta’kidlanadi.

Shveysariya qonunchiligi suiiste’mol tushunchasining doirasini kengaytirib, sudlarga yangi me’yorlarni shakllantirish imkonini beradi. Bu yondashuv axloqiy qadriyatlar va jamiyatdagi munosabatlar bilan chambarchas bog‘liqdir. Oygen Xuber “halollik”ni jamiyatda shaxsiy va umumiy manfaatlar o‘zaro

moslashuvi deb aniqlaydi, bu esa ushbu tushunchaning ijtimoiy-axloqiy muhimligini ochib beradi. Natijada davlat va huquq tizimining taraqqiyoti jarayonida bu qarashlar evolyutsiyaga yuz tutib, o‘zgarishlarga moslashadi.

Shveysariya qonunchiligidan farqli o‘laroq, Germaniya Fuqarolik kodeksi (1900) dastlab mulk huquqini amalga oshirishda “shikana” va qo‘shnichilik manfaatlariga doir boshqa cheklovlarni taqiqlash bilan cheklangan edi. Germaniya qonun chiqaruvchilari mulk huquqiga oid nizolarni, ayniqsa, yaqin joylashgan yer uchastkalari yoki turar joy mulkdorlari o‘rtasidagi kelishmovchiliklarni huquqni suiiste’mol qilishning asosiy sohasi deb qaragan. Masalan, qo‘shni uchastkaga zarar yetkazuvchi baland devor qurish kabi holatlar shular jumlasiga kirgan. Keyinchalik, qonun islohoti jarayonida “shikana”ni taqiqlovchi normalar Germaniya Fuqarolik kodeksining umumiy qismiga kiritilib, huquqni suiiste’mol qilish doirasi kengaytirildi [11].

XX asrda Germaniya olimlari va qonun chiqaruvchilarining ushbu masalaga qarashlari o‘zgardi: sud amaliyotida “shikana” belgilariga ega harakatlarning niyat va motivlarini aniqlash zarurati yuzaga keldi. Bu esa huquq egasining xatti-harakatlarini faqat qonun doirasida emas, axloq nuqtayi nazaridan ham baholash talabini ko‘rsatdi. Masalan, agar bir shaxs o‘z mulkida qo‘shnisining erkin ko‘rish manzarasini qasddan yopish maqsadida devor qursa, bu harakat nafaqat qonunan taqiqlangan, balki axloqan ham qabul qilinmaydigan deb topildi. Bunday yondashuv amaliyotda murakkabliklar keltirib chiqarsada, huquq subyektlarining xatti-harakatlarini tasniflashda axloqiy normalarning ahamiyati ortib bordi.

Buning sababi shundaki, huquqiy va axloqiy normalar har qanday tarixiy davrda jamiyatning barqarorligi uchun muhim asos bo‘lib xizmat qiladi. Agar bir xatti-harakat tashqi jihatdan qonuniy ko‘rinsa-da, lekin qo‘rquv, xudbinlik yoki boshqa yomon niyatlardan kelib chiqsa, u jamiyat uchun qiymatsiz bo‘lib qoladi. Ushbu fikrni XIX asr nemis faylasufi E. fon Gartman (1842–1906) qo‘llab-quvvatlagan va u “axloqiy va huquqiy sohalar o‘rtasidagi chegara juda o‘zgaruvchan: har bir davrdagi huquqiy tuzum o‘zi uchun bu chekni belgilaydi va tarixiy rivojlanishda u o‘zgartirib boriladi” [21], deb ta’kidlagan edi.

Xorijiy tajribalar o‘rganilganda, huquqni suiiste’mol qilishning mohiyatini belgilashdagi murakkabliklarga qaramay, mutaxassislar va amaliyotchilarning ushbu masalaga munosabati shaxsiy huquqlarni amalga oshirishda axloqiy poklik, adolat va halollikka e’tibor qaratishga asoslanganini aytish mumkin. Bu fikrning boshlanishi Qadimgi Rim mutafakkiri Tatsit (I–II asrlar) tomonidan “yaxshi odat-axloq qonunlardan ustun turadi” [22] deb bayon qilingan va bu g‘oya keyingi asrlarda o‘z ahamiyatini yo‘qotmagan. “Yaxshi axloq” degan tushuncha jamiyatning hayot uslubi, ma’naviy qadriyatlari va qabul qilingan an’analari bilan uzviy bog‘liq bo‘lib, axloqiy normalar jamiyatning mafkuraviy o‘zgarishlari bilan birga takomillashib borgan. Davlat va huquq evolyutsiyasining turli davrlarida axloq to‘g‘risidagi tushunchalar o‘zgargan bo‘lsa-da, shaxsiy huquqlarni axloqiy asoslarga xilof ravishda qo‘llash hech qachon mumkin deb topilmagan.

Yevropa mamlakatlarida huquqni noqonuniy ishlatishning ta’rifi ko‘pincha halollikka rioya qilish zarurligidan kelib chiqqan. Biroq “halollik” atamasi qonunlarda batafsil ko‘rsatilmaganligi sababli uning ma’nosi boshqa qoidalarda, masalan, Fransiya Fuqarolik kodeksining 900-, 1131-, 1133-, 1172-, 1387-moddalarida yoki Germaniya Fuqarolik nizomining 138-, 826-paragraflarida “adolat” va “yaxshi axloq” kabi tushunchalar orqali ochib berilgan. Bu normalar huquqdan foydalanishda axloqiy me’yorlarga muvofiqlikni ta’minlashga yo‘naltirilgan.

Xulosalar

Umuman olganda, asrlar davomida turli mamlakatlarda huquqni suiiste’mol qilish

haqidagi tushunchalar shaxsiy huquqlarning doirasi va halollikni axloqiy-huquqiy tushuncha sifatida talqin qilish bilan o‘zgarib kelgan.

Huquqni suiiste’mol qilish masalasining tarixiy va zamonaviy tahlili shuni ko‘rsatadiki, bu hodisa huquqiy tizimlarning rivojlanishida muhim o‘rin tutib, uning mohiyati axloqiy va huquqiy normalarning uzviy bog‘liqligida namoyon bo‘ladi.

Qadimgi Rimdan boshlab Tatsitning “yaxshi axloq yaxshi qonunlardan ustun” degan g‘oyasi orqali bu masala axloqiy asoslarga tayanib shakllangan bo‘lib, “bona fides” (toza vijdon/halollik) tushunchasi shaxsiy huquqlarni amalga oshirishda adolat va insoflilikni ta’minlashning boshlang‘ich mezoni sifatida xizmat qilgan. Bu prinsip Rim huquqida, masalan, Pavelning “o‘z huquqidan foydalangan shaxs aldov bilan ish ko‘rgan deb hisoblanmaydi” degan qoidasida aks etgan va keyinchalik Yevropa huquqiy tizimlarida, xususan, Fransiya, Germaniya va Shveysariya qonunchiligida rivojlanib, mustahkamlangan.

XVIII–XIX asrlarda Fransiyada “abus de droit” konsepsiyasining paydo bo‘lishi va “shikana” tushunchasining joriy etilishi huquqni zararli maqsadlarda qo‘llashga qarshi kurashda muhim bosqich bo‘ldi. Jan Doma va Fransua Loran kabi mutafakkirlarning ishlarida axloqiy tamoyillarga asoslangan bu yondashuv 1789-yilgi deklaratsiyadagi “erkinlik boshqaga zarar yetkazmasligi kerak” qoidasi bilan qonunlashtirildi. Bu g‘oya keyinchalik R. Saleyl tomonidan Fuqarolik kodeksiga kiritish taklifi bilan amaliy shakl oldi va Fransiya tajribasi Yevropa huquqiy an’analariga, jumladan, Germaniya va Shveysariya qonunchiligiga ta’sir ko‘rsatdi. Masalan, Shveysariyada Oygen Xuber “halollik”ni shaxsiy va umumiy manfaatlar muvozanati deb talqin qilsa, Germaniyada “shikana” taqiqi mulk huquqidan umumiy normalargacha kengaytirildi, bu esa huquqning axloqiy bahosini kuchaytirdi.

M.M. Agarkov, V.P. Gribanov, O.A. Porotikova kabi rus olimlari hamda R. Pozner, K. Larens, F. Jeni kabi xorijiy mutaxassislar huquqni suiiste’mol qilishning mohiyatini ochishda halollik va adolat prinsiplarini asosiy mezon sifatida ko‘radilar. Ularning tahlillari shuni ko‘rsatadiki, bu hodisa nafaqat huquqiy, balki axloqiy muammo sifatida ham ko‘rib chiqilishi kerak, chunki huquqdan foydalanish jamiyatdagi ma’naviy qadriyatlarga zid bo‘lmasligi lozim. Masalan, E. fon Gartmanning “axloqiy va huquqiy chegara o‘zgaruvchan” degan fikri huquqning tarixiy rivojlanishida axloq bilan munosabatining doimiy evolyutsiyada ekanligini ta’kidlaydi.

Xulosa qilib aytganda, huquqni suiiste’mol qilish masalasi tarixiy jarayonda axloqiy asoslarga tayanib shakllangan va bu asos zamonaviy huquq tizimlarida ham muhim o‘rin tutadi. Uning mohiyatini to‘liq anglash uchun huquqiy normalar bilan birga axloqiy me’yorlarni hisobga olish zarur, chunki huquq faqat formal qoidalar to‘plami emas, balki jamiyatning adolat, halollik va vijdonlilik kabi fundamental qadriyatlarini aks ettiruvchi tizimdir. Shu sababli bu muammoni hal qilishda tarixiy tajribani tanqidiy tahlil qilish va axloqiy-huquqiy yondashuvni mustahkamlash orqali huquqiy munosabatlarda ishonch va adolatni ta’minlash mumkin.

REFERENCES

1. Gribanov V.P. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav [Implementation and protection of civil rights]. Moscow, Statut, Publ. 2000, pp. 150–170.

2. Agarkov M.M. Obyazatel’stva po sovetskomu grazhdanskomu pravu [Obligations under Soviet civil law]. Moscow, Legal Publishing House of the People’s Commissariat of Justice of the USSR, 1940, pp. 80–100.

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

3. Porotikova O.A. Zloupotreblenie pravom v grazhdanskom prave Rossii [Abuse of rights in civil law of Russia]. Moscow, Volters Kluver, Publ. 2008, pp. 120–140.
4. Shchennikova L.V. Zloupotreblenie pravom: nekotorye aspekty teorii i praktiki [Abuse of Law: Some Aspects of Theory and Practice]. *Legislation*, 2002, no. 8, pp. 15–20.
5. Pokrovskiy I.A. Istoriya rimskogo prava [History of Roman law]. Moscow, Statut, 2004, p. 115.
6. Dozhdev D.V. Rimskoe chastnoe pravo [Roman private law]. Moscow, Norma, 1996, p. 220.
7. Novitskiy I.B. Rimskoe pravo [Roman law]. Moscow, Yurayt, 2018, pp. 180.
8. Sanfilippo Ch. Kurs rimskogo chastnogo prava [Course of Roman Private Law]. Moscow, BEK Publ., 2002, p. 310.
9. Karlyavin I.Yu. Metodologicheskoe znachenie kategoriy fides (sovest') i bona fides (dobraya sovest') v rimskom chastnom prave [The methodological significance of the category of fides (conscience) and bona fides (good conscience) in Roman private law]. *Lex Russica*, 2015, vol. 98, no. 1, p. 133.
10. Usoltsev E.Yu. Zloupotreblenie pravom: istoriko-teoreticheskoe issledovanie [Abuse of Law: A Historical and Theoretical Study]. *Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, no. 1, part 1, p. 114.
11. Porotikova O.A. Problema zloupotrebleniya sub''ektivnim grazhdanskim pravom [The Problem of Abuse of Subjective Civil Rights]. Monograph. *Current Monographs*, 2019, p. 57.
12. Gorbunov M.A. Printsipy rimskogo prava [Principles of Roman Law]. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2009, no. 7, p. 141.
13. Polyakov M.A. Razvitie printsipa dobrosovestnosti v prave evropeyskikh gosudarstv v period ot Srednevekov'ya do sovremennosti [The development of the principle of good faith in the law of European states from the Middle Ages to the present day]. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 18. p. 202, 203.
14. Karpova A.M. Osobennosti stanovleniya i soderzhaniya instituta dobrosovestnosti v chastnom prave [Features of the formation and content of the institute of good faith in private law]. *Advocate*, 2013, no. 8, p. 45.
15. Sorokina Ye.A. Printsip dobrosovestnosti (bonne foi) v dogovornom prave Fransii [The principle of good faith (bonne foi) in French contract law]. *Legal Notes*, 2011, vol. 1 (24), pp. 114–123.
16. Kodirzoda T.K. Institut zloupotrebleniya sub''ektivnymi grazhdanskimi pravami: stanovlenie i razvitie v Zapadnoy Evrope i Rossii [The Institute of Abuse of Subjective Civil Rights: Formation and Development in Western Europe and Russia]. *The World of Politics and Sociology*, 2015, no. 11, p. 34.
17. Abolonin V.O. Deystvitel'no li zloupotreblenie pravom – eto upotreblenie prava vo «zlo»? [Is abuse of rights really the use of rights for "evil"?]. *Arbitration and Civil Procedure*, 2009, no. 2, p. 3.
18. Debosheva A.A. Istoriya vozniknoveniya i razvitiya zloupotrebleniya pravom [History of the emergence and development of abuse of law]. *TISBI Herald*, 2014, no. 2, p. 166.
19. Kolesnikov O.P. Predely sub''ektivnykh grazhdanskikh prav [Limits of subjective civil rights]. *Journal of Russian Law*, 2007, no. 12, p. 37.
20. Utyashev M.M., Utyasheva L.M. Vozmozhno li zloupotreblenie pravom? [Is it possible to abuse the right?]. *The Rule of Law: Theory and Practice*, 2010, vol. 3 (21), p. 17.
21. Pribitkova Ye.A. Iskusstvo dobra i spravedlivosti: ot E. Fon Gartmana k V.I. Solovyovu [The Art of Goodness and Justice: from E. von Hartmann to V.I. Solovyov]. *Soloviev Studies: Periodic Collection of Scientific Papers*, 2008, vol. 16, p. 134.
22. Shchennikova L.V., Bikova M.O. Kategoriya «dobrye nravy» v grazhdanskom zakonodatel'stve i tsivilisticheskoy doktrine zarubezhnykh stran [The category of "good morals" in the civil legislation and civilistic doctrine of foreign countries]. *Bulletin of Perm University*, 2011, vol. 2 (12), p. 153.

Kelib tushgan / Получено / Received: 22.08.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 09.09.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 26.09.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.3./MTHN1308
UDC: 346.542(045)(575.1)

TADBIRKORLIK FAOLIYATINI MOLIYALASHTIRISH MEXANIZMLARI VA ULARNI TAKOMILLASHTIRISH ISTIQBOLLARI

Rahmatov Azizbek Iskandar o‘g‘li,
Toshkent davlat yuridik universiteti
mustaqil izlanuvchisi,
O‘zbekiston Respublikasi
Adliya vazirligi bo‘lim boshlig‘i
ORCID: 0000-0001-8590-4161
e-mail: rahmatov-azizbek95@mail.ru

Annotatsiya. *Bugun tadbirkorlik sohasini rivojlantirish va tadbirkorlarning o‘z faoliyatlarini boshlash jarayonida ularni qo‘llab-quvvatlashga alohida e’tibor qaratilmoqda. Faoliyatini qisqa muddatda tugatmaslik hamda turli byurokratik to‘siqlarga uchramasligi uchun qonunchilik bazasini takomillashtirish orqali bir qancha soliq imtiyozlari qo‘llanib, litsenziya va ruxsatnomalarni olish jarayonlari soddalashtirilmoqda. Qolaversa, turli davlat idoralari tomonidan talab etiladigan bir qancha hujjat va ma’lumotlarni so‘rab olish bekor qilinib, tegishli axborot tizimlari orqali zarur axborotni vakolatli organlar orqali bevosita olish tartiblari belgilandi. Har bir tadbirkor uchun o‘z faoliyatini boshlashda zarur bo‘lgan asosiy manba mablag‘ hisoblanadi. Ushbu mablag‘ bilan tadbirkor davlat ro‘yxatidan o‘tib, faoliyat yuritishi uchun joyga egalik qiladi. Qolaversa, faoliyatni boshlash uchun asosiy vositalarni xarid qilib, xodimlarning ish haqini to‘laydi. Shu sababli bugungi kunda faoliyatni moliyalashtirish tartiblarini osonlashtirish, ularning turlarini kengaytirish muhim ahamiyatga ega. Bugungi kunda har bir moliyalash usulining o‘ziga xos afzallik va noqulay tomonlari mavjud. Tadbirkorlik faoliyatini moliyalash bilan bog‘liq munosabatlarni tartibga soluvchi qonunchilik hujjatlari qabul qilingan bo‘lsa-da, ularning turlari va foydalanish tartibi turli xilligi va murakkabligi sohaga oid qonunchilik hujjatlarini takomillashtirishni, shuningdek, qo‘shimcha moliyalashtirish mexanizmlarini qonunchilikka joriy etishni talab qiladi. Mazkur maqolada moliyalashning ahamiyati, uning turlari hamda o‘ziga xos jihatlari, faoliyatni moliyalash bilan bog‘liq munosabatlarning huquqiy tartibga solinishi turli olimlarning izlanishlari hamda O‘zbekiston Respublikasining milliy qonunchiligi asosida ilmiy-nazariy va ilmiy-amaliy jihatdan tahlil qilingan.*

Kalit so‘zlar: *tadbirkorlik, moliyalash, kredit, subsidiya, faktoring, venchur kapital, kraudfanding, shaxsiy mablag‘lar*

МЕХАНИЗМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Рахматов Азизбек Искандар угли,
самостоятельный соискатель Ташкентского
государственного юридического университета,
начальник отдела Министерства юстиции
Республики Узбекистан

Аннотация. *В настоящее время особое внимание уделяется развитию предпринимательской сферы и поддержке предпринимателей на этапе начала их деятельности. С целью недопущения преждевременного прекращения деятельности и предотвращения различных бюрократических препятствий совершенствуется законодательная база, в рамках которой предоставляется ряд налоговых льгот, упрощаются процедуры получения лицензий и разрешений. Кроме того, отменено требование о предоставлении ряда документов и сведений, запрашиваемых различными государственными органами, и установлены правила их получения уполномоченными органами напрямую через соответствующие информационные системы. Для каждого предпринимателя основным источником, необходимым для начала деятельности, являются финансовые средства. Именно за счёт этих средств предприниматель проходит государственную регистрацию, получает помещение для ведения деятельности, приобретает основные средства и выплачивает заработную плату работникам. В связи с этим на сегодняшний день важное значение имеет упрощение процедур финансирования, а также расширение их видов. Следует отметить, что у каждого способа финансирования существуют как преимущества, так и недостатки. Несмотря на то, что законодательные акты, регулирующие отношения, связанные с финансированием предпринимательской деятельности, уже приняты, многообразие видов и сложность порядка их применения обуславливают необходимость совершенствования соответствующих нормативных актов, а также внедрения дополнительных механизмов финансирования в законодательство. В данной статье на основе исследований различных учёных и национального законодательства Республики Узбекистан в научно-теоретическом и научно-практическом аспектах проанализированы значение финансирования, его виды и особенности, а также правовое регулирование отношений, связанных с финансированием предпринимательской деятельности.*

Ключевые слова: *предпринимательство, финансирование, кредит, субсидия, факторинг, венчурный капитал, краудфандинг, собственные средства*

MECHANISMS FOR FINANCING ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES AND PROSPECTS FOR THEIR IMPROVEMENT

Rahmatov Azizbek Iskandar ugli,
Independent researcher at Tashkent State University of Law,
Head of Department of the Ministry of Justice
of the Republic of Uzbekistan

Abstract. *Today, special attention is paid to the development of the entrepreneurial sphere and supporting entrepreneurs in the process of starting their activities. In order to avoid the short-term termination of activities and avoid various bureaucratic obstacles, a number of tax benefits are being applied, and the process of obtaining licenses and permits is being simplified by improving the legislative framework. In addition, the request for a number of documents and information required by various government agencies has been canceled, and the procedure for obtaining the necessary information directly from authorized bodies through relevant information systems has been established. The main source necessary for every entrepreneur to start their business is funds. With these funds, the entrepreneur undergoes state registration and acquires a place for business. Moreover, they purchase fixed assets to start operations and pay employees' salaries. Therefore, today it is important to simplify the procedures for financing activities and expand their types. Today, each financing method has its own advantages and disadvantages. Despite the fact that legislative acts regulating relations related to the financing of entrepreneurial activity have been adopted, the diversity and complexity of their types and procedures of use require improvement of legislative acts in this area, as well as the introduction of additional financing mechanisms into legislation. In this article, the significance of financing, its types and features, and the legal regulation of relations related to the financing of activities are analyzed from*

a scientific-theoretical and scientific-practical point of view based on the research of various scientists and the national legislation of the Republic of Uzbekistan.

Keywords: *entrepreneurship, financing, credit, subsidy, factoring, venture capital, crowdfunding, personal funds*

Kirish

Tadbirkorlik subyektlari har qanday iqtisodiyotning muhim tarkibiy qismi hisoblanadi. Ular yangi ish o‘rinlari yaratish, innovatsiyalarni joriy qilish, raqobat muhitini kuchaytirish va iqtisodiy o‘sishni ta’minlashda asosiy rol o‘ynaydi. Shu bois respublikamizda tadbirkorlik faoliyatini qo‘llab-quvvatlash, ularga qo‘shimcha qulaylik va yengilliklar yaratish bo‘yicha qonunchilik bazasini takomillashtirishga alohida e’tibor berilmoqda. Xususan, bugunga qadar tadbirkorlik subyektlarini davlat ro‘yxatidan o‘tkazish, ularga soliq imtiyozlarini taqdim etish, imtiyozli bank kreditlari va davlat ko‘magini ajratish, litsenziya va ruxsatnomalar olish tartibini soddalashtirishga oid bir qancha normativ-huquqiy hujjatlar qabul qilindi.

Amalga oshirilgan amaliy choralar natijasida so‘nggi 3 yil ichida 160 turdagi litsenziya va ruxsatnomalar bekor qilindi, 120 turdagi ma’lumot va hujjatlarni fuqarolar va tadbirkorlik subyektlaridan talab qilish bekor qilindi.

Tadbirkorlik subyektlariga barcha litsenziya va ruxsatnomalarni yagona tizim orqali berish amaliyotini yo‘lga qo‘yish maqsadida “Litsenziya” axborot tizimi yaratildi, natijada ushbu tizim orqali 140 dan ortiq turdagi davlat xizmatlarini olish imkoniyati mavjud. Tadbirkorlik faoliyatini boshlashda uni mablag‘ bilan ta’minlash, ya’ni moliyalashtirish muhim ahamiyatga ega. Moliyaviy manbalarga ega bo‘lish tadbirkorlarga o‘z faoliyatini rejalashtirish va barqaror o‘sishni ta’minlash imkonini beradi. Tadbirkorlik faoliyatini moliyalashtirishning huquqiy tartibga solinishi investitsiya muhitining shakllanishi, investorlar va qarz beruvchilar huquqlarining himoyasi hamda moliyaviy barqarorlikni ta’minlash uchun muhimdir.

Alan Moris moliyalashtirishning huquqiy asoslarini tahlil qilar ekan, aniq va tushunarli qonunchilikning mavjudligi kredit shartnomalarining bajarilishini ta’minlashini, investorlar uchun xavflarni kamaytirishini va shu orqali uzoq muddatli sarmoyalarni jalb qilishga yordam berishini ta’kidlaydi. Uning fikricha, busiz bozor ishtirokchilari o‘rtasida ishonch paydo bo‘lmaydi [1]. Haver Smit moliyaviy huquq bo‘yicha ekspert sifatida, moliyalashtirish manbalarini tartibga soluvchi normativ-huquqiy bazaning zaifligi korrupsiyaga yo‘l ochishi va moliyaviy bozorda tartibsizlikka olib kelishi mumkinligini aytgan. Uning ta’kidlashicha, huquqiy me’yorlar moliyalashtirish jarayonlarini shaffof va adolatli qilib, iqtisodiy jinoyatlarning oldini oladi [2]. Piter Druker menejment bo‘yicha olim bo‘lsa-da, tadbirkorlik va moliyalashtirish haqidagi asarlarida huquqiy muhitning ahamiyatiga ham to‘xtaladi. Uning fikricha, samarali moliyalashtirish tizimi vazifalaridan biri – kapitalning eng samarali sarflanadigan loyihalarga yo‘naltirilishini ta’minlash. Bu esa kuchli huquqiy himoya mexanizmlari mavjud bo‘lgandagina imkonlidir [3].

Tadbirkorlik faoliyatini boshlashda ro‘yxatdan o‘tishdan tortib xodimlarning oylik ish haqini to‘lashgacha bo‘lgan davrda dastlabki mablag‘ga ega bo‘lishi kelgusida faoliyatining samarali yo‘lga qo‘yilishiga yordam beradi. Mamlakatimizda xo‘jalik yurituvchi subyektlarni moliyalashtirish bilan bog‘liq munosabatlarni tartibga soluvchi qonunchilik hujjatlari qabul qilingan bo‘lsa-da, moliyalash usullari, turlari va tartibi turfa xilligi hamda murakkabligi sohaga oid hujjatlarni takomillashtirishni va ularni huquqiy tartibga solish mexanizmlarini qayta ko‘rib chiqib, muqobil moliyalash usullarini amaliyotga joriy etishni talab qiladi.

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

Material va metodlar

Mazkur maqola tadqiqot sifatida turli manbalar tahlilini o‘z ichiga oladi. Ushbu maqolada sohaga oid ilmiy tushunchalar, amaliyotchi olimlarning qarashlari, xulosa va fikrlari o‘rganilgan. Shuningdek, tadbirkorlik sohasiga oid qonunchilik hujjatlari qiyosiy-huquqiy jihatdan tahlil qilingan. Maqola mavzuga oid asosiy tushunchalarni o‘rganishdan boshlangan hamda tadbirkorlik faoliyatini moliyalashtirishning turli mexanizmlari taqqoslangan, ularning ijobiy va tadbirkor uchun noqulaylik tug‘dirishi mumkin bo‘lgan jihatlari solishtirilgan. Shuningdek, moliyalashtirishning yangi mexanizmlarini amaliyotga keng joriy etish, qonunchilik hujjatlarini takomillashtirish bo‘yicha xulosalar berilgan. Bu xulosalarning amalga oshishi tadbirkorlarning o‘z faoliyatini amalga oshirishda mustahkam moliyaviy-huquqiy yechimlarning vujudga kelishi, moliyaviy institutlar va investorlar o‘rtasida o‘ziga xos raqobat shakllanishiga, shuningdek, investorlarning huquqlari kafolatlanib, ular hamda tadbirkorlar o‘rtasida ishonch muhitini yaratish kabi maqsadlarga erishishga xizmat qiladi.

Tadqiqot natijalari

Tadbirkorlik faoliyatini moliyalashtirish manbalarini ikkita katta guruhga ajratish mumkin: ichki va tashqi manbalar [4].

Ichki moliyalashtirish manbalari biznesning o‘zida, ya’ni ichki rezervlar hisobidan shakllanadigan mablag‘lardir. Ichki moliyalashtirish manbalari sifatida foyda, amortizatsiya ajratmalari va debitorlik qarzlari keltiriladi.

Ayrim korxonalar faoliyatidan olingan sof foydaning bir qismini qayta investitsiya qilsa, ayrimlari asosiy vositalar (uskuna, bino va h.k.) eskirishi uchun hisoblanadigan mablag‘larni yangi aktivlar sotib olish yoki mavjudlarini yangilash uchun ishlatishi mumkin. Shuningdek, korxonaga boshqa subyektlar tomonidan to‘lanishi kerak bo‘lgan mablag‘lar ham korxona faoliyatini kengaytirishga yordam berishi mumkin.

Tashqi moliyalashtirish manbalari kompaniya tashqarisidan jalb qilinadigan mablag‘lar bo‘lib, ko‘pincha qarz yoki kapital shaklida bo‘ladi. Bularga bank kreditlari, lizing, mikroqarzlar, venchur fondlari va turli investorlardan olingan mablag‘lar kiradi.

Shuningdek, tadbirkorlik sohasiga kirib kelish davri va qo‘llanish doirasiga qarab moliyalash usullarini an’anaviy va noan’anaviy turlarga bo‘lishimiz mumkin.

Ko‘pgina subyektlar tomonidan amaliyotda qo‘llanayotgan bank kreditlari, lizing, faktoring va davlat jamg‘armalaridan olingan ko‘makni an’anaviy moliyalash turlariga kiritsak, qonunchiligimizga endi kirib kelayotgan venchur fondlari, kraudfanding, biznes farishtalar, mezanin moliyalashtirish hamda konvertatsiya qilinadigan notalar noan’anaviy usullar sirasiga kiradi.

Har bir moliyalash usulining huquqiy tartibga solish mexanizmlari bir-biridan farq qiladi hamda o‘ziga xos afzallik va noqulaylik taraflari mavjud. Bank krediti keng tarqalgan an’anaviy moliyalashtirish usuli bo‘lib, uning huquqiy asoslari kredit shartnomalari va garov qonunchiligi bilan belgilanadi. Uning mohiyati bank va tadbirkor o‘rtasidagi qarz munosabatlariga asoslanadi, bunda bank ma’lum muddatga va foiz evaziga pul mablag‘larini beradi.

Mamlakatimizda kreditlash sohasini huquqiy tartibga solishga qaratilgan bir qancha qonun hujjatlari mavjud. Xususan, Fuqarolik kodeksi, “Banklar va bank faoliyati to‘g‘risida”gi, “Nobank kredit tashkilotlari va mikromoliyalashtirish faoliyati to‘g‘risida”gi qonunlarda kreditlashning umumiy qoidalari aks etgan. Qonunchilikka asosan, respublikamizda tadbirkorlik subyektlarini kredit bilan ta’minlovchi tuzilmalarni 2 turga bo‘lishimiz mumkin: banklar va mikromoliya tashkilotlari. Fuqarolik kodeksining 744-moddasiga asosan, kredit shartnomasi bo‘yicha bir taraf – bank yoki boshqa kredit tashkiloti (kreditor) ikkinchi tarafga (qarz oluvchiga) shartnomada nazarda tutilgan miqdorda va

shartlar asosida pul mablag‘lari (kredit) berish, qarz oluvchi esa olingan pul summasini qaytarish va uning uchun foizlar to‘lash majburiyatini oladi.

Kreditlash jarayonida eng muhim huquqiy hujjat – kredit shartnomasi. Bu hujjatda qarz miqdori, foiz stavkasi, to‘lov muddatlari, jarimalar va garovga oid barcha shartlar aniq ko‘rsatilishi kerak. Bu qarz oluvchining huquqlarini himoya qilishda asosiy vosita hisoblanadi. Statistik ma’lumotlarga asosan, 2025-yilning yanvar-iyun oylarida milliy valyutada bank kreditlarining o‘rtacha foizi 23,1 foizni tashkil etmoqda. Joriy yilning dastlabki 6 oyi davomida jami qiymati 63 583 mlrd so‘mlik 373 678 ta kredit ajratilgan. Bu, o‘z navbatida, o‘tgan yilning mos davriga nisbatan 126 335 taga yoki 14 801 mlrd so‘mga ko‘p [5]. Mazkur raqamlardan ko‘rish mumkinki, foizlar yuqori va rasmiylashtirish tartibi murakkab bo‘lmasin bank kreditlariga bo‘lgan talab yuqoriligicha qolmoqda.

Banklar kredit berishdan oldin tadbirkorning kredit tarixi, moliyaviy holati va garov ta’minoti sinchkovlik bilan o‘rganiladi. Qolaversa, aksar kreditlar, ayniqsa, yirik miqdordagilari garov ta’minotini talab qiladi. Agar biznesda garovga qo‘yish uchun yetarli aktivlar bo‘lmasa, kredit olish imkoniyati keskin kamayadi. Kredit olish bilan tadbirkor zimmasiga qat’iy to‘lov majburiyatini oladi. Agar biznes kutilganidek daromad keltirmasa, kredit to‘lovlari moliyaviy qiyinchiliklarni olib kelishi mumkin [6]. Bank kreditlarining shartlari odatda qat’iy bo‘ladi. Biznesda kutilmagan vaziyatlar yuzaga kelganda, kredit shartlarini o‘zgartirish yoki to‘lovlarni kechiktirish juda qiyin. Bu, ayniqsa, beqaror bozor sharoitida jiddiy muammo tug‘diradi [7].

Professor Jozef Stiglisning fikricha, bank kreditlarini tartibga solishdagi eng katta muammolardan biri axborot asimmetriyasidir. Ya’ni bank qarz oluvchining haqiqiy moliyaviy holati haqida to‘liq ma’lumotga ega bo‘lmasligi mumkin. Shu sababli huquqiy mexanizmlar, masalan, garov huquqini mustahkamlash va kredit axboroti almashinuvi tizimini rivojlantirish muhimdir [8].

Xorijiy davlatlarda ham bank krediti huquqiy jihatdan qat’iy tartibga solinadi, lekin turlicha yondashuvlar mavjud. AQShda bank kreditini tartibga soluvchi markazlashgan qonunchilik mavjud emas, aksincha, turli federal va shtat qonunlari majmuasi amal qiladi. Masalan, “Truth in Lending Act” (TILA) hujjati iste’molchilarning kredit huquqlarini himoya qiladi. Unda kreditga oid shartnomalarda foiz stavkalari va boshqa xarajatlar aniq ko‘rsatilishi majburiy qilib belgilangan. Germaniyada “Bürgerliches Gesetzbuch” (BGB), ya’ni Fuqarolik kodeksi kredit shartnomalarining asosiy huquqiy bazasi hisoblanadi. Ushbu kodeksda qarz va kredit munosabatlarining barcha jihatlari atroflicha yoritilgan [9].

Lizing munosabatlari asosan Fuqarolik kodeksi hamda “Lizing to‘g‘risida”gi Qonun bilan tartibga solinadi. Qonunning 2-moddasiga asosan, lizing moliyaviy ijaraning alohida turi bo‘lib, unda bir taraf (lizing beruvchi) ikkinchi tarafning (lizing oluvchining) topshirig‘iga binoan uchinchi tarafdan (sotuvchidan) lizing shartnomasida shartlashilgan mol-mulkni (lizing obyektini) mulk qilib oladi va uni lizing oluvchiga shu shartnomada belgilangan shartlarda haq evaziga egalik qilish va foydalanish uchun o‘n ikki oydan ortiq muddatga beradi. Ushbu normadan ko‘rinadiki, lizing beruvchi hamda lizing oluvchi o‘rtasidagi huquqiy munosabatlar lizing shartnomasi bilan tartibga solinadi. Milliy qonunchiligimizda lizing obyekti va subyektlari doirasi, taraflarning huquq va majburiyatlari aniq belgilangan bo‘lib, ushbu normalar Fuqarolik kodeksining 587–599-moddalarida aks etgan. Lizingning asosiy huquqiy afzalligi obyektga mulk huquqining lizing beruvchida qolishi. Bu holat lizing shartnomasini bank kreditiga nisbatan ancha ishonchli va kam xatarli qiladi, chunki qarzdor majburiyatlarini bajarmasa, lizing beruvchi obyektni qaytarib olish huquqiga ega [10].

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

Xorijiy adabiyotlarda lizing haqidagi asosiy g‘oyalardan biri shuki, u mulkka egalik qilishdan ko‘ra undan foydalanishga urg‘u beradi [11]. Shuni ham inobatga olish lozimki, lizing shartnomasining umumiy to‘lov miqdori odatda o‘sha mulkni to‘liq sotib olish narxidan yuqori bo‘ladi. Bu foizlar, komissiya va lizing kompaniyasining foydasi hisobiga amalga oshadi. Shu bilan birga, lizing shartnomalari mulkdan foydalanish bo‘yicha ko‘plab cheklovlarni o‘z ichiga olishi mumkin. Masalan, mulkni ijaraga berish yoki unda o‘zgarishlar qilish uchun lizing beruvchining roziligi talab qilinishi mumkin [12].

O.T. Hazratqulov tomonidan lizing munosabatlarining huquqiy ta’minlanganlik darajasiga ko‘ra mamlakatlar uch asosiy guruhga ajratilgan: lizing shartnomalarini muvofiqlashtiruvchi maxsus qonunlarga ega bo‘lgan mamlakatlar (O‘zbekiston, Qozog‘iston, Rossiya, Fransiya, Belgiya, Italiya va boshqa davlatlar); maxsus qonunosti hujjatlariga ega mamlakatlar (Angliya, Avstraliya, Yangi Zelandiya); maxsus qonunchilikka ega bo‘lmagan davlatlar (AQSh, Germaniya) [13].

Birinchi guruh mamlakatlarida qabul qilingan qonunlar uchun xos bo‘lgan xususiyat – ularda nafaqat ikki asosiy hamkor (lizingga oluvchi va lizingga beruvchi), balki lizing kompaniyasi va yetkazib beruvchi o‘rtasidagi munosabatlar, ya’ni lizingda yuzaga keladigan uch tomonlama mulkiy munosabatlarning butun majmui tartibga solinadi. Mazkur qonun hujjatlariga muvofiq, uch tomonlama asosli lizing shartnomasida albatta uskunalar kelajakda lizingga berish maqsadida olinayotganligi va undan faqat ko‘zlangan maqsadlarda foydalanish mumkinligi ko‘rsatilishi shart. Shartnomada sotib olish huquqi to‘g‘risidagi shartlar va shartnoma muddati tugaganidan so‘ng u sotib olinishi ko‘zda tutilgan narxlar kelishiladi.

Ikkinchi guruh mamlakatlarida lizing vaqtincha foydalanishga berilayotgan mol-mulk qiymatidan hamda lizing shartnomasi subyektlariga bog‘liq ravishda tartibga solinadi. Xususan, Angliyaning “Ijara va oldi-sotdi to‘g‘risida”gi qonuniga asosan, lizing oluvchi faqat yuridik shaxs hisoblangan va lizing mulkining qiymati 2000 funt sterlingdan ortiq bo‘lmagan shartlar belgilangan. Mazkur shartlarga mos tushmagan barcha boshqa holatlar “umumiy huquq” me’yorlari yordamida tartibga solinadi.

Uchinchi guruh mamlakatlari hisoblangan AQSh va Germaniyada yaqin vaqtgacha asosan amortizatsiya va soliq imtiyozlaridan foydalanishni maqsad qilib qo‘ygan holda lizingga murojaat qilishgan. Shuning uchun ham lizing soliqqa tortish masalalariga bag‘ishlangan qonun hujjatlarida belgilangan.

An’anaviy moliyalash usullaridan yana biri faktoring hisoblanadi. Fuqarolik kodeksining 749-moddasiga asosan, pul talabnomasidan boshqa shaxs foydasiga voz kechish evaziga moliyalash (faktoring) shartnomasi bo‘yicha bir taraf (moliya agenti) ikkinchi tarafga (mijozga) shu mijozning (kreditorning) uchinchi shaxsga – yuridik shaxsga yoki tadbirkorlik subyektiga (qarzdorga) pul talabnomasi hisobidan pul mablag‘larini beradi yoki berish majburiyatini oladi, mijoz esa moliya agentiga ushbu pul talabnomasini beradi yoki berish majburiyatini oladi. Ushbu shartnoma pul talabnomasini tavsiflab bergan holda yozma ravishda tuziladi. Kodeksning 750-moddasiga ko‘ra, pul talabnomasidan boshqa shaxs foydasiga voz kechish evaziga moliyalashtirish shartnomalarini moliya agenti sifatida banklar, faktoring tashkilotlari va boshqa kredit tashkilotlari tuzishi mumkin.

Professor Jeyms Fosett huquqshunos olim sifatida faktoring munosabatlarining huquqiy asosini “haq evaziga huquqni o‘tkazish” sifatida talqin qiladi [14]. Odatda faktoring operatsiyasi bank kreditlariga nisbatan ancha tez amalga oshiriladi. Hujjatlarni topshirish va naqd pulni olish jarayoni bir necha kun ichida yakunlanishi mumkin. Biroq mijozlar o‘z hisob-fakturalarining faktoring kompa-

niyasiga sotilganini bilib qolishsa, bu korxonaning moliyaviy holati barqaror emasligi haqida noto‘g‘ri tasavvur uyg‘otishi mumkin. Bundan tashqari, agar faktoring shartnomasi doirasida debitorlik qarzlarini undirish huquqi faktoring kompaniyasiga o‘tsa, tadbirkor mijozlar bilan bo‘lgan to‘lov munosabatlari ustidan nazoratni yo‘qotadi [15].

O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2024-yil 12-avgustdagi “Faktoring xizmatlari bozorini jadal rivojlantirish chora-tadbirlari to‘g‘risida” PF–109-son Farmoni faktoring xizmatlari bozorini huquqiy tartibga solishga qaratilgan yana bir katta qadam bo‘ldi. Xususan, farmon bilan faktoring xizmatlaridan foydalanish uchun zarur hujjatlarni kiritish hamda qarzdorlar to‘g‘risidagi ma’lumotlarni tezkor yig‘ish va ularning real vaqt rejimida tahlil qilish imkonini beruvchi faktoring xizmatlari elektron platformasini joriy etish, faktoring bozori ishtirokchilarining huquq va manfaatlarini himoya qilish maqsadida Faktoring milliy assotsiatsiyasini tashkil etish kabi vazifalar belgilandi.

Xalqaro miqyosdagi faktoring operatsiyalarini huquqiy tartibga solish uchun yaratilgan muhim hujjatlardan biri UNIDROIT xalqaro faktoring konvensiyasi (Ottava, 1988) hisoblanadi. 1988-yilda qabul qilingan ushbu konvensiyaga dunyoning bir qator mamlakatlari, jumladan, Fransiya, Germaniya, Italiya, Xitoy, Rossiya, Buyuk Britaniya, Vengriya va AQSh kabi davlatlar qo‘shilgan. Uning asosiy maqsadi turli davlatlarning faktoringga oid qonunchiligidagi farqlarni bartaraf etib, xalqaro savdoni moliyalashtirish uchun yagona va ishonchli huquqiy asos yaratish. Shunga qaramay, konvensiyaga qo‘shilgan davlatlar soni nisbatan kam. Buning asosiy sababi uning qoidalari ba’zi davlatlarning milliy huquq tizimlariga to‘g‘ri kelmasligidir. Dunyodagi barcha yirik savdo sheriklarining konvensiyaga qo‘shilmaganligi sababli xalqaro faktoring amaliyotlari ko‘pincha ikki tomonlama shartnomalar va milliy qonunchilik asosida olib borilmoqda.

Tadqiqot natijalari tahlili

Bank krediti, lizing va faktoring kabi an’anaviy moliyalashtirish usullari hozirda ham biznesni rivojlantirishda muhim rol o‘ynab kelmoqda. Ularning asosiy afzalligi barqarorlik, aniq qoidalar va keng tarqalganlikdir. Biroq bugun tez o‘zgaruvchan, raqamlashgan va innovatsiyalar rivojlangan davrda ularning moslashuvchanlik va tezkorlik borasidagi kamchiliklari ko‘zga tashlanmoqda. Bank kreditlarini rasmiylashtirish va lizing shartnomalarini imzolash jarayonlari uzoq vaqtni talab qiladi, garov ta’minoti va rasmiyatchilik jarayonlari tadbirkorga qiyinchiliklar tug‘dirishi mumkin. Faktoring ham ma’lum bir doirada cheklangan bo‘lib, biznesning barcha ehtiyojlarini qondira olmaydi. An’anaviy moliya institutlari yuqori tavakkalchilikka asoslangan loyihalardan qochadi. Global bozorda tadbirkor va investorning huquqlari kafolatini mustahkamlash uchun tadbirkorlik moliyalashtirishni tez va moslashuvchan usullarda olishni talab qiladi.

Aynan shu kamchiliklar sababli noan’anaviy moliyalashtirish mexanizmlari bugun tobora muhim ahamiyat kasb etib bormoqda. Xususan, venchur fondlari, farishta investorlar, kraudfanding kabi usullar qonunchiligimizga kirib keldi. Venchur kapital yuqori o‘sish salohiyatiga ega, asosan texnologik startaplarga sarmoya kiritadigan xususiy investitsiya fondlaridir. Ular loyihaning dastlabki bosqichida aksiya yoki ulush evaziga pul kiritishadi va ma’lum vaqt o‘tgach (odatda 5-10 yil ichida) kompaniyaning aksiyalarini sotish yoki kompaniya IPOga chiqqanida o‘z ulushini sotish orqali katta foyda ko‘rishni maqsad qiladi [16]. Banklardan farqli o‘laroq, venchur investorlar loyihaning moddiy aktivlariga emas, balki intellektual mulki, g‘oyasi va jamoasining salohiyatiga baho beradi [17].

Venchur moliyalash tizimi rivojlangan aksariyat rivojlangan davlatlarda sohani to‘liq tartibga soluvchi yagona maxsus qonun mavjud emas. Bunda venchur investitsiyalash faoliyati investitsiya yoki innovatsiya faoliya-

tiga oid qonunchilik bazasi asosida tartibga solinadi. Maxsus qonun hujjatlari faqatgina Hindiston va Vengriyada qabul qilingan xolos [18]. AQShda venchur kapital bozorining rivojlanishiga “Securities Act of 1933” (Qimmatli qog‘ozlar to‘g‘risidagi qonun) va “Investment Company Act of 1940” (Investitsiya kompaniyalari to‘g‘risidagi qonun) kabi hujjatlar katta ta’sir ko‘rsatgan bo‘lsa, Germaniyada venchur fondlari “Investitsiya fondlari to‘g‘risida”gi qonun bilan tartibga solingan. Rossiya Federatsiyasida ham innovatsion faoliyat intellektual mulk sohasidagi qonunchilik bilan belgilansa, venchur investitsiya faoliyati umumiy qonunchilik hujjatlari bilan tartibga solinadi [19].

Venchur moliyalashda fond va startap o‘rtasida investitsiya shartnomasi tuziladi. Unda investitsiya miqdori, kompaniyadagi ulush, pul o‘tkazish bosqichlari (transhlar) va investorning huquqlari aniq ko‘rsatiladi. Investitsion kelishuvning birinchi va eng muhim bosqichi termshit (term sheet) deb ataluvchi hujjatni tuzishdan boshlanadi. Unda investitsiya miqdori, kompaniyaning investitsiyadan oldingi bahosi (pre-money valuation), aksiyalarning turi (masalan, imtiyozli aksiyalar), investorning direktorlar kengashidagi o‘rni va asosiy huquqlar (masalan, kompaniyani sotishdagi huquqlar) belgilanadi.

Shundan so‘ng fondning yuristlari, moliyachilari va boshqa mutaxassislari startap faoliyatini chuqur o‘rganishga kirishadi (Due Diligence). Bu bosqichda startapning moliyaviy hisobotlari, huquqiy hujjatlari (masalan, ro‘yxatdan o‘tish hujjatlari, shartnomalar), intellektual mulkka oid huquqlari (patentlar, savdo belgilari) va asoschilar haqidagi ma’lumotlar batafsil tekshiriladi. Agar tekshiruv natijasida jiddiy muammolar aniqlansa, investor bitimdan voz kechishi yoki shartlarni qayta ko‘rib chiqishi mumkin. Due Diligence muvaffaqiyatli yakunlangach, huquqshunoslar tomonidan Investitsiya shartnomasi (Share Purchase Agreement) hamda Aksionerlar shartnomasi (Shareholders’ Agreement) kabi hujjatlar imzolanadi [20].

Respublikamizda ham venchur fondlar ekotizimi endigina shakllanib bormoqda. Bizning milliy qonunchiligimizda ham ushbu sohani alohida tartibga soluvchi qonun hujjati qabul qilinmagan. UzVC va Aloqa Ventures kabi milliy venchur fondlari Hukumatning 2020-yilda qabul qilingan qarorlari asosida tashkil etilgan bo‘lsa, O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2024-yil 14-oktabrdagi “Startap loyihalar va venchur moliyalashtirish ekotizimini yanada rivojlantirish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi PQ-357-son qarori venchur investitsiyalarini jalb etish uchun shart-sharoitlar yaratish bo‘yicha asosiy qadamlardan biri bo‘ldi.

Kraudfanding esa – internet platformalar orqali ko‘plab kishilardan (jamoatchilikdan) loyiha uchun kichik miqdordagi mablag‘larni jalb qilish. Uning asosiy turlari sifatida xayriya kraudfandingi (donation-based crowdfunding), mukofotli kraudfanding (reward-based crowdfunding) hamda investitsiya kraudfandingi (lending-based crowdfunding) kabilarni ko‘rsatish mumkin [21]. Kraudfanding moliyalashtirishni erkinlashtirib, oddiy odamlar uchun ham investitsiya imkoniyatlarini ochadi. Bunda an’anaviy moliyalashdagidek qattiq garov talablari va byurokratik jarayonlar yo‘q. Asosiysi g‘oyaning o‘ziga xosligi va uning atrofida jamoatchilikni birlashtira olishdir. Kraudfanding munosabatlari odatda uch asosiy subyekt o‘rtasida amalga oshiriladi: loyiha egasi (tadbirkor), investor (yoki donor) va kraudfanding platformasi.

Turli davlatlarda kraudfandingni huquqiy tartibga solish bo‘yicha turlicha yondashuvlar mavjud. AQShda kraudfandingni tartibga solish uchun 2012-yilda “Jumpstart Our Business Startups (JOBS) Act” (Biznes startaplarni rivojlantirish to‘g‘risidagi qonun) qabul qilindi. Ushbu hujjat kraudfandingga maxsus imtiyozlar berdi, bunda kichik kompaniyalar va startaplar o‘z aksiyalarini keng doiradagi investorlarga, ya’ni oddiy fuqarolarga ham sotishi mumkin bo‘ldi.

Qonunga ko‘ra, kompaniyalar AQSh Qimmatli qog‘ozlar va birjalar komissiyasi (SEC)ga murojaat qilishi va ma’lum talablarni bajarishi kerak. Jumladan, ular o‘z faoliyati, moliyaviy ahvoli va investitsiya maqsadlari haqida batafsil ma’lumotni oshkor qilishi shart [22].

Yevropa Ittifoqi miqyosida 2020-yilda “European Crowdfunding Service Providers Regulation (ECSPR)” (Yevropa kraudfanding xizmatlarini ko‘rsatuvchilar to‘g‘risida) nizom qabul qilindi. Ushbu nizom Ittifoq mamlakatlarida faoliyat yurituvchi kraudfanding platformalari uchun yagona qoidalar o‘rnatadi. Unga asosan, kraudfanding platformalari faoliyatini boshlash uchun Yevropa Qimmatli qog‘ozlar va bozorlar boshqarmasi (ESMA) yoki milliy vakolatli organlardan litsenziya oladi va tegishli reyestrga kiritiladi [23]. Professor Uitni Morrisning ta’kidlashicha, kraudfandingni huquqiy tartibga solishda investorning turi muhim ahamiyatga ega. Masalan, akkreditatsiyadan o‘tgan (ya’ni boy va tajribali) investorlar uchun cheklovlarni kamroq qilish mumkin, oddiy fuqarolar uchun esa qat’iyroq himoya mexanizmlari (masalan, investitsiya miqdoriga cheklovlar) joriy etilishi kerak [24].

Mamlakatimizda kraudfanding tizimining huquqiy asoslari hali yaratilmagan. Prezident hujjatlari va Hukumat qarorlarida ushbu tushunchalardan foydalanilgan bo‘lsa-da, moliyalashning aniq mexanizmlari, xususan, platformalarni yaratish va ro‘yxatdan o‘tkazish, investorlarning huquq va majburiyatlari, investitsiya kiritish jarayonlarining ochiqligi va shaffofligini ta’minlash bo‘yicha huquqiy mexanizmlar aniq bir hujjat bilan tartibga solinmagan. Amaliyotda ijtimoiy loyihalarni amalga oshirish, xususan, imkoniyati cheklangan shaxslarga yordam berish, yoshlar sportini rivojlantirish, maktablarning moddiy-texnik bazasini yaxshilash uchun mablag‘ yig‘ishga mo‘ljallangan bir nechta platformalar yaratilgan. Shuningdek, moliyaviy operatsiyalarni amalga oshiruvchi ayrim fin-tech platformalari ham yordamga muhtoj shaxslarga mablag‘ to‘plash imkoniyatini taklif qilmoqda. Biroq ushbu faoliyatni amalga oshirishning tartibi, taraflarning huquq va majburiyatlari normativ-huquqiy hujjat doirasida belgilanmasligi, kelgusida turli firibgarlik holatlariga va mablag‘larning noto‘g‘ri maqsadlarda ishlatilishiga sabab bo‘lishi mumkin.

Farishta investorlar (Angel investors) o‘z shaxsiy mablag‘larini yuqori o‘sish salohiyatiga ega bo‘lgan dastlabki bosqichdagi (startap) kompaniyalarga sarmoya sifatida kiritadigan badavlat jismoniy shaxslardir. Ular odatda o‘zlari muvaffaqiyatga erishgan tadbirkorlar bo‘lib, nafaqat pul, balki o‘z tajribalari bilan ham boshqalarga yordam berishadi. Farishta investorlar startaplar uchun dastlabki kapitalni (seed funding) taqdim etadi. Bu bosqichda venchur fondlar ham, banklar ham loyihaga qiziqmasligi mumkin, chunki xavf juda yuqori [25].

Venchur fondlar va banklardan farqli ravishda farishta investorlarning qaror qabul qilish jarayoni tez va moslashuvchan hisoblanadi. Ular bir necha oylab davom etadigan byurokratik jarayonlarni chetlab o‘tib, tezkor kelishuvlarga erishishlari mumkin. Biroq shuni ham inobatga olish lozimki, farishta investorlarning kiritadigan sarmoyasi venchur fondlarga nisbatan kichikroq bo‘ladi. Agar biznes tezkor kengayishni talab qilsa, bir yoki ikki farishta investorning mablag‘i yetarli bo‘lmasligi mumkin.

Farishta investorlarning faoliyati venchur kapital fondlari kabi maxsus qonunlar bilan tartibga solinmaydi. AQShda asosiy huquqiy tartibga solish “akkreditatsiyadan o‘tgan investor” tushunchasi orqali amalga oshiriladi. Ularning maqomi 1933-yilgi “Qimmatli qog‘ozlar to‘g‘risida”gi qonun (Securities Act of 1933) bilan tartibga solinadi. Unga ko‘ra, agar kompaniya aksiyalarini faqat akkreditatsiyadan o‘tgan investorlarga sotsa, u Qimmatli qog‘ozlar va birjalar komissiyasiga to‘liq hisobot topshirish majburiyatidan ozod qilinadi.

Bu esa startaplar uchun sarmoya jalb qilish jarayonini tezlashtiradi va soddalashtiradi.

Buyuk Britaniyada farishta investorlarni qo‘llab-quvvatlash uchun “Investitsiya solig‘i imtiyozi sxemasi” (Seed Enterprise Investment Scheme - SEIS) va “Korxona solig‘i imtiyozi sxemasi” (Enterprise Investment Scheme - EIS) kabi maxsus soliq imtiyozlari joriy etilgan. Unga ko‘ra, EIS investitsiyasi bo‘yicha investorlar 30 %gacha, SEIS investitsiyasi bo‘yicha esa 50 %gacha daromad solig‘idan ozod qilinadi. Bu investorlar uchun xatarni sezilarli darajada kamaytirib, erta bosqichdagi investitsiyani himoya qiladi.

Professor Maykl Klassens farishta investorlarning huquqiy maqomi ko‘p hollarda rasmiy venchur fondlaridan farqli ekanligini ta’kidlaydi. Uning fikricha, farishta investorlar bilan tuziladigan bitimlar ko‘pincha kamroq huquqiy murakkablikka ega, chunki ularning har biri bilan alohida kelishuvga erishiladi [26].

Farishta investor bilan bitimni rasmiylashtirish bosqichlari ham venchur fondlari bilan kelishuvga erishish jarayonlariga o‘xshab ketadi. Bunda tadbirkor dastlab o‘z biznes-rejasini taqdim etadi. Agar investor loyihaga qiziqsa, tomonlar asosiy shartlarni aks ettiruvchi termshit imzolashadi. Investor tadbirkorning moliyaviy va yuridik holatini tekshiradi (Due diligence). Biroq bu jarayon venchur fondlaridagiga qaraganda soddaroq bo‘lishi mumkin. Tekshiruvlar muvaffaqiyatli o‘tgach, investitsiya shartnomasi, aksiyalarni sotish shartnomasi va aksionerlar shartnomasi kabi hujjatlar imzolanadi.

Farishta investorlar tushunchasi ham milliy qonunchiligimizga kirib kelishga ulgurmagan. Tadbirkorlarimiz orasida farishta investor sifatida investitsiya kiritish imkoniyatiga ega subyektlar bo‘lsa-da, ularning maqomi, investitsiya kiritish tartibi va shartlari belgilanmaganligi ushbu sohaning rivojlanishiga to‘siq bo‘lib kelmoqda. Ayrim rivojlangan davlatlarda tadbirkorlik sohasida mezanin moliyalashtirish turi ham mavjud. Mezanin moliyalashtirish konsepsiyasi eng ilg‘or va moslashuvchan yondashuvlardan biri bo‘lib, butun dunyodagi rivojlangan moliya bozorlarida kompaniyalar tomonidan keng qo‘llanadi.

Mezanin – ham qarz, ham to‘g‘ridan to‘g‘ri investitsiya xususiyatlariga ega bo‘lgan moliyalashtirish turi. Unga ko‘ra, investor odatda kompaniya kapitaliga kirmaydi, balki uni rivojlantirish uchun qarz majburiyatlari orqali mablag‘ taqdim etadi, shu bilan birga, kelajakda qarz oluvchining aksiyalarini oldindan belgilangan narxda sotib olish huquqiga ega bo‘ladi [27].

Mezanin moliyalashtirish (Mezzanine financing) AQShda 1980-yillarda paydo bo‘lgan bo‘lsa, Rossiyada birinchi mezanin moliyalashtirish fondi 2009-yilda Volga River Credit Opportunity nomi bilan tashkil etilgan [28]. AQShda mezanin bozori ancha rivojlangan va standartlashtirilgan bo‘lib, unda ko‘proq xususiy kapital firmalari faoliyat yuritadi. Yevropa bozorida esa mezanin moliyalashtirish ko‘proq tijorat banklari tomonidan amalga oshiriladi. Ushbu moliyalashning ijobiy jihatlari shundaki, mezanin kreditorlar bankka qaraganda kamroq garov talab qiladi, chunki ular xavfni kompaniyaning kelajakdagi daromadlari hisobidan qoplashni mo‘ljallaydi. Bundan tashqari, kompaniya aksiyalarining katta ulushini sotmasdan, katta miqdordagi kapitalni jalb qilish imkonini beradi [29].

Mezanin moliyalashning yana bir o‘ziga xos xususiyati, korxona bankrotlik holatida mezanin qarzni qoplash o‘rta bosqichdagi zarurat deb hisoblanadi. Ya’ni majburiyatni ta’minlash birinchi navbatda bank kreditlariga, ikkinchi navbatda mezonin qarzlarga, so‘ngra aksiyadorlarning talabiga qaratiladi [30]. Professor Jeyms Fosettning fikricha, bu bitimlardagi asosiy huquqiy muammo “kreditorlar iyerarxiyasi”dir. Mezanin qarz beruvchi odatda yuqoridagi kreditorlarga nisbatan (masalan, banklarga) past darajadagi himoyaga ega. Shu sababli huquqiy hujjatlarda to‘lovlarga oid barcha tartib-qoidalar va ehtimoliy bankrotlik holatlaridagi huquqlar aniq ko‘rsatilishi kerak.

Mezanin moliyalashtirish dastlab bozor amaliyotida paydo bo‘lgan va keyinchalik aksariyat rivojlangan mamlakatlar (AQSh, Buyuk Britaniya, Germaniya) qonunchiligida o‘z aksini topgan. AQShda mezanin bitimlari “Uniform Commercial Code”), ya’ni Birlashgan tijorat kodeksi hamda 1933-yilgi Qimmatli qog‘ozlar to‘g‘risidagi qonun bilan tartibga solinadi. Yevropa Ittifoqi davlatlarida mezanin moliyalashtirishga oid maxsus qonunlar mavjud emas. Uning huquqiy jihatlari asosan fuqarolik kodekslari, tijorat qonunchiligi va investitsiya fondi faoliyatini tartibga soluvchi qoidalar doirasida tartibga solinadi.

Rossiya Federatsiyasining Fuqarolik kodeksiga asosan, mezanin moliyalashtirishda dastlab qarz shartnomasi, so‘ngra opsion shartnoma imzolanadi. Opsion shartnomada investorning subyektga tegishli aksiya yoki ulushlarni olish tartibi belgilanadi [32].

Moliyalashni rasmiylashtirish jarayonlari ham qolgan investitsiya turlarini rasmiylashtirishga o‘xshab ketadi. Xususan, mablag‘ga ehtiyoji bo‘lgan korxona dastlab mezanin fondga ariza beradi. Fond kompaniyaning moliyaviy holati, biznes modeli va o‘sish istiqbollarini chuqur tahlil qiladi. Fond va kompaniya moliyalashtirish shartlari, jumladan, foiz stavkasi, to‘lov muddati va kapitalga kirish shartlari bo‘yicha kelishib oladi. Kelishuvga erishilgandan so‘ng fond mablag‘larni kompaniyaga o‘tkazadi. Kompaniya kelishilgan muddat davomida foiz to‘lovlarini amalga oshiradi va belgilangan muddatda asosiy qarzni qaytaradi. Agar kompaniya sotilsa yoki IPOga chiqsa, fond o‘z ulushini sotish orqali foyda ko‘radi [31].

Yuqoridagilardan ko‘rish mumkinki, rivojlangan davlatlarda amalda bo‘lgan mezanin moliyalashtirish mexanizmlari milliy qonunchiligimizda mavjud bo‘lgan boshqa turdagi moliyalashtirish tartiblariga o‘xshab ketadi. Huquq va moliya sohasida moliyalash manbalari xilma-xil bo‘lsa, tadbirkor o‘zining mavjud imkoniyatlaridan kelib chiqib to‘g‘ri qaror qabul qilishi shuncha oson bo‘ladi, qolaversa, investorlar o‘rtasida raqobat muhitining shakllanishiga ham yordam beradi.

Xulosalar

Tadqiqotda an’anaviy va noan’anaviy moliyalashtirishning o‘ziga xos jihatlari va huquqiy tartibga solish mexanizmlari o‘zaro taqqoslangan holda o‘rganildi. Maqolada ko‘rib chiqilgan bank krediti, lizing va faktoring kabi an’anaviy usullar hali ham iqtisodiyotning asosiy ustuni bo‘lib qolmoqda. Biroq zamonaviy huquq va iqtisodiyotning tezkor rivojlanishi, innovatsion startaplarning ko‘payishi bilan an’anaviy moliyalashtirishning cheklanganlik jihatlari yaqqol ko‘zga tashlanmoqda. Garov talabi, byurokratik jarayonlarning uzoqligi va xavfi yuqori loyihalarga moslashmaslik kabi kamchiliklar noan’anaviy moliyalashtirishning paydo bo‘lishi va rivojlanishi uchun zamin yaratmoqda.

Venchur kapital, farishta investorlar, kraudfanding va mezanin moliyalashtirish kabi noan’anaviy usullar an’anaviy tizim to‘ldira olmaydigan “bo‘shliq”ni to‘ldirishi mumkin. Biroq buning uchun yangi huquqiy normalar va qoidalar ishlab chiqish zarurati mavjud. Xususan, noan’anaviy moliyalash usullarining ilmiy-nazariy jihatlarini yaratish dolzarb hisoblanadi. Ushbu moliyalashtirish turlarining mazmuni hamda taraflar o‘rtasida huquq va majburiyatlarni rasmiylashtirish tartibi fuqarolik qonunchiligida aks ettirilishi lozim. Shuningdek, har bir moliyalash usulining o‘ziga xos jihatlarini inobatga olgan holda investor hamda tadbirkorning huquq va majburiyatlari, majburiyatlarni ta’minlash usullari, investorlarning huquqiy maqomi va ularga qo‘yilgan talablarni o‘zida aks ettiruvchi “Tadbirkorlik faoliyatini moliyalashtirish to‘g‘risida”gi qonun qabul qilinishi maqsadga muvofiq. Ushbu sohadagi qonunchilikni takomillashtirish, har bir moliyalash usulining huquqiy tartibga solish mexanizmlarini aniq belgilab qo‘yish nafaqat faoliyatini boshlayotgan tadbirkorlarning imkoniyatlarini kengaytiradi, balki respublikaga kirib kelayotgan xorijiy investitsiyalar oqimining ortib borishiga xizmat qiladi.

REFERENCES

1. Morris H.A. The Law of Corporate Finance. Sweet & Maxwell, 2012, pp. 55–62.
2. Smith J. Financial Regulation and the Rule of Law. Cambridge University Press, 2015, pp. 80–91.
3. Drucker P.F. Innovation and Entrepreneurship: Practice and Principles. Harper & Row, 1985, pp. 185–195.
4. Hasanova G. Kichik biznesning moliyaviy resurs manbalari [Sources of financial resources for small businesses]. *Science and Education Scientific Journal*, 2023, vol. 4, iss 2, pp. 1560–1567.
5. Markaziy bankning statistik byulleteni [Statistical Bulletin of the Central Bank of the Republic of Uzbekistan]. 2025, June. Available at: https://cbu.uz/uz/statistics/buleten/2664799/
6. Brigham E.F., Houston J.F. Fundamentals of Financial Management. USA, Thomson South-Western, 2016, pp. 514–520.
7. Marlese L. Pros and cons of a business bank loan. Available at: https://www.bankrate.com/loans/small-business/business-loan-pros-cons/
8. Stiglitz J.E. Symposium on Bubbles. *The Journal of Economic Perspectives*, 1990, vol. 4, no. 2, pp. 13–24.
9. Jonathan M. L. The Scope of Coverage of the Truth in Lending Act. Cambridge University Press, 2018. DOI: 10.1111/j.1747-4469.1976.tb00674.x.
10. Berger A.N., Udell G.F. The Economics of Small Business Finance: The Roles of Private Equity and Debt Markets in the Financial Growth Cycle. *Journal of Banking & Finance,* 1998, vol. 22, iss. 6, pp. 613–673. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=13799/
11. Brigham E.F. Ehrhardt M.C. Financial Management: Theory and Practice. Cengage Learning, 2016, pp. 980–995.
12. Clare F. Advantages and Disadvantages of Leasing Equipment in the UK. *Legal Vision*, 2024. Available at: https://legalvision.co.uk/commercial-lease-property/leasing-equipment/
13. Hazratqulov O.T. Milliy lizing qonunchiligini takomillashtirish muammolari [Problems of improving national leasing legislation]. *Uzbek Law Review*, 2012, no. 2, p. 6.
14. Fawcett J. Corporate Finance and Legal Risk. Sweet & Maxwell, 2010.
15. International Factoring – Statistics. Available at: https://fci.nl/en/international-factoring-statistics?language_content_entity=en/
16. Lerner J., Hardymon F., Leamon A. Venture Capital and Private Equity: A Casebook. Harvard Business School, 2012, pp. 370–385.
17. Financing SMEs and Entrepreneurs 2018: An OECD Scoreboard. Paris, OECD Publ., 2018, p. 238. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/financing-smes-and-entrepreneurs-2018_fin_sme_ent-2018-en.html/
18. Gusov E.S. Osobennosti pravovogo regulirovaniya venchurnogo investirovaniya v Rossiyskoy Federatsii [Peculiarities of legal regulation of venture investment in the Russian Federation]. Moscow, Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federation, 2012, pp. 89–93.
19. Khan A.A., Orudzhov T.F. Problemy pravovogo regulirovaniya venchurnykh investitsiy [Problems of legal regulation of venture investments]. *Law and Rights*, 2020, vol. 8, p. 176.
20. Miller J. The Law and Economics of Venture Capital. Cambridge University Press, 2018, p. 9.
21. The 2nd Global Alternative Finance Benchmarking Report. Available at: https://kpmg.com/xx/en/what-we-do/industries/global-economic-outlook.html?cid=ggl-cpc_ggl_all_xx_2025_global-economic-outlook_sectors&utm_medium=cpc&utm_source=ggl&utm_campaign=2025-global-economic-outlook-sectors&utm_term/
22. Jumpstart Our Business Startups (JOBS) Act. 2012, April 5. Available at: https://www.sec.gov/rules-regulations/jumpstart-our-business-startups-jobs-act/
23. European crowdfunding service providers for business. Available at: https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/european-crowdfunding-service-providers-for-business.html/

24. Morris W. The Regulation of Crowdfunding: A Comparative Perspective. *Journal of Financial Law*, 2019, p. 126.

25. GEM Global Report. Available at: https://www.gemconsortium.org/report/

26. Klausner M. The Contractual and Legal Theory of Corporate Governance. *Stanford Law Review*, 1995, vol. 47, no. 1, pp. 163–228.

27. Pirkova G.Kh. Mezoninnoe finansirovanie kak istochnik finansirovaniya na sovremennom etape razvitiya predprinimatelskoy deyatelnosti v Rossiyskoy Federatsii [Mezzanine financing as a source of financing at the current stage of development of entrepreneurial activity in the Russian Federation]. *Russian Entrepreneurship*, 2017, vol. 18, no. 7, pp. 1151–1158.

28. Mokina L., Strelnikov E. Mezoninnoe finansirovanie kak alternativniy istochnik korporativnogo finansirovaniya: rossiyskiy opyt [Mezzanine Financing as an Alternative Source of Corporate Financing: Russian Experience]. *Journal of Economic Research*, 2017, vol. 3, no. 12, pp. 6–7.

29. Strelnikov Ye.V. K voprosu o modelirovanii finansovogo rynka [On the issue of financial market modeling]. *Manager*, 2017, vol. 1(65), pp. 54–59.

30. Chernikov V.E. Mezaninnoe finansirovanie kak instrument privlecheniya sredstv v proekty gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Mezzanine financing as a tool for investing in public-private partnership projects]. *Education and Law*, 2024, no. 8, p. 95.

31. Sazonov S.P. Alternative sources of business development: mezzanine financing. *Scientific Papers of the University of Pardubice. Series D, Faculty of Economics & Administration*, 2016, vol. 23, no. 37.

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

Kelib tushgan / Получено / Received: 22.08.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 15.09.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 26.09.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.3./FTKX7210
UDC: 347.4:004.738.5(045)

КОНВЕРГЕНЦИЯ И ДИВЕРГЕНЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДАННЫХ В БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИЯХ: ОПЫТ ЗАКОНА ЕС О ДАННЫХ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ УЗБЕКИСТАНА

Родионов Андрей Александрович,
самостоятельный соискатель
Ташкентского государственного
юридического университета
ORCID: 0000-0003-2651-5558
e-mail: andre-rodionov@mail.ru

Аннотация. *Исследуются процессы конвергенции и дивергенции в гражданско-правовом регулировании блокчейн-данных на примере инновационного Закона ЕС о данных 2023 года (EU Data Act). Методами сравнительно-правового анализа и правового моделирования анализируются механизмы унификации европейских подходов к контролю смарт-контрактов через обязательные функции экстренного прекращения, установленные статьёй 36 данного закона. В исследовании показано, как европейская модель создаёт беспрецедентный правовой режим, обеспечивающий оптимальный баланс между технологической автономностью децентрализованных систем и императивами правового контроля. Выявлены основные направления правовой дивергенции в международной практике регулирования блокчейн-технологий, включая кардинальные различия в правовой квалификации смарт-контрактов, механизмах судебного контроля и юрисдикционных подходах различных государств и правовых семей. Особое внимание уделено сложным проблемам трансграничного применения национального законодательства к децентрализованным сетям и острым конфликтам юрисдикций в быстро развивающемся международном цифровом пространстве. Определены конкретные перспективы адаптации европейского опыта правовой конвергенции для системного совершенствования гражданского законодательства Узбекистана в сфере современных цифровых технологий, предложены детальные механизмы поэтапной имплементации международных стандартов с обязательным учётом особенностей национальной правовой системы и специфических региональных факторов устойчивого развития цифровой экономики.*

Ключевые слова: *конвергенция права, дивергенция, гражданско-правовое регулирование, блокчейн-технологии, Закон ЕС о данных, смарт-контракты, цифровые данные, правовая гармонизация*

BLOKCHEYN TEXNOLOGIYALARIDA MA'LUMOTLARNI FUQAROLIK-HUQUQIY TARTIBGA SOLISHNING KONVERGENSIYA VA DIVERGENSIYASI: YEVROPA ITTIFOQI "MA'LUMOTLAR TO'G'RISIDA"GI QONUNI TAJRIBASI HAMDA O'ZBEKISTON UCHUN ISTIQBOLLAR

Rodionov Andrey Aleksandrovich,
Toshkent davlat yuridik universiteti
mustaqil izlanuvchisi

Annotatsiya. *Maqolada 2023-yildagi Yevropa Ittifoqining "Ma'lumotlar to'g'risida"gi innovatsion qonuni (EU Data Act) misolida blokcheyn ma'lumotlarini fuqarolik-huquqiy tartibga solishda konvergensiya va divergensiya jarayonlari o'rganildi. Qiyosiy-huquqiy tahlil va huquqiy modellashtirish usullari yordamida ushbu qonunning 36-moddasida belgilangan majburiy favqulodda to'xtatish funksiyalari orqali aqlli shartnomalarni nazorat qilishga oid yevropacha yondashuvlarni unifikatsiya qilish mexanizmlari tahlil qilindi. Tadqiqotda Yevropa modeli markazlashtirilmagan tizimlarning texnologik mustaqilligi va huquqiy nazorat talablari o'rtasida optimal muvozanatni ta'minlaydigan noyob huquqiy rejimni qanday yaratishi ko'rsatilgan. Blokcheyn texnologiyalarini tartibga solishning xalqaro amaliyotida huquqiy divergensiyaning asosiy yo'nalishlari, jumladan, aqlli shartnomalarni huquqiy baholash, sud nazorati mexanizmlarida va turli davlatlar hamda huquqiy oilalarning yurisdiksion yondashuvlaridagi jiddiy tafovutlar aniqlangan. Markazlashtirilmagan tarmoqlarga milliy qonunchilikni transchegaraviy qo'llashning murakkab muammolari va tez rivojlanayotgan xalqaro raqamli maydondagi yurisdiksiyalarning keskin ziddiyatlariga alohida e'tibor qaratilgan. O'zbekiston fuqarolik qonunchiligini zamonaviy raqamli texnologiyalar sohasida tizimli takomillashtirish uchun Yevropa huquqiy konvergensiya tajribasini moslashtirishning aniq istiqbollari belgilangan. Shuningdek, albatta, milliy huquq tizimi xususiyatlari va raqamli iqtisodiyotning barqaror rivojlanishiga oid o'ziga xos mintaqaviy omillarini hisobga olgan holda xalqaro standartlarni bosqichma-bosqich joriy etishning batafsil mexanizmlari taklif etilgan.*

Kalit so'zlar: *huquqiy konvergensiya, divergensiya, fuqarolik-huquqiy tartibga solish, blokcheyn texnologiyalari, YIning "Ma'lumotlar to'g'risida"gi qonuni, aqlli shartnomalar, raqamli ma'lumotlar, huquqiy uyg'unlashtirish*

CONVERGENCE AND DIVERGENCE OF CIVIL LEGAL REGULATION OF DATA IN BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES: EU DATA ACT EXPERIENCE AND PROSPECTS FOR UZBEKISTAN

Rodionov Andrey Aleksandrovich,
Independent researcher at Tashkent State University of Law

Abstract. *The processes of convergence and divergence in civil law regulation of blockchain data are studied using the example of the innovative EU Data Act of 2023. Using methods of comparative legal analysis and legal modeling, the mechanisms of unification of European approaches to smart contract control through mandatory emergency termination functions established by Article 36 of the Act are analyzed. The study demonstrates how the European model creates an unprecedented legal regime that ensures optimal balance between technological autonomy of decentralized systems and imperatives of legal control. The main directions of legal divergence in international practice of blockchain technology regulation have been identified, including cardinal differences in legal qualification of smart contracts, judicial control mechanisms, and jurisdictional approaches of various states and legal families. Special attention is paid to complex problems of cross-border application of national legislation to decentralized networks and acute conflicts of jurisdictions in the rapidly developing international digital space. Specific prospects for adapting European experience of legal convergence for systematic improvement of civil*

legislation of Uzbekistan in the field of modern digital technologies have been determined, and detailed mechanisms for phased implementation of international standards with mandatory consideration of peculiarities of the national legal system and specific regional factors of sustainable development of digital economy have been proposed.

Keywords: *legal convergence, divergence, civil law regulation, blockchain technologies, EU Data Act, smart contracts, digital data, legal harmonization*

Введение

Современное развитие цифровых технологий характеризуется двумя противоположными тенденциями: конвергенцией правовых подходов через создание универсальных стандартов и дивергенцией национальных юрисдикций в выборе оптимальных моделей регулирования [1]. Блокчейн-технологии и основанные на них системы управления данными представляют собой особенно яркий пример этого противоречия, требуя от законодателей баланса между технологическими инновациями и традиционными институтами гражданского права.

Глобальные процессы конвергенции в гражданско-правовом регулировании цифровых технологий наиболее отчётливо проявляются в создании наднациональных правовых режимов, направленных на унификацию подходов к контролю данных в децентрализованных системах. Европейский союз стал пионером в этой области, разработав комплексную нормативную базу, кульминацией которой стал принятый в 2023 году Закон о данных (Data Act 2023/2854) [2]. Этот документ впервые в мировой практике установил обязательные требования к механизмам контроля смарт-контрактов, создав прецедент для правовой конвергенции в области блокчейн-технологий.

Одновременно наблюдается выраженная дивергенция национальных подходов к правовому контролю блокчейн-данных. Различные юрисдикции выбирают кардинально разные пути регулирования: от полного запрета до либерализации, от детального контроля до саморегулирования [3]. Эта дивергенция создаёт правовую неопределённость для участников международного цифрового оборота и затрудняет трансграничное взаимодействие в сфере блокчейн-технологий.

Революционный характер Закона ЕС о данных как модели правовой конвергенции заключается в создании первого в мире комплексного правового режима, обеспечивающего баланс между технологической автономностью блокчейн-систем и императивами правового контроля. Статья 36 этого закона устанавливает беспрецедентные требования к обязательным функциям прекращения смарт-контрактов, что может стать образцом для гармонизации международных подходов [4].

Для развивающихся правовых систем, включая Узбекистан, анализ европейского опыта правовой конвергенции представляет особую актуальность в контексте модернизации национального гражданского законодательства и интеграции в глобальное цифровое пространство.

Цель исследования состоит в анализе механизмов конвергенции и дивергенции в гражданско-правовом регулировании данных блокчейн-технологий и определении перспектив адаптации международного опыта для правовой системы Узбекистана.

Задачи исследования: исследование инновационного опыта Закона ЕС о данных как инструмента правовой конвергенции; выявление основных направлений дивергенции в международных подходах к гражданско-правовому регулированию

блокчейн-данных; определение перспектив и механизмов адаптации европейского опыта для совершенствования правового регулирования в Узбекистане.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет комплекс взаимодополняющих научных методов, адаптированных к специфике изучения процессов правовой конвергенции и дивергенции в области цифровых технологий.

Сравнительно-правовой анализ применяется для исследования процессов конвергенции и дивергенции в гражданско-правовом регулировании блокчейн-данных. Этот метод позволяет выявить общие тенденции и специфические особенности различных правовых подходов, определить факторы, способствующие сближению или расхождению правовых систем [5]. Особое внимание уделяется анализу механизмов правовой трансплантации и адаптации зарубежного опыта к национальным условиям.

Формально-юридический метод используется для детального исследования положений Закона ЕС о данных и связанного европейского законодательства. Данный метод обеспечивает точный анализ правовых норм, их иерархии и взаимосвязи, что критически важно для понимания механизмов правовой конвергенции в рамках европейской правовой системы [6].

Метод правового моделирования применяется для разработки теоретических конструкций адаптации европейского опыта к условиям правовой системы Узбекистана. Этот метод позволяет прогнозировать эффективность различных вариантов правового регулирования и минимизировать риски неудачной имплементации зарубежных правовых решений.

Базу источников исследования составляют первичные нормативные акты, в первую очередь Закон ЕС о данных (Regulation EU 2023/2854) и связанные с ним документы европейского права, включая Регламент о рынках криптоактивов (MiCA) и обновлённый Регламент eIDAS 2.0 [7]. Важным компонентом базы являются международные документы о гражданско-правовом регулировании данных, включая модельные законы и рекомендации международных организаций.

Научная литература охватывает публикации ведущих специалистов в области цифрового права и правовой конвергенции за период 2020–2024 годов, что обеспечивает актуальность и новизну исследуемых подходов. Особое внимание уделяется работам, анализирующим практику применения новых европейских регламентов и их влияние на развитие международного цифрового права.

Результаты исследования

Конвергенция европейского гражданско-правового регулирования через Закон ЕС о данных

Закон ЕС о данных 2023 года представляет собой революционный документ, создающий беспрецедентную модель правовой конвергенции в области гражданско-правового регулирования блокчейн-технологий. Статья 36 этого закона впервые в мировой практике устанавливает обязательные требования к функциям экстренного прекращения смарт-контрактов, создавая единые стандарты для всех государств-членов ЕС [8].

Механизм правовой конвергенции через статью 36 основан на принципе обязательного включения в смарт-контракты функций безопасного прекращения или прерывания выполнения. Эти требования распространяются на все смарт-контракты, предназначенные для автоматизации передачи данных или цифровых активов, что создаёт единообразную правовую основу для контроля автоматизированных систем во всех юрисдикциях ЕС.

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

Обязательные механизмы kill switch стали катализатором правовой конвергенции, поскольку они требуют от разработчиков и операторов блокчейн-систем внедрения технических решений, соответствующих единым европейским стандартам. Это приводит к гармонизации не только правовых норм, но и технических подходов к обеспечению контролируемости децентрализованных систем [9].

Практическая эффективность европейского подхода подтверждается анализом ведущих международных юридических компаний. Согласно оценке Hogan Lovells, держатели данных (провайдеры IoT) при использовании смарт-контрактов для обмена данными с третьими сторонами должны обеспечивать соответствие требованиям Закона о данных и исключать недобросовестные условия договоров. Поставщики, предоставляющие данные через смарт-контракты (в том числе криптокомпании), обязаны оценивать применимость требований закона и обеспечивать соблюдение технических стандартов, включая обязательные функции экстренного прекращения [10].

Для Узбекистана внедрение аналогичных механизмов при глокализационной адаптации европейского опыта может обеспечить повышение правовой определённости для развивающихся IoT и криптокомпаний, создание эффективной системы контроля и прозрачности автоматизированных технологий, а также формирование подотчётной цифровой экосистемы, способствующей привлечению международных инвестиций в технологический сектор.

Важно подчеркнуть, что в Европе гармонизация принципов гражданско-правовой ответственности достигается через установление единых критериев применения механизмов экстренного прекращения. Закон определяет, что такие механизмы должны активироваться при технических неисправностях, ошибках в коде или изменении обстоятельств, требующих пересмотра условий исполнения контракта. Это создаёт общеевропейские стандарты баланса между автономностью смарт-контрактов и необходимостью правового вмешательства.

Универсализация стандартов защиты прав участников блокчейн-операций происходит через требования о прозрачности и доступности механизмов контроля. Закон ЕС о данных предписывает, чтобы функции прекращения были чётко документированы, легко активируемы уполномоченными лицами, и они не должны создавать чрезмерных препятствий для нормального функционирования смарт-контрактов [11].

Значительным аспектом европейской конвергенции является создание единых подходов к юрисдикционным вопросам. Закон устанавливает принципы определения применимого права и компетентного суда для споров, связанных с принудительным прекращением смарт-контрактов, что минимизирует правовую неопределённость в трансграничных операциях.

Институциональная конвергенция проявляется в создании специализированных органов надзора за соблюдением требований к смарт-контрактам в каждом государстве-члене ЕС, что обеспечивает единообразное применение европейских стандартов на национальном уровне.

Дивергенция международных подходов к гражданско-правовому регулированию блокчейн-данных

Несмотря на тенденции к конвергенции в рамках ЕС, глобальная картина гражданско-правового регулирования блокчейн-данных характеризуется выраженной дивергенцией национальных подходов. Различия в правовой квалификации смарт-контрактов составляют основу этой дивергенции: в то время как европейские юрисдикции рассматривают

их как особый вид договоров, требующих специального регулирования, другие правовые системы применяют к ним общие нормы договорного права или создают совершенно новые правовые категории [12].

Дивергенция механизмов судебного контроля над блокчейн-операциями проявляется в кардинально различных подходах к вмешательству в автоматизированные процессы. Швейцария развивает концепцию технологической нейтральности, минимизируя специальное регулирование смарт-контрактов, в то время как Сингапур создаёт детализированные требования к провайдерам блокчейн-услуг. Объединённые Арабские Эмираты предусматривают возможность прямого административного вмешательства в блокчейн-операции, что контрастирует с европейским подходом судебного контроля.

Различия в подходах к трансграничному применению национального законодательства к блокчейн-операциям создают сложные коллизионные проблемы [13]. Принцип территориальности права сталкивается с глобальной природой блокчейн-сетей, что приводит к правовой неопределённости и конфликтам юрисдикций.

Юрисдикционные вызовы и международное сотрудничество

Проблемы трансграничного применения механизмов контроля данных в блокчейн-системах представляют одну из наиболее сложных задач современного международного права. Децентрализованная архитектура блокчейн-сетей, где данные одновременно хранятся и обрабатываются в множестве юрисдикций, создаёт ситуацию множественной локализации правоотношений [14].

Конфликт юрисдикций в децентрализованных сетях возникает из-за отсутствия единого оператора или администратора, к которому могли бы быть адресованы судебные решения. Традиционные коллизионные привязки – место заключения договора, место исполнения, место жительства сторон – теряют применимость к смарт-контрактам, выполняющимся автоматически на множестве узлов сети.

Необходимость международной гармонизации подходов становится очевидной в контексте растущего числа трансграничных споров, связанных с блокчейн-операциями. Отсутствие международных соглашений о признании и исполнении решений о принудительном прекращении смарт-контрактов создаёт правовой вакуум, который может быть использован недобросовестными участниками для уклонения от исполнения обязательств.

Европейский подход к решению юрисдикционных проблем основан на принципе эффективной связи между спором и юрисдикцией, что позволяет применять законодательство ЕС к смарт-контрактам, затрагивающим интересы европейских субъектов данных. Этот подход может стать основой для развития международного сотрудничества в области регулирования блокчейн-технологий.

Анализ результатов исследования

Перспективы конвергенции для Узбекистана. Адаптация европейской модели правовой конвергенции представляет для Узбекистана значительные возможности для модернизации национального гражданского законодательства в соответствии с международными стандартами цифрового права. Опыт Закона ЕС о данных демонстрирует эффективность создания специализированных правовых режимов для блокчейн-технологий, которые обеспечивают баланс между технологическими инновациями и защитой прав участников гражданского оборота [15].

Преимущества гармонизации с международными стандартами включают повы-

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

шение привлекательности Узбекистана для международных инвестиций в сферу цифровых технологий, облегчение трансграничного сотрудничества в области блокчейн-проектов и создание правовой определённости для участников цифровой экономики. Принятие стандартов, совместимых с европейским регулированием, может стать конкурентным преимуществом в привлечении технологических компаний и стартапов.

Необходимость учёта особенностей национальной правовой системы требует тщательного анализа совместимости европейских подходов с принципами и институтами гражданского права Узбекистана. Континентальная правовая традиция, лежащая в основе правовой системы Узбекистана, создаёт благоприятные условия для адаптации европейского опыта, однако требует учёта специфики национального законодательства о цифровых технологиях.

Роль Узбекистана в региональных процессах правовой интеграции в рамках СНГ может быть усилена через внедрение передовых подходов к регулированию блокчейн-технологий. Создание современного правового режима может стать основой для разработки модельных законов и соглашений о взаимном признании цифровых документов в регионе [16].

Поэтапная стратегия имплементации должна включать пилотные проекты в специальных экономических зонах, где могут быть протестированы новые правовые механизмы без риска для общей стабильности правовой системы. Опыт Беларуси с её Парком высоких технологий демонстрирует эффективность такого подхода для развития цифрового законодательства.

Выводы

Совершенствование гражданского законодательства должно начинаться с внесения изменений в Гражданский кодекс Республики Узбекистан, касающихся правового режима цифровых данных и смарт-контрактов. Необходимо создание специальной главы, посвящённой гражданско-правовому регулированию автоматизированных систем и механизмам контроля их функционирования.

Создание правовых механизмов контроля блокчейн-данных требует разработки технических стандартов для обязательных функций прекращения смарт-контрактов, адаптированных к специфике различных блокчейн-платформ. Эти стандарты должны обеспечивать совместимость с международными требованиями при учёте национальных приоритетов информационной безопасности.

Развитие международного сотрудничества в сфере цифрового права должно включать участие в международных форумах и рабочих группах по стандартизации блокчейн-технологий, заключение двусторонних соглашений о взаимном признании цифровых документов и решений по блокчейн-спорам.

Подготовка квалифицированных кадров и повышение правовой культуры в области цифрового права является критически важным элементом успешной имплементации новых правовых подходов. Необходимы специализированные образовательные программы для судей, юристов и государственных служащих, работающих в сфере цифровых технологий.

Процессы конвергенции и дивергенции в гражданско-правовом регулировании блокчейн-данных будут продолжать развиваться под влиянием технологического прогресса и изменяющихся потребностей цифровой экономики. Успешная адаптация международного опыта требует от Узбекистана активного участия в формировании глобальных стандартов цифрового права и гибкого подхода к совершенствованию национального законодательства.

REFERENCES

1. Finck M. Blockchain Regulation and Governance in Europe. Cambridge University Press, 2019, p. 264.
2. European Union. Regulation (EU) 2023/2854 on harmonised rules on fair access to and use of data (Data Act). *Official Journal of the European Union,* 2023, L 326, p. 74.
3. De Filippi P., Wright A. Blockchain and the Law: The Rule of Code. Harvard University Press, 2018, p. 312.
4. Zetzsche D.A., Buckley R.P., Arner D.W. The Distributed Liability of Distributed Ledgers: Legal Risks of Blockchain. *University of Illinois Law Review,* 2018, vol. 4, pp. 1361–1406.
5. Rühl G. The Law Applicable to Smart Contracts. *Maastricht Journal of European and Comparative Law*, 2020, vol. 27, no. 4, pp. 264–292.
6. European Union. Regulation (EU) 2023/1114 on markets in crypto-assets (MiCA). *Official Journal of the European Union*, 2023, L 150, pp. 40–205.
7. European Union. Regulation (EU) 2024/1183 amending Regulation (EU) 910/2014 on electronic identification and trust services (eIDAS 2.0). *Official Journal of the European Union*, 2024, L 200, pp. 1–89.
8. Mik E. Smart contracts: terminology, technical limitations and real world complexity. *Law, Innovation and Technology*, 2017, vol. 9, no. 2, pp. 269–300.
9. Allen J.G. Wrapped and Stacked: 'Smart Contracts' and the Interaction of Natural and Formal Language. *European Review of Contract Law*, 2018, vol. 14, no. 4, pp. 307–343.
10. Lovells H. EU Data Act (part 8): smart contracts. *JD Supra*. 2023. Available at: https://www.jdsupra.com/legalnews/eu-data-act-part-8-smart-contracts-9944062/
11. Koulu R. Blockchains and Online Dispute Resolution: Smart Contracts as an Alternative to Enforcement. *SCRIPTed*, 2016, vol. 13, no. 1, pp. 40–69.
12. Gulyamov S. Application of Computational Law and Artificial Intelligence Methods for Sharia Compliance Analysis of E-Waste Management Systems Based on Blockchain. *Suhuf: International Journal of Islamic Studies*, 2024, vol. 36 (1), pp. 21–32.
13. Yeoh P. Regulatory issues in blockchain technology. *Journal of Financial Regulation and Compliance*, 2017, vol. 25, no. 2, pp. 196–208.
14. Mills D.C., Wang K., Malone B. Distributed ledger technology in payments, clearing, and settlement. *Finance and Economics Discussion Series. Federal Reserve Board*, 2016, no. 095, p. 34.
15. Savelyev A. Contract law 2.0: Smart contracts as the beginning of the end of classic contract law. *Information & Communications Technology Law,* 2017, vol. 26, no. 2, pp. 116–134.
16. Rodionov A. The Potential of Blockchain Technology for Creating Decentralized Identity Systems: Technical Capabilities and Legal Regulation. *International Journal of Law and Policy*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 19–30.

Kelib tushgan / Получено / Received: 04.08.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 16.09.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 26.09.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.3./RDLA8004
UDC: 347.72(045)(575.1)

LEGAL REGULATION OF RELATIONS ON SALE OF SHARES IN A LIMITED LIABILITY COMPANY: THEORY AND PRACTICE

Saidov Maksudbek Norboyevich,
Judge of the Tashkent Regional Administrative Court,
Doctor of Philosophy (PhD) in Law
ORCID: 0000-0002-7511-8391
e-mail: mr.msaidov@gmail.com

Abstract. *The transfer of a share in a limited liability company (LLC) for monetary compensation, as an object of civil legal relations, possesses a number of specific features. However, due to the fact that the provisions of the Civil Code do not directly regulate corporate relations, certain misunderstandings may arise in the process of share transfer for payment. In some cases, such misunderstandings become the subject of judicial proceedings. Moreover, procedures related to the registration of share ownership rights sometimes lead to instability in corporate relations. This article analyzes both theoretical and practical issues surrounding the sale of an LLC participant's share to other participants or third parties. The article discusses opinions regarding the applicability of certain provisions of civil law regulating specific types of contracts (such as sale and purchase or assignment) to relations involving the transfer of a share. The study provides a comparative analysis of the procedure for transferring shares in the Republic of Uzbekistan and in foreign jurisdictions. Based on this analysis, proposals are made to improve certain norms of national legislation. The article also examines judicial practice related to share transfers, focusing on how courts apply relevant legal norms using the examples of specific cases. Current law enforcement issues and their underlying causes are analyzed within the framework of the existing legislation of the Republic of Uzbekistan, and the author formulates a conceptual position on potential directions for their resolution.*

Keywords: *limited liability company, participant, share, sale of share, preemptive right, protection of rights*

MAS'ULIYATI CHEKLANGAN JAMIYATDA ULUSHNI SOTISH MUNOSABATLARINING HUQUQIY TARTIBGA SOLINISHI: NAZARIYA VA AMALIYOT

Saidov Maqsudbek Norboyevich,
Toshkent viloyat ma'muriy sudining sudyasi,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD)

Annotatsiya. *Fuqarolik munosabatlarining obyekti sifatida mas'uliyati cheklangan jamiyatdagi ulushni haq evaziga boshqaning ixtiyoriga o'tkazishning bir qator o'ziga xos xususiyatlari mavjud. Biroq Fuqarolik kodeksi normalari korporativ munosabatlarni to'g'ridan to'g'ri qamrab olmagani sababli ulushni haq evaziga boshqa shaxsga o'tkazish jarayonida ayrim tushunmovchiliklar kelib chiqmoqda.*

Ba’zi hollarda esa bu tushunmovchiliklar sudlarda ko‘rilayotgan ishlarning predmetiga aylanmoqda. Bundan tashqari, ulushga egalik huquqini ro‘yxatdan o‘tkazish bilan bog‘liq tartib-taomillar ba’zan korporativ munosabatlarda beqarorlikni keltirib chiqarmoqda. Maqolada mas’uliyati cheklangan jamiyat ishtirokchisining ulushini boshqa ishtirokchilarga yoki uchinchi shaxslarga sotish masalalari nazariy va amaliy tahlil qilindi. Fuqarolik qonunchiligidagi ayrim shartnomalar (oldi-sotdi, sessiya)ga oid normalarni ulushni boshqa shaxsga o‘tkazish munosabatlariga nisbatan qo‘llash to‘g‘risidagi fikrlar ko‘rib chiqildi. O‘zbekistonda va xorijiy davlatlarda ulushni tasarrufdan chiqarish tartibi qiyoslanib, shu asosda milliy qonunchiligimizdagi ayrim normalarni takomillashtirish bo‘yicha takliflar ilgari surildi. Shuningdek, ulushni boshqa shaxsga o‘tkazish bilan bog‘liq sud amaliyoti tahlil qilinib, alohida ko‘rib chiqilgan ishlar misolida sudlar tomonidan ushbu huquqiy munosabatlarni tartibga soluvchi qonun normalarini qo‘llashning o‘ziga xos xususiyatlari o‘rganildi. Huquqni qo‘llashning dolzarb muammolari, ularni keltirib chiqaruvchi sabablar O‘zbekiston Respublikasining amaldagi qonunchiligi asosida tahlil qilinib, ularning yechimi yuzasidan shaxsiy mualliflik pozitsiyasi bildirildi.

Kalit so‘zlar: *mas’uliyati cheklangan jamiyat, ishtirokchi, ulush, ulushni sotish, imtiyozli huquq, huquqni himoya qilish*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ ПО ПРОДАЖЕ ДОЛЕЙ В ОБЩЕСТВЕ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Саидов Максудбек Норбоевич,
доктор философии (PhD) по юридическим наукам,
судья Ташкентского областного административного суда

Аннотация. *Передача доли в обществе с ограниченной ответственностью за денежное вознаграждение как объект гражданско-правовых отношений обладает рядом специфических особенностей. Однако в связи с тем, что нормы Гражданского кодекса напрямую не регулируют корпоративные отношения, в процессе отчуждения доли за плату могут возникать определённые недоразумения. В отдельных случаях такие недоразумения становятся предметом судебного разбирательства. Кроме того, процедуры, связанные с регистрацией прав собственности на долю, порой приводят к нестабильности в корпоративных отношениях. В статье анализируются как теоретические, так и практические вопросы, связанные с продажей доли участника общества с ограниченной ответственностью другим участникам или третьим лицам. Рассматриваются мнения относительно применимости отдельных положений гражданского права, регулирующих конкретные виды договоров (таких как купля-продажа или цессия), к отношениям, связанным с передачей доли. На основе проведённого в исследовании сравнительного анализа порядка передачи долей в Республике Узбекистан и зарубежных юрисдикциях выдвинуты предложения по совершенствованию отдельных норм национального законодательства. Также в статье изучается судебная практика, касающаяся передачи долей, с акцентом на применение судами соответствующих правовых норм на примерах конкретных дел. Актуальные проблемы правоприменения и их причины проанализированы в контексте законодательства Республики Узбекистан, и автор формулирует концептуальную позицию относительно возможных направлений их решения.*

Ключевые слова: *общество с ограниченной ответственностью, участник, доля, продажа доли, преимущественное право, защита прав*

Introduction

A limited liability company (hereinafter referred to as LLC) is today the most convenient organizational and legal form for conducting entrepreneurial activities not only in Uzbekistan, but also worldwide. For Uzbekistan in particular, which is aimed at improving the business climate

and attracting investment, the stability of corporate relations is paramount. However, the legal framework governing the transfer of shares often creates practical challenges, leading to corporate disputes and uncertainty for entrepreneurs and investors. This highlights a critical gap between legal theory and business practice. Shares in an LLC serve as a means of managing the company, owning it, implementing its goals, and determining the main directions of the company's activities. As noted by I. Shitkina, a share in the authorized capital of an LLC is a set of organizational-management rights and property rights belonging to the participant, the most important of which are the right to participate in the management of the company and to receive profits from its activities [1]. To understand the essence of the relationship of the sale of shares, it is first necessary to understand the concept of a share. Since there is no definition of the concept of a share in an LLC (Limited Liability Company) in our national legislation, we will try to understand this concept through the views of scholars and the definitions provided in legal literature.

Black's Law Dictionary defines the term *"share"* as "a unit of ownership interest in a corporation or financial asset, providing the shareholder with a proportionate claim on company profits and assets" [2]. Helsbury suggests that a *"share"* is "the interest of a shareholder in the company, measured by a sum of money, for the purpose of liability in the first place and of interest in the second, but also consisting of a series of mutual covenants entered into by all shareholders inter se" [3].

According to R. Bevzenko, a share in the authorized capital of an LLC is a symbolic sign of the rights of a company shareholder... it is just a percentage, fraction, a number indicating the ratio of the part of the authorized capital paid by an individual to the total capital. In this case, the object of legal relations is not a share in the authorized capital, but a set of rights of the participant [4]. One of the prominent judges in British history, Farewell, defined a share as the shareholder's interest in the company, which is primarily measured by liability and secondarily by the amount of money for the purpose of receiving dividends [5].

Materials and methods

This study employs a comprehensive doctrinal legal research methodology aimed at analyzing the legal framework and judicial practice related to the sale of shares in limited liability companies. The primary legal materials utilized include the Civil Code, the Law on Limited Liability Companies, relevant corporate governance statutes, and regulatory acts governing share transactions and state registration procedures. Judicial precedents from economic and arbitration courts form a significant empirical basis, providing insight into the practical application and interpretation of statutory norms in corporate disputes involving share sales.

The study uses general scientific methods, such as historical, comparative legal, logical (analysis and synthesis), and empirical methods based on survey, monitoring, study and generalization of experience. Case law analysis is integral to the study, involving the examination of representative court rulings to evaluate how legal provisions are implemented in practice and to identify inconsistencies or areas of legal uncertainty. By combining these methods, the article aims to provide a holistic understanding of the legal regulation of share sales in LLCs, bridging theory and practice, and contributing to the development of more effective corporate governance mechanisms. This combination of methods is particularly suited for this research. Doctrinal analysis is necessary to establish the formal legal rules, while empirical analysis of cases is crucial for revealing how these rules function in

practice. The comparative method provides external benchmarks, allowing for a more critical evaluation of the national legal framework.

Research results

When a participant contributes to the authorized capital, the contributed property (property rights) and rights to it pass to the company, and the participants lose their absolute rights to this property. However, the participants continue to economically use this property through the mechanisms of the company's management. For this, they are granted a set of special rights. The nature of these rights remains a subject of debate in academic circles. The main view in this area is that the participants exercise indirect ownership of property through these rights, which are no longer material rights but corporate rights [6].

According to Haver and L. Davis, a share is a shareholder's interest in the company. It is measured by a certain amount of money: first from the point of view of liability, and then in order to obtain benefits (profits). It also consists of a set of mutual agreements (contracts) concluded between all participants [7]. The analysis of scientific views on the nature of a share shows that to date, in legal doctrine, there are various views on the concept of a share and its legal nature, each of which serves to reveal the nature of a share in a certain way. We will give a simpler definition of the concept of a share as follows: a share in a company is a participant's contribution to the authorized capital of a company, expressed in percentages or fractions, which grants the shareholder certain subjective rights and imposes obligations.

The Law of the Republic of Uzbekistan "On Limited Liability Companies" (hereinafter referred to as the Law) distinguishes between the fair value and nominal value of a share. According to the first part of Article 14 of the Law, the authorized capital of a company is determined by the charter of the company and consists of the nominal value of the shares of its participants. For example, if an LLC participant owns 40 percent of an authorized capital of 1 billion sums, the nominal value of his share is 400 million sums. According to the fifth part of this law, the fair value of the share of a company participant corresponds to a part of the value of the company's net assets proportional to the size of their share. For example, as of January 1, 2025, an LLC has net assets of 10 billion sums. In other words, this is the value of the business, that is, the market value of the LLC as of the reporting date. The actual value of the share of a participant in this LLC with a 40% share (the valuation of his share in the business) is 4 billion sums (40% of 10 billion sums). If a participant wishes to sell their share, they will likely aim to sell it at its fair value rather than its nominal value. When discussing the sale of a share, the concept of the market value of a share emerges as a relevant legal and economic concept. This price is determined by supply and demand. In some literature, this concept is also called the contractual value.

The market value of a share is the price agreed upon by the parties in the share sale contract. Article 7 of the Law of the Republic of Uzbekistan "On Evaluation Activities" defines the market value of the valuation object as the most likely price, according to which the valuation object would be valued in an open market under competitive conditions, when the parties to the transaction, having all the necessary information, act rationally and voluntarily in their own interests, and the high or low transaction price does not reflect any extraordinary circumstances, including the obligation of one of the parties to enter into this transaction.

There are a number of differences between the actual value and the market

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

value of the share. In particular, if the actual value of the share is stable and fixed based on the financial statements of the LLC, the market value of the share is variable depending on supply and demand. In addition, the market value of a share is affected by current economic conditions, news, investor sentiment, the amount of the share being sold, expected future returns, and risks. Based on these criteria, the market value of a share may be lower or higher than its true value. However, it should be noted that if the charter sets a certain price for the exercise of the preferential right to purchase a share, then there is no need to agree on the market price in the share sale agreement.

According to the first part of Article 20 of the Law, a company participant has the right to sell his share in the authorized capital of the company or a part of it to one or more participants of the company. For the conclusion of such a transaction, unless otherwise provided by the company's charter, the consent of the company or other participants of the company is not required. However, it is incorrect to conclude from this that a share can be sold only to participants of the company. Because a share, as an object of civil relations, can be freely transferred to others or pass from one person to another by universal legal succession (inheritance, reorganization of a legal entity) or in another way.

However, the sale of a share to a third party may be limited or prohibited. From a legal standpoint, restrictions on the transfer of shares are categorized, according to their source, into statutory prohibitions established by law and contractual restrictions set forth in the company's charter. Shares can also be classified into two groups based on to whom they are transferred (or realized). The mechanism for selling a share to other members within an LLC is relatively simple, and if the consent of the company and other participants is provided for, it can be sold after obtaining their consent.

However, when selling a share to third parties, a number of requirements must be observed. First, it is necessary to check whether the article of association prohibits the sale of a share to third parties, as well as take into account the preemptive right (also known as a pre-emption right, preferential right or right of first refusal) of other participants and the company before third parties when purchasing a share (part of a share). Because according to Article 20 of the Law, participants and the company itself are subjects of preemptive rights, and this right provides these subjects with a preferential position before third parties when purchasing a share. V. Yem, studying the concept of "preemptive right," defines it as a deviation from the principle of equality in civil law relations [8].

Article 20 of the Law directly states the method of protecting the subject of the preferential right of purchase in case of violation of his rights. According to this norm, in case of sale of a share (part of a share) in violation of the preferential right of purchase, any participant of the company and (or) the company, if the charter of the company provides that the company has a preferential right to purchase a share (part of a share), shall have the right to demand in court the transfer of the rights and obligations of the seller to him within three months from the moment he became aware of such a violation or should have become aware of it. Before filing a claim with such content to the court, the holders of preferential rights must first of all determine whether a share sale agreement was concluded between the participant and a third party and whether it was formalized in compliance with the form provided for in the constituent documents of the company.

For example, if the constituent documents stipulate that the sale of a share shall be

certified by a notary, rights and obligations may be transferred through the court only under a notarized agreement. At the same time, the rights of the person who applied to the court with this claim must have been truly violated. For example, in the case initiated by the plaintiff "YQMT" LLC against the defendants "Demir" LLC and Rejep Shirin on the transfer of the rights of the buyer of the share to itself, the court refused to satisfy the plaintiff's claim based on the decision adopted by the court [9].

The court document indicates that on March 11, 2024, additional agreements were signed between the buyer TFF and the sellers "Demir" LLC and Rejep Shirin on the termination of the contracts dated January 31, 2024, and the share purchase and sale contracts were terminated in accordance with the agreement of the parties. For example, according to Part 12 of Article 21 of the Law of the Russian Federation "On Limited Liability Companies" after the notarization of a transaction aimed at alienating a share or part of a share in the authorized capital of a company or, in cases where notarization is not required, from the moment of making the relevant changes to the Unified State Register of Legal Entities, the transfer of a share or part of a share may be appealed only by filing a claim with an arbitration court. These recurring matters underscore that the legislative gaps are not merely theoretical but have disruptive consequences for business operations and corporate stability. The inclusion of a norm of this content in our national legislation will prevent abuse of the rights of participants and create a basis for the stable conduct of corporate relations.

Additionally, the payment of the share fee is a critical consideration. According to the thirteenth part of Article 20 of the Law, until the share of the participant of the society is fully paid, it can be transferred to another person only according to the paid part. This norm serves to protect the interests of company. Because if the share is not paid in full, society may suffer materially. Therefore, the legislator guarantees that other persons will be entitled to only the part of the share actually paid. If the unpaid share is sold, it will render the contract invalid.

Although the law does not specify a direct requirement regarding the form of the contract for the sale of shares, according to the general content of the legislation, such an agreement is concluded in a simple written form. According to Article 21 of the Regulation on the State Registration of Business Entities, there is a list of documents confirming the transfer of the share (contribution) to another person, and the contract is included in the list of these documents. Thus, when the composition of participants or the size of their shares change through the sale of a share in an LLC, an agreement must be attached when re-registering LLC documents.

Furthermore, Articles 2 and 6 of the Law of the Republic of Uzbekistan "On Investments and Investment Activities" distinguish the formation of legal entities or participation in their authorized funds (authorized capitals) on a share basis, including through the purchase of property and shares (shares), as a type of form of investment, and it is established that the investment agreement must be drawn up in the form of a written agreement. In our opinion, it is expedient to establish the norms on the form and content of the transaction on alienation through the sale of a share in the law itself. Because this law is a complex regulatory document covering all relations related to LLCs. In addition, in a certain case (waiving a share in favor of another person), a requirement for the form of the transaction is established, and in another case, the absence of such a requirement does not correspond to the technicalities of the legislation. This inconsistency can at times lead to confusion among participants in share transactions.

Analysis of the research results

Based on the experience of developed foreign countries and the analysis of judicial practice on corporate disputes, we believe that any form of alienation of shares, including transactions on the purchase and sale of shares, should be certified by a notary. This circumstance not only serves to ensure the stability of corporate legal relations, but also ensures legality in corporate relations. Because within the framework of certifying the transaction, the notary checks the rights of the shareholder to the share, the authority to dispose of it, studies the qualifications of the parties to the transaction, makes sure that the shares are fully paid, and examines the existence of third-party rights, the consent of other participants, and compliance with the procedures for the right of preferential purchase. This, in many cases, helps prevent disputes arising from the sale and purchase of shares. A review of judicial practice in this regard clearly demonstrates the importance of the proposed amendment. Below is an example of a case considered by the court related to disputes of this nature.

The claimant, AAA, a founder of OILPLUS LLC, filed a claim against the defendants, OILPLUS LLC and NMA, another founder of the same company, requesting the court to declare invalid the decision of the sole founder of OILPLUS LLC dated March 18, 2019, as well as the Share Purchase Agreement concluded on April 25, 2019, between AAA and NMA concerning the transfer of a share in the charter capital of OILPLUS LLC.

It was established that OILPLUS LLC was registered on January 17, 2019, with registration number 669352 by the Mirzo Ulugbek District Public Services Center in Tashkent city. According to the company's charter, 100% of the charter capital (10,000,000 UZS) belonged to its sole participant, AAA. Based on the resolution of AAA dated March 18, 2019, and under the Share Purchase Agreement dated April 25, 2019, 50% of the company's shares (5,000,000 UZS) were sold to citizen NMA. Corresponding amendments were made to the charter and the foundation agreement of the company. Subsequently, AAA filed a lawsuit claiming that he was unaware of these changes, did not know NMA, and had never sold his share to him. Based on these assertions, he sought to invalidate the aforementioned documents.

According to Expert Opinion No. 29/11 (5321) 1.1.M/5311 dated July 6, 2020, issued by Specialist B.M. of the Republican Center for Forensic Expertise under the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan (named after Kh. Sulaymonova), the signatures on the decision of the sole founder of OILPLUS LLC dated March 18, 2019, the Share Purchase Agreement dated April 25, 2019, between AAA and NMA, and the 2019 version of the company's charter (as amended) were made by different individuals, rather than by AAA himself. Taking these circumstances into consideration, the court issued a ruling in favor of the claimant, satisfying the claim. The judicial decision was subsequently upheld by the appellate court without modification [10].

Another important aspect is that when a share is sold under a notarized agreement (which would be appropriate if it were applied to any alienation), the notary should be tasked with sending the necessary documents to the state registration body of legal entities, making the appropriate changes to the Unified State Register of Legal Entities, and informing tax and other interested state bodies. This process ensures that the norms for obtaining the status of a participant by the new shareholder from the moment the relevant entry is made in the Unified State Register of Legal Entities work smoothly. For example, in Germany, any action related to the alienation of a share in an LLC (including

its purchase and sale) is carried out before a notary and requires notarization [11]. Part 11 of Article 21 of the Law of the Russian Federation "On Limited Liability Companies" also stipulates that an agreement on the transfer (sale) of a share in the authorized capital or a part thereof to another person must be notarized, and failure to comply with the notarial form shall render this agreement invalid [12].

The law refers to various cases from which the legal status of a participant in an LLC arises. In this regard, R. Bevzenko noted that the legislator, due to some incomprehensible circumstance, refused to proceed through the "full registration system" for the exercise of the rights of participants in a limited liability company, negatively reacting to the different emergence of the rights of participants (in some cases from the time of notarial registration of the contract, in others from the time of state registration), noting that this situation creates a number of difficulties in protecting the rights of the participant [13]. The process of transferring a share from one person to another for a fee is described in the law under the term "sale of a share."

In some literature, the transfer of a share (part of a share) in the authorized capital to another person is not a sale or other transfer of a thing, but a waiver of rights. According to this approach, Articles 313-321 of the Civil Code should be applied to relations related to the sale of a share (called "cession" in Roman law). In our opinion, Article 313 of the Civil Code cannot be applied to the transfer of a share to another person for a fee. In support of our opinion, we cite the following considerations:

firstly, this relationship is regulated not by the law of obligations, but by corporate law;

secondly, this norm is aimed at changing the persons under obligation and is aimed at regulating the transfer of creditor rights to another person;

thirdly, the object of this norm is a debt, and if there is no debt, the claim cannot be waived in favor of another person;

fourthly, a transaction aimed at transferring a share in the authorized capital to another person entails the transfer of not only the rights but also the obligations of the participant.

According to Part Five of Article 386 of the Civil Code (hereinafter referred to as the CC), the rules stipulated in the paragraph on sale and purchase shall also apply to the sale of property rights, unless otherwise provided by the content or essence of these rights. Based on this point of view, a group of lawyers, including M. Ilyushina, emphasize that the rules of the sale and purchase agreement apply to the transaction on the alienation of a share by sale [14]. That is, the sale and purchase agreement of a share, like general sales contracts, is a consensual, mutually beneficial agreement concluded by both parties.

According to the general rule, the transfer of goods to the buyer is the seller's fulfillment of the concluded and effective contract. If the time of entry into force of the contract and the transfer of the goods coincide, then the contract is considered to have been fulfilled at the time of its conclusion. However, since a share is not a thing, it cannot be transferred or received in material form. As a rule, the transfer (acceptance) of a share is documented by Act of Acceptance and Transfer.

Also, according to the author, the share sale agreement is also a synallagmatic agreement, since the buyer's fulfillment of the obligation to pay for the goods depends on the seller's fulfillment of the obligation to transfer the goods to the buyer. In other words, according to the general rule, first the seller transfers the goods, then the buyer pays for the goods (until the seller fulfills his obligation, the buyer is not obliged to fulfill his payment obligation). In a share purchase

agreement, the buyer's objective is to obtain the status of a participant in the company and to exercise corporate rights, while the seller's objective is to receive payment for the share. One of the essential terms of a share sale agreement is the subject matter of the contract, which must specify the company whose share is being sold and indicate the size of the share in the charter capital, either as a percentage or as a fractional value.

According to Part 12 of Article 20 of the Law, the company must be notified in writing of the renunciation of a share (part of a share) in the authorized fund (authorized capital) of the company in favor of another person, with the provision of evidence of such renunciation, and the recipient of the share (part of a share) in the authorized fund (authorized capital) of the company shall exercise the rights and assume the obligations of the company's participant from the moment the company is notified in writing of this renunciation.

However, it is not specified when the status of a participant arises in the event of alienation of a share in an LLC through sale. Nevertheless, in judicial practice, it is possible to encounter the application of Article 20, Paragraph 12 of the Law in cases involving the sale of shares. In particular, in the Court Summary Report concerning corporate disputes by the Supreme Economic Court, it was noted that in the case initiated upon the claim of LLC participant H. Khasanov seeking the removal of another participant, D. Tursunov, from the membership of the company, the judge did not apply the above-mentioned provision, which was recognized as a violation of substantive law [15].

In our opinion, based on current legislative acts, the transfer of a share from one person to another should not be associated with the state registration of the constituent documents of the LLC. The transfer of a share automatically means that the rights of the participant arise in the person to whom the share was transferred. In particular, when a share is sold to another person, the share passes to the buyer from the time the contract is concluded and the settlements are made. Although the legislator did not provide for the state registration of the transfer of a share, it is absolutely wrong to reflect this transfer in the constituent documents and associate this transfer with the state registration of this document. Judicial practice is also based on this misconception in some cases, and there are cases where the transfer of a share is required to be confirmed only by the state-registered charter. In order to avoid existing conflicts, we believe that the law should be supplemented with a norm stipulating that the status of a company participant arises from the moment of state registration of the transfer of a share in this LLC (for example, a contract is notarized and the share is transferred to the buyer through the transfer of the share, not the constituent documents), and from that moment the participant exercises his rights and assumes his obligations. The inclusion of a norm of this content in the law will serve to limit the inconsistency of information about participants in the public services center, as well as to prevent third parties from being misled.

The sale of a share or part of it is essentially a waiver of a right for a fee, and in accordance with part five of Article 386 of the Civil Code, the rules on the sale of a thing may be applied to it. However, it should be noted that the "sale of a share" is inherently different from the "sale of a product." In particular, unlike a purchase agreement for tangible goods, the subject matter of a share transfer agreement is not the share itself but the legal entitlement to the share. In this regard, the Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 15, 2014

No. 3640/14 clarified that a share in a limited liability company is not a thing, but a set of certain property and non-property rights and obligations of a company participant and is other property that is included in the group of objects of civil rights [16].

A share, which constitutes an integral part of the LLC's charter capital, remains the property of the LLC itself; only the rights to the share are transferred from one person to another. The corporate rights of an LLC participant arise from the moment of conclusion of the purchase and sale agreement and do not mean that the buyer of the share has the right of ownership over the LLC's property. The person who purchased the share, along with the acquisition of the share, also assumes corporate obligations. A share in the authorized capital of an LLC is simply a legal fiction (something that does not exist in reality); the share is a condition for the exercise of the rights of the participant.

In the event of a dispute arising from a share sale agreement within a company, particularly where the buyer fails to duly perform their contractual obligations, resulting in a violation of the seller's rights, a number of legal issues may arise. Specifically, there is considerable debate among legal scholars and practitioners regarding the scope and nature of the claims that the seller is entitled to bring before the court. These differing opinions concern whether the seller may seek remedies based solely on breach of contract, demand specific performance, claim damages, or pursue rescission of the contract. The resolution of such disputes often depends on the precise circumstances of the case, the terms of the agreement, and the applicable provisions of law.

Courts must carefully evaluate the seller's rights and the buyer's obligations to determine appropriate legal recourse. Some legal experts argue that, in cases where the buyer of a share fails to duly fulfill their obligations, the seller is entitled to claim payment for the share. Others, however, take the view that the seller may also have the right to demand the return of the share itself. This divergence in opinion reflects differing interpretations of the nature of the contractual relationship and the remedies available under the law in the event of non-performance or breach by the buyer. Proponents of the non-repossession argument argue that since a share is not tangible, it cannot be redeemed. They also recognize that according to Article 228 of the Civil Code, the owner has the right to reclaim his property from the illegal possession of another person (vindication), and the share added to the authorized capital is the property of the LLC.

In our opinion, in the event of non-payment of the share fee by the buyer, the seller must act in accordance with the terms of the contract concluded between the parties. If the contract contains an agreement that in the event of non-payment of the share fee in full, non-payment of the share fee is the basis for terminating the contract and returning the share, the seller has the right to terminate the contract and demand the return of the share. In this case, the termination of the contract and the claim for the return of the share are interrelated, and it will be ineffective to file a claim for the return of the share without terminating the contract in the statement of claim. This is because the vindication claim belongs to the category of non-contractual claims and can be filed only in the absence of contractual relations between the plaintiff and the defendant. That is, in a general sense, the legislator allows the right to demand the return of the share, and in the event of non-payment of the share fee, it can be returned to the seller.

However, it should be noted that the arbitration courts of the Russian Federation have established a practice of refusing to satisfy the claim for termination of the share purchase agreement, considering the seller's

failure to pay the share fee as not being a ground for termination of the agreement. In other words, the courts have concluded that the buyer's breach of the agreement does not cause the other party significant damage that would deprive him of what he had the right to expect when concluding the agreement, and this situation is not considered a serious breach of the agreement. In our opinion, such a practice by the courts covers a number of corporate and public procedures, such as holding a general meeting after alienation on the basis of a share purchase agreement, making changes to the list of participants, state registration of changes to the constituent documents, and most importantly, maintaining the stability of corporate relations. Due to the fact that there are different approaches to this issue in the practice of economic courts of the Republic of Uzbekistan, we consider it appropriate to provide an explanation in the Resolution of the Plenum of the Supreme Economic Court "On some issues of resolution of corporate disputes by economic courts."

If the contract does not contain an agreement on the seller's right to cancel the contract and claim the share in the event of the buyer's failure to pay the share, the seller has the right to demand the recovery of the share, interest for late payment, or a penalty for improper performance of the obligation. This is because, according to Article 419 of the Civil Code, if the buyer fails to pay the price for the goods transferred in accordance with the contract of sale on time, the seller has the right to demand the payment of the price for the goods and interest for the use of another's funds.

Additionally, according to Article 256 of the Civil Code, if one party has not fulfilled its obligation stipulated by the contract, but the other party has performed an alternative performance of the obligation, the first party is obliged to fulfill its obligation. That is, according to this norm, if the seller has transferred the share to the buyer without receiving the share, the buyer is obliged to pay the share. In the event of a dispute arising under the above-mentioned situation under the purchase and sale agreement, the proposed approach is a solution to resolve the dispute without negatively affecting corporate relations.

Conclusion

In conclusion, the execution of share purchase and sale agreements in a limited liability company (LLC) constitutes a fundamental aspect of corporate governance and legal regulation of business entities. While the statutory framework governing such transactions has attained a considerable degree of development, the practical implementation of these legal norms continues to encounter significant challenges. These challenges primarily pertain to issues of payment fulfillment, the enforcement of pre-emptive (preferential) rights of existing participants, the effective exercise and protection of the rights of the acquirer of the share, and the procedural complexities associated with the state registration of changes in the composition of company participants.

These persistent issues in judicial practice and corporate dealings undermine the stability and predictability of corporate relations and hinder entrepreneurial activities. Therefore, it is essential to address and resolve these problems through the refinement and harmonization of legal mechanisms, including clearer legislative provisions, improved procedural safeguards, and enhanced judicial oversight. Such measures would contribute significantly to the consolidation of corporate legal practice, fostering transparency, protecting the legitimate interests of all stakeholders, and ensuring the proper realization of corporate rights. Ultimately, these developments would serve to enhance the overall efficiency and reliability of corporate governance frameworks, promoting a stable and attractive business environment conducive to sustainable economic growth.

REFERENCES

1. Shitkina I. Dolya uchastiya v ustavnom kapitale OOO: otchuzhdenie, nasledovanie, razdel [Participation Interest in the Charter Capital of an LLC: Transfer, Inheritance, Division]. *A Lawyer Rushes to the Rescue*, 2013, no 2. pp. 42–44.

2. Bryan A. Black's Law Dictionary. Thomson West, 2004, p. 1810.

3. Halsbury's Laws of England. (LexisNexis 2023), 767. Available at: https://www.lexisnexis.co.uk/products/halsburys-laws-of-england.html

4. Bevzenko P.S. Ob''ekt grazhdanskikh pravootnosheniy. Grazhdanskoe pravo: aktualnye problemy teorii i praktiki [Ed. Objects of Civil Legal Relations. Civil Law: Current Issues of Theory and Practice] V.L. Belov. Moscow, Yurayt-Izdat, 2007, pp. 339–340.

5. Borland's Trustee v Steel Brothers & Co Ltd 1901. Available at: https://www.studocu.com/row/document/university-of-botswana/business-associations/borland-s-trustee-v-steel-brothers/22843321

6. Rozhkova M.A. Ob''ekty grazhdanskogo oborota [Objects of Civil Turnover. Collected Articles. Moscow, Statut, 2007, p. 198.

7. Paul L. Gower's Principles of Modern Company Law. Thomas Returns, 2016, p. 2006.

8. Sukhanova M. Grazhdanskoe pravo [Civil law]. Moscow, 2004, p. 135.

9. Economic Case No. 4-1101-2401/107 of the Zangiota Interdistrict Economic Court.

10. Case No. 4-1001-2004/10984 of the Tashkent Interdistrict Economic Court.

11. Act on Limited Liability Companies (Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung – GmbHG), §15 GmbHG, 2023. Available at: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gmbhg/index.html

12. Federal'nyy zakon ot 08.02.1998 N 14-FZ (red. ot 31.07.2025) "Ob obshchestvakh s ogranichennoy otvetstvennost'yu" [Federal Law of 08.02.1998 N 14-FZ (as amended on 31.07.2025) "On Limited Liability Companies"]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/0a525c7e819fb19114001672d79d782c72f55caf/

13. Bevzenko R.S. Problemy zashchity korporativniykh prav. Korporativnoe pravo [Problems of Protecting Corporate Rights]. Corporate Law, Moscow, 2009, pp. 629–647.

14. Ilyushina M.N. Sdelki s dolyami v ustavnom kapitale obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost'yu [Transactions with shares in the authorized capital of a limited liability company]. Moscow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2015, p. 135.

15. Case No. 20-1403/9051 of the Bukhara Regional Economic Court.

16. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated July 15, 2014, no. 3640/14.

17. Ilyushina M.N. Teoreticheskie i prakticheskie problemy sdelok otchuzhdeniya doley v ustavnom kapitale obshchestv s ogranichennoy otvetstvennost'yu [Theoretical and practical problems of transactions of alienation of shares in the authorized capital of limited liability companies]. Moscow. *Bulletin of the University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no 6, pp. 123–127.

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

Kelib tushgan / Получено / Received: 06.08.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 17.09.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 26.09.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.3./AKSK6098
UDC: 347.92(045)(575.1)

ARIZANI KO‘RMASDAN QOLDIRISH VA XUSUSIY SHIKOYAT QILISH HUQUQI: AMALIYOT, MUAMMO VA TAKLIFLAR

Sultonova Sevinch Bekmurod qizi,
Toshkent davlat yuridik universiteti talabasi
ORCID: 0009-0001-4171-1031
e-mail: sultonovasevinch222@gmail.com

Mirzayev Islomjon Xushnazar o‘g‘li,
O‘zbekiston Respublikasi Adliya vazirligi qoshidagi
Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash va
malakasini oshirish instituti o‘qituvchisi,
“BLG” AF advokati
ORCID: 0009-0007-1447-314X
e-mail: islomjon@blglawfirm.net

Annotatsiya*. Mazkur maqolada O‘zbekiston Respublikasining Fuqarolik protsessual kodeksida arizani ko‘rmasdan qoldirish institutining huquqiy asoslari, amaliyotdagi muammolari va xususiy shikoyat kiritish imkoniyatining cheklanganligi tahlil qilinadi. Tadqiqotning maqsadi – arizani ko‘rmasdan qoldirishga oid qonunchilik normalarining samaradorligini o‘rganish, amaliyotda yuzaga kelayotgan taraflarning protsessual huquqlarini cheklovchi holatlarni aniqlash va ushbu qonun normalarini takomillashtirish bo‘yicha takliflar ishlab chiqishdan iborat. Tadqiqot metodologiyasi sifatida qonun hujjatlari, sud amaliyoti misollari va Oliy Sud rasmiy javoblari asosida huquqiy tahlil qo‘llandi. Natijalar shuni ko‘rsatdiki, O‘zbekiston Respublikasi Fuqarolik protsessual kodeksining 123-moddasidagi mavjud cheklovlar fuqarolarning sud himoyasi huquqini to‘liq ta’minlamayapti, davlat boji summasi katta miqdorda undirilib, sud qaroriga yuqori instansiyada shikoyat qilish imkoniyatining yo‘qligi amaliy muammolarni keltirib chiqarmoqda. Muammo sudning adolatli muhokama va protsessual tenglik tamoyillariga zid ekanligi, shuningdek, fuqarolarning konstitutsiyaviy huquqlarini cheklashi bilan tavsiflanadi. Ish natijalari O‘zbekiston Respublikasi Fuqarolik protsessual kodeksining 123-moddasini qayta ko‘rib chiqish, barcha arizani ko‘rmasdan qoldirish ajrimlari ustidan xususiy shikoyat kiritish huquqini joriy etish lozimligini ko‘rsatadi. Taklif etilgan o‘zgartirishlar sudning qarorlarini yuqori instansiyada qayta ko‘rib chiqish imkonini yaratib, huquqiy aniqlik va protsessual tenglikni ta’minlashga xizmat qiladi. Ushbu natijalar qonunchilikni takomillashtirish hamda fuqarolarning sud orqali samarali huquqiy himoyasini mustahkamlash sohasida amaliy ahamiyatga ega.*

Kalit so‘zlar*: arizani ko‘rmasdan qoldirish, xususiy shikoyat, sud amaliyoti, protsessual huquq, davlat boji, qonunchilik takomillashuvi*

ОСТАВЛЕНИЕ ЗАЯВЛЕНИЯ БЕЗ РАССМОТРЕНИЯ И ПРАВО НА ЧАСТНУЮ ЖАЛОБУ: ПРАКТИКА, ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Султонова Севинч Бекмурод кизи,
студентка Ташкентского государственного
юридического университета

Мирзаев Исломжон Хушназар угли,
преподаватель Института переподготовки
и повышения квалификации юридических кадров
при Министерстве юстиции Республики Узбекистан,
адвокат АФ BLG

Аннотация. *В настоящей статье анализируются правовые основы института оставления заявления без рассмотрения в Гражданском процессуальном кодексе Республики Узбекистан, его практические проблемы, а также ограниченность возможности подачи частной жалобы. Цель исследования заключается в изучении эффективности норм законодательства об оставлении заявления без рассмотрения, выявлении практических ситуаций, ограничивающих процессуальные права сторон, и разработке предложений по совершенствованию соответствующих норм. В качестве методологии исследования использовался правовой анализ на основе законодательных актов, примеров судебной практики и официальных разъяснений Верховного суда. Результаты показали, что существующие ограничения, установленные в статье 123 Гражданского процессуального кодекса Республики Узбекистан, не в полной мере обеспечивают право граждан на судебную защиту: взыскание государственной пошлины в значительном размере и отсутствие возможности обжалования судебного определения в вышестоящей инстанции создают трудности на практике. Данная проблема выражается в противоречии принципам справедливого судебного разбирательства и процессуального равенства, а также в ограничении конституционных прав граждан. Полученные выводы указывают на необходимость пересмотра статьи 123 Гражданского процессуального кодекса Республики Узбекистан и введения права на подачу частной жалобы на все определения об оставлении заявления без рассмотрения. Предлагаемые изменения создадут возможность пересмотра судебных актов вышестоящей инстанцией, что будет способствовать обеспечению правовой определённости и процессуального равенства. Результаты исследования имеют практическое значение для совершенствования законодательства и укрепления эффективной судебной защиты прав граждан.*

Ключевые слова: *оставление заявления без рассмотрения, частная жалоба, судебная практика, процессуальное право, государственная пошлина, совершенствование законодательства*

DISMISSAL OF AN APPLICATION WITHOUT CONSIDERATION AND THE RIGHT TO A PRIVATE COMPLAINT: PRACTICE, PROBLEMS AND PROPOSALS

Sultonova Sevinch Bekmurod kizi,
Student at Tashkent State University of Law

Mirzaev Islomjon Khushnazar ugli,
Lecturer at Institute for Retraining and
Advanced Training of Legal Personnel,
Lawyer at “BLG” Law Firm

Abstract. *This article analyzes the legal basis of the institution of leaving an application without consideration in the Civil Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, problems in practice, and the*

limited possibility of filing a private complaint. The purpose of the research is to study the effectiveness of legislative norms on leaving an application without consideration, to identify circumstances that restrict the procedural rights of the parties arising in practice, and to develop proposals for improving the norms of this law. As a research methodology, legal analysis was used based on legislative acts, examples of judicial practice, and official responses of the Supreme Court. The results showed that the existing restrictions in Article 123 of the Civil Procedure Code of the Republic of Uzbekistan do not fully ensure the right of citizens to judicial protection, a large amount of state duty is collected, and the impossibility of appealing a court decision to a higher court creates practical problems. The problem is characterized by the fact that the court contradicts the principles of fair trial and procedural equality, as well as restricts the constitutional rights of citizens. The results of the work show that it is necessary to review Article 123 of the Civil Procedure Code of the Republic of Uzbekistan and introduce the right to file a private complaint against rulings on leaving all applications without consideration. The proposed amendments will allow for the review of court decisions in higher instances and serve to ensure legal clarity and procedural equality. These results are of practical importance in the field of improving legislation and strengthening the effective legal protection of citizens through the courts.

Keywords: *dismissal of claim without consideration, private complaint, judicial practice, procedural law, state duty, legislative improvement*

Kirish

O‘zbekiston Respublikasining Fuqarolik protsessual kodeksida (FPK) da’vo arizasini ko‘rmasdan qoldirish instituti protsessual huquqni tartibga soluvchi muhim mexanizmlardan biridir. FPKning 122–123-moddalari mazkur institutning huquqiy asosini belgilaydi. Uning asosiy maqsadi – sud tizimiga asossiz arizalar bilan ortiqcha yuklama bermaslik va protsessual tartibga rioya etilishini ta’minlashdir. Biroq amaliyotda ushbu normalar ayrim hollarda taraflarning protsessual huquqlarini cheklashga olib kelayotgan holatlar uchramoqda. Xususan, 123-moddadagi xususiy shikoyat qilish imkoniyatining cheklanganligi fuqarolarning konstitutsiyaviy huquqini to‘laqonli amalga oshirishiga to‘sqinlik qilmoqda [1].

Mamlakatimizda so‘nggi yillarda odil sudlov sifatini oshirish, sud hokimiyatining mustaqilligini, sudlarning ochiqligi va shaffofligini ta’minlash maqsadida sud-huquq tizimida keng ko‘lamli islohotlar amalga oshirilmoqda. Ushbu islohotlar doirasida nafaqat sud jarayonlarining samaradorligi oshmoqda, balki sud tizimining jamiyatdagi obro‘-e’tibori ham mustahkamlanmoqda. Shu bois protsessual huquq normalarini takomillashtirish va amaliyotda ularni qo‘llashdagi muammolarni aniqlash, ularni bartaraf etish yuzasidan ilmiy-amaliy tadqiqotlar muhim ahamiyat kasb etadi.

Fuqarolik protsessual kodeksining 123-moddasidagi xususiy shikoyat mexanizmi, ayniqsa, e’tibor talab qiladi, chunki uning cheklovlari fuqarolarning sud muhofazasi huquqini to‘laqonli amalga oshirishiga ma’lum ma’noda salbiy ta’sir ko‘rsatmoqda. Mazkur institut samarali ishlashi uchun fuqaro manfaatlarini himoya qilishda muhim vosita sifatida sud tizimidagi islohotlar bilan uyg‘unlashgan holda takomillashtirilishi lozim.

Shu bois, maqolaning maqsadi – FPKning 123-moddasida nazarda tutilgan xususiy shikoyat qilish mexanizmining amaldagi cheklovlarini puxta tahlil qilish, fuqarolarning sud muhofazasi huquqiga ushbu cheklovlarning ta’sirini aniqlash va uni takomillashtirish bo‘yicha huquqiy takliflar ishlab chiqishdir. Bu esa sud-huquq tizimidagi islohotlarning yanada samarali bo‘lishiga hissa qo‘shadi hamda fuqarolarning sudga bo‘lgan ishonchini mustahkamlashga xizmat qiladi.

Material va metodlar

Mazkur mavzu bo‘yicha huquqiy adabiyotlar va qonunchilikni tahlil qilish shuni ko‘rsatadiki, o‘xshash protsessual institutlar

boshqa kodekslarda kengroq huquqiy imkoniyatlar bilan tartibga solingan [2]. Tadqiqotning asosiy materiali sifatida FPKning 122–123-moddalari, sud amaliyoti materiallari, Oliy Sudning rasmiy javoblari hamda tegishli protsessual kodekslar tahlil qilindi.

Tadqiqotda normativ-huquqiy tahlil, taqqoslama-huquqiy tahlil, empirik yondashuv va amaliy holatlarni tahlil qilish usullari qo‘llandi. Tadqiqot obyekti sifatida da’vo arizasini ko‘rmasdan qoldirish institutining amalda tartibga solinishi va uning huquqiy oqibatlari tanlandi.

Tadqiqot natijalari

FPKning 122-moddasida arizani ko‘rmasdan qoldirishning huquqiy asoslari belgilangan. Kodeksning 123-moddasida esa faqat ayrim bandlar asosida chiqarilgan ajrimlar ustidan xususiy shikoyat (protest) berilishi mumkinligi ko‘rsatilgan. Jumladan, faqat 5-, 6-, 7- va 10^2-bandlarga doir ajrimlar ustidan xususiy shikoyat qilishga ruxsat berilgan [3]. Qolgan hollarda, jumladan, 1-, 3-, 4-, 8-, 9-, 10-, 11-, 9^1-, 10^1- va 10^3-bandlarda ko‘rsatilgan hollarda chiqarilgan ajrim ustidan yuqori instansiyaga murojaat qilish imkoniyati belgilanmagan. Amaliyotda FPK 123-moddasida nazarda tutilgan xususiy shikoyat faqat ayrim hollarda qo‘llanadi. Bu esa taraflarning qonuniy manfaatlarini himoya qilishda samaradorlikning pasayishiga olib kelmoqda. Quyidagi amaliy holat bunga yorqin misol bo‘la oladi.

Tumanlararo fuqarolik ishlari bo‘yicha sud tomonidan da’vogar vakili yozgan arizaga asosan da’vo arizasi FPKning 122-moddasi 9-bandiga tayangan holda ko‘rmasdan qoldirilgan. Shu bilan birga, sud FPKning 138-moddasi 3-qismiga asoslanib, javobgardan 17 770 160 so‘m miqdorida davlat boji undirilishini belgilovchi ajrimni chiqargan. Bu holatda bir qator muhim huquqiy masalalar vujudga kelgan:

Birinchidan, da’vo mohiyatan sud tomonidan ko‘rib chiqilmagan. Sud da’vo mazmunini tahlil etmagan, taraflarning dalil va e’tirozlarini baholamagan, natijada da’voning asosli yoki asossizligi yuzasidan hech qanday huquqiy xulosa bildirmagan. Bu esa sud muhokamasi prinsiplariga zid hisoblanadi.

Ikkinchidan, da’vogarning talablari javobgar tomonidan ixtiyoriy ravishda bajarilmagan. Ya’ni talabning javobgar tomonidan qondirilgani to‘g‘risida hujjatli dalillar mavjud emas. Ish hujjatlarida da’vogarning arizani ko‘rmasdan qoldirish haqidagi arizasi mavjud, ammo nima sababdan bunday ariza kiritilgani ko‘rsatilmagan. Bunday sharoitda da’vogarning bir tomonlama arizasiga tayanib chiqarilgan ajrim javobgarning huquqiy holatiga bevosita ta’sir ko‘rsatmoqda. Masalan, shunday holatlarda taraflar o‘zaro kelishuvga erishgan bo‘lsa-yu, sud arizani FPKning 122-moddasi 9-bandiga ko‘ra ko‘rmasdan qoldirgan bo‘lsa yoki da’vogar o‘ziga ma’lum boshqa sabablarga ko‘ra arizani shunchaki ko‘rmasdan qoldirishni so‘ragan bo‘lsa, sud esa davlat bojini javobgardan undirib qo‘ygan bo‘lsa, bu masala qanday hal qilinishi kerak?

Uchinchidan, sud ajrimi asosida javobgarga sezilarli moliyaviy majburiyat – 17 mln so‘mdan ortiq davlat boji to‘lovi yuklangan. Ammo mazkur ajrim ustidan shikoyat qilish imkoniyati mavjud emas. Aslida davlat boji summasining katta yoki kichikligi ahamiyatsiz, qancha bo‘lishidan qat’i nazar, sud qarori qonuniy bo‘lishi kerak. Lekin davo summasi, masalan, 2 mlrd so‘m bo‘lsa, ushbu summadan 80 mln so‘m davlat boji hisoblanadi. Bu esa masalaning qanchalik dolzarbligini ko‘rsatadi. Mavjud holat nafaqat sud qarorining qonuniyligini yuqori instansiyada baholashga to‘sqinlik qiladi, balki javobgarni samarali huquqiy himoyadan ham mahrum etadi.

Natijada yuqorida keltirilgan holatlarda javobgar o‘z manfaatini shikoyat yo‘li bilan himoya qila olmaydi [4]. Holbuki, O‘zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasining 55-moddasida har bir shaxsga o‘z huquqlari va erkinliklarini sud orqali himoya qilish, davlat

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

organlarining qarorlari ustidan shikoyat qilish huquqi kafolatlangan [1]. Ta'kidlash kerakki, ushbu norma ham demokratik, inson manfaatlari ko'zlangan qoidalardan biridir [5]. Shuningdek, Fuqarolik protsessual qonunchiligida belgilangan ayrim tamoyillar ham buzilmoqda [2]. Vaholanki, Fuqarolik protsessual huquqi amaliy jihatdan fuqarolik sud ishlarini yuritish jarayonida vujudga keladigan va qo'llanadigan protsessual harakatlarni o'rganadi, shu orqali amaliyotdagi muammolarni aniqlab, ularga har tomonlama asoslangan yechim beradi [1].

Mazkur muammo yuzasidan O'zbekiston Respublikasi Oliy Sudiga yuborilgan rasmiy murojaatda FPKning 122-moddasi birinchi qismi 9-bandiga asoslangan holda chiqarilgan sud ajrimiga nisbatan xususiy shikoyat kiritish imkoniyati mavjud yoki mavjud emasligi, mavjud bo'lmagan taqdirda bunday ajrimdagi huquqiy noaniqlik yoki noto'g'ri qo'llangan qarorlarni qay tartibda bartaraf etish mumkinligi haqida tushuntirish so'ralgan. Oliy Sud mazkur murojaatni ko'rib chiqib, rasmiy javobida quyidagilarni bayon qilgan:

"mazkur ajrim ustidan xususiy shikoyat yoki protest keltirish qonun bilan nazarda tutilmagan;

FPKning 272-moddasi 3-qismiga ko'ra, ajrimda faqat yozuvdagi xatolar yoki aniq arifmetik xatolar mavjud bo'lsa, u holda FPKning 261-moddasi asosida tuzatish kiritilishi mumkinligi ko'rsatib o'tilgan".

Tadqiqot natijalari tahlili

Shunday qilib, sud amaliyotida mazkur modda bilan ariza ko'rmasdan qoldirilgan holatlarda javobgar protsessual huquqiy himoyadan mahrum bo'lmoqda. Sudning ushbu ajrimi da'vogar tashabbusi bilan sud muhokamasining tugatilishiga sabab bo'ladi, ya'ni kiritilgan bir ariza bo'yicha qo'zg'atilgan fuqarolik ishi tugallanadi. To'g'ri, da'vogar bunday vaziyatda yangi da'vo bilan sudga murojaat qilishi mumkin, biroq u holda yangi bir ish qo'zg'atiladi va u alohida fuqarolik ishi hisoblanadi. Avvalgi qo'zg'atilgan va ko'rmasdan qoldirilgan ish bo'yicha esa javobgar zimmasida majburiyat paydo bo'lib qolmoqda va u bundan norozi. Eng muhim jihati shundaki, bu ajrim ustidan yuqori instansiyaga murojaat qilish imkoni qonun bilan cheklangan. Ajrimning davlat bojini javobgarga yuklash haqidagi qismi texnik xato emaski, FPKning 272-moddasi bilan bartaraf qilish mumkin bo'lsa!

Oliy Sud tomonidan berilgan mazkur rasmiy javob ushbu holatga qonun doirasidagi izoh bo'lib xizmat qilgan, ammo u amalda muammoning hal qilinishiga xizmat qilmaydi. Negaki shikoyat yo'li bilan sud ajrimining qonuniyligi va asosliligini baholash imkoniyati yo'qligi – fuqarolarning sud muhofazasiga bo'lgan konstitutsiyaviy huquqini amalda cheklamoqda.

Shu boisdan ushbu norma va unga asoslangan sud qarorlari, xususan, FPKning 123-moddasini qayta ko'rib chiqish va 122-moddada sanab o'tilgan barcha asoslar bo'yicha chiqarilgan ajrimlar ustidan xususiy shikoyat kiritish huquqini belgilash lozim, deb hisoblaymiz. Bu esa huquqiy aniqlikni, protsessual tenglikni va *sudning ariza taqdirini hal qiluvchi hujjati ustidan shikoyat qila olish imkoniyatini* ta'minlaydi.

Qonunchilikda da'voni (yoki arizani) ko'rmasdan qoldirish institutining mazmunan o'xshash holatlari boshqa protsessual qonunlarda yanada erkinroq yondashuv asosida tartibga solingani kuzatiladi. Jumladan, O'zbekiston Respublikasining Iqtisodiy protsessual kodeksi (IPK)ning 108-moddasi to'rtinchi qismiga ko'ra, da'voni ko'rmasdan qoldirish to'g'risidagi ajrim ustidan xususiy shikoyat kiritilishi mumkin. Xuddi shunday tartib O'zbekiston Respublikasining Ma'muriy sud ishlarini yuritish to'g'risidagi kodeksi (MSIYtK) 106-moddasi to'rtinchi qismida ham nazarda tutilgan bo'lib, fuqarolarga sudning arizani ko'rmasdan qoldirish haqidagi ajrimidan shikoyat bildirish imkoniyati yaratilgan. Alohida bandlar bo'yicha istisnolar mavjud emas.

Bundan tashqari, xorijiy tajribaga murojaat qilsak, Qozog‘iston Respublikasi Fuqarolik protsessual kodeksining 280-moddasida ham arizani ko‘rmasdan qoldirishga oid ajrim ustidan shikoyat qilish huquqi aniq ifodalangan [6]. Xuddi shuningdek, Belarus Respublikasi Fuqarolik protsessual kodeksining 167-moddasida ham sudning ish yuritishni to‘xtatish, tugatish yoki arizani ko‘rmasdan qoldirish haqidagi ajrimi ustidan xususiy shikoyat yoki xususiy protest berish huquqi nazarda tutilgan [7]. Bu esa umumiy yondashuv sifatida protsessual huquqlarning tengligi va sud qarorlari ustidan yuqori instansiyaviy nazorat mexanizmlarining kafolatlanishini bildiradi.

Demak, yuqoridagi kodekslarda sudning da’voni ko‘rmasdan qoldirish haqidagi ajrimlari ustidan xususiy shikoyat kiritish imkoniyati taqdim etilishi – fuqarolarning sud orqali samarali huquqiy himoyani ta’minlash, shuningdek, adolatli sud muhokamasi prinsipi bilan uzviy bog‘liqdir. Shu nuqtayi nazardan qaralganda O‘zbekiston Respublikasi Fuqarolik protsessual kodeksining 123-moddasida [3] mavjud cheklovning saqlanib qolishi ushbu tamoyillarga zid holat sifatida baholanishi mumkin.

Xulosalar

Yuqoridagilardan kelib chiqib, FPKning 123-moddasini ushbu norma bilan to‘ldirish maqsadga muvofiqdir:

“Da’vo arizasini ko‘rmasdan qoldirish to‘g‘risidagi ajrim ustidan xususiy shikoyat berilishi (protest keltirilishi) mumkin”.

Yoki hech bo‘lmasa, davlat bojini undirish yoki qaytarmaslik bilan bog‘liq oqibatlarni yuzaga keltiruvchi asoslar bo‘yicha ko‘rmasdan qoldirish haqidagi ajrimlar ustidan shikoyat qilish huquqi ta’minlanishi zarur. Bu o‘zgarish fuqarolarning sud himoyasini yanada to‘liq kafolatlaydi, sud jarayonida yuzaga kelgan xatolarni yuqori instansiyalarda qayta ko‘rib chiqish imkonini yaratadi hamda protsessual tenglik va adolat tamoyillarining ta’minlanishiga xizmat qiladi.

Ayni paytda mavjud qonunchilikda bunday muhim masalada noaniqliklar va cheklovlar mavjud bo‘lib, ular fuqarolarning sudga bo‘lgan ishonchini pasaytiradi. Shu bois sud qarorlari ustidan shikoyat qilish huquqini umumiy asosda joriy etish bugungi kunda olib borilayotgan huquqiy islohotlar ruhiga to‘la mos keladi hamda fuqarolarning o‘z huquqlarini samarali himoya qilishini ta’minlaydi. Xususan, qonunchilikda sud qarorlarini nazorat qilish mexanizmlarini takomillashtirish va ularni yanada ochiqroq qilish orqali fuqarolarning huquqiy kafolatlari mustahkamlanadi hamda sud tizimining samaradorligi oshadi. Shu yo‘l bilan nafaqat sud jarayonlari adolatliligi ta’minlanadi, balki fuqarolarning sudga bo‘lgan ishonchi va davlat organlariga nisbatan ijobiy munosabati ham kuchayadi.

REFERENCES

1. Mualliflar jamoasi. Konstitutsiyaviy huquq [Constitutional law]. Tashkent, TSUL Publ., 2024, p. 283.

2. Rustambayev M.X. Fuqarolik protsessual huquqi nazariyasi [Theory of civil procedural law]. Tashkent, TSUL Publ., 2019, p. 256.

3. Esanova Z.N. Fuqarolik protsessual huquqi [Civil procedural law]. Tashkent, Yuridik adabiyotlar Publ. 2022, p. 130.

4. Safarov B.B. Sud hokimiyati va odil sudlov prinsiplarini amalga oshirish mexanizmlari [Mechanisms for implementing the principles of judicial power and justice]. Tashkent, TSUL Publ., 2021, p. 178.

5. Xabibullayev D.Y. Fuqarolik protsessual huquqi [Civil procedural law]. Tashkent, TSUL Publ., 2023, p. 139.

6. Qozog‘iston Respublikasi Fuqarolik protsessual kodeksi. [Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan]. Justice Legal Information System. Available at: https://adilet.zan.kz/eng/docs/K1500000377

7. Grazhdanskiy Protsessual’nyy Kodeks Respubliki Belarus’ [Civil Procedure Code of the Republic of Belarus]. Available at: https://zakony-by.com/grazhdanskij_protsessualnyj_kodeks_rb/167.htm

8. O‘zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi [Constitution of the Republic of Uzbekistan]. Tashkent, “O‘zbekiston” Publ., 2023, p. 22.

9. Aliyeva M. Xorijiy davlatlarda da’voni ko‘rmasdan qoldirish institutining huquqiy asoslari [Legal basis for the institution of dismissal of a claim in foreign countries]. *Journal of Legal Sciences*, 2022, no. 3. pp. 45–53.

10. European Court of Human Rights. Guide on Article 6 of the European Convention: Right to a fair trial. Strasbourg, 2021.

11. Karimova N. Fuqarolik sud protsessida taraflarning protsessual huquqlari [Procedural rights of parties in civil proceedings]. Tashkent, Yuridik adabiyotlar markazi Publ., 2020, p. 152.

12. Cherepakhin B.B. Grazhdanskiy protsess: teoriya i praktika [Civil Procedure: Theory and Practice]. Moscow, Yurayt Publ., 2020, p. 340.

13. Bayzakov R. Kazakhstan’s civil procedure reforms and access to justice. *Central Asian Law Review,* 2021, no. 2, pp. 87–95.

14. United Nations Human Rights Committee. General Comment No. 32: Right to equality before courts and fair trial. Geneva, 2007. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/606075?v=pdf

15. Mirzayev I. Fuqarolik protsessida shikoyat qilish huquqi va amaliy muammolar [The right to appeal in civil proceedings and practical problems]. TSUL Scientific Newsletter, 2023, no. 1, pp. 60–67.

16. Saidov A.X. O‘zbekiston Respublikasining konstitutsiyaviy huquqlari [Constitutional rights of the Republic of Uzbekistan]. Tashkent, Adolat Publ., 2020, p. 215.

Kelib tushgan / Получено / Received: 07.08.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 15.09.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 26.09.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.3./YVLB1818
UDC: 349.6(045)(575.1)

ATROF MUHITNI MUHOFAZA QILISH SOHASIDA O‘ZBEKISTON MILLIY STANDARTLASHTIRISH TIZIMINI RIVOJLANTIRISH ISTIQBOLLARI

Rajabov Nariman Sharifbayevich,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Ekologiya huquqi kafedrasi professori,
yuridik fanlar doktori
ORCID: 0000-0002-5166-964X
e-mail: n.sh.rajabov.78@gmail.com

Annotatsiya. *Barqaror rivojlanish sharoitida mamlakatimizda ekologik standartlashtirish bo‘yicha o‘rnatilgan talablarga rioya etilishi yuzasidan olib borilayotgan davlat ekologik siyosatining muhim ustuvor masalalari hozirgi bozor talablari asnosida amalga oshirilishini taqozo etadi. Aslida, ekologik standartlar tabiiy obyektlar holatining miqdoriy va sifat ko‘rsatkichlarini ifodalaydigan, huquqiy ahamiyatga va huquqiy hujjatlarning barcha xususiyatlariga ega bo‘lgan texnikaviy-huquqiy hujjat bo‘lib, ularga muvofiq tabiiy resurslarning ayrim turlaridan foydalanishning huquqiy rejimi, tabiatdan foydalanish bilan bog‘liq bo‘lmagan sohalarda ham faoliyatning ekologik qoidalarini belgilaydi. Mazkur ilmiy maqolada ekologik standartlashtirishning mohiyati, uning o‘ziga xos xususiyatlari va ahamiyati yoritilib, mazkur sohani rivojlantirishga oid qonunchilikning hozirgi holati va uni takomillashtirish istiqbollariga oid huquqiy masalalar ilmiy-nazariy nuqtayi nazardan tahlil etilgan hamda bu borada mualliflik takliflari ilgari surilgan. Shuningdek, ushbu masala yuzasidan eng ilg‘or xorijiy tajriba hamda qonunchilik o‘rganilib, mamlakatimizda uni rivojlantirish yuzasidan taklif hamda tavsiyalar ishlab chiqilgan. Bunda ekologik standart, ekologik normativ va ekologik me’yorlash tizimi, ekologik standartlashtirish bo‘yicha munosabatlarning huquqiy tartibga solinishi yoritilgan hamda ushbu sohani takomillashtirishga qaratilgan tegishli tavsiyalar ilgari surilgan.*

Kalit so‘zlar: *ekologik standart, ekologik standartlashtirish, ekologik me’yor, ekologik me’yorlash, etalon, andoza, ekologik qonunchilik, limit*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СТАНДАРТИЗАЦИИ УЗБЕКИСТАНА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Ражабов Нариман Шарифбаевич,
доктор юридических наук, профессор
кафедры «Экологическое право»
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. *В условиях устойчивого развития актуальные задачи государственной экологической политики, касающиеся соблюдения установленных требований в сфере экологической стандартизации, требуют реализации в соответствии с современными*

рыночными условиями. По сути, экологические стандарты представляют собой технико-правовые документы, обладающие юридическим значением и всеми характеристиками правовых актов, выражающие количественные и качественные показатели состояния природных объектов. В соответствии с ними определяется правовой режим использования отдельных видов природных ресурсов, а также устанавливаются экологические правила деятельности даже в тех сферах, которые прямо не связаны с природопользованием. В статье раскрываются сущность, особенности и значение экологической стандартизации, анализируется современное состояние законодательства в данной области и перспективы его совершенствования с научно-теоретической точки зрения, формулируются авторские предложения. Кроме того, рассматривается передовой зарубежный опыт и законодательство, а также вырабатываются рекомендации и предложения по развитию данной сферы в Узбекистане. Особое внимание уделяется экологическим стандартам, экологическим нормативам и системе экологического нормирования, а также правовому регулированию отношений в сфере экологической стандартизации. В заключение представлены предложения, направленные на совершенствование данной системы.

Ключевые слова: *экологический стандарт, экологическая стандартизация, экологическая норма, экологическое нормирование, эталон, образец, экологическое законодательство, лимит*

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL STANDARDIZATION SYSTEM OF UZBEKISTAN IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION

Rajabov Nariman Sharifbayevich,
Professor of the Department of Environmental Law,
Tashkent State University of Law,
Doctor of Science in Law

Abstract. *In the context of sustainable development, important priority issues of the state environmental policy being pursued in our country to comply with the established requirements for environmental standardization require implementation in accordance with current market requirements. In essence, environmental standards are technical and legal documents expressing quantitative and qualitative indicators of the state of natural objects, having legal significance and all the characteristics of legal documents, according to which the legal regime for the use of certain types of natural resources determines the environmental rules of activity in areas not related to the use of nature. This scientific article highlights the essence of environmental standardization, its features, and its significance; analyzes from a scientific and theoretical point of view the current state of legislation on the development of this area and legal issues related to the prospects for its improvement; and also puts forward the author's proposals in this regard. Also, the best foreign experience and legislation on this issue were studied, and proposals and recommendations for its development in our country were developed. At the same time, the environmental standard, the system of environmental regulations and environmental regulation, and the legal regulation of relations on environmental standardization are highlighted, and relevant recommendations aimed at improving this area are put forward.*

Keywords: *environmental standard, environmental standardization, environmental regulation, environmental normalization, standard, sample, environmental legislation, limit*

Kirish

Atrof tabiiy muhitni muhofaza qilish, asrab avaylash va saqlab qolish barobarida kelajak avlodlarga uni to‘liq hamda sof holda qoldirish maqsadlariga erishishda, atrof-muhit sifati hamda tabiiy obyektlar soniga oid xususiyatlari va xossalarini saqlab qolishda, jamiyatning ijtimoiy manfaatlaridan kelib chiqqan holda o‘rnatiladigan tabiatga ta’sir ko‘rsatishning ilmiy asoslangan chegara

yoxud me'yorini belgilash va o'rnatish (joriy qilish) yoki barpo etish muhim ahamiyatga ega masala hisoblanadi. Ushbu maqsadlarga ekologik talablarni, ya'ni ekologik me'yorlash tizimini yanada rivojlantirish orqali erishiladi. U qonun talablariga muvofiq vakolatli davlat organlari tomonidan huquqiy ahamiyatga ega bo'lgan texnik hujjatlar hisoblangan ekologik normativlarni o'rnatish faoliyatini rivojlantirishni anglatadi.

Ma'lumki, mahsulot sifatiga oid har qanday ma'lumotlar, ya'ni uning asosiy texnik ko'rsatkichlari, jumladan, xomashyo, materiallar, asbob-uskunalarga oid talablar standartlar bilan belgilanadi. Mamlakatimizda bozor iqtisodiyoti rivojlanayotgan hozirgi davrda standartlashtirish ishlab chiqarish sohasining unumli hamda samarali ishlash uchun muhim texnikaviy, iqtisodiy va ijtimoiy ahamiyat kasb etuvchi asosiy vositalardan biri bo'lib qolmoqda. Ushbu sharoitda standartlashtirish obyektlarining kengayishi, iqtisodiy hamda ijtimoiy hayotning ko'p tarmoqlariga kirishi, uning rivojlanishi uchun ko'p resurslarning jalb qilinishini taqozo etadi. Qolaversa, standartlashtirishni rivojlantirish o'z navbatida mavjud resurslardan, shu jumladan, tabiiy resurslardan oqilona foydalanishga ijobiy ta'sir ko'rsatadi.

O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyevning mamlakatimizni 2016-yilda ijtimoiy-iqtisodiy rivojlantirishning asosiy yakunlari va 2017-yilga mo'ljallangan iqtisodiy dasturning eng muhim ustuvor yo'nalishlariga bag'ishlangan Vazirlar Mahkamasining kengaytirilgan majlisidagi ma'ruzasida qayd etilganidek "... butun standartlashtirish tizimini tubdan qayta qurish kerak. Bundan ko'zlangan maqsad – mamlakatimizda ishlab chiqarilgan mahsulotlar zamonaviy xalqaro standartlarga javob berishi lozim [1].

O'zbekiston Respublikasining 2030-yilgacha bo'lgan davrda Atrof muhitni muhofaza qilish Konsepsiyasi atrof muhit sifatining yagona normativlari, standartlarini birgalikda ishlab chiqish va qabul qilishni, atrof muhitning sifatini belgilovchi ustuvor yo'nalishlar bo'yicha xalqaro standartlarga o'tishni ta'minlash, davlat xaridlarini amalga oshirishda ekologik standartlarni qo'llashni kengaytirishni, Yevropa standarti asosida nazorat qilinadigan ifloslantiruvchi moddalar sonini optimallashtirgan holda, ularni chiqarish va oqizishni samarali nazorat qilish mexanizmini joriy etishni, qolaversa, amaldagi standartlarning Xalqaro standartlashtirish tashkiloti standartlari bilan uyg'unlashuvini ta'minlashni taqozo etishi ahamiyatlidir. Shunga muvofiq Ekologiya, atrof muhitni muhofaza qilish va iqlim o'zgarishi vazirligi huzuridagi "Davlat ekologik sertifikatlashtirish va standartlashtirish markazi mas'ulligida, kelajakda amaldagi standartlarni ISO va XEK xalqaro standartlari bilan uyg'unlashtirish ishlarini amalga oshirish lozimligi belgilangan. Shuni alohida ta'kidlash kerakki, davlat unitar korxonasi ekologik sertifikatlashtirish yo'nalishida tadbirkorlik subyektlarini qo'llab-quvvatlash, ushbu sohada ochiqlik hamda shaffoflikni ta'minlash, korrupsiya holatlariga barham berish va bu borada mavjud xizmatlarni to'liq "Raqamli ekologiya" axborot platforma tizimi doirasida raqamlashtirishni tashkillashtirish, qolaversa, bu borada yangi xizmat turlarini joriy etish, shuningdek, ekologik tamg'alash (markirovka) tizimini amaliyotga joriy etish, ekologik menejment tizimini yo'lga qo'yish bo'yicha mutaxassislarni tayyorlash va boshqa ishlarni amalga oshirishi muhim ahamiyat kasb etadi.

Material va metodlar

Mazkur ilmiy-tadqiqotda O'zbekiston Respublikasi milliy standartlashtirish tizimi bo'yicha qonunchilik normalari, ayniqsa, ekologik standartlar yuzasidan mavjudlari hamda huquqshunos olimlarning ilmiy-nazariy qarashlaridan foydalanilgan holda qiyosiy-huquqiy tahlil, sintez, kuzatish, umumlashtirish, induksiya va deduksiya, statistik materiallarni o'rganish metodlari qo'llandi.

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

Tadqiqot natijalari

Ma’lumki mahsulot sifatiga oid har qanday ma’lumotlar, ya’ni uning asosiy texnik ko‘rsatkichlari, jumladan, xomashyo, materiallar, asbob-uskunalarga oid talablar standartlar bilan belgilanadi. Mamlakatimizda bozor iqtisodiyoti rivojlanayotgan hozirgi davrda standartlashtirish ishlab chiqarish sohasining unumli hamda samarali ishlashi uchun muhim texnikaviy, iqtisodiy va ijtimoiy ahamiyat kasb etuvchi asosiy vositalardan biri bo‘lib qolmoqda.

Shu asnoda, standart tushunchasi o‘zi nima? degan savolga javob topishimiz lozim. “Standart” inglizcha so‘zdan olingan bo‘lib, “namuna”, “me’yor” degan ma’nolarni anglatadi [2]. Shuning uchun ham standart mahsulotning ma’lum bir namunaga, etalonga yoki me’yorga to‘g‘ri va mos kelishini anglatadi. Qolaversa, standart – bu ko‘pchilik manfaatdor tomonlar kelishuvi asosida ishlab chiqilgan va ma’lum sohalarni eng maqbul darajada tartibga solishga yo‘naltirilgan, vakolatli davlat organi tomonidan tasdiqlangan umummajburiy qoidalar xususiyatiga ega bo‘lgan mahsulot va xizmatlarga qo‘yilgan talablarni o‘z ichiga olgan me’yoriy hujjatdir [3].

Ko‘pgina adabiyotlarda standart haqida turli talqinlar mavjudligining guvohi bo‘lishimiz mumkin, chunonchi mutaxassis olim V.M. Ogrizkovga ko‘ra standart normativ-texnik hujjat hisoblanib, standartlashtirish obyektiga nisbatan me’yorlar, qoida va talablar belgilaydi va vakolatli davlat organi tomonidan tasdiqlanadi.

Standart ilmiy-texnika yutuqlari asosida ishlab chiqilib, jamiyat uchun eng maqbul talablarni o‘z ichiga olishi lozim. Standartlar moddiy obyektlar (mahsulot, ashyo, modda va boshqalar)ga nisbatan ham tashkiliy-uslubiy hamda umumtexnik munosabatlarga nisbatan ham belgilanishi mumkin. Shuningdek, standartlashtirish orqali tegishli faoliyatining texnik reglamenti o‘rnatiladi. Standart va sifat bir-biri bilan ajralmas hisoblanadi. Standart ilg‘or ishlab chiqarish tajribasi hamda fan va texnika yutuqlarini o‘z ichiga qamrab olib, majburiy talab sifatida huquqiy normaga aylanadi. Shu bilan standart ishlab chiqarish bo‘yicha ijtimoiy munosabatlarni tartibga soladi [4].

Shuningdek, standartlashtirishning maqsadi umumiy va konkret maqsadlarga bo‘linib, umumiy maqsadlar ichida fuqarolarning hayoti va salomatligi, atrof tabiiy muhit hamda mol-mulkka nisbatan mahsulot, ishlar va xizmatlarning xavfsizligi muhim hisoblanadi [5].

Bundan tashqari, O‘zbekiston Respublikasi Ekologiya va atrof-muhitni muhofaza qilish davlat qo‘mitasi tomonidan nashr etilgan “O‘zbekcha-ruscha-inglizcha ekologik izohli lug‘at”ga asosan standart deganda o‘xshash obyektlarni taqqoslash (solishtirish) uchun qabul qilingan andozalar, etalonlar, modellar va me’yoriy-texnik hujjat tushuniladi. Shu bilan birga standartlashtirish deganda – konkret o‘zgaruvchan ko‘rsatkichlar va etalonlar o‘zgarishining yo‘l qo‘yilishi mumkin bo‘lgan oralig‘ini asoslash ham nazarda tutiladi [6].

Davlat organlarining standartlarni belgilash, ularga rioya etish ustidan nazoratni olib borish bo‘yicha faoliyati standartlashtirish deb nomlanadi. Shuni alohida ta’kidlash joizki, standartlashtirish bir tomondan muhandislik faoliyati sifatida e’tirof etilsa, ikkinchi tomondan qonun ijodkorligi yoxud huquq ijod qilish yuridik faoliyati sifatida ham tushuniladi.

Ushbu asnoda standartni quyidagicha tariflash lozim, ya’ni standart bu huquqiy ahamiyat kasb etuvchi normativ-texnik hujjat hisoblanib, uning obyektiga nisbatan eng maqbul qoida, shartlar va talablar belgilovchi andoza maxsus vakolatli davlat boshqaruv organi tomonidan tasdiqlanadi.

Shu asnoda standartni umummajburiy ahamiyatga ega bo‘lgan boshqa standartdan farqlash muhimdir, ya’ni standart bu huquqiy ahamiyatga ega bo‘lgan texnik ko‘rsatkich yoxud hujjat hisoblanib, ma’lum bir sohada qo‘llaniladi, jumladan, ekologik standartlarning belgilash tartibi va standartlarga qo‘yi-

ladigan asosiy talablar standart bilan emas, balki standart-huquqiy hujjat orqali amalga oshirilishi lozim.

Tadqiqot natijalari tahlili

Ma'lumki, atrof-tabiiy muhitni muhofaza qilish sohasida ham standartlashtirish o'ziga xos xususiyatlarga ega. Hozirgi sharoitda atrof-tabiiy muhitni muhofaza qilish, tabiiy resurslardan foydalanish muammosiga har tomonlama yondashuvni hisobga oluvchi standartlashtirish bo'yicha ilmiy metodologiya zarur. Shu sohadagi eng muhim metodologik masalalardan biri standartlashtirish obyektlarini tanlashdir. Obyektlarni to'g'ri tanlash tabiiy resurslardan foydalanish bo'yicha davlat standartlar tizimini yaratish hamda xalq xo'jaligida shu yo'nalishdagi ishlarni yagona metodologik asosda olib borilishiga imkoniyat yaratadi [7].

Darhaqiqat, ekologik standartlar tushunchasiga e'tibor qaratadigan bo'lsak, bu normativ-texnik hujjat hisoblanib, atrof-muhitni muhofaza qilish, tabiiy resurslardan oqilona foydalanishni ta'minlash bo'yicha kompleks choralar, talablar, qoida va me'yorlarni o'rnatadi. Shu bilan birga, ekologik standartlar tabiatni muhofaza qilish muammolari va tabiiy resurslardan foydalanishni yaxshilash, yer, yerosti boyliklari, tuproq va suvlarni muhofaza qilish va ulardan oqilona foydalanish, atmosferani himoya qilish, flora va faunani muhofaza qilish bo'yicha tashkiliy-metodik jihatdan mavjud muammolar sohasidagi munosabatlarni tartibga soladi.

Binobarin, ekologik standartlashtirish shunday faoliyatni anglatadiki, unda mahsulot sifati, xizmat va ishlarning raqobatbardoshligini oshirish sohasida ixtiyoriy ko'pmarotaba tarzda qo'llaniladigan ekologik qoida va talablarni o'rnatish bo'yicha faoliyat hamdir. Ekologik standart funksional belgilangan vazifasiga ko'ra uchta asosiy guruhga bo'linadi: birinchi, atrof muhitni muhofaza qilishga oid standartlar; ikkinchi, alohida har bir tabiiy obyekt turining muhofazasi uchun standart; uchinchi, mahsulot va ish (xizmat) larning inson hayoti va sog'ligi uchun ekologik jihatdan xavfsizligiga oid standart.

Shuni alohida ta'kidlash joizki, tabiatni muhofaza qilish sohasida standartlashtirish o'zining ma'lum bir qiyinchiligiga ega hamda buning oqibatida tabiiy resurslardan foydalanish muammosiga har tomonlama yondashuvni hisobga oluvchi standartlashtirishning ilmiy metodologiyasiga muhtoj. Yana bir muhim masalani alohida ta'kidlash joizki, ekologik standartlashtirishning tizimi uchta asosiy yo'nalishdan iborat. Chunonchi, birinchi yo'nalishdagi standartlar atrof tabiiy muhitga zararli ta'sir ko'rsatishning yo'l qo'yiladigan ekologik standartlarini belgilash tartibi va shartlarini o'z ichiga oladi. Ikkinchi yo'nalish esa atrof tabiiy muhitning muhofaza qilinishini tashkillashtirishga taalluqli talablarni belgilaydi. Uchinchi yo'nalishdagi standartlar esa atrof tabiiy muhit muhofazasiga taalluqli tushunchalarning yagona talablarini belgilaydi.

Ekologik standartlar ustuvor ravishda texnik qoidalarni belgilab, huquqiy akt xususiyatlariga ham ega bo'ladi, biroq ular qonunlar va qonunosti hujjatlaridan quyidagilar bilan farqlanadi. Birinchidan, davlat ekologik standartlari qonun hujjatlariga nisbatan yordamchi vazifani bajaradi. Ikkinchidan, ekologik standartlar ijtimoiy munosabatlarni tartibga solmaydi, ular atrof tabiiy muhitni, uning obyektlarini yoki mahsulotlarni ma'lum bir sifat ko'rsatkichlariga mos kelishi lozimligini belgilaydi. Uchinchidan, standartlashtirish bir xil xususiyatlarga ega bo'lishi lozim bo'lgan tipik obyektlar bo'yicha belgilanishi lozim. To'rtinchidan, butunlay atrof tabiiy muhit yoki uning obyekti ekologik standartlashtirilmaydi, balki ularning ma'lum bir xususiyatlari, funksiyalari standartlashtiriladi.

Qolaversa, standartlarda vaqti-vaqti bilan yillar davomida fan va texnikaning oxirgi yutuqlari, mahalliy hamda xorijiy tajribani hisobga olgan holda mavjud iste'moldan chiqqan (eski) ko'rsatkichlarni yangilab turish maqsadga muvofiqdir. Standartlar avvalo,

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

faqat mahsulotning xususiyatlari va undan foydalanish sifat ko‘rsatkichlarini aniqlash uchun zarur bo‘lgan talablarni belgilashi lozimdir.

Modomiki, ekologik standartlashtirish tegishli guruhlar bilan tasniflanishi muhim ekan, u quyidagi tarzda namoyon bo‘ladi: umumiy qoidalar, atamalar, tushunchalar, klassifikatsiyalar, tabiiy muhitning sifat ko‘rsatkichlari, ifloslantiruvchi moddalarni tashlashning parametrlari, tabiiy resurslardan foydalanishning jadalligi ko‘rsatkichlari, tabiatni muhofaza qilish va tabiiy resurslardan oqilona foydalanish qoidalari, tabiiy obyektlar holati parametrlarini aniqlash metod (uslub)lari va xo‘jalik faoliyati ta’sirining shiddatliligi, atrof-muhit holatini nazorat qilish va o‘lchash vositalariga nisbatan talablar, atrof-muhitni ifloslanishdan himoyalovchi uskuna, inshootlar va apparatlarga nisbatan qo‘yilgan turli talablar va boshqa standartlardan iboratdir.

Umuman, standartlar inson hayoti hamda sog‘ligi, inson genetik fondini hamda mol-mulki xavfsizligi talablarini ham o‘z ichiga olishi lozim deb hisoblaymiz. Chunonchi, radiatsiyaviy xavfsizlik, zararli yoxud zaharli kimyoviy ifloslantiruvchi moddalarni yo‘l qo‘yiladigan darajadagi miqdorda tashlash yoki chiqarish miqdorlarini, zararli biologik organizmlarni, insonlar sog‘ligini yomonlashuviga olib keluvchi turli mikrob va bakteriyalarning toksik jihatdan ta’sirini zararsiz darajada ta’minlash maqsadga muvofiqdir [8].

Bundan tashqari, ushbu soha olimlarining e’tiroficha, raqamlashtirishga oid o‘zgarishlar hozirgi hayotimizning barcha jabhalarini qamrab olmoqda, atrof-muhitni muhofaza qilish, tabiiy resurslardan foydalanish va ekologik xavfsizlikni ta’minlash sohasi ham bundan holi emas. Raqamli texnologiyalarning asosiy xususiyatlaridan biri ular jamiyat hayotining turli sohalarida “mufassal” hamda universal ekanligidir [9]. Ammo qo‘llanilayotgan raqamli texnologiyalar ekologik masalalarni hal etishning tayyor yechimlarini taklif qilmasdan, balki ular katta miqdordagi statistik axborotni qayta ishlashni jarayonini sezilarli darajada osonlashtiradi, qisqa muddatlarda uni chuqur va har tomonlama tahlil qilishni amalga oshiradi, umuman ma’lum bir sohada boshqaruvga oid faoliyatni sifat jihatidan o‘zgartiradi [10].

Shu bilan bir qatorda, ekologik standartlar o‘tgan asrlarda, sobiq Ittifoq hududida tegishlicha shakllana boshlangan, ya’ni bu borada ilk hujjat GOST 17.0.0.01-76. Tabiatni muhofaza qilish va tabiiy resurslardan foydalanishni yaxshilash sohasidagi standartlar tizimi. Asosiy qoidalar standarti 208 hisoblanib, mazkur standart esa, ushbu yo‘nalishdagi barcha standartlar uchun asos bo‘ladigan eng muhim hujjat sifatida namoyon bo‘lgan. Mazkur standartda, tabiatni muhofaza qilish degan ta’rif tabiiy resurslardan oqilona foydalanish, tabiiy boyliklarni saqlash va qayta tiklashni ta’minlovchi, inson bilan atrof tabiiy muhit o‘rtasidagi o‘zaro aloqadorlikni o‘rnatishga yo‘naltirilgan chora-tadbirlar tizimi ekanligi e’tirof etilgan. Qolaversa, mazkur standartlar tizimi o‘zida maxsus vakolatli organlar tomonidan qabul qilingan 80 ta davlat miqyosidagi hamda 50 ta sohalarga oid standartlardan iborat. Hozirga qadar ushbu standartlar o‘zining ahamiyatini yo‘qotgani yo‘q [11].

Qayd etish lozimki, standartlar insonning hayoti, sog‘ligi, genetik fondini va uning mol-mulki xavfsizligi talablarini o‘z ichiga olishi, jumladan, radiatsiyaviy xavfsizlikni, zararli va zaharli kimyoviy ifloslantiruvchi moddalarni yo‘l qo‘yiladigan darajadagi tashlash va chiqarish miqdorlarini, zararli biologik organizmlarni, inson kasalligiga olib keluvchi mikrob va bakteriyalarning toksik ta’sirini zararsiz darajada ta’minlashi lozim [9]. Mazkur standartda, tabiatni muhofaza qilish degan ta’rif tabiiy resurslardan oqilona foydalanish, tabiiy boyliklarni saqlash va qayta tiklashni ta’minlovchi, inson bilan atrof tabiiy muhit o‘rtasidagi o‘zaro aloqadorlikni

o‘rnatishga yo‘naltirilgan chora-tadbirlar tizimi ekanligi e’tirof etilgan [12].

Xullas, barcha standartlar inson hayoti, sog‘ligi, uning genetik fondini hamda mol-mulki xavfsizligi talablarini ham o‘z ichiga olishi lozim, chunonchi, radiatsiyaviy xavfsizlik, zararli yohud zaharli kimyoviy ifloslantiruvchi moddalarni yo‘l qo‘yiladigan darajadagi miqdorda tashlash yoki chiqarish miqdorlarini, zararli biologik organizmlarni, insonlar sog‘ligini yomonlashuviga olib keluvchi turli mikrob va bakteriyalarning toksik jihatdan ta’sirini zararsiz darajada ta’minlash maqsadga muvofiqdir [13; 14].

Bu borada T.V. Gashnikovaning e’tiroficha, ekologik me’yorlash tizimiga kiritilishi kerak bo‘lgan texnik jihatdan tartibga solish va standartlashtirish sohasidagi me’yorlarning yana bir toifasi ekologik xavfsizlikni ta’minlash hamda noqulay ekologik oqibatlarga olib keladigan tabiiy va texnogen xususiyatli favqulodda vaziyatlarni oldini olishga qaratilgan standartlar bo‘lib, ular ekologik jihatdan xavfli sanoat tarmoqlarini ishlashi uchun texnik talab hamda boshqa ekologik ahamiyatga ega tadbirlarni amalga oshirishni belgilaydigan profilaktik yo‘nalishdagi ekologik me’yorlardir [15]. D.I. Shakirovaning fikricha esa, tashqi o‘xshashlik xususiyatlariga qaramay ekologik me’yorlash hamda texnik tartibga solish, ular turli xil tartibga solish obyektlari mavjud bo‘lgan tartibga solinadigan ijtimoiy munosabatlarga nisbatan davlat ta’sirining ikkita alohida usulini ifoda etadi [16].

Qolaversa, O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2020-yil 5-oktyabrdagi PF-6079-son Farmoni bilan “Raqamli O‘zbekiston – 2030” strategiyasi tasdiqlangan bo‘lib, unga ko‘ra, ekologiya, atrof muhitni muhofaza qilish va chiqindilar bilan bog‘liq ishlarni amalga oshirish bo‘yicha “Ekofond” axborot tizimini joriy etish kabi ustuvor loyihalarni amalga oshirishni ko‘zda tutishi bilan bir qatorda standartlarni raqamlashtirish bo‘yicha “E-Standard” axborot tizimini joriy qilish umumiy dasturda mustahkamlandi. Bunda, ushbu sohada davlat standartlar fondining elektron bazasini yaratish hamda standartlar internet do‘konini ishga tushirish hamda ushbu tizimni elektron hukumat tizimlari va manfaatdor vazirlik hamda idoralar bilan integratsiya qilishni amalga oshirish lozimligi belgilab qo‘yildi.

Fikrimizcha, bu borada ekologik standartlashtirish tizimini mustahkam joriy etish hamda rivojlantirish zarur, qolaversa, bu borada “E-eco-standard” axborot tizimini keng joriy etish hamda ekologik me’yorlarni o‘zida aks ettirgan “E-eco-normativ” axborot tizimini joriy qilish maqsadga muvofiqdir. Pirovardida esa, ushbu sohadagi raqamlashtirishni yanada rivojlantirish, kelajakda biz uchun muhim bo‘lgan masalalarni ijobiy hal qilishda ko‘mak beradi. Chunonchi, ushbu sohada barcha ma’lumotlarni to‘plash, tabiatga zararli ta’sir qiluvchi obyektlar hisobini yuritishda, ekologik me’yor doirasida chiqariladigan ifloslantiruvchi moddalarning holati, bunday zararli ta’sir uchun to‘lovlarni undirish mexanizmini yanada takomillashtirishda, hattoki davlat ekologik nazoratini amalga oshirish mexanizmining rivojida muhim omil bo‘lib xizmat qiladi. O‘z navbatida, manfaatdor bo‘lgan hamda jamoat ekologik nazoratini amalga oshirayotgan turli subyektlarning ushbu ma’lumotlardan foydalanish imkoniyatini yaratadi.

Xulosalar

Xulosa qilib shuni alohida qayd etish lozimki, aslida, standartlarni belgilashda mahsulot va xizmatlar, ishlar (ishlab chiqarish jarayonlari)ning atrof tabiiy muhitni muhofaza qilish, ekologik tizimlar, shu jumladan, suv havzalari, atmosfera havosi, tuproq, hayvonot va o‘simlik dunyosining qayta tiklanishini ta’minlash maqsadida quyidagi talablar ko‘zda tutilishi lozim.

Birinchidan – ishlab chiqarilishi, muomalada bo‘lishi, iste’mol qilinishi yoki utilizatsiya qilinishida mahsulot iste’moli, xizmatlar ko‘rsatish, ishlab chiqarish jarayonlarida tabiiy ekologik tizimlariga fizikaviy xavfsiz-

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

lik darajasini ta’minlash va fizikaviy ta’sir (tebranish, elektromagnit, radiatsiyaviy) ni va kimyoviy (zararli kimyoviy va zaharli moddalarni yoki ular tarkibiga kiruvchi ifloslantiruvchi komponentlarni tashlash yoki chiqarish) ta’sirni oldini olish.

Ikkinchidan – ishlab chiqarish, muomalada bo‘lishi, iste’mol qilinish yoki utilizatsiya qilish (ko‘mib tashlash yoki yo‘q qilish)da mahsulot, xizmatlar ko‘rsatish, ishlab chiqarish jarayonlarida tabiiy ekologik tizimlarini biologik xavfsizligini, ya’ni biologik ta’sir ko‘rsatishni (biologik organizmlar, shu jumladan, mikroblar, bakteriyalar, viruslarni tashlash, chiqarish)ni yo‘l qo‘yiladigan darajasidan oshib ketmasligini ta’minlash va boshqalar.

Uchinchidan – ekologik standartlarning ekologik munosabatlarni tartibga soluvchi qonun hujjatlari bilan birligi va atrof tabiiy muhitni muhofaza qilish hamda tabiiy resurslardan oqilona foydalanishni tartibga solishning elementi sifatida yoritish va b.

Shu asnoda yana bir muhim masala shundan iboratki, O‘zbekiston Respublikasining “Tabiatni muhofaza qilish to‘g‘risida” gi Qonuniga ekologik standartlashtirishning mazmun mohiyatini ochib beruvchi hamda ushbu sohadagi ijtimoiy munosabatlarni huquqiy jihatdan tartibga soluvchi alohida bir norma, ya’ni ekologik standart va ekologik standartlashtirish to‘g‘risida alohida modda kiritilishi maqsadga muvofiqdir. Chunki ekologiya sohasida yagona bir tizimga keltirilgan, asosiy ekologik qonun hisoblangan ushbu qonun tabiat bilan jamiyat o‘rtasida vujudga keladigan barcha ijtimoiy munosabatlarni tartibga soluvchi yagona qonun sifatida e’tirof etilgan. Ushbu qonunda mazkur moddalarning aks ettirilishi kelajakda ekologik standartlashtirishga oid vujudga kelgan har qanday masala yohud muammoni hal etishi lozim bo‘ladi. Bu esa qonunchiligimizdagi ba’zan uchrab turadigan kollizion normalarning bartaraf etilishiga ijobiy ta’sir ko‘rsatilishiga sabab bo‘ladi.

REFERENCES

1. "Xalq so‘zi", January 16, 2017, No. 11 (6705.)
2. Buriyev X., Rizayev R. Osnovy standartizatsii, metrologii i sertifikatsii sel'skokhozyaystvennoy produktsii [Fundamentals of standardization, metrology and certification of agricultural products]. Tashkent, Mekhnat Publ., 1999, p. 152.
3. Ismatullayev P.R., Maksudov A.N. Metrologiya, standartlashtirish va sertifikatlashtirish [Metrology, standardization and certification]. Tashkent, O‘zbekiston Publ., 2001.
4. Ogryzkov V.M. Standart. Kachestvo. Zakon [Standard. Quality. Law]. Moscow, Yurid. lit-ra Publ., 1998.
5. Krylova G.D. Osnovy standartizatsii, sertifikatsii, metrologii [Fundamentals of standardization, certification, metrology]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2000.
6. Alixonov B., Samoylov S., Ibragimov R. O‘zbekcha-ruscha-inglizcha ekologik izohli lug‘at [Uzbek-Russian-English ecological explanatory dictionary]. Tashkent, Chinor ENK Publ., 2004, p. 304.
7. Ruetskaya S.S., Pivovarova T.M., Moiseeva M.N. Ob''ekty standartizatsii v oblasti okhrani pochv, zemel', landshaftov. Nauchnye aspekty standartizatsii v oblasti okhrani prirody i ratsional'nogo ispol'zovaniya pochv, zemel, landshaftov [Objects of standardization in the field of conservation of land, land, and tracts of land. Scientific aspects of standardization in the field of conservation of land and rational use of land, land, and tracts of land]. Moscow, *Scientific works of the Institute of Standardizationi*. 1998, p. 76.

8. Shvandar V.A., Panov V.P., Kupryakov Ye.M. Standartizatsiya i upravlenie kachestvennoy produktsiyy [Standardization and quality management of products]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 1999, p. 487.

9. Vlasenko V.N., Shirobokov A.S. Tsifrovizatsiya gosudarstvennogo ekologicheskogo upravleniya: pravovye aspekty [Digitalization of state environmental management: legal aspects]. *RUDN Journal of Law,* 2021, vol. 25, no. 2, pp. 601–619.

10. Sukhova Ye.A., Abanina E.N. Pravovye problemy tsifrovoy transformatsi sistemy upravleniya prirodopolzovaniem kak mexanizma obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti [Legal issues of digital transformation of the environmental management system as a mechanism for ensuring environmental safety]. *Russian Justice*, 2020, no. 8, pp. 17–20.

11. Ratner S.V., Almastyan N.A. Ekologicheskiy menedzhment v Rossiyskoy Federatsii: problemy perspektivy razvitiya [Environmental management in the Russian Federation: problems and development prospects]. *National Interests: Priorities and Security,* 2014, no. 17.

12. Khaustov A.P., Redina M.M. Normirovanie antropogennykh vozdeystviy i otsenki prirodoyemkosti territoriy [Standardization of anthropogenic impacts and assessment of the territory's natural capacity]. Moscow, RUDN Publ., 2008, p. 282.

13. Brinchuk M.M. Normirovanie kachestva okruzhayushchey sredy kak faktor kachestva zhizni [Standardization of environmental quality as a factor in quality of life]. *Environmental Protection and Quality of Life: Legal Aspects*, 2011, no. 2011.

14. Rajabov N.Sh. Ekologik standartlashtirishni huquqiy tartibga solishning ayrim masalalari xususida [On some issues of legal regulation of ecological standardization]. *Newsletter of the Berdaq Karakalpak State University*, 2017, vol. 3, no. 36, pp. 112–114.

15. Gashnikova T.V. Tekhnicheskie normativnye pravovye akty kak istochniki ekologicheskikh normativov [Technical regulatory legal acts as sources of environmental standards]. *Right.by*, 2019, vol. 4 (60), pp. 51–56.

16. Shakirova D.I. Tekhnicheskoe regulirovanie i ekologicheskoe normirovanie: sravnitel'nyy analiz [Technical regulation and environmental standards: a comparative analysis]. *Standards and Quality*, 2015, no. 8.

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

Kelib tushgan / Получено / Received: 19.08.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 10.09.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 26.09.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.3./RMTO4988
UDC: 343.988(045)(575.1)

KUCHLI RUHIY HAYAJONLANISH HOLATIDA QASDDAN ODAM O‘LDIRGAN SHAXSGA JAZO TAYINLASHDA JABRLANUVCHI XULQ-ATVORINING E’TIBORGA OLINISHI

Niyozova Salomat Saparovna,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Jinoyat huquqi, kriminologiya va korrupsiyaga
qarshi kurashish kafedrasi professori,
yuridik fanlar doktori
ORCID: 0000-0003-3970-2985
e-mail: salomat.niyozova@mail.ru

Annotatsiya. *Mazkur maqolada kuchli ruhiy hayajonlanish holatida qasddan odam o‘ldirgan shaxsga jazo tayinlashda jabrlanuvchi xulq-atvorining e’tiborga olinishiga doir masalalar bayon etilgan. Shuningdek, maqolada aybdorning kuchli ruhiy hayajonlanishiga asosiy sabab jabrlanuvchining g‘ayriqonuniy harakati ekanligi, shuning uchun qonunda to‘satdan paydo bo‘ladigan ruhiy hayajonlanish jazoni yengillashtiruvchi holat sifatida belgilanishi tahlil etilgan. Kuchli ruhiy hayajonlanish holatida sodir etiladigan qasddan odam o‘ldirish jinoyatining obyektiv tomoni tahlil etilib, unda qasddan odam o‘ldirish jabrlanuvchining zo‘rlik ishlatishiga javoban kelib chiqqanligi; jabrlanuvchi tomonidan og‘ir haqoratlash (inson qadr-qimmatini toptash, uni jinoyat yoki axloqqa qarshi harakat qilganlikda ayblash, dini va millatini haqoratlash); jabrlanuvchining qonunga xilof boshqa harakat-harakatsizligiga (o‘z burchini bajarishdan bo‘yin tovlash kabilar) e’tibor qaratish lozimligi ta’kidlab o‘tilgan. Bundan tashqari, jinoyat sodir etilganda jabrlanuvchining salbiy harakatlari jinoyatni kvalifikatsiya qilishda ayblanuvchining foydasiga yengilliklar berishi haqida ham so‘z yuritiladi. Unda jabrlanuvchining shaxsi, turmush sharoiti va jinoyat olamida tutgan o‘rnini aniqlash jinoyat obyektining mohiyati va aniqligini ko‘rsatishda ham muhim omillardan biri hisoblanib, jazo tayinlashda bular ham e’tiborga olinishi kerakligi ta’kidlanadi.*

Kalit so‘zlari: *affekt, jazo, jabrlanuvchi, javobgarlik, jinoyat, jinoyat sodir etgan shaxs, jazo tayinlash, xulq-atvor, e’tiborga olish, yengillashtiruvchi holat*

УЧЁТ ПОВЕДЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЛИЦУ ЗА СОВЕРШЁННОЕ В СОСТОЯНИИ СИЛЬНОГО ДУШЕВНОГО ВОЛНЕНИЯ УМЫШЛЕННОЕ УБИЙСТВО

Ниёзова Саломат Сапаровна,
доктор юридических наук, профессор кафедры
«Уголовное право, криминология и борьба с коррупцией»
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. *В данной статье рассмотрены вопросы, связанные с учётом поведения потерпевшего при назначении наказания лицу, умышленно лишившему жизни человека в состоянии сильного душевного волнения. Особое внимание уделено тому, что основной причиной возникновения у виновного состояния сильного душевного волнения зачастую выступают противоправные действия потерпевшего, в связи с чем в законодательстве внезапно возникшее душевное волнение рассматривается как обстоятельство, смягчающее наказание. Анализируется объективная сторона преступления, заключающегося в умышленном лишении жизни в состоянии сильного душевного волнения, где убийство совершается в ответ на насилие со стороны потерпевшего; на тяжкое оскорбление (унижение человеческого достоинства, обвинение в совершении преступления или аморального поступка, оскорбление религии или национальной принадлежности); на иные противоправные действия или бездействие потерпевшего (уклонение от выполнения обязанностей и др.). Кроме того, подчёркивается, что негативные действия потерпевшего при совершении преступления могут повлечь квалификацию содеянного с предоставлением смягчающих условий в пользу обвиняемого. Отдельно акцентируется внимание на том, что при определении сущности и характера объекта преступления важным является учёт личности потерпевшего, его образа жизни и положения в криминальной среде, что также должно приниматься во внимание при назначении наказания.*

Ключевые слова: *аффект, наказание, потерпевший, ответственность, преступление, совершившее преступление лицо, назначение наказания, поведение, учёт, смягчающее обстоятельство*

CONSIDERATION OF THE VICTIM'S BEHAVIOR WHEN SENTENCING A PERSON WHO COMMITS INTENTIONAL HOMICIDE IN A STATE OF INTENSE EMOTIONAL EXCITEMENT

Niyozova Salomat Saparovna,
Professor of the Department of Criminal Law,
Criminology and Anti-Corruption,
Tashkent State University of Law,
Doctor of Science in Law

Abstract. *This article examines issues related to the consideration of the victim's behavior when sentencing a person who has intentionally killed a person in a state of strong emotional distress. Special attention is paid to the fact that the main reason for the occurrence of a state of strong emotional distress in the guilty party is often the unlawful actions of the victim, in connection with which, in the legislation, sudden emotional distress is considered as a circumstance mitigating punishment. The objective side of the crime of intentional homicide in a state of strong emotional distress is analyzed, where murder is committed in response to violence by the victim; grievous insult (defamation of human dignity, accusation of committing a crime or immoral act, insulting religion or national affiliation); other unlawful actions or inaction of the victim (evading duties, etc.). In addition, it is emphasized that the negative actions of the victim in the commission of a crime can lead to the qualification of the act with the provision of mitigating conditions in favor of the accused. Special attention is paid to the fact that when determining the essence and nature of the object of a crime, it is important to take into account the personality of the victim, their lifestyle, and their position in the criminal environment, which should also be taken into account when imposing punishment.*

Keywords: *affect, punishment, victim, liability, crime, perpetrator, sentencing, behavior, consideration, mitigating circumstances*

Kirish

Respublikamizda jinoiy javobgarlikni liberallashtirish, qilmishga munosib adolatli jazo tayinlash, jinoyat qonunchiligini xalqaro standartlarga muvofiqlashtirishga qaratilgan tizimli ishlar amalga oshirilmoqda. Jumladan, fuqarolarning huquq va erkinliklari, jamiyat va davlat manfaatlarini samarali himoya qilishga to‘sqinlik qiladigan huquqiy bo‘shliqlar va qarama-qarshiliklarni bartaraf etish hamda Jinoyat kodeksida qo‘llanadigan atama va tushunchalar mazmuniga aniq ta’rif berish hamda yagona shaklda qo‘llash orqali takomillashtirish bo‘yicha qator chora-tadbirlar amalga oshirildi. Shu nuqtayi nazardan, “Jinoyat, jinoyat-protsessual va jinoyat ijroiya qonunchiligini takomillashtirish siyosatini izchil davom ettirish, jinoiy jazolar va ularni ijro etish tizimiga insonparvarlik tamoyilini keng joriy etish” qonun ustuvorligi va konstitutsiyaviy qonuniylikni ta’minlash hamda inson qadri ushbu jarayonning bosh mezoni sifatida belgilanib, ushbu sohani tadqiq etish muhim ahamiyat kasb etmoqda.

O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2022-yil 28-yanvardagi “2022–2026-yillarga mo‘ljallangan Yangi O‘zbekistonning taraqqiyot strategiyasi to‘g‘risida”gi PF-60-son Farmonidan kelib chiqib, “Yangi O‘zbekistonning 2022–2026-yillarga mo‘ljallangan taraqqiyot strategiyasining 16-maqsadi jamoat xavfsizligini ta’minlash, huquqbuzarliklarning sodir etilishiga sabab bo‘lgan shart-sharoitlarni o‘z vaqtida aniqlash va bartaraf etishning samarali tizimini yaratishdan iborat bo‘lib, bu ham o‘z navbatida kuchli ruhiy hayajonlanish orqasidan qasddan odam o‘ldirganlik uchun javobgarlik masalasining nazariy-huquqiy va amaliy jihatlarini o‘rganishni taqozo etadi.

Darhaqiqat, insonning yashash huquqi nafaqat xalqaro hujjatlar bilan, balki milliy qonunlarimiz bilan ham kafolatlanadi. Xususan, O‘zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi 25-moddasiga ko‘ra, yashash huquqi har bir insonning ajralmas huquqidir va u qonun bilan muhofaza qilinadi. Inson hayotiga suiqasd qilish eng og‘ir jinoyatdir. Bundan ko‘rinib turibdiki, O‘zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasida inson omili, uning shaxsiy huquq va erkinliklari belgilangan. Ana shunday shaxsiy huquqlardan biri insonning yashash huquqidir. Insonning hayoti va sog‘lig‘i shaxsning bebaho boyligi hisoblanadi va uni yashash huquqidan mahrum etish shaxs uchun fojia hisoblanadi. Inson hayot ne’matlaridan bahramand bo‘lib yashashga intiladi, hayotdan mahrum qilingan shaxsning, insonning o‘rnini esa hech narsa bilan to‘ldirib bo‘lmaydi.

Shaxsning yashash huquqi birinchi navbatda hal qilinadigan muammodir. Jinoyatchi esa shaxsni mana shu asosiy huquqidan mahrum etadi. Shu yo‘l bilan odam o‘ldirish qasddan qonunga xilof ravishda boshqa kishini hayotdan mahrum qilishdir. Ammo yaqin o‘n yilliklar ichida jinoyatchilik tuzilishida sifat o‘zgarishlari kuzatilmoqdaki, bu, o‘z navbatida, kuchli ruhiy hayajonlanish orqasidan qasddan odam o‘ldirish holatlari bilan ham bog‘liqdir.

Material va metodlar

Tadqiqotda kuchli ruhiy hayajonlanish holatida qasddan odam o‘ldirgan shaxsga jazo tayinlashda jabrlanuvchi xulq-atvorining e’tiborga olinishi masalasi bo‘yicha qonunchilik normalari va huquqshunos olimlarning ilmiy-nazariy qarashlaridan foydalanildi hamda qiyosiy-huquqiy usul, tahlil, sintez, kuzatish, umumlashtirish, induksiya va deduksiya metodlari qo‘llandi. Shuningdek, tadqiqot davomida rasmiy elektron manbalar hamda olimlarning ilmiy maqola va ishlaridan foydalanildi. Bundan tashqari, maqolada kuchli ruhiy hayajonlanish holatida qasddan odam o‘ldirgan shaxsga jazo tayinlashda jabrlanuvchi xulq-atvorining e’tiborga olinishi masalasi bo‘yicha huquqni muhofaza qiluvchi organ xodimlari va aholi o‘rtasida o‘tkazilgan ijtimoiy so‘rovlar va sud hukmlari natijasi ham tahlil etildi.

Tadqiqot natijalari

Bugun sudda jazo tayinlash jarayonida jabrlanuvchi xulq-atvorini e’tiborga olish

ham muhim ahamiyatga ega. Chunki kuchli ruhiy hayajonlanish holatida qasddan odam o‘ldirgan shaxsning harakatlarida ko‘p holatlarda jabrlanuvchi xulq-atvori muhim rol o‘ynaydi. Kuchli ruhiy hayajonlanish (affekt) holatida qasddan odam o‘ldirish holatlari jabrlanuvchining zo‘rlik ishlatishi orqali kelib chiqqanligi; jabrlanuvchi tomonidan og‘ir haqoratlash; jabrlanuvchining qonunga xilof boshqa harakati yoki harakatsizligi hamda yaqinlarining huquqlari va qonuniy manfaatlari qo‘pol tarzda buzilishi kabilardan kelib chiqadi. Ammo sud amaliyotida jabrlanuvchining bunday harakatlari har doim ham e’tiborga olinavermay, jazo tayinlanishida insonparvarlik tamoyili buzilishiga olib keladi.

Kuchli ruhiy hayajonlanish holatida qasddan odam o‘ldirgan shaxsning harakatlari jazo tayinlashda e’tiborga olinishi masalasi bunday jinoyatlarning oldini olish uchun o‘ziga xos yechimini kutayotgan muammoga aylanib bormoqdaki, mazkur maqola ham ana shu muammoning ilmiy-nazariy jihatdan oldini olishga va amaliy jihatdan jazo tayinlash masalalarini hal etishga qaratilgan. Ushbu muammolarni o‘rganishdan maqsad:

o‘rganilayotgan muammoning asosi bo‘lgan, kuchli ruhiy hayajonlanish (affekt) holatida qasddan odam o‘ldirish jinoyati tushunchasining mohiyatini ochib berish va tahlil qilish;

muammoni hal etishning muhim nazariy-amaliy usuli sifatida kuchli ruhiy hayajonlanish holatida qasddan odam o‘ldirishga qarshi kurashishni tashkil etish va uni kompleks tarzda o‘rganish, uni takomillashtirishga qaratilgan taklif va tavsiyalar ishlab chiqish;

jinoyat huquqiy normalarning kuchli ruhiy hayajonlanish holatida qasddan odam o‘ldirish jinoyati uchun javobgarlik belgilangan turli yuridik normalar tizimidagi o‘rnini o‘rganish;

kuchli ruhiy hayajonlanish holatida qasddan odam o‘ldirish uchun nazarda tutilgan jinoiy javobgarlikni takomillashtirishning nazariy va amaliy masalalarini tahlil qilish hamda kuchli ruhiy hayajonlanish holatiga ta’sir etuvchi asosiy omillarni aniqlash;

kuchli ruhiy hayajonlanish holatida qasddan odam o‘ldirish jinoyatining oldini olishga qaratilgan chora-tadbirlar tizimini ishlab chiqish;

ushbu jinoyat uchun jazo tayinlash bilan bog‘liq muammolarni hal etish va Jinoyat kodeksini takomillashtirish bo‘yicha amaliy taklif va tavsiyalar ishlab chiqarishdan iboratdir.

Shuningdek, kuchli ruhiy hayajonlanish holatida qasddan odam o‘ldirish (JKning 98-moddasi) ikki yoki undan ortiq shaxsga nisbatan sodir etilishi holatlarida sud jazo tayinlashda bir qancha muammolarga duch kelishi e’tiborga olinib, bunday muammoning yechimi sifatida ushbu moddaning ikkinchi qismini “ikki yoki undan ortiq shaxsni kuchli ruhiy hayajonlanish natijasida qasddan o‘ldirish” degan og‘irlashtiruvchi norma bilan ham to‘ldirish nazarda tutildi.

Bundan tashqari, jabrlanuvchining xulq-atvori natijasida zaruriy mudofaa chegarasidan chetga chiqish holatida qasddan odam o‘ldirish, qattiq ruhiy hayajonlanish holatida sodir etiladigan jinoyatlarga o‘xshash umumiy tomonlar mavjudligi e’tiborga olindi va tahlil etildi. Jumladan, bu o‘xshashliklar, qonunga ko‘ra, odatdagi qasddan qilinadigan tajovuzlarga nisbatan ularning har ikkalasiga yengilroq jazo berilishi hamda ikkala holatda ham yetkaziladigan zarar jabrlanuvchining huquqqa zid harakati oqibatida vujudga kelishidir. Ikkala holatda ham jinoyat tajovuz qaratilgan shaxs tomonidan emas, balki bunday tajovuz guvohlari tomonidan ham sodir etilishi e’tiborga olinadi. Shu bilan bir qatorda, ikkala jinoyatda ham jabrlanuvchi harakati bilan unga yetkaziladigan zarar o‘rtasida farq yo‘qligi va kutilmagan holatda vujudga kelishi xarakterlanib, sudda jazo tayinlashda bular e’tiborga olinishi kerak.

Yana bir muammo, O‘zbekiston Respublikasi Oliy Sudi Plenumining 2004-yil 24-sentabrdagi “Qasddan odam o‘ldirishga oid ishlar bo‘yicha sud amaliyoti to‘g‘risida”gi

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

13-sonli qarorida mazkur harakatlar yuzasidan tushuntirishlar berilmagani ham sudda jazo tayinlashda turli tushunmovchiliklarga sabab bo‘lishi mumkin.

Shulardan kelib chiqib muammoning yechimi sifatida mazkur Plenum qarorida kuchli ruhiy hayajonlanish holatida qasddan odam o‘ldirish bilan bog‘liq harakatlar yuzasidan tushuntirishlar berilishi lozim. Xususan, O‘zbekiston Respublikasi jinoyat qonunlarining insonparvarligi va adolatliligi shundaki, shaxsga jazo tayinlash vaqtida sodir etiladigan jinoyatning xususiyati va ijtimoiy xavflilik darajasi, qilmishning sababi, yetkazilgan zararning xususiyati va miqdori, aybdorning shaxsini hamda jazoni og‘irlashtiruvchi va yengillashtiruvchi holatlari hisobga olinadi.

Tadqiqot natijalari tahlili

Ma’lumki, aybdorga jazo tayinlash va viktimlikning oldini olishda uning xulq-atvori muhim ahamiyatga ega, bu ayniqsa, kuchli ruhiy hayajonlanish holatida qasddan odam o‘ldirish, tan jarohati yetkazish, nomusga tegish, zaruriy mudofaa va oxirgi zaruratda o‘z ifodasini topadi. Aybdorning kuchli ruhiy hayajonlanishiga asosiy sabab jabrlanuvchining g‘ayriqonuniy harakatidir. Shuning uchun qonunda to‘satdan paydo bo‘ladigan ruhiy hayajonlanish jazoni yengillashtiruvchi holat sifatida belgilangan. Kuchli ruhiy hayajonlanish holatini (affektni) baholash uchun uning vujudga kelganligini aniqlash lozim. Ammo o‘z-o‘zidan kuchli ruhiy hayajonlanish javobgarlikni yengillashtiruvchi holat sifatida baholanmasligi kerak. “U quyidagi shartlar mavjud bo‘lgandagina yengillashtiruvchi holat sifatida baholanishi mumkin: 1) kuchli ruhiy hayajonlanish va jinoyat sodir etishga qaratilgan qasdning to‘satdan paydo bo‘lishi; 2) ularning jabrlanuvchi tomonidan zo‘rlik yoki haqorat qilish yo‘li bilan vujudga kelishi” [1].

Jinoyat huquqi nazariyasida kuchli ruhiy hayajonlanishning o‘zi emas, balki jabrlanuvchining huquqqa xilof harakatlari tufayli vujudga kelganligi jazoni yengillashtiruvchi holat hisoblanib, O‘zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksi 98-moddasining qo‘llanishiga muhim asos jabrlanuvchining g‘ayriqonuniy xatti-harakatiga javoban affektning paydo bo‘lishidir, degan qarash mavjud.

Shuningdek, “jabrlanuvchining qonunga xilof harakati jinoyat huquqiy mazmunga ega bo‘lib, sud amaliyotida jabrlanuvchining g‘ayriqonuniy xatti-harakatlari har doim ham affekt holati deb topilavermaydi. Ammo bu harakatlarga jinoyat huquqi va sud amaliyotida o‘z-o‘zidan yengillashtiruvchi holat sifatida qaraladi” [2]. Ko‘pincha kuchli ruhiy hayajonlanishning vujudga kelishi jabrlanuvchining g‘ayriqonuniy xatti-harakatiga javob sifatida vujudga kelib, obyektiv mezon sifatida qaraladi [3]. Kuchli ruhiy hayajonlanish holatini (affektni) baholash uchun uning kechirimli sabablarga ko‘ra vujudga kelganini aniqlash lozim. Ammo shuni alohida ta’kidlash lozimki, o‘z-o‘zidan kuchli ruhiy hayajonlanish javobgarlikni yengillashtiruvchi holat sifatida baholanmasligi kerak. O‘zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksi 98-moddasining qo‘llanishiga muhim asos jabrlanuvchining g‘ayriqonuniy xatti-harakatiga javoban affektning paydo bo‘lishidir. Ko‘pincha kuchli ruhiy hayajonlanishning vujudga kelishi jabrlanuvchining g‘ayriqonuniy xatti-harakatiga javob sifatida vujudga keladi.

Inson ongida reallik va u haqidagi tushunchalar muvozanatda bo‘ladi. Agar ular o‘rtasida uzilish ro‘y bersa, insonda bunga o‘zining munosabati sifatida ma’lum bir psixologik jarayon boshlanadi. Bu jarayon mana shu munosabatni buzgan kishiga nisbatan qaratilgan bo‘ladi. “Odam o‘ldirish obyekti, inson hayoti hisoblanadi. Jabrlanuvchining o‘ldirilishi orqali shaxs nafaqat jabrlanuvchiga, balki davlat tomonidan insonlar orasida o‘rnatilgan munosabatlarga zarar yetkazadi. Insonni hayotdan mahrum qilish mumkin emas, bunday holatlar qonun bilan qo‘riqlanadi” [4].

Kuchli ruhiy hayajonlanish holatida sodir etiladigan qasddan odam o‘ldirish jinoyati-

ning obyektiv tomonini tahlil qilishda quyidagilarga e'tibor qaratish lozim:

a) qasddan odam o'ldirishning jabrlanuvchining zo'rlik ishlatishi orqali kelib chiqqanligi;

b) jabrlanuvchi tomonidan og'ir haqoratlash (inson qadr-qimmatini toptash, uni jinoyat yoki axloqqa qarshi harakat qilganlikda ayblash, dini va millatini haqoratlash);

d) jabrlanuvchining qonunga xilof boshqa harakat-harakatsizligi (o'z burchini bajarishdan bo'yin tovlash va hokazolar).

yaqinlarining huquq va qonuniy manfaatlari qo'pol tarzda buzilishi (masalan, tuhmat, beboshlik yoki beboshlikka olib borish molmulkni yo'q qilishi va hokazo) mumkin.

Inson hayotiga qarshi jinoyatning obyektiv tomoni belgilarini aniqlash, ularni kvalifikatsiya qilish jinoyat mazmunini aniqlashning eng muhim belgisi hisoblanadi. Obyektiv belgilar va shaxsning harakatlari orqali uning maqsadi hamda jinoyatning motiviga baho berish mumkin. "Ma'lum bir harakatni sodir etish orqali jinoyat subyektining jinoiy irodasi paydo bo'ladi" [5]. D.A. Kurinov jinoyatning obyektiv tomonini jinoiy qilmishning mag'zi deb ataydi: "Shuni ham ta'kidlab o'tish lozimki, jinoyatning ijtimoiy xavfliligi, uning tashqi tomonidan yaqqol ko'rinadi" [6].

Affekt holatidagi to'qnashuvning janjal yoki urushning "boshlovchi"si rolini jabrlanuvchi o'ynaydi. Uning huquqqa qarshi xulqini jinoyat sodir qilish uchun vaziyat tug'diradi, aybdorning sha'ni va qadr-qimmati tajovuzga qarshi harakatga undaydi, oxir-oqibatda bu jinoyat xavfliligi va aybdor sodir etgan qilmishning darajasiga ta'sir etadi.

Jinoyatning tarkibi, uning jamiyat uchun xavfliligida ifodalanadi. Shuning uchun bu borada A.A. Pentkovskiyning fikrlari to'g'riroqdir: "Agar sodir etilgan qilmish jamiyat yoki davlat tuzimi uchun xavfli bo'lmasa, shaxsning qilmishida jinoyat tarkibi mavjud bo'lmaydi, qilmishning ijtimoiy xavfliligi jinoyat tarkibining muhim belgisidir" [7]. Huquqshunos A.S. Yakubov ham xuddi shunday fikrni bildiradi: "Har bir jinoyat o'zining obyektiv tomoni bilan qilmish (harakat yoki harakatsizlik) jinoyat tarkibining muhim belgisi hisoblanadi, chunki uning bo'lmasligi jinoyat tarkibini yo'q deb hisoblaydi" [8].

Shunisi qiziqki, qonunda og'ir haqoratlash deganda nima nazarda tutiladi va u O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksi 140-moddasida nazarda tutilgan haqoratlash tushunchasiga mos keladimi degan savolga bir xil javob mavjud emas. Rossiyalik huquqshunos olimlar, jumladan, V.I. Tkachenko: "Bu tushunchalar isbot talab qilmaydi, og'ir haqoratlashga nisbatan moddadagi haqoratlash o'zida jinoyat tarkibi belgilarini mujassam qilgan va JKning ma'lum moddasida ko'rsatilgan haqoratlashdir" [9], – deb ta'kidlaydi.

N.F. Kuznetsov esa: "Bu moddaga to'g'ri keladigan haqoratlashning hammasi ham og'ir haqorat hisoblanmaydi, ya'ni haqoratlash "affekt" tushunchasi sifatida torroq tushunchadir. Og'ir haqoratlash, ya'ni jinoyat sodir qilishda ayblash, ayolning sha'nini haqoratlash va boshqalar ham haqorat qilishga kiradi" [10], – deb ta'kidlaydi. Bizning fikrimizcha, ushbu fikr unchalik to'g'ri emas, chunki og'ir haqoratlash haqida so'z borganda, nafaqat uning obyektiv tomonlariga, balki uning shaxsga qanday ta'sir etishi hisobga olinishi lozim. Bunday ta'sir darajasi esa obyektiv tomondan shaxsning aniq aytgan so'ziga bog'liq bo'ladi. Shunga ko'ra, birinchi xulosa: jinoiy javobgarlikni keltirib chiqaradigan haqoratlashning hammasi ham affekt holatini keltirib chiqarmaydi; ikkinchi xulosa: affekt holatini oddiy haqoratlash ham keltirib chiqarishi mumkin.

O'zbekiston Respublikasi jinoyat kodeksi 140-moddasida ko'rsatilgan haqoratlash bo'lishi uchun albatta inson qadr-qimmati va sha'nini toptashning axloqqa qarshi shakli bo'lishi kerak. Lekin axloqiy shakldagi inson sha'niga aytilgan so'zi yoki qilingan xatti-harakatlari ham affekt holatini keltirib chi-

qaradi. Bu borada sud amaliyotiga murojaat qilamiz.

2021-yil 25-iyunda Sh. kuchli ruhiy hayajonlanish oqibatida stol ustida turgan issiq choyni erining yuziga sepib yuboradi. Va o‘sha yerda turgan osh pichoqni olib, uning ko‘krak qafasiga bir necha marotaba uradi. Buning natijasida uning yuzi 2–3-darajali kuyib, 2018-yil 11-iyulda kasalxonada vafot etadi. Sh. tergov jarayoni va sud zalida quyidagilarni ko‘rsatadi. U 2018-yil 20-iyundan xotini unga xiyonat qilayotganligidan shubhalanib, uning orqasidan poylay boshlaydi. Uning shubhalari asossiz bo‘lgani uchun ular orasida janjal chiqqan. Ayol shu paytlari homilador bo‘lgan, 2018-yil 25-iyunda eri uni haqoratlab, urmoqchi bo‘ladi. Ayblanuvchi homiladorligi va haqorat natijasida o‘zini yomon his etadi, nima qilayotganligini bilmagan. Shunga ko‘ra, Sh.ning qilmishi jabrlanuvchining og‘ir haqoratlashi natijasida kelib chiqqan ruhiy hayajonlanish natijasida sodir etilgan, shuningdek, u homilador bo‘lgan [11]. Sud ushbu holatlarni e’tiborga olib jazo tayinlagan.

Haqoratning og‘irlik darajasini aniqlash uchun odam o‘ldirgan aybdorning shaxsiy xususiyatini hisobga olish kerak. Bu xususiyatga aybdorning homiladorligi ham kiradi.

Boshqa mualliflar ham shunga o‘xshash fikrlarni bildirgan: og‘ir haqoratlash jabrlanuvchida og‘ir kechadigan, uning shaxsiy qadr-qimmati, sha’nini yoki yaqinlarini haqoratlash, shuningdek, o‘zining og‘irligi jihatidan ruhiy zo‘rlashga teng haqoratlashni kiritadilar [12].

M.H. Rustamboyevning fikriga ko‘ra, “subyektda affekt holati unga nisbatan g‘ayriqonuniy zo‘rlash yoki og‘ir haqoratlash (begona kishini) subyektda haqoratlangan kishiga nisbatan jahl tuyg‘usini uyg‘otadi. Ko‘pincha bu holat ojiz insonlar: bolalar, nogironlar, qariyalarga nisbatan ishlatilsa, ya’ni shaxsning ko‘z oldida ojiz nogiron do‘pposlansa, qariya kishi ustidan mazax qilib kulishsa yoki yosh bola zo‘rlansa, ushbu harakatlarning guvohi bo‘lgan shaxs bu shaxslarga begona bo‘lsa ham affekt holatiga tushadi” [13].

Bizning fikrimizcha, ushbu holatlarda bunday munosabatda bo‘lish nafaqat ruhiy, balki axloqiy jihatdan ham o‘z ta’sirini o‘tkazadi. Keltirilgan misollarda ikki kishi o‘rtasidagi qarama-qarshilik uchinchi shaxs e’tiborini o‘ziga tortadi. Chunki u ham o‘zini shu vaziyatning qatnashchisi deb hisoblaydi. Bu emonpatiyaning bir ko‘rinishidir, ya’ni bir inson boshqa bir insonning his-tuyg‘ulari xavotirini his etishi. Bu esa emotsional holat sifatida namoyon bo‘ladi, haqiqatan ham, insonga nafaqat o‘ziga qarshi yo‘naltirilgan harakat, balki boshqaga qarshi qaratilgan harakat ham ta’sir etadi.

Sud amaliyotiga tayanadigan bo‘lsak, bunday ta’sir etishning turli shakllari mavjud. Ammo bunday holatda odam o‘ldirishda o‘ta muhim sababni hisobga olish kerak, aks holda, bu qasddan sodir etilgan bo‘lishi ham mumkin. “Hamma so‘z va haqoratlashlar, faktlar ham insonni affekt holatiga olib kelavermaydi” [1], – deb to‘g‘ri ta’kidlaydi huquqshunos M.H. Rustamboyev.

Affekt holati g‘ayriqonuniy majburlash va boshqa g‘ayriqonuniy harakatlar orqali sodir bo‘ladi. Ko‘pincha bu holatda odam o‘ldirish oilaviy sharoitlarda yuzaga keladi. V.I. Tkachenkoning fikricha, affekt holatida yuzaga kelgan jinoyatlarni o‘ta xavfli deb hisoblash noto‘g‘ri, chunki bunda jabrlanuvchining nojo‘ya harakati sabab bo‘ladi.

Kuchli ruhiy hayajonlanish holatida sodir etiladigan qasddan odam o‘ldirish jinoyatining obyektiv tomonini tahlil qilishda quyidagilarga e’tibor qaratish lozim: a) qasddan odam o‘ldirish jabrlanuvchining zo‘rlik ishlatishiga javoban kelib chiqqanligi; b) jabrlanuvchi tomonidan og‘ir haqoratlash (inson qadr-qimmatini toptash, uni jinoyat yoki axloqqa qarshi harakat qilganlikda ayblash, dini va millatini haqoratlash); d) jabrlanuvchining qonunga xilof boshqa harakat-harakatsizligi (o‘z burchini bajarishdan bo‘yin tovlash kabilar) [9].

Darhaqiqat, affekt holatidagi kishi harakatlari, bir tomondan, ongli harakat deb hisoblansa, ikkinchi tomondan, bu impulsiv harakat bo‘lgani tufayli o‘z harakatlarini boshqarish va oqibatini anglash qobiliyatining pasaygani bilan bog‘liqdir. Impulsiv harakatlarni o‘ylanmagan harakatlar hisoblab, ongli harakatlarga qarama-qarshi qo‘yadilar [14]. Ayniqsa, shaxsiy qadr-qimmatni kamsitishda qayg‘u, g‘am-alam kuchli bo‘ladi. Kuchli g‘am-alamli hissiyotning paydo bo‘lishida jabrlanuvchining huquqqa xilof harakatlari alohida o‘rinda turadi. Bu ko‘plab sotsiologik so‘rovlar va olimlarning tadqiqotlari natijasida isbotlangan. Masalan, A.B. Melnichenkoning fikricha, “shaxsning qadr va sha’nini o‘zi va boshqalar oldida haqoratlash tushuniladi” [15].

To‘satdan kuchli ruhiy hayajonlanish va shu munosabat bilan odam o‘ldirishga qasd qilish nafaqat g‘ayriqonuniy zo‘rlik yoki og‘ir haqorat qaratilgan shaxsda, balki shu hodisaning guvohi bo‘lgan har qanday boshqa shaxslarda ham paydo bo‘lishi mumkin.

Shuningdek, jinoyat qonunchiligida jinoyatni sodir etishdagi jabrlanuvchining salbiy harakatlari jinoyatni kvalifikatsiya qilishda ayblanuvchining foydasiga yengilliklar berishi ham mumkin. Jabrlanuvchining shaxsi, turmush sharoiti va jinoyat olamida tutgan o‘rnini aniqlash jinoyat obyektining mohiyati va aniqligini ko‘rsatishda ham muhim omillardan biri hisoblanadi.

Bundan tashqari, zaruriy mudofaa va uning chegarasidan chetga chiqish ham yengillashtiruvchi holatlarga kirib, bunda ham jabrlanuvchining xulq-atvori natijasida jinoyat kelib chiqadi. Zaruriy mudofaa va uning chegarasidan chetga chiqib sodir etilgan jinoyatlar, qattiq ruhiy hayajonlanish holatida sodir etiladigan jinoyatlarga o‘xshab ketadi. Bu jinoyatlarning o‘xshash umumiy tomonlari ko‘p bo‘lib, birinchidan, bu o‘xshashliklar, qonunga ko‘ra odatdagi qasddan qilinadigan tajovuzlarga nisbatan ularning har ikkalasiga yengilroq jazo berilganidadir. Ikkala holatda ham yetkaziladigan zarar jabrlanuvchining huquqqa zid harakati oqibatiga javobdir. Ikkinchidan, ikkala holatda ham jinoyat tajovuz qaratilgan shaxs tomonidan emas, balki bunday tajovuz guvohlari tomonidan ham sodir etilishi mumkin. Uchinchidan, ikkala jinoyatda ham jabrlanuvchi harakati bilan unga yetkaziladigan zarar o‘rtasida farqlarga bo‘lishning yo‘qligi va kutilmagan holatda vujudga kelishi xarakterlidir [16].

Xulosalar

Xulosa qiladigan bo‘lsak, sud amaliyoti tahlili shuni ko‘rsatadiki, kuchli ruhiy hayajonlanish holatida qasddan odam o‘ldirish (JKning 98-moddasi) ikki yoki undan ortiq shaxsga nisbatan sodir etilgan bo‘lsa, sud jazo tayinlashda bir qancha muammolarga duch keladi. Bunday muammolarning oldini olish maqsadida ushbu moddaning ikkinchi qismini “Kuchli ruhiy hayajonlanish holatida ikki yoki undan ortiq shaxsni qasddan o‘ldirish”, deb to‘ldirishni taklif etamiz. Bunday og‘irlashtiruvchi holatlar MDH davlatlarining ko‘pgina jinoyat qonunchiligida mavjud. Jumladan, Ozarbayjon JKning 122-moddasi 122.2-qismida, Armaniston JKning 105-moddasi ikkinchi qismi, Gruziya Jinoyat kodeksi 111-moddasi ikkinchi qismi, Qozog‘iston JKning 98-moddasi ikkinchi qismi, Qirg‘iziston JKning 98-moddasi ikkinchi qismi, Rossiya JKning 107-moddasi ikkinchi qismi, Tojikiston JKning 106-moddasi ikkinchi qismida nazarda tutilgan.

Bundan tashqari, O‘zbekiston Respublikasi JKning 98-moddasi kuchli ruhiy hayajonlanish holatida qasddan odam o‘ldirish deya nomlangan bo‘lib, mazkur moddaning dispozitsiyasida “Jabrlanuvchi tomonidan qilingan g‘ayriqonuniy zo‘rlik yoki og‘ir haqorat, shuningdek, uning boshqa g‘ayriqonuniy harakatlari tufayli to‘satdan yuz bergan kuchli ruhiy hayajonlanish holatida qasddan odam o‘ldirish”, – deb ta’rif berilgan.

Ammo amaldagi Jinoyat kodeksida “kuchli ruhiy hayajonlanish holati” to‘liq yoritilma-

gan bo‘lib, kvalifikatsiya jarayonida tahqirlash yoki uzoq davom etgan aqli rasolikni istisno etmaydigan ruhiy buzilish oqibatida mazkur holat vujudga kelganda, qilmishga baho berish yuzasidan muammolar vujudga kelmoqda.

Shulardan kelib chiqib, ushbu muammolarni bartaraf etish maqsadida modda dispozitsiyasiga aniqlashtiruvchi o‘zgartish kiritilib, O‘zbekiston Respublikasi JKning 98-moddasi dispozitsiyasini quyidagicha ta’riflash maqsadga muvofiq bo‘lardi: “Jabrlanuvchi tomonidan qilingan qonunga xilof zo‘rlik, tahqirlash yoki og‘ir haqorat, shuningdek, uning boshqa qonunga xilof qilmish yoki axloqqa zid xulq-atvori tufayli, shuningdek, shunday harakatlar ta’siri ostida vujudga kelgan, uzoq vaqt davom etgan ruhiy buzilish oqibatida to‘satdan yuz bergan kuchli ruhiy hayajonlanish holatida qasddan odam o‘ldirish”.

Bundan tashqari, ikki yoki undan ortiq shaxsning o‘limi uchun umumiy jazo belgilash mazkur qilmishning ijtimoiy xavflilik darajasini inobatga olishga va adolatli jazo tayinlashga to‘sqinlik qilmoqda. Shu sababli JKning 98-moddasida “ikki yoki undan ortiq shaxsga nisbatan sodir etilgan” harakatlar jinoyatni og‘irlashtiruvchi holat sifatida belgilanishi lozim. Chunki amaldagi normalar O‘zbekiston Respublikasi JKning 8-moddasi, ya’ni odillik prinsipiga zid bo‘lib, unda aybdor shaxs tomonidan kuchli ruhiy hayajonlanish holatida bir shaxsni qasddan o‘ldirganlik va ikki yoki undan ortiq shaxsni bir vaqtda (yoki turli vaqtlarda bir yil davomida) kuchli ruhiy hayajonlanish holatida o‘ldirishi uchun ham javobgarlik doirasi bir xil o‘rnatilgan.

Mazkur sabablarni inobatga olib, JKning 9-moddasi – ayb uchun javobgarlik prinsipiga asoslanib, kuchli ruhiy hayajonlanish holatida qasddan odam o‘ldirish nazarda tutilgan moddasini ikkinchi qism bilan to‘ldirish kerak, deb o‘ylaymiz. Bu esa sud amaliyotida shaxsning aybi isbotlangan jinoyatlari uchun javobgar bo‘lishini ta’minlaydi. Xorijiy davlatlar tajribasi tahlil etilganda MDH davlatlaridan Rossiya, Qozog‘iston, Qirg‘iziston, Tojikiston, Turkmaniston, Belarus, Armaniston jinoyat kodekslarida “kuchli ruhiy hayajonlanish holatida ikki yoki undan ortiq shaxsni qasddan o‘ldirganlik” uchun jinoiy javobgarlik belgilangan.

REFERENCES

1. Rustamboyev M.X. O‘zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksiga sharhlar [Comments on the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan]. Special part. Vol. 2. Tashkent, Yuridik adabiyotlar Publ., 2024, p. 696.

2. Rustamboyev M.X. O‘zbekiston Respublikasi jinoyat huquqi kursi [Course of criminal law of the Republic of Uzbekistan]. Tashkent, Ilm Ziyo Publ., 2011, p. 63.

3. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast’ [Criminal Law. Special Part]. 4th ed. Moscow, Norma Publ., 2008, p. 61.

4. Kadirov M. Ugolovnoe pravo Respubliki Uzbekistan [Criminal law of the Republic of Uzbekistan]. Tashkent, Adolat Publ., 1997, p. 19.

5. Daurov T.G. Ugolovnaya otvetstvennost’ za legkie telesnye povrezhdeniya [Criminal liability for minor bodily harm]. Saratov, Saratov University, 1980, p. 68.

6. Kurinov B.A. Nauchnye osnovy kvalifikatsii prestupleniy [Scientific basis for the classification of crimes]. Moscow, Moscow State University, 1984, p. 69.

7. Pintkovskiy A.A. Uchenie o prestupleniyakh po sovetskomu ugolovnomu pravu [The doctrine of imprisonment according to Soviet criminal law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1961, p. 115.

8. Yakubov A.S. Uchenie o prestuplenii po zakonodatel'stvu Respubliki Uzbekistan [The doctrine of crime under the legislation of the Republic of Uzbekistan]. Tashkent, Academy of the Ministry of Internal Affairs, 1995, p. 45.

9. Tkachenko V.I. Kvalifikatsiya prestupleniy protiv zhizni i zdorov'ya po sovetskomu ugolovnomu pravu [Classification of crimes against life and health under Soviet criminal law]. Moscow, Vuzy Publ., 1977, pp. 47–48.

10. Kuznetsova N.F. Problemy kvalifikatsii prestupleniy: lektsii po spetskursu «Osnovy kvalifikatsii prestupleniy» [Problems of Crime Qualification: Lectures on the special course "Fundamentals of Crime Qualification"]. Moscow, Gorodets Publ., 2007, p. 336.

11. From the archive materials of the Kashkadarya regional court. 2022, from criminal case number 325\217.

12. Salayev N.S., Niyozova S.S., Otajonov A.A. Jinoyatlarni kvalifikatsiya qilish muammolari [Problems of qualification of crimes]. Tashkent, TSUL, Publ. 2024, p. 50.

13. Rustamboev M.X. Otvetstvennost' za prestuplenie protiv zdorov'ya po zakonodatel'stvu Respubliki Uzbekistan [Responsibility for crimes against health under the legislation of the Republic of Uzbekistan]. Nukus, 1992, p. 165.

14. Niyozova S.S. Reasons for the Murder of a Newborn Child by a Mother and Criminal Liability for it. *Int J Semiot Law*, 2024, vol. 38, pp. 937–951. DOI: 10.1007/s11196-024-10174-8.

15. Melnichenko A.B. Ugolovno-pravovaya bor'ba s nasil'stvennymi posyagatel'stvami dlya lichnosti, sovershennymi v sostoyanii sil'nogo dushevnogo volneniya [Criminal-legal struggle against violent attacks on a person, committed in a state of strong emotional agitation]. Moscow, 1990, p. 21.

16. Niyozova S.S. Prevention of Crime in the Family and the Role of Victimology in the Republic of Uzbekistan. *International Journal of Advanced Science and Technology,* 2020, vol. 29, no. 3, p. 3962.

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

Kelib tushgan / Получено / Received: 07.08.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 12.09.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 26.09.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.3./HFOJ4121
UDC: 343.4(045)(575.1)

SHAXSGA DOIR MA’LUMOTLAR TO‘G‘RISIDAGI QONUNCHILIKNI BUZGANLIK UCHUN JINOIY JAVOBGARLIK BELGILASHNING IJTIMOIY ZARURIYATI

Choriyev Anvar Qo‘ziyevich,
Toshkent davlat yuridik universiteti
mustaqil izlanuvchisi
ORCID: 0009-0009-4498-6661
e-mail: anvarkuzievich@gmail.com

Annotatsiya. *Ushbu maqolada muallif shaxsga doir ma’lumotlarni himoya qilish masalasini bugungi raqamli jamiyatdagi eng muhim va dolzarb mavzulardan biri sifatida yoritadi. Axborot-kommunikatsiya texnologiyalarining jadal rivojlanishi insonning shaxsiy hayoti, xususan, shaxsiy ma’lumotlar xavfsizligiga jiddiy tahdidlar tug‘dirayotgani ta’kidlanadi. Elektron hujjatlar, raqamli platformalar va internetdagi ma’lumotlar bazalari fuqarolarning shaxsiy ma’lumotlarini qayta ishlash, tarqatish, o‘zgartirish va noqonuniy foydalanish imkoniyatlarini kengaytirib bormoqda. Muallif shaxsiy ma’lumot tushunchasining mazmunini ochib berib, ularni to‘plash, saqlash, tarqatish va yo‘q qilish jarayonlari nafaqat fuqarolik-huquqiy va ma’muriy munosabatlarni, balki jinoyat-huquqiy sohani ham qamrab olayotganini ko‘rsatadi. Bugungi kunda kiberfiribgarlik, tovlamachilik, shaxsni qalbakilashtirish hamda shaxsiy ma’lumotlarning sizib chiqishi bilan bog‘liq holatlar ko‘payib borayotgani alohida qayd etiladi. Shuningdek, shaxsga doir ma’lumotlarni qonunga xilof ravishda yig‘ish, tizimlashtirish, saqlash, o‘zgartirish, ulardan foydalanish, ularni berish, tarqatish, uzatish, egasizlantirish va yo‘q qilish, axborot texnologiyalari, jumladan, Internet orqali ulardan foydalanish O‘zbekiston Respublikasi fuqarolari huquqlariga jiddiy xavf tug‘dirishi mumkinligi ta’kidlanadi. Bunda shaxsiy ma’lumotlarga ishlov berish faqat davlat reyestrida belgilangan tartibda ro‘yxatdan o‘tkazilgan ma’lumotlar bazalarida hamda O‘zbekiston hududida joylashgan texnik vositalarda amalga oshirilishi lozimligi qayd etiladi. Ushbu talablarga rioya qilmaslik esa javobgarlikka sabab bo‘lishi mumkin. Muallif, shuningdek, shaxsiy ma’lumotlar to‘g‘risidagi qonunchilikni buzganlik uchun jinoiy javobgarlik belgilashning ijtimoiy zaruriyatini ham asoslab beradi.*

Kalit so‘zlar: *shaxsga doir ma’lumotlar, qonunchilikni buzish, noqonuniy yig‘ish, saqlash, foydalanish, tarqatish, uzatish, egasizlantirish, yo‘q qilish*

СОЦИАЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Чориев Анвар Кузиевич,
самостоятельный соискатель
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. *В данной статье автор рассматривает защиту персональных данных как одну из наиболее значимых и актуальных проблем современного цифрового общества. Подчёркивается, что стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий создаёт серьёзные угрозы личной жизни человека, в частности безопасности персональных данных. Электронные документы, цифровые платформы и базы данных в сети Интернет расширяют возможности по обработке, распространению, изменению и незаконному использованию персональных данных граждан. Автор раскрывает содержание понятия «персональные данные» и показывает, что процессы их сбора, хранения, распространения и уничтожения охватывают не только сферу гражданско-правовых и административных отношений, но и затрагивают уголовно-правовую сферу. Отмечается рост числа случаев, связанных с кибермошенничеством, вымогательством, подделкой личности и утечкой персональных данных. Особо подчёркивается, что сбор, систематизация, хранение, изменение, использование, предоставление, распространение, передача, обезличивание и уничтожение персональных данных, а также их использование посредством информационных технологий, включая Интернет, могут представлять серьёзную угрозу правам граждан Республики Узбекистан. Указывается, что обработка персональных данных должна осуществляться исключительно в базах данных, зарегистрированных в государственном реестре, и с использованием технических средств, расположенных на территории Узбекистана. Несоблюдение этих требований может повлечь юридическую ответственность. Автор также обосновывает социальную необходимость установления уголовной ответственности за нарушение законодательства о персональных данных.*

Ключевые слова: *персональные данные, нарушение законодательства, незаконный сбор, хранение, использование, распространение, передача, обезличивание, уничтожение*

SOCIAL NECESSITY OF ESTABLISHING CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF LEGISLATION ON PERSONAL DATA

Choriev Anvar Kuzievich,
Independent researcher
at Tashkent State University of Law

Abstract. *In this article, the author highlights the issue of personal data protection as one of the most important and relevant topics in today's digital society. It is emphasized that the rapid development of information and communication technologies poses serious threats to human privacy, in particular, the security of personal data. Electronic documents, digital platforms, and databases on the Internet are expanding the possibilities of processing, distributing, modifying, and illegally using citizens' personal data. The author, revealing the content of the concept of personal data, shows that the processes of their collection, storage, distribution, and destruction cover not only civil law and administrative relations, but also the criminal law sphere. It is especially noted that today there is an increase in cases of cyber fraud, extortion, forgery of identity, and leakage of personal data. It is also noted that the illegal collection, systematization, storage, modification, use, transfer, dissemination, transmission, depersonalization, and destruction of personal data, as well as the use of information technologies, including the Internet, can pose a serious threat to the rights of citizens of the Republic of Uzbekistan. At the same time, it is noted that the processing of personal data should be carried out only in databases registered in the prescribed manner in the state register, as well as on technical means located on the territory of Uzbekistan. Non-compliance with these requirements may entail liability. The author also substantiates the social necessity of establishing criminal liability for violation of legislation on personal data.*

Keywords: *personal data, violation of legislation, illegal collection, storage, use, distribution, transfer, depersonalization, destruction*

Kirish

Axborot-kommunikatsiya texnologiyalarining tez sur'at bilan taraqqiy etishi insonning shaxsiy hayotiga, xususan, shaxsga oid ma'lumotlar xavfsizligiga jiddiy tahdid solmoqda. Elektron hujjatlar, raqamli platformalar va internet ma'lumotlar bazalari orqali fuqarolarning shaxsiy ma'lumotlarini yig'ish, saqlash, tarqatish, o'zgartirish va noqonuniy foydalanish imkoniyatlari tobora kengayib bormoqda.

Shaxsiy ma'lumotlarni to'plash, saqlash, tarqatish va yo'q qilish kabi jarayonlar nafaqat fuqarolik-huquqiy va ma'muriy munosabatlarni, balki jinoyat-huquqiy masalalarni ham qamrab oladi. Bugungi kunda kiberfiribgarlik, tovlamachilik, shaxsni qalbakilashtirish va ma'lumotlar sizib chiqishi bilan bog'liq holatlar keskin ko'paymoqda. Ayniqsa, axborot texnologiyalari shiddat bilan rivojlanayotgan davrda shaxsiy hayot daxlsizligiga tajovuz qiluvchi jinoyatlarning ijtimoiy xavflilik darajasi yuqoriligi jiddiy mushohadani talab etadi.

Garchi bugungi kunda shaxsga taalluqli yoki uni identifikatsiya qilish imkonini beradigan ma'lumotlarni noqonuniy tarqatishga oid jinoyatchilikning zamonaviy ko'rinishlari faol tadqiq etilayotgan bo'lsa-da, bu turdagi jinoiy hodisalarni o'rganish, mavjud muammolarni o'z vaqtida aniqlash hamda ularni bartaraf etish masalalari tadqiqotchilar diqqat markazidan chetda qolmasligi lozim.

Shaxsga doir ma'lumotlarni himoya qilish masalasi bugungi raqamli jamiyatdagi eng muhim va dolzarb masalalardan biri hisoblanadi. Mavzuning dolzarbligi quyidagi omillar bilan asoslanadi:

Axborot texnologiyalari va shaxsiy hayot daxlsizligi muammosi. Axborot-kommunikatsiya texnologiyalarining jadal rivojlanishi insonning shaxsiy hayoti, xususan, shaxsga doir ma'lumotlar xavfsizligiga jiddiy tahdid tug'dirmoqda. Elektron hujjatlar, raqamli platformalar va internetdagi ma'lumotlar bazalari fuqarolarning shaxsiy ma'lumotlarini qayta ishlash, tarqatish, o'zgartirish hamda noqonuniy foydalanish imkoniyatlarini kengaytirmoqda.

Jinoiy tahdidlar va huquqiy muhit. Shaxsiy ma'lumotlarni to'plash, saqlash, tarqatish va yo'q qilish jarayonlari nafaqat fuqarolik-huquqiy va ma'muriy, balki jinoyat-huquqiy munosabatlarni ham qamrab olmoqda. Bugungi kunda kiberfiribgarlik, tovlamachilik, shaxsni qalbakilashtirish va shaxsiy ma'lumotlarning sizib chiqishi kabi holatlar tobora ortib bormoqda.

Xalqaro standartlar bilan uyg'unlashuv. Yevropa Ittifoqining GDPR (General Data Protection Regulation) kabi xalqaro huquqiy hujjatlari shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilishni inson huquqlarining ajralmas qismi sifatida belgilamoqda. O'zbekiston ham ushbu global tendensiyalarga mos ravishda 2019-yilda "Shaxsga doir ma'lumotlar to'g'risida"gi Qonunni qabul qildi hamda 2019-yil 8-iyulda Jinoyat kodeksiga 141^2-moddani kiritdi.

Amaldagi huquqiy choralarning yetishmasligi. Fuqarolik-huquqiy va ma'muriy javobgarlik shakllari shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilishda yetarli samaradorlikni ta'minlamayotgani kuzatilmoqda. Ayrim hollarda ma'lumotlarning noqonuniy tarqatilishi odamlarning o'z joniga qasd qilish, ruhiy iztiroblar, oilaviy inqirozlar kabi jiddiy ijtimoiy oqibatlarga olib kelmoqda.

Ilmiy jihatdan, shaxsga doir ma'lumotlar tushunchasining ta'riflari, tasniflari, huquqiy himoya shakllari va ularning jinoyat tarkibidagi o'rni borasida nazariy hamda metodologik qarashlar xilma-xil bo'lib, ularni tahlil qilish va umumlashtirish zarurati mavjud.

Amaliy jihatdan, huquqni qo'llash jarayonida shaxsga doir ma'lumotlarga ishlov berish bilan bog'liq jinoyatlarni aniqlash, kvalifikatsiya qilish va jazo tayinlashda ko'plab tushunmovchiliklar hamda muammolar kuzatilmoqda.

Axborot texnologiyalari, raqamli xizmatlar va platformalarning jadal rivojlanishi sharoitida fuqarolarning shaxsiy ma'lumotlari nafaqat davlat va tijorat xizmatlarini ko'rsatishda qo'llanmoqda, balki noqonuniy

manfaatlar obyektiga ham aylanmoqda. Bunday ma’lumotlarning sizib chiqishi, noqonuniy tarqatilishi yoki ulardan ruxsatsiz foydalanilishi nafaqat moliyaviy, balki ma’naviy, ayrim hollarda esa jismoniy zarar keltirishi mumkin. Shu bois shaxsiy ma’lumotlarni qayta ishlash sohasidagi huquqbuzarliklarga qarshi kurashishda nafaqat normativ-huquqiy, balki jinoyat-huquqiy munosabatlarni ham kuchaytirish zarurati ortib bormoqda.

Material va metodlar

Ushbu tadqiqotda ilmiy tahlilning zamonaviy usullari, huquqiy nazariya va amaliyotda qo‘llanadigan umumiy hamda xos ilmiy yondashuvlardan kompleks tarzda foydalanildi. Tadqiqot metodologiyasi dissertatsiyaning maqsad va vazifalaridan kelib chiqqan holda tanlanib, unda mantiqiy tahlil va umumlashtirish, tarixiy-qiyosiy tahlil, qiyosiy-huquqiy tahlil, normativ-huquqiy tahlil, ilmiy-doktrinal yondashuv, empirik tahlil, qonunni qo‘llash amaliyotini o‘rganish hamda tavsiyaviy modellashtirish usullari qo‘llandi.

Tadqiqot natijalari

Jahon miqyosida shaxsiy ma’lumotlarni himoya qilish masalasi inson huquqlarining ajralmas qismi sifatida qaraladi. Milliy hamda xalqaro qonunchilikda shaxsga doir ma’lumotlarni himoya qilish huquqi shaxsiy hayot daxlsizligi huquqining tarkibiy qismi sifatida mustahkamlangan.

Axborot jamiyati rivojlanishining hozirgi bosqichi shaxsiy ma’lumotlarni qayta ishlash ko‘lamining keskin kengayishini taqozo etmoqda. Bu esa, o‘z navbatida, huquqiy tizimlar oldiga yangi vazifalar va muammolarni qo‘ymoqda. Shaxsiy ma’lumotlar raqamli shaxsning ajralmas qismiga aylangan bo‘lib, ularning huquqiy himoyasi shaxsiy hayot daxlsizligi va shaxs xavfsizligini ta’minlash, shuningdek, boshqa konstitutsiyaviy huquqlarni kafolatlashning asosiy elementi hisoblanadi.

O‘zbekiston Respublikasi “Shaxsga doir ma’lumotlar to‘g‘risida”gi Qonunining 4-moddasida shaxsga doir ma’lumotlarga muayyan jismoniy shaxsga taalluqli yoki uni identifikatsiya qilish imkonini beradigan, elektron shaklda, qog‘ozda va (yoki) boshqa moddiy tashuvchida qayd etilgan axborot sifatida ta’rif berilgan.

Mazkur ta’rif xalqaro standartlarga, jumladan, Yevropa Ittifoqining 2016-yilda qabul qilingan General Data Protection Regulation (GDPR) me’yorlariga hamohangdir [1]. Unda shaxsga doir ma’lumotlar insonning shaxsiy hayoti, moliyaviy ahvoli, tibbiy ma’lumotlari va boshqa shaxsiy identifikatorlarini o‘z ichiga olishi belgilangan.

Mazkur standartning 4-moddasiga muvofiq, “shaxsiy ma’lumotlar” deganda aniqlangan yoki aniqlanishi mumkin bo‘lgan jismoniy shaxsga (ma’lumotlar subyekti) oid har qanday axborot tushuniladi. Aniqlanishi mumkin bo‘lgan jismoniy shaxs – to‘g‘ridan to‘g‘ri yoki bilvosita, jumladan, ism, identifikatsiya raqami, joylashuv ma’lumotlari, tarmoq identifikatori yoki shaxsning jismoniy, fiziologik, genetik, ruhiy, iqtisodiy, madaniy yoki ijtimoiy xususiyatlarini ifodalovchi omillar orqali aniqlanishi mumkin bo‘lgan shaxs.

Shuningdek, “ishlov berish” atamasi shaxsiy ma’lumotlar yoki ularning to‘plamiga nisbatan amalga oshiriladigan har qanday amaliyot yoki amaliyotlar majmuini anglatadi. Bunga avtomatlashtirilgan yoki avtomatlashtirilmagan tarzda bajariladigan yig‘ish, yozib olish, tashkil etish, tarkiblashtirish, saqlash, moslashtirish yoki o‘zgartirish, olish, foydalanish, maslahatlashish, uzatish orqali oshkor etish, tarqatish yoki boshqa shaklda taqdim etish, muvofiqlashtirish yoki birlashtirish, cheklash, o‘chirib tashlash yoki yo‘q qilish kabi jarayonlar kiradi [1].

Hozirgi kunda jamiyatdagi barcha ijtimoiy jarayonlarda raqamli texnologiyalarning roli ortib bormoqda. Amalda hayotning har bir sohasi o‘zining “raqamli” analogini topib, virtual makonda aks etmoqda. Huquqiy fan va amaliyot vakillari, umuman olganda, texnik taraqqiyot yutuqlarining shaxs xavfsizligi, jumladan, insonning shaxsiy hayoti sohasiga ham aniq, ham noaniq ta’sir ko‘rsatishi mumkinligi haqida fikr yuritadi. Raqamli

texnologiyalar rivojlanishi sharoitida shaxsiy ma’lumotlarni saqlash eng zaif sohalardan biri hisoblanadi. Chunki zamonaviy texnologiyalar shaxsiy hayot bilan bog‘liq va muhofaza qilinishi lozim bo‘lgan yangi elementlarning paydo bo‘lishiga olib keladi, shaxsiy makonga kirishning yangi usullarini yuzaga keltiradi hamda mavjud huquqiy tartibga solish mexanizmlarining samaradorligini pasaytiradi. Shu bois mazkur jarayonni nazariy jihatdan chuqur o‘rganish va amaliyotda samarali huquqiy choralarni joriy etish dolzarbdir.

Tadqiqot natijalari tahlili

Shaxsga doir ma’lumotlar tushunchasiga oid turli qarashlar mavjud. Masalan, M.N. Maleina shaxsga doir ma’lumotlarni “shaxsni identifikatsiya qilish imkonini beruvchi jismoniy shaxsning shaxsiy hayotiga oid faktlar, hodisalar va holatlar haqidagi ma’lumotlar” sifatida ta’riflaydi [2]. Biroq bu ta’rifga to‘liq qo‘shilish mushkul, chunki hodisalar o‘z-o‘zicha fuqaro haqida ma’lumot emas, balki ma’lumot shakllanishiga sabab bo‘luvchi omil hisoblanadi.

V.B. Naumovning fikricha, “veb-manzil, o‘rnatilgan dasturiy ta’minot va kompyuterning ish rejimi to‘g‘risidagi ma’lumotlar foydalanuvchini emas, balki axborot texnologiyalarini identifikatsiya qiladi, shu sababli ular shaxsiy ma’lumotlar doirasiga kirmaydi. Biroq “ma’lumotlar massivining ayrim elementlari foydalanuvchini bevosita identifikatsiya qila olmasa-da, qayta ishlangan ma’lumotlarning butun majmui bunday imkoniyatni ta’minlashi” mumkinligini ham istisno qilib bo‘lmaydi” [3].

Boshqa nuqtayi nazarga ko‘ra, shaxsiy ma’lumotlar – muayyan inson haqidagi har qanday axborot tashuvchida qayd etilgan va mazkur shaxsni namoyon qiladigan yoki potensial ravishda namoyon qilishi mumkin bo‘lgan axborot [4].

Y.Y. Pokamestova “shaxsga doir ma’lumotlar” tushunchasini bevosita qo‘llamagan bo‘lsa-da, uning fikricha, “shaxsiy ma’lumotlar maxfiyligini himoya qilish ostida muayyan yoki ushbu axborot asosida aniqlanadigan jismoniy shaxsga tegishli axborotni qayta ishlashning maxsus huquqiy rejimi tushunilishi zarur. Bu rejimga shaxsning biografik faktlari, normativ ma’lumotlari, millati, yashash joyi, kasalliklari, oilaviy hayoti, odatlari, qiziqishlari, axloqiy, siyosiy, jinsiy va diniy intilishlari haqidagi ma’lumotlar, shuningdek, boshqa shaxslar (jamiyat)ga nisbatan uning xususiyatlarini aks ettiruvchi ma’lumotlar kiradi” deb ta’kidlaydi [5].

M. Park va S. Chai esa shaxsga doir ma’lumotlarga ism, manzil, turmush tarzi kabi muayyan shaxsni aniqlash imkonini beruvchi axborotlarni kiritadi [6].

Fikrimizcha, yuqoridagi ta’riflarda shaxsga doir ma’lumotlarga nisbatan biroz tor yondashuv mavjud. R. Bekvit va S. Maynvaring esa ism, familiya, ayol kishining qizlik familiyasi, manzil, telefon raqami, jinsi, kasallik tarixi va sug‘urta ma’lumotlarini shaxsga doir ma’lumotlar sirasiga kiritadi [7]. Biroq ushbu yondashuvda ham shaxsga doir ma’lumotlarning barcha jihatlari to‘liq qamrab olingan deb bo‘lmaydi.

Shaxsiy hayot tarkibiga kiruvchi shaxsga doir ma’lumotlar doirasiga butun oilaviy hayot, qarindoshlik va do‘stona aloqalar, turmush tarzi, jinsiy va boshqa shaxsiy munosabatlar, muhabbat, simpatiya va antipatiya, fikrlash va qiziqishlarning kiritilishi haqida bildirilgan fikrga qo‘shilib bo‘lmaydi. Chunki bunday yondashuv shaxsga doir ma’lumotlar doirasini haddan tashqari kengaytirib yuboradi hamda amaliyotda aynan qaysi munosabatlar himoya qilinishi kerakligi masalasida muammolarni yuzaga keltiradi.

V. Ruzanova ta’kidlaganidek, dastlab shaxsga doir ma’lumotlarga fuqaroning F.I.Sh., tug‘ilgan sanasi, yashash manzili, oilaviy, ijtimoiy va mulkiy holati, ta’limi, kasbi hamda daromadlari kirgan bo‘lsa, hozirgi kunda ularning doirasi yanada kengayib, geolokatsiya, Internet tarmoqlaridagi xatti-harakatlar, IP manzili kabi telekommunikatsiya bilan bog‘liq ma’lumotlar ham qo‘shilmoqda

[8]. Biroq ushbu fikr ham bahsli bo‘lib, Internet tarmoqlaridagi xatti-harakatlarni shaxsga doir ma’lumotlar tasnifiga kiritish to‘g‘ri emas, deb hisoblash mumkin.

M. Ismoilov shaxsga doir ma’lumotlarni “shaxsni tasdiqlovchi ma’lumotlar” hamda “alohida toifadagi ma’lumotlar”ga ajratishni taklif qiladi. U shaxsni tasdiqlovchi ma’lumotlar qatoriga moliyaviy ma’lumotlar (bank hisobraqamlari, bank plastik kartalari), onlayn ma’lumotlar (joylashuv ma’lumotlari, IP-manzillar, onlayn xaridlar, elektron pochta), demografik ma’lumotlar (ism, tug‘ilgan vaqt, telefon raqami, fotosurat)ni keltiradi; alohida toifa sifatida esa sog‘liq holatiga oid ma’lumotlar (biometrik ma’lumotlar, tibbiy holat) hamda shaxsning ijtimoiy hayotiga doir ma’lumotlar (jinoiy faoliyatga oid ma’lumotlar, ijtimoiy kelib chiqishi, ta’lim)ni sanab o‘tadi [9].

Bizningcha, muallifning ma’lumotlarni tasniflashga oid yondashuvi ijobiy jihatlarga ega bo‘lsa-da, uning barcha elementlari bilan to‘liq kelishib bo‘lmaydi. Xususan, demografik turkumga telefon raqami va fotosuratni kiritish demografiya mohiyatiga mos emas: telefon raqam odatda kontakt yoki identifikatsiyalash ma’lumotlari sifatida qaralishi lozim, fotosurat esa biometrik yoki vizual identifikatsiyalash nuqtayi nazaridan tahlil qilinishi mumkin.

A. Yuldashov esa mazkur masalada Yevropa Parlamenti va Kengashining 2016-yil 27-aprelda qabul qilingan 2016/679-sonli “Jismoniy shaxslarning shaxsga doir ma’lumotlari va ularning erkin oqimi to‘g‘risidagi” reglamentiga murojaat qiladi. Reglament shaxsga doir ma’lumotlarni keng qamrovda ta’riflab, ularni “identifikatsiya qilinadigan jismoniy shaxsga tegishli har qanday ma’lumot” deb ataydi; identifikatsiya qilinadigan jismoniy shaxs esa to‘g‘ridan to‘g‘ri yoki bilvosita (masalan, ism, identifikatsiya raqami, joylashuv) yoki jismoniy, fiziologik, genetik, ruhiy, iqtisodiy, madaniy yoki ijtimoiy xususiyatlari orqali aniqlanishi mumkin bo‘lgan shaxs sifatida tushuniladi [10].

Y. Talapina shaxsga doir ma’lumotlarni uch turga ajratib tahlil qilgan [11]:

birinchidan, muayyan jismoniy shaxsga oid va uning shaxsini aniqlashga qaratilgan umumiy ma’lumotlar – familiyasi, ismi, otasining ismi, tug‘ilgan sanasi, yashash manzili, oilaviy ahvoli, ijtimoiy mavqeyi, mulkiy holati, ma’lumoti, kasbi, daromadi va shunga o‘xshash ma’lumotlar;

ikkinchidan, shaxsiy ma’lumotlarning maxsus toifalari – irqi, etnik mansubligi, siyosiy qarashlari, diniy yoki falsafiy e’tiqodlari, sog‘lig‘i, jinsiy hayoti haqidagi ma’lumotlar;

uchinchidan, biometrik shaxsiy ma’lumotlar – insonning shaxsini aniqlash imkonini beruvchi fiziologik va biologik xususiyatlarini ifodalovchi ma’lumotlar.

G‘. Mirzo ham shunga o‘xshash yondashuvni ilgari suradi. Uning fikricha, shaxsga doir ma’lumotlar inson haqidagi har qanday ma’lumotlardan iborat bo‘lib, ular uch turga bo‘linadi: umumiy, maxsus va biometrik ma’lumotlar [12]. Xususan, umumiy ma’lumotlarga insonning ism-familiyasi, pasport va boshqa hujjatlaridagi qaydlar, tug‘ilgan sanasi va joyi, elektron pochta manzili, yashash, o‘qish va ishlash joylari, oilaviy, ijtimoiy va mulkiy holati, ta’lim olgan joyi, kasbi, daromadi kabi ma’lumotlar kiradi. Maxsus ma’lumotlarga shaxsning irqiy va milliy mansubligi, siyosiy, diniy hamda falsafiy qarashlari, sog‘lig‘i holati, shaxsiy (intim) hayotiga oid ma’lumotlar kiradi. Biometrik ma’lumotlar esa insonning shaxsini aniqlash imkonini beruvchi fiziologik va biologik belgilarni qamrab oladi. Bular jumlasiga DNKsi, ovozi, ko‘z qorachig‘i, barmoq izi, yuz qiyofasi, bo‘yi va vazni kabi ma’lumotlar kiradi.

Yuqoridagi ta’riflar hamda mamlakatimiz qonunchiligi normalaridan kelib chiqib, shaxsga doir ma’lumotlar deganda muayyan jismoniy shaxsga taalluqli bo‘lgan yoki uni identifikatsiya qilish imkonini beradigan, elektron tashuvchilar, qog‘oz yoki boshqa moddiy vositalarda qayd etilgan umumiy, maxsus hamda biometrik ma’lumotlar tu-

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

shunilishi lozim, degan mualliflik ta’rifi ilgari suriladi.

So‘nggi yillarda ilmiy adabiyotlarda va huquqni qo‘llash amaliyotida shaxsiy ma’lumotlarni himoya qilishning huquqiy asoslarini, jumladan, jinoyat-huquqiy mexanizmlarini kuchaytirishga oid chaqiriqlar tobora kuchayib bormoqda [13]. Global axborot jamiyatining jadal rivojlanishi va axborot-kommunikatsiya texnologiyalarining takomillashuvi ma’lumotlar almashinuvi hajmi va tezligini oshirsa-da, ularning noqonuniy modifikatsiyasi yoki o‘g‘irlanishi kabi muammolarni to‘liq bartaraf etmayapti. Shu sababli shaxsiy xususiyatga ega bo‘lgan ma’lumotlarga alohida e’tibor qaratilishi zarur. Bu esa huquqiy doktrina va amaliy qonunchilik oldiga shaxsiy ma’lumotlarning huquqiy himoyasini ta’minlash vazifasini qo‘ymoqda.

Mazkur masalaning dolzarbligidan kelib chiqib, mamlakatimiz huquqiy tizimida shaxsiy ma’lumotlarga oid munosabatlarni tartibga solish quyidagi uch yo‘nalishda rivojlantirilishi maqsadga muvofiqdir:

– shaxsiy ma’lumotlarni himoya qilishga oid qonunchilik asosini shakllantirish va takomillashtirish;

– shaxsiy ma’lumotlar aylanmasi sohasida amal qiluvchi prinsiplarni belgilash;

– shaxsiy ma’lumotlar subyektlarining huquqlarini ta’minlashga qaratilgan nazorat va institutsional mexanizmlarni yaratish.

Bugungi kunda shaxsiy ma’lumotlarga ishlov berish xavfsizligini huquqiy tartibga solish borasida bir qator qonunchilik asoslari shakllantirilgan bo‘lsa-da, axborot tizimlarining rivojlanishi, integratsiya va globallashuv jarayonlari mavjud normalarni xalqaro me’yorlarga muvofiqlashtirish zaruratini yuzaga keltirmoqda. Bu esa Internet tarmog‘ida shaxsiy ma’lumotlarga ishlov berish xavfsizligini huquqiy ta’minlashning samarali mexanizmlarini ishlab chiqish masalasini dolzarb qilib qo‘ymoqda.

Shuningdek, axborot texnologiyalarining jadal rivojlanishi shaxsiy hayot daxlsizligi masalasini ham qayta ko‘rib chiqishni talab etmoqda. O‘zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasining 27-moddasida “har kim erkinlik va shaxsiy daxlsizlik huquqiga ega” ekani mustahkamlab qo‘yilgan.

Xalqaro huquq normalarida ham shaxsiy ma’lumotlar va shaxsiy hayot daxlsizligini himoya qilishga alohida e’tibor qaratilgan. Jumladan, Inson huquqlari umumjahon deklaratsiyasining 12-moddasiga muvofiq, “hech kimning shaxsiy va oilaviy hayotiga o‘zboshimchalik bilan aralashish, uy-joyi daxlsizligiga, yozishmalar siriga yoki uning sha’ni va qadr-qimmatiga tajovuz qilinishi mumkin emas. Har bir inson bunday aralashuv yoki tajovuzdan qonun orqali himoyalanish huquqiga ega” [14].

Shuningdek, 1950-yil 4-noyabrda Rimda qabul qilingan Yevropa Kengashining Inson huquqlari va asosiy erkinliklarini himoya qilish to‘g‘risidagi konvensiyasining 8-moddasida “har bir inson o‘zining shaxsiy va oilaviy hayotiga, uy-joyiga va yozishmalariga hurmat bilan munosabatda bo‘linishi huquqiga ega. Davlat hokimiyati organlari tomonidan bu huquqni amalga oshirishga aralashuvga yo‘l qo‘yilmaydi, qonunda nazarda tutilgan va demokratik jamiyatda milliy xavfsizlik va jamoat tartibini ta’minlash, mamlakatning iqtisodiy farovonligi, tartibsizliklar yoki jinoyatlarning oldini olish, sog‘liqni saqlash yoki axloqni himoya qilish yoki boshqa shaxslarning huquq va erkinliklarini himoya qilish uchun zarur bo‘lgan hollar bundan mustasno”ligi belgilangan [15].

1981-yil 28-yanvarda Yevropa Kengashi tomonidan Shaxslarni shaxsga doir ma’lumotlariga avtomatlashtirilgan tarzda ishlov berilishi munosabati bilan himoya qilish to‘g‘risidagi konvensiya qabul qilingan. Uning 1-moddasida ushbu hujjatning maqsadi sifatida har bir Tomon hududida barcha jismoniy shaxslarning, fuqaroligi yoki yashash joyidan qat’i nazar, shaxsiy ma’lumotlariga avtomatlashtirilgan tarzda ishlov berish jarayonida ularning huquq va asosiy erkinliklarini, xususan, shaxsiy

hayot daxlsizligi huquqini hurmat qilishni ta’minlash ekani belgilangan [16].

Butun dunyoda 2007-yildan buyon har yili 28-yanvar Xalqaro shaxsga doir ma’lumotlarni himoya qilish kuni (Data Protection Day) sifatida nishonlanadi. Ayrim mamlakatlarda esa u “Maxfiylik kuni” (Data Privacy Day) nomi bilan bayram qilinadi. Mazkur sana Internet tarmog‘idan foydalanuvchilarni axborot madaniyati va maxfiylik qoidalariga rioya qilishga undash, shuningdek, virtual va real hayot xavfsizligini ta’minlashga ko‘maklashish maqsadida ta’sis etilgan.

Mamlakatimizda shaxsiy ma’lumotlar daxlsizligini ta’minlashning huquqiy asoslari sifatida quyidagilarni ko‘rsatish mumkin:

1) O‘zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasining 31-moddasi (Har bir inson shaxsiy hayotining daxlsizligi, shaxsiy va oilaviy sirga ega bo‘lish, o‘z sha’ni va qadr-qimmatini himoya qilish huquqiga ega. Har kim yozishmalari, telefon orqali so‘zlashuvlari, pochta, elektron va boshqa xabarlari sir saqlanishi huquqiga ega. Ushbu huquqning cheklanishiga faqat qonunga muvofiq va sudning qaroriga asosan yo‘l qo‘yiladi. Har kim o‘z shaxsiga doir ma’lumotlarning himoya qilinishi huquqiga, shuningdek, noto‘g‘ri ma’lumotlarning tuzatilishini, o‘zi to‘g‘risida qonunga xilof yo‘l bilan to‘plangan yoki huquqiy asoslarga ega bo‘lmay qolgan ma’lumotlarning yo‘q qilinishini talab qilish huquqiga ega);

2) “Shaxsga doir ma’lumotlar to‘g‘risida”gi Qonun;

3) “Elektron raqamli imzo to‘g‘risida”gi Qonun;

4) “Elektron hukumat to‘g‘risida”gi Qonun;

5) O‘zbekiston Respublikasining Jinoyat kodeksi (141^2-modda);

6) O‘zbekiston Respublikasining Ma’muriy javobgarlik to‘g‘risidagi kodeksi (462-modda);

7) O‘zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining 2020-yil 8-fevraldagi “Shaxsga doir ma’lumotlar bazalarining davlat reyestri to‘g‘risidagi nizomni tasdiqlash haqida” 71-sonli qarori;

8) O‘zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining 2022-yil 5-oktabrdagi “Shaxsga doir ma’lumotlarga ishlov berish sohasidagi ayrim normativ-huquqiy hujjatlarni tasdiqlash to‘g‘risida” 570-sonli qarori;

9) O‘zbekiston Respublikasi Adliya vazirining 2023-yil 14-noyabrdagi “Shaxsga doir ma’lumotlar bazasining mulkdori va (yoki) operatorining shaxsga doir ma’lumotlarga ishlov berilishini hamda ularning himoya qilinishini ta’minlovchi tuzilmaviy bo‘linmasi yoki vakolatli shaxsi faoliyatini tashkil etishning namunaviy tartibini tasdiqlash haqida” 19-mh-son buyrug‘i;

10) O‘zbekiston Respublikasi Adliya vazirining 2023-yil 15-noyabrdagi “Shaxsga doir ma’lumotlarga ishlov berishning namunaviy tartibini tasdiqlash haqida” 20-mh-son buyrug‘i;

11) boshqa tegishli idoraviy normativ-huquqiy hujjatlar.

F. Madiyev ta’kidlaganidek, raqamli texnologiyalarning rivojlanishi va ularning jamiyat hayotida keng qo‘llanishi fuqarolarning shaxsiy hayoti daxlsizligini ta’minlash masalalarini chuqur ilmiy tadqiq etishni taqozo etmoqda. Shu bois shaxsiy hayot daxlsizligi huquqining mazmun-mohiyatini konseptual hamda ilmiy-metodologik jihatdan o‘rganish va tahlil qilish muhimdir. Har bir shaxsning o‘ziga ma’naviy-axloqiy baho berishga bo‘lgan huquqi shaxsiy huquq sifatida subyektiv xususiyatga ega. Shu sababli uning qadr-qimmati va obro‘-e’tibori jamiyatdagi ijtimoiy fikr bilan mos kelishi yoki mos kelmasligi mumkin [17].

2019-yil 2-iyulda “Shaxsga doir ma’lumotlar to‘g‘risida”gi Qonunning qabul qilinishi, o‘z navbatida, ushbu sohada qonunchilikni buzganlik uchun alohida javobgarlik belgilashni taqozo etdi. Mazkur qonun qabul qilinishidan avval ham shaxsga doir ma’lumotlarni oshkor qilganlik uchun ma’lum javobgarlik mavjud edi. Masalan, shaxsni sharmanda qiluvchi ma’lumotlarni

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

tarqatish orqali pul talab qilish holatlari tovlamachilik sifatida, axborot texnologiyalaridan foydalanib shaxsiy ma'lumotlarni qo'lga kiritish axborot texnologiyalari sohasidagi jinoyatlar sifatida baholangan. Agar shaxsiy ma'lumotlarni oshkor qilish yoki oshkor qilish tahdidi ostida o'z joniga qasd qilish sodir etilgan bo'lsa, bu Jinoyat kodeksining 103-moddasi bo'yicha javobgarlikka sabab bo'lgan. Biroq shaxsga doir ma'lumotlar to'g'risidagi qonunchilikni buzganlik uchun bevosita javobgarlik belgilanmaganligi amaliyotda ko'plab tushunmovchiliklarga sabab bo'lib kelgan.

2019-yil 8-iyulda qabul qilingan "O'zbekiston Respublikasining Jinoyat, Jinoyat-protsessual kodekslariga hamda O'zbekiston Respublikasining Ma'muriy javobgarlik to'g'risidagi kodeksiga o'zgartish va qo'shimchalar kiritish to'g'risida"gi O'RQ–548-sonli Qonun bilan shaxsga doir ma'lumotlar to'g'risidagi qonunchilikni buzganlik uchun javobgarlikni nazarda tutuvchi normalar Jinoyat kodeksining 141^2-moddasiga va Ma'muriy javobgarlik to'g'risidagi kodeksning 462-moddasiga kiritildi.

Xulosalar

Xulosa qilib aytganda, shaxsga doir ma'lumotlar to'g'risidagi qonunchilikni buzganlik uchun jinoyat-huquqiy javobgarlikni belgilash zarurati quyidagi omillarda namoyon bo'ladi:

birinchidan, bunday jinoyatlar shaxsning Konstitutsiyada kafolatlangan shaxsiy hayot daxlsizligi, sha'ni va obro'siga jiddiy zarar yetkazadi;

ikkinchidan, raqamli texnologiyalarning inson hayotiga chuqur kirib borayotgan hozirgi sharoitda shaxsga doir ma'lumotlar iqtisodiy muomala obyekti, ya'ni tovar sifatida namoyon bo'lmoqda. Xususan, internetdagi "qora bozor"da ma'lumotlar bazalarini o'g'irlash va ularni sotish holatlari ortib bormoqda;

uchinchidan, shaxsga doir ma'lumotlarning oshkor etilishi firibgarlik, kiberfiribgarlik, tovlamachilik, o'g'irlik kabi turli jinoyatlarning ko'payishiga bevosita sabab bo'lmoqda;

to'rtinchidan, ushbu sohada faqat fuqarolik-huquqiy yoki ma'muriy javobgarlikni qo'llash yetarli samara bermayapti, shuning uchun jinoyat-huquqiy choralar muhim ahamiyat kasb etadi;

beshinchidan, shaxsiy ma'lumotlarning internet orqali tarqalib ketishi natijasida ijtimoiy hayotda salbiy oqibatlar – oilaviy ajralishlar, o'z joniga qasd qilish kabi holatlarning ko'payishiga sabab bo'lmoqda.

REFERENCES

1. General Data Protection Regulation. Available at: https://gdpr-info.eu/art-1-gdpr/

2. Maleina M.N. Pravo na taynu i neprikosnovennost personalnyx dannyx [Right to the secrecy and inviolability of personal data]. *Journal of Russian Law*, 2010, no. 11, pp. 18–28.

3. Naumov V.B. Pravo i Internet: ocherki teorii i praktiki [Law and the Internet: Essays on Theory and Practice]. Moscow, University book house, 2002, p. 132.

4. Bachilo I.L., Lopatin V.N., Fedotov M.A. Informatsionnoe pravo [Information law]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2005, p. 244.

5. Pokamestova Ye.Yu. K voprosu o personalnykh dannykh i ikh klassifikatsii v otechestvennoy pravovoy sisteme [To the question of personal data and their classification in the technological legal system]. Problems of the modern world: legal-psychological, legal, social-economic aspects: Proceedings of the third international scientific-practical conference. Voronej, MOU VEPI Publ., 2006, pp. 71–76.

6. Park M., Chai S. The Value of Personal Information: An Exploratory Study for Types of Personal Information and Its Value. *Asia Pacific Journal of Information Systems,* 2018, vol. 28, no. 3, p. 155.

7. Beckvith R., Mainvaring S. Privacy: Personal Information, Threats, and Technologies. *IEEE Xplore*, 2009, p. 2.

8. Ruzanova V.D. Zakonodatel'stvo v oblasti personalnykh dannykh kak institut informatsionnogo zakonodatel'stva [Legislation in the field of personal data as an institute of information legislation]. *Legal Bulletin of Samara University*, 2019, no. 2, pp. 67–68.

9. Ismoilov M. Shaxsga doir ma'lumotlar daxlsizligi tushunchasining nazariy huquqiy tahlili [Theoretical legal analysis of the concept of personal data privacy]. *Science and Innovation*, 2022, vol. 1, no. 3, pp. 62–71.

10. Yuldashov A. Shaxsga doir ma'lumotlar va mualliflik huquqining o'zaro kesishmasi: huquqiy nazariya va amaliyot [The intersection of personal data and copyright: legal theory and practice]. *Lawyer's Newsletter*, 2023, no. 6, pp. 54–67.

11. Talapina E.V. Zashchita personalnykh dannykh v tsifrovuyu epokhu: rossiyskoe pravo v evropeyskom kontekste [Personal Data Protection in the Digital Age: Russian Law in the European Context].*Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2018, vol. 13, no. 5, pp. 117–150.

12. Mirzo G'. Shaxsga doir ma'lumotlar himoyasi: xalqaro huquq, milliy qonunchilik va amaliy tajriba [Personal data protection: international law, national legislation and practical experience]. Available at: http://pravacheloveka.uz/uz/news

13. Kudashkin Ya. Osobennosti klassifikatsii personal'nykh dannykh [Features of classification of personal data]. *Derzhavin Readings in the Republic of Moldova,* 2015, p. 118.

14. Inson huquqlari umumjahon deklaratsiyasi [Universal Declaration of Human Rights]. Available at: https://constitution.uz/uz/pages/humanrights

15. Evropeyskaya konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod [European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms]. Available at: https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols

16. Konventsiya o zashchite chastnykh lits v otnoshenii avtomatizirovannoy obrabotki dannykh lichnogo xaraktera [Convention on the protection of private individuals in relation to the automatic processing of personal data]. Council of Europe, 1981. Available at: https://rm.coe.int/1680078c46

17. Madiev F. Shaxsiy hayot daxlsizligi huquqining konstitutsiyaviy kafolatlarini genizisi [The origin of constitutional guarantees of the right to privacy]. *Nauka i texnologiya v sovremennom mire*, 2023, vol. 2, no. 20, pp. 4–12. Available at: https://in-academy.uz/index.php/zdift/article/view/20096

Kelib tushgan / Получено / Received: 29.08.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 16.09.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 26.09.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.3./FBKC3733
UDC: 343(045)(575.1)

ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ ЭКСТРАДИЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Султонова Лобар Мамараим кизи,
самостоятельный соискатель
Ташкентского государственного юридического университета,
ведущий менеджер группы юридических услуг
АКБ «Узпромстройбанк»
ORCID: 0000-0002-2877-1275
e-mail: sultanovalobar2298@gmail.com

Аннотация. *Международное сотрудничество в уголовном процессе сегодня является неотъемлемым элементом эффективного уголовного правосудия. В условиях усиления трансграничной преступности возникает объективная необходимость в устойчивых юридических механизмах межгосударственного взаимодействия. Одним из таких механизмов выступает экстрадиция – средство, направленное на передачу обвиняемых или осуждённых лиц для осуществления уголовного преследования либо исполнения приговора. В статье анализируются содержание и правовая природа экстрадиции как института, функционирующего на стыке национального и международного права. Исследование охватывает вопросы юридических оснований экстрадиции, принципов её осуществления и ограничений, связанных с правами личности и политическим статусом запрашиваемого лица. Автор выявляет коллизионные аспекты, возникающие при взаимодействии государств с различными правовыми системами и подходами к обеспечению процессуальных гарантий. Особое внимание уделяется применению международных конвенций, в частности Европейской конвенции о выдаче 1957 года, и их влиянию на унификацию процедур. Проведён сравнительный анализ практики экстрадиции в правовых системах Республики Узбекистан, Франции и Турции. Обоснована необходимость сбалансированного подхода между интересами правосудия и защитой фундаментальных прав человека. Сделан вывод о потенциале экстрадиции как элемента устойчивой международной правовой политики. Представленные материалы могут быть полезны для законодателей, практиков и исследователей, работающих в сфере международного уголовного права.*

Ключевые слова: *экстрадиция, международное сотрудничество, уголовный процесс, правовая помощь, выдача, уголовное преследование, международные конвенции, юрисдикция*

XALQARO HAMKORLIKDA EKSTRADITSIYA TUSHUNCHASI, AHAMIYATI VA ROLI

Sultonova Lobar Mamarayim qizi,
Toshkent davlat yuridik universiteti
mustaqil izlanuvchisi,
“O‘zsanoatqurilishbank” ATB
yuridik xizmat guruhi yetakchi menejeri

Annotatsiya. *Jinoyat protsessida xalqaro hamkorlik bugungi kunda samarali jinoiy odil sudlovning ajralmas qismi sifatida namoyon bo‘lmoqda. Transchegaraviy jinoyatchilikning kuchayishi munosabati bilan davlatlararo hamkorlikning barqaror huquqiy mexanizmlariga obyektiv ehtiyoj paydo bo‘lmoqda. Shunday mexanizmlardan biri ekstraditsiya bo‘lib, u ayblanuvchilar yoki hukm qilingan shaxslarni jinoiy ta’qib qilish yoki hukmni ijro etish uchun topshirishga qaratilgan vositadir. Maqolada ekstraditsiyaning mazmuni va huquqiy tabiati milliy va xalqaro huquq chorrahasida amal qiluvchi institut sifatida tahlil qilinadi. Tadqiqot ekstraditsiyaning huquqiy asoslari, uni amalga oshirish tamoyillari, so‘ralayotgan shaxsning shaxsiy huquqlari va siyosiy maqomiga oid cheklovlar masalalarini qamrab oladi. Muallif turli huquq tizimlari va protsessual kafolatlarni ta’minlashga turlicha yondashuvlarga ega davlatlar o‘rtasidagi o‘zaro munosabatlarda yuzaga keladigan kollizion jihatlarni aniqlaydi. Xalqaro konvensiyalar, xususan, 1957-yilgi Ekstraditsiya to‘g‘risidagi Yevropa konvensiyasining qo‘llanishiga va ularning tartib-taomillarni unifikatsiyalashga ta’siriga alohida e’tibor qaratiladi. Maqolada O‘zbekiston Respublikasi, Fransiya va Turkiya huquq tizimlaridagi ekstraditsiya amaliyoti qiyosiy tahlil qilinadi. Odil sudlov manfaatlari bilan insonning asosiy huquqlarini himoya qilish o‘rtasida muvozanatli yondashuv zarurligi asoslab beriladi. Ekstraditsiyaning barqaror xalqaro huquqiy siyosatning muhim elementi sifatidagi salohiyati haqida xulosa chiqariladi. Taqdim etilgan materiallar xalqaro jinoyat huquqi sohasida faoliyat yuritayotgan qonun ijodkorlari, amaliyotchilar va tadqiqotchilar uchun foydali bo‘lishi mumkin.*

Kalit so‘zlar: *ekstraditsiya, xalqaro hamkorlik, jinoyat protsessi, huquqiy yordam, topshirish, jinoiy ta’qib, xalqaro konvensiyalar, yurisdiksiya*

THE CONCEPT, SIGNIFICANCE, AND ROLE OF EXTRADITION IN INTERNATIONAL COOPERATION

Sultonova Lobar Mamarayim kizi,
Independent researcher at Tashkent State University of Law,
Leading Manager of the Legal Services Group of JSCB
“Uzsanoatqurilishbank”

Abstract. *International cooperation in criminal proceedings today has become an integral element of effective criminal justice. Due to the intensification of transnational crime, there is an objective need for stable legal mechanisms of interstate interaction. One such mechanism is extradition — a means aimed at transferring accused or convicted persons for the purpose of criminal prosecution or execution of a sentence. The article analyzes the content and legal nature of extradition as an institution operating at the junction of national and international law. The study covers the legal grounds for extradition, the principles of its implementation, and the restrictions related to the rights of the individual and the political status of the requested person. The author identifies conflict-of-law issues arising from cooperation between states with different legal systems and approaches to ensuring procedural guarantees. Special attention is paid to the application of international conventions, such as the 1957 European Convention on Extradition, and their impact on the unification of procedures. A comparative analysis of extradition practices in the legal systems of the Republic of Uzbekistan, France, and Turkey is conducted. The necessity of a balanced approach between the interests of justice and the protection of fundamental human rights is substantiated. A conclusion is made about the potential of extradition as an element of sustainable international legal policy. The presented materials may be useful for legislators, practitioners, and researchers working in the field of international criminal law.*

Keywords: *extradition, international cooperation, criminal procedure, legal aid, extradition, criminal prosecution, international conventions, jurisdiction*

Введение

Современные тенденции глобализации и усиления трансграничных связей способствуют росту преступности, не ограниченной рамками отдельных национальных юрисдикций. В этой связи международное сотрудничество в уголовно-процессуальной сфере становится необходимым условием эффективного правосудия. Даже при существующих различиях в правовых системах и социально-экономическом развитии государства вынуждены выстраивать механизмы взаимодействия, направленные на борьбу с преступлениями, совершаемыми за пределами одной страны. Центральное место среди таких механизмов занимает экстрадиция, которая обеспечивает возможность передачи лиц, обвинённых или осуждённых, между государствами. От качества функционирования данной процедуры зависит реализация принципа неотвратимости уголовной ответственности в международном масштабе.

В современных международных условиях такие отношения сотрудничества имеют важное значение. Это связано с интернационализацией преступности и расширением её масштабов. Соответственно, развитие сотрудничества государств в данной сфере является их объективной реакцией на такие процессы, так как на национальном уровне и силами лишь одного государства борьба с интернациональной преступностью малоэффективна. Кроме того, часто возникает необходимость получения иностранной правовой помощи или осуществления совместных действий в целях раскрытия и расследования некоторых преступлений, не затрагивающих интересы иностранного государства [1, с. 129].

Таким образом, международное сотрудничество имеет ключевое значение в современном мире, позволяя странам работать вместе над общими целями, повышая уровень взаимодействия и уменьшая различия. Оно является основой для создания более справедливой, безопасной и процветающей взаимозависимой мировой системы [2, с. 11].

Понятие и правовая природа экстрадиции формировались на протяжении столетий и до сих пор остаются предметом научных дискуссий. Современное международное право предоставляет достаточно широкую нормативную базу для её реализации, включая универсальные и региональные конвенции, такие как Европейская конвенция о выдаче 1957 года, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года и другие соглашения. Однако, несмотря на наличие международных стандартов, практика экстрадиции остаётся фрагментарной и зависит от множества факторов, включая политическую волю государств, уровень развития их правовых институтов, а также соблюдение принципов справедливого судопроизводства.

Современные тенденции глобализации и усиления трансграничных связей способствуют росту преступности, не ограниченной рамками отдельных национальных юрисдикций. В этой связи международное сотрудничество в уголовно-процессуальной сфере становится необходимым условием эффективного правосудия. Даже при существующих различиях в правовых системах и социально-экономическом развитии государства вынуждены выстраивать механизмы взаимодействия, направленные на борьбу с преступлениями, совершаемыми за пределами одной страны. Центральное место среди таких механизмов занимает экстрадиция, которая обеспечивает возможность передачи лиц, обвинённых или осуждённых, между государствами. От качества функционирования данной процедуры зависит реализация принципа

неотвратимости уголовной ответственности в международном масштабе.

В международной экстрадиционной практике важное место занимает вопрос соблюдения фундаментальных прав личности. Отказ в выдаче возможен в случаях, когда существует угроза применения смертной казни, пыток, иных форм жестокого обращения либо когда дело имеет политическую подоплёку. В этой связи особое значение приобретают правовые гарантии, закреплённые как в международных договорах, так и в решениях национальных судов, оценивающих правомерность экстрадиции. Таким образом, экстрадиция выступает одновременно инструментом уголовного правосудия и критерием уровня соблюдения государствами международных стандартов в сфере прав человека.

Анализу вышеуказанных проблем уже посвящён ряд научных работ, в которых представлены различные подходы к решению вопросов экстрадиции. Так, Ю.Г. Васильев в своей диссертации [3] использовал сравнительно-правовой и историко-правовой методы, анализируя международные конвенции и практику их применения в правовых системах различных стран. Он делает акцент на необходимости унификации процедур экстрадиции и внедрения единых стандартов правовой защиты.

Т.Т. Казиканов [4], исследуя практику Республики Казахстан, применил эмпирический метод на основе анализа конкретных уголовных дел, затрагивающих вопросы международной правовой помощи и экстрадиции. Он пришёл к выводу о необходимости реформирования стадии предварительного расследования с целью устранения пробелов в процессуальных механизмах исполнения экстрадиционных запросов.

Кроме того, по сообщению официального портала Исполнительного комитета СНГ, 28 февраля 2025 года состоялось рабочее совещание по вопросу создания Единой электронной системы обмена информацией между министерствами юстиции государств-участников СНГ. В мероприятии, прошедшем в формате видеоконференции, эксперты стран СНГ подчеркнули значимость институционального подхода и усиления роли межведомственного взаимодействия посредством создания Единой электронной платформы. Отмечается, что проект Концепции по созданию Единой электронной платформы Содружества Независимых Государств для обмена информацией разработан в целях эффективного выполнения положений конвенций о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года и 7 октября 2002 года, а также дальнейшего совершенствования методов, подходов и механизмов в сфере оказания взаимной правовой помощи [5].

Исследование, предлагаемое в данной работе, посвящено анализу ключевых теоретических и прикладных проблем, связанных с международным сотрудничеством в сфере уголовного судопроизводства через механизм экстрадиции. Центральное внимание уделяется правовым основам, особенностям процедуры, международной практике и актуальным проблемам, возникающим в процессе применения данного института. В работе также проводится сравнительно-правовое исследование законодательства Республики Узбекистан и некоторых зарубежных государств с целью выявления как общих тенденций, так и различий. Практическая значимость исследования выражается в возможности использования его результатов для оптимизации нормативной базы, подготовки международных договоров и повышения результативности экстрадиционной практики.

Согласно определению, закреплённому

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

в ряде международных актов, в частности в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (Палермо, 2000 г.) [6], сотрудничество включает: взаимную правовую помощь, экстрадицию, передачу уголовного преследования, передачу осуждённых лиц, создание совместных следственных групп и иные формы.

В отличие от «международной правовой помощи», которая охватывает только процессуальные действия (допросы, обыски, направление доказательств), понятие международного сотрудничества шире и включает стратегические, институциональные и организационные аспекты взаимодействия.

Экстрадиция в современной правовой системе Республики Узбекистан выступает ключевым институтом международного сотрудничества в сфере уголовного правосудия, обеспечивающим взаимодействие государств в борьбе с транснациональной преступностью.

В Уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК) Республики Узбекистан предусмотрен отдельный четырнадцатый раздел, посвящённый международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства. Данным разделом систематизированы нормы, регулирующие международное взаимодействие. Однако, следует отметить, что не урегулированы в полной мере вопросы создания совместных следственных групп, несмотря на активные контакты с правоохранительными органами стран СНГ, Турции, Китая и Южной Кореи. Существующие договоры об экстрадиции и правовой помощи не охватывают все государства, с которыми Узбекистан имеет активные правовые связи. Недостаточно развит механизм судебного контроля за исполнением международных запросов, особенно в части экстрадиции. Кроме того, отсутствует унифицированная цифровая база данных для межгосударственного взаимодействия.

Необходимо подчеркнуть, что в юридической науке продолжаются дискуссии о границах международного сотрудничества, его правовом содержании, допустимости вмешательства в национальные процессуальные механизмы. При этом в научной и правоприменительной практике до сих пор не установлены единые подходы к разграничению понятий «международное сотрудничество» и «международная правовая помощь», что приводит к методологической путанице и практическим затруднениям.

Материалы и методы

Методологическая база настоящего исследования выстроена с учётом комплексного, междисциплинарного и сравнительно-правового подходов, обеспечивающих объективность и научную достоверность полученных выводов. Исследование основано на системном анализе действующего законодательства Республики Узбекистан, международных правовых актов, а также сравнительном изучении правовых систем зарубежных государств.

В качестве нормативной основы использованы следующие ключевые источники: Конституция и Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан; международные договоры, участником которых является Узбекистан, включая Европейскую конвенцию о выдаче преступников (1957 г.) и Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.); национальные законодательные акты стран Центральной Азии (в первую очередь Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана); законодательства государств с различными правовыми системами, включая страны континентальной правовой семьи (Германия, Франция) и англосаксонской традиции (США, Великобритания); практика международных судебных органов

(в частности, ЕСПЧ и Международного уголовного суда); современная доктрина (монографии, научные статьи, а также диссертационные исследования, проведённые в рамках национальных и зарубежных правовых школ).

Методологическую основу исследования составили как общенаучные, так и частно-юридические методы, а именно:

анализ, синтез, сравнение – при изучении законодательства и международных договоров;

формально-юридический метод – при анализе правовых норм и их содержания;

историко-правовой метод – для прослеживания становления и эволюции института экстрадиции в различных странах;

сравнительно-правовой метод – для сопоставления подходов Узбекистана и зарубежных государств к вопросам выдачи;

системный подход – для рассмотрения экстрадиции как части более широкой системы международного сотрудничества в уголовном процессе.

Комплексное применение указанных методов обеспечило научную достоверность результатов и позволило выделить существующие проблемы и противоречия в применении института экстрадиции на международном уровне. Эти методы также способствовали выявлению актуальных проблем и выработке путей их решения с учётом международных обязательств Республики Узбекистан и международной практики.

Результаты исследования

Результаты проведённого исследования позволили выявить как общие закономерности, так и специфику правового регулирования экстрадиции в различных правовых системах.

Анализ национального законодательства показал, что в Республике Узбекистан институт экстрадиции закреплён в Уголовно-процессуальном кодексе (глава 65) как выдача лица для привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора, а также регулируется международными договорами, участником которых является Республика Узбекистан.

Исследование показало, что правовая модель Узбекистана в этой сфере в значительной степени зависит от международных договоров, заключённых с отдельными государствами, а также от многосторонних соглашений, таких как Европейская конвенция о выдаче 1957 года, Конвенция СНГ о правовой помощи и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года.

Среди них особую роль играют двусторонние соглашения о правовой помощи с государствами СНГ, Китаем, Турцией и другими странами. Законодательство Узбекистана устанавливает основания и порядок выдачи лиц, включая процедурные гарантии, однако в практической реализации наблюдаются сложности, связанные с отсутствием единообразных правоприменительных подходов.

Процедура экстрадиции в Узбекистане включает следующие этапы:

1) поступление запроса о выдаче от иностранного государства (через дипломатические каналы или Интерпол);

2) рассмотрение запроса Генеральной прокуратурой Республики Узбекистан в соответствии с международными договорами Республики Узбекистан или на основе принципа взаимности;

3) вынесение заключения о допустимости выдачи;

4) принятие решения о выдаче лица, находящегося на территории Республики Узбекистан, Генеральным прокурором Республики Узбекистан либо его заместителем;

5) обжалование решения в Суде Республики Каракалпакстан, областном или Ташкентском городском суде по

месту содержания под стражей запрашиваемого лица в течение десяти суток с момента получения письменного уведомления.

Согласно статье 603 УПК, выдача лица, находящегося на территории Республики Узбекистан, иностранному государству не допускается, если:

лицо, в отношении которого поступил запрос, является гражданином Республики Узбекистан;

преступление, в связи с которым направлен запрос, совершено на территории Республики Узбекистан либо против интересов Республики Узбекистан за пределами её территории;

в отношении запрашиваемого лица на территории Республики Узбекистан по тому же деянию имеется вступивший в законную силу приговор или определение (постановление) суда либо неотменённое постановление правомочного должностного лица об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении;

деяние, послужившее основанием для направления запроса, не является преступлением по законодательству Республики Узбекистан;

в соответствии с законодательством Республики Узбекистан уголовное дело не может быть возбуждено или подлежит прекращению либо приговор не может быть приведён в исполнение вследствие истечения сроков давности или по иному законному основанию;

за то же деяние в Республике Узбекистан в отношении запрашиваемого лица возбуждено уголовное дело;

лицу, в отношении которого поступил запрос, предоставлено убежище в Республике Узбекистан в связи с возможностью преследования в запрашивающем государстве по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определённой социальной группе или по политическим убеждениям.

Если выдача лица, находящегося на территории Республики Узбекистан, не производится, Генеральная прокуратура Республики Узбекистан письменно уведомляет об этом компетентный орган иностранного государства с указанием оснований отказа.

Проведённый анализ позволил установить, что экстрадиция в современной правовой системе Республики Узбекистан выступает не только как уголовно-процессуальный инструмент, но и как ключевой элемент международного сотрудничества в сфере уголовного правосудия, обеспечивающий взаимодействие государств в борьбе с транснациональной преступностью.

Ярким примером может послужить сообщение пресс-службы российского надзорного органа: по запросу Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан Генеральная прокуратура Российской Федерации удовлетворила запросы о выдаче граждан для привлечения к уголовной ответственности. В результате 56 лиц были выданы для привлечения к уголовной ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления [7].

Анализ статистических данных указывает на повышенный интерес Республики Узбекистан к сотрудничеству в вопросах экстрадиции, однако также свидетельствует о необходимости совершенствования механизмов межгосударственного взаимодействия, особенно в части правовых гарантий и цифровизации процессов.

В то же время анализ правоприменительной практики выявил пробелы, такие как отсутствие чётких процедур временного задержания, механизмов согласия на выдачу и гарантий обжалования решения о выдаче.

Экстрадиция, являясь юридическим каналом передачи обвиняемого или осуждённого из одного государства в

другое, реализует фундаментальные цели международного уголовного сотрудничества:

преследование лиц, скрывающихся от правосудия;

предотвращение уклонения от уголовной ответственности;

исполнение международных обязательств в сфере правосудия.

Экстрадиция во Франции. В правовой системе Франции экстрадиционные процедуры урегулированы Уголовно-процессуальным кодексом, а также двусторонними и многосторонними договорами, включая Европейскую конвенцию о выдаче 1957 года.

Франция является участником: Европейской конвенции о взаимной правовой помощи (1959 г.); Шенгенского соглашения (1985 г.); Конвенции ЕС о правовой помощи (2000 г.). Органы взаимодействия: Министерство юстиции, прокуратура, судебные органы. Франция активно участвует в международных следственных группах, применяет упрощённые процедуры признания судебных решений в рамках ЕС.

Французская практика делает акцент на соблюдении прав человека. Европейская конвенция по правам человека активно применяется при рассмотрении вопросов об отказе в выдаче. Примером служит дело Soering v. The United Kingdom (1989 г.), в котором Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) признал невозможность экстрадиции в США из-за угрозы смертной казни как формы бесчеловечного обращения. Таким образом, Франция отказывает в экстрадиции, если существует угроза пыток, отсутствует гарантия справедливого суда или если запрос касается политического преступления.

Экстрадиция в Турции. В Турции экстрадиция осуществляется в соответствии с положениями Конституции, Уголовного кодекса и закона о международной правовой помощи.

Особенности турецкой практики:

отказ в экстрадиции возможен, если лицо может подвергнуться преследованию по политическим мотивам (особенно в делах, связанных с членами оппозиционных организаций);

активное участие в экстрадиции по делам терроризма и тяжких преступлений;

применение принципа взаимности и учёт международных обязательств, особенно при рассмотрении дел с участием лиц, подозреваемых в террористической деятельности.

При этом на практике возможны случаи политизации процедуры выдачи, что приводит к коллизиям между международными обязательствами и внутренними интересами.

Что касается *международной практики*, то ключевым элементом экстрадиционного взаимодействия остаются универсальные и региональные конвенции. Европейская конвенция о выдаче 1957 года, несмотря на свою фундаментальность, содержит положения, вызывающие неоднозначные толкования. Например, статья 3 Конвенции запрещает экстрадицию по политическим преступлениям, однако в практике государств отсутствует единый подход к определению понятия «политическое преступление».

Таким образом, экстрадиция представляет собой правовой институт оказания международной помощи другому государству [8, с. 245]. Государства присоединяются и участвуют в многосторонних соглашениях для того, чтобы воспользоваться ясностью и определённостью, обеспечиваемыми этими соглашениями, по сравнению с многочисленными двусторонними договорами и национальными законами разных стран. Это помогает устранить проблемы и неопределённости, с которыми сталки-

ваются правительства и правоохранительные органы при рассмотрении дел об экстрадиции [9, с. 35].

Анализ результатов исследования

В ходе анализа также установлено, что отказ в экстрадиции часто основывается на рисках нарушения прав человека. В частности, государства – участники Европейской конвенции по правам человека нередко отказывают в выдаче, если существует вероятность применения пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Это обосновано решением по делу Othman (Abu Qatada) v. United Kingdom (2012 г.), где Европейский суд признал недопустимость экстрадиции в Иорданию ввиду угрозы нарушения права на справедливый суд.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в зарубежных правопорядках институт экстрадиции более детализирован. Например, в Германии решение об экстрадиции принимает Министерство юстиции только после обязательного судебного рассмотрения, в соответствии с Законом о международной взаимной правовой помощи по уголовным делам [10]. Во Франции суд обладает правом наложения запрета на экстрадицию при наличии политического характера преступления (Code de procédure pénale, art. 696) [11]. В США действуют федеральные экстрадиционные процедуры с обязательным судебным слушанием (18 U.S. Code § 3184) [12].

Также выявлена несогласованность между международными обязательствами Узбекистана и внутренним законодательством. Например, несмотря на присоединение к Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.), национальное законодательство не содержит чётких процедур отказа в выдаче по причине риска нарушения прав человека [13].

Решения ЕСПЧ, в частности дело Soering v. United Kingdom (1989 г.), заложили правовую доктрину, запрещающую экстрадицию при наличии реального риска применения пыток или смертной казни в государстве назначения, в соответствии со статьёй 3 Европейской конвенции [14].

В странах Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан) также выявлены аналогичные проблемы, в частности дефицит цифровой координации и отсутствие унифицированных процедур по вопросам экстрадиции.

Значение института международного сотрудничества многогранно и проявляется в следующих ключевых аспектах:

1. Обеспечение неотвратимости уголовной ответственности. В условиях открытых границ преступники могут скрываться за пределами страны, в которой совершили преступление. Механизмы сотрудничества, такие как экстрадиция или розыск по каналам Интерпола, позволяют обеспечить передачу лица для судебного преследования.

2. Содействие в доказывании и расследовании. Через механизмы взаимной правовой помощи (например, запросы о получении доказательств, допросе свидетелей, передаче документов) обеспечивается эффективное уголовное расследование в трансграничных делах.

3. Защита международного правопорядка и прав человека. Современные формы сотрудничества основаны на принципах международного гуманитарного права, включая запрет на экстрадицию при угрозе применения пыток, смертной казни или нарушении принципа справедливого суда [14].

4. Повышение доверия и правовой интеграции между государствами. Наличие двусторонних и многосторонних договоров в области уголовного сотрудничества способствует формированию единого

правового пространства, обмену информацией и выработке общей стратегии в борьбе с преступностью.

5. Противодействие транснациональной организованной преступности и терроризму. Именно международное сотрудничество позволяет своевременно реагировать на вызовы, связанные с наркоторговлей, торговлей людьми, киберпреступностью, финансированием терроризма и другими проявлениями [15].

Особую дискуссию вызывает роль экстрадиции в современном международном сотрудничестве. Большинство исследователей справедливо указывают на её значение как эффективного инструмента борьбы с транснациональной преступностью. Однако нельзя игнорировать позицию тех, кто рассматривает экстрадицию в качестве политико-правового инструмента, нередко используемого в качестве давления на другие государства. Данное замечание небезосновательно: практика экстрадиции действительно показывает наличие случаев её политизации. Вместе с тем чрезмерный акцент на политическом аспекте может умалять истинное назначение института – обеспечение принципа неотвратимости уголовной ответственности.

Наконец, одним из наиболее дискуссионных вопросов остаётся поиск баланса между интересами международного сотрудничества и защитой прав человека. Одни исследователи настаивают на необходимости формирования универсального международного стандарта экстрадиции (например, под эгидой ООН), который обеспечил бы единый подход к процедурам и основаниям отказа. Другие возражают, указывая, что унификация может противоречить национальным конституционным принципам и привести к ослаблению суверенитета. В этой связи особую значимость приобретает позиция, согласно которой развитие региональных информационных систем и механизмов взаимодействия (например, в рамках СНГ и ЕАЭС) является более прагматичным путём, чем создание универсального кодекса экстрадиции.

Таким образом, полемика вокруг понятия, роли и значения экстрадиции демонстрирует, что данный институт находится на стыке международного и национального права, сочетает в себе элементы правовой обязанности и государственного усмотрения, а его будущее развитие должно учитывать как задачи борьбы с преступностью, так и необходимость соблюдения фундаментальных прав человека.

Особо следует отметить, что правовая система Республики Узбекистан сталкивается с проблемой недостаточной универсальности договорной базы. В отличие от стран Европейского союза, связанных системой Европейского ордера на арест (EAW), Узбекистан действует преимущественно в рамках двусторонних соглашений и принципа взаимности, содержание которого остаётся неопределённым [16]. Важно помнить, что одним из ключевых компонентов международного сотрудничества является защита прав личности в процессе выдачи. В практике ЕСПЧ (например, Mamatkulov and Askarov v. Turkey, Othman v. UK) сформулированы стандарты, запрещающие экстрадицию, если в стране назначения существует реальный риск пыток, бесчеловечного обращения или смертной казни [17].

Важно подчеркнуть, что международные договоры о выдаче обычно запрещают экстрадицию за тяжкие преступления, если существует угроза применения смертной казни, в случаях, когда исполняющее запрос государство не предусматривает смертную казнь за соответствующее преступление, а запрашивающая сторона не предоставляет надёжных заверений, что смертная казнь не будет применена

или приведена в исполнение. Кроме того, международное право запрещает передачу лиц из государств, которые отменили смертную казнь или ввели мораторий на её применение, в государства, где существует угроза её использования [14, с. 18].

В деле Operation Trojan Shield (2021 г.) было проведено совместное расследование ФБР, Европола и правоохранительных органов Австралии, основанное на правовой помощи более чем 16 стран [19].

Что касается реализации прав личности, международное сотрудничество требует соблюдения принципа *non-refoulement* (невыдачи при угрозе пыток), права на справедливое судебное разбирательство и права на обжалование экстрадиции [20]. Показателен пример дела M.S.S. v. Belgium and Greece (2011 г.), в котором ЕСПЧ признал нарушение при передаче заявителя без оценки условий содержания [21].

Практика развитых стран делает акцент на судебный контроль, высокие стандарты доказательства и оценку гуманитарных последствий экстрадиции, чего пока нет в Узбекистане.

Таким образом, выдача преступников относится к тем институтам международного права, которые находятся на стыке международного и внутригосударственного регулирования и носят комплексный характер. Ю.Г. Васильев отмечает, что институт выдачи преступников, являясь комплексным юридическим феноменом, соединяющим в себе нормы материального и процессуального права, осуществляет своё регулятивное воздействие с учётом двух важных факторов – гражданства преступника и определения места совершения преступления. Экстрадиция как самостоятельный институт в системе международного уголовного права регулируется на основе общепризнанных принципов международного публичного права [3, с. 68].

Формирование правовой основы экстрадиции имело большое значение: оно способствовало углублению сотрудничества государств в вопросах пресечения преступлений, посягающих на международный и национальный правовой порядок, обеспечению неотвратимости ответственности и наказания преступников, а также становлению согласованных правил и принципов, регламентирующих выдачу и гарантирующих права личности в связи с экстрадицией [22, с. 5–6].

В законодательстве Узбекистана отсутствуют прямые нормы, закрепляющие обязательность проведения оценки гуманитарных последствий экстрадиции или обязательность получения дипломатических гарантий, как это практикуется в Нидерландах и Великобритании.

Что касается цифровизации и координационных механизмов, следует отметить, что современные подходы к международному уголовному сотрудничеству всё чаще предполагают внедрение цифровых платформ обмена запросами и электронных баз розыска и уведомлений. В Узбекистане подобная система отсутствует, что негативно влияет на скорость и прозрачность процедур.

Кроме того, практика международного сотрудничества в Узбекистане остаётся фрагментарной: судебные дела по отказу в экстрадиции или её обжалованию фактически отсутствуют в публичных базах. В странах с развитой правовой культурой каждое дело по выдаче сопровождается судебным анализом, оценкой международных обязательств и публичным обоснованием. Это повышает уровень правовой предсказуемости и транспарентности.

На основе анализа можно сделать вывод, что результаты исследования подтверждают сложный и многомерный характер института экстрадиции, его зависимость от политико-правового контекста, уровня правовой защи-

щённости личности и международных обязательств государства. Обобщённые данные свидетельствуют о необходимости гармонизации правовых подходов, усиления судебного контроля за соблюдением гарантий при экстрадиции и разработки механизмов независимой правовой оценки рисков, связанных с выдачей лиц.

На практике в Узбекистане механизм экстрадиции всё чаще применяется по уголовным делам, связанным с терроризмом, экономическими преступлениями и наркоторговлей. Однако эксперты указывают на необходимость повышения прозрачности решений и системного взаимодействия с международными правозащитными институтами.

Следует особо подчеркнуть, что Узбекистан располагает формальной правовой базой экстрадиции, но нуждается в усилении судебных процедур и транспарентности их исполнения. Несмотря на существование законодательных основ международного сотрудничества, реализация таких механизмов остаётся недостаточно детализированной. В частности, отсутствует отдельный закон об экстрадиции, как это предусмотрено, например, в Германии (IRG – Gesetz über die internationale Rechtshilfe in Strafsachen). Генеральная прокуратура Узбекистана выполняет одновременно функции центрального органа и фактического исполнителя без стадии обязательного судебного контроля, что снижает уровень судебной защиты прав экстрадируемого лица.

В то время как страны ЕС и США обеспечивают высокий уровень процессуальных гарантий при международных экстрадиционных процедурах, в Узбекистане остаётся неурегулированным вопрос о прямом применении международных обязательств в случае конфликта с внутренним правом, что создаёт угрозу нарушения принципа *pacta sunt servanda* и возникновения международной правовой ответственности.

Франция реализует экстрадицию в рамках чётко отработанной процедуры с приоритетом соблюдения Европейской конвенции по правам человека и принципов гуманности. Турция сочетает строгий контроль с политической гибкостью, что делает её практику менее предсказуемой в правовом отношении. Вместе с тем все страны признают необходимость соблюдения международных гарантий защиты прав человека при экстрадиции, особенно в случаях угрозы пыток или несправедливого судебного разбирательства.

Таким образом, результаты исследования показывают, что Узбекистану необходимо совершенствование нормативной базы, усиление судебного контроля за экстрадиционными процедурами и унификация законодательства в соответствии с международными стандартами.

В результате рассмотрения национальных и зарубежных источников установлено, что:

1. Международное сотрудничество в форме экстрадиции в Узбекистане осуществляется преимущественно через Генеральную прокуратуру как центральный орган, что ограничивает возможности судебного контроля и участия иных институтов (судов, адвокатуры) в защите прав экстрадируемого лица.

2. В странах ЕС, США и Канады процедуры экстрадиции строго институционализированы и основаны на судебных гарантиях, включая обязательное судебное рассмотрение запроса о выдаче, проверку условий содержания, а также невозможность экстрадиции при угрозе нарушения прав человека. Так, решения ЕСПЧ (например, Soering v. the United Kingdom, 1989 г.) систематически формируют стандарты, обязывающие государства-участники отказывать в выдаче, если в государстве назначения существует риск жестокого

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

обращения или применения смертной казни.

3. В современных условиях растущей трансграничной преступности и террористических угроз экстрадиция становится неотъемлемым элементом глобальной правовой интеграции. Однако выявлена несогласованность между международными обязательствами и внутренними правовыми механизмами Узбекистана. В частности, отсутствие чётких норм о запрете экстрадиции при наличии политического мотива запроса или при угрозе нарушения прав человека создаёт риски международной правовой ответственности.

4. Механизмы правовой взаимопомощи и выдачи в Узбекистане не охватывают важные аспекты, касающиеся обмена доказательствами, координации при задержании, временной экстрадиции или экстрадиции по «гуманитарным исключениям», как это предусмотрено, например, в праве Канады и Нидерландов.

5. Отсутствие единой базы данных и цифровой платформы для взаимодействия между компетентными органами Узбекистана и иностранных государств снижает эффективность и оперативность международного сотрудничества.

Выводы

Исходя из полученных результатов, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, международное сотрудничество в уголовном процессе должно рассматриваться как многоуровневая система правового взаимодействия, охватывающая не только процессуальные действия, но и институциональные и правозащитные аспекты. Проведённое исследование подтверждает, что международное сотрудничество в уголовном процессе является неотъемлемым элементом современной системы уголовной юстиции, особенно в условиях транснационального характера преступности. Это сотрудничество выходит за пределы традиционной «международной правовой помощи» и включает в себя экстрадицию, передачу осуждённых лиц, участие в совместных следственных группах, признание решений иностранных судов и иные формы взаимодействия.

Во-вторых, существующее в науке отождествление понятий «международная правовая помощь» и «международное сотрудничество» является упрощением и требует пересмотра. Последнее имеет более широкий охват и включает стратегические и организационные механизмы. Международное сотрудничество выступает инструментом обеспечения баланса между суверенитетом и международными обязательствами государства, что требует особой юридической точности и соблюдения стандартов прав человека.

В-третьих, анализ международной практики, в частности решений Европейского суда по правам человека, показывает, что ключевыми принципами в сфере международного сотрудничества являются: защита прав человека, надлежащая юридическая процедура, запрет на передачу лиц в страны, где возможны пытки или необоснованное преследование, а также принцип индивидуальной оценки.

Следовательно, на основе вышеизложенного представляются следующие практические предложения:

1. Разработать и принять специальный закон «О международном сотрудничестве в уголовном процессе», в котором:

систематизировать все формы сотрудничества;

урегулировать статус совместных следственных групп (JIT);

определить компетенции органов, сроки, процедуры и права сторон.

2. Внести изменения в УПК Республики Узбекистан, предусматривающие:

судебный порядок рассмотрения запросов об экстрадиции и передачи доказательств;

механизмы обжалования решений, принимаемых в рамках международных процедур.

3. Разработать цифровую платформу межведомственного взаимодействия, интегрированную с международными структурами (Интерпол, Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC), Европол), с возможностью отслеживания запросов, дел, сроков и исполнения обязательств.

4. Внедрить практику правовой оценки условий в принимающем государстве при экстрадиции, в том числе с привлечением Министерства юстиции и института Омбудсмана.

5. Расширить участие Узбекистана в международных форматах, включая ратификацию дополнительных протоколов к международным конвенциям, присоединение к Европейской конвенции о взаимной помощи по уголовным делам 1959 года и другим ключевым договорам.

Таким образом, Узбекистан обладает достаточным правовым и институциональным потенциалом для развития эффективной системы международного сотрудничества в уголовном процессе. Однако для достижения соответствия международным стандартам необходимо провести системную кодификацию, внедрить судебные гарантии, усилить межведомственную координацию и обеспечить транспарентность правоприменения.

Реализация предложенных рекомендаций позволит Узбекистану укрепить свои международные позиции в области уголовной юстиции, обеспечить надлежащую защиту прав и свобод личности, а также эффективно реагировать на вызовы транснациональной преступности.

REFERENCES

1. Ivashuk V.K. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor'be s prestupnost'yu – sreda formirovaniya mezhdunarodno-pravovkh standartov [International cooperation in combating crime – an environment for the formation of international legal standards]. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 2 (42), pp. 127–131.

2. Suleymanova L.N. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva v usloviyakh globalizatsii [International cooperation in criminal justice in the context of globalization]. *FGBOUVO Group of Companies Ocean Management*, 2023, no. 4 (22), pp. 9–12.

3. Vasil'ev Yu.G. Institut vydachi prestupnikov (ekstraditsii) v sovremennom mezhdunarodnom prave [The Institute of Extradition in Modern International Law]. Moscow, 2003.

4. Kazikanov T.T. Problemy protsessual'no-pravovogo obespecheniya ekstraditsii na predvaritel'nom rassledovanii: po materialam Respubliki Kazakhstan [Problems of procedural and legal support for extradition during preliminary investigation: Based on materials from the Republic of Kazakhstan]. Almaty, 2005, p. 212.

5. Ispolnitel'nyy komitet SNG [CIS executive committee]. 2025. Available at: https://www.ksgp-cis.ru/news/news-item/9047

6. United Nations Convention against Transnational Organized Crime, and the protocols thereto. Palermo, 2000, pp. 16–18. Available at: https://www.unodc.org/unodc/en/organized-crime/intro/UNTOC.html

7. Iz Rossii v Uzbekistan otpravleny 56 grazhdan dlya privlecheniya k ugolovnoy otvetstvennosti [Fifty-six citizens have been sent from Russia to Uzbekistan to face criminal charges]. Gazeta.uz, 2020. Available at: https://www.gazeta.uz/ru/2020/12/22/extradtion/

8. Maslennikova E.A. Osobennosti ekstraditsii v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva [Peculiarities of extradition in the sphere of criminal proceedings]. *Law and State: Theory and Practice*, 2021, no. 11 (203), pp. 244–245.

9. Isokhonov F.Sh. Obshchaya kharakteristika mezhdunarodnykh dogovorov, reguliruyushchikh ekstraditsiyu [General characteristics of international treaties regulating extradition]. *Universe: Economics and Jurisprudence*, 2024, no. 7 (117), pp. 35–39. Available at: https://7universum.com/ru/economy/archive/item/17759

10. Gesetz über die internationale Rechtshilfe in Strafsachen (IRG) [Law on International Mutual Assistance in Criminal Matters (IRG)]. *Federal Ministry of Justice*, 2023, §§ 74–83.

11. Code de procédure pénale [Code of Criminal Procedure]. *Code of Criminal Procedure*, 2004, Article 696. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006577416

12. 18 U.S. Code § 3184 - Fugitives from foreign country to United States. U.S. Government Publishing Office. Available at: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/3184

13. Convention Against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. United Nations, 1984. Article 3. Available at: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-against-torture-and-other-cruel-inhuman-or-degrading#:~:text=justification%20of%20torture.-,Article%203,2

14. Soering v. The United Kingdom (Application no. 14038/88), Judgment of 7 July 1989, European Court of Human Rights. Available at: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-57619%22]}

15. Manual on International Cooperation for the Purposes of Confiscation of Proceeds of Crime. New York, 2012, p. 123. Available at: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/Publications/Confiscation_Manual_Ebook_E.pdf

16. European Arrest Warrant Framework Decision (2002/584/JHA). Available at: https://eur-lex.europa.eu/eli/dec_framw/2002/584/oj/eng

17. European Court of Human Rights. Mamatkulov and Askarov v. Turkey, 2005; Othman (Abu Qatada) v. United Kingdom, 2012. Available at: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-108629%22]}

18. ICJ Guidance on Extraditions and Expulsions in Central Asia. International Commission of Jurists. Geneva, 2020, p. 40.

19. Europol's highlights of 2021: a year in review. Europol, 2021. Available at: https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/europol%E2%80%99s-highlights-of-2021-year-in-review

20. Konventsiya protiv pytok i drugikh zhestokikh, beschelovechnykh ili unizhayushchikh dostoinstvo vidov obrashcheniya i nakazaniya [Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment]. United Nations, 1984. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml

21. M.S.S. v. Belgium and Greece. ECtHR, 2011. Available at: https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-103050%22]}

22. Safarov N. Ekstraditsiya v mezhdunarodnom ugolovnom prave: problemy teoriii praktiki [Extradition in International Criminal Law: Problems of Theory and Practice]. Moscow, 2005, p. 58.

Kelib tushgan / Получено / Received: 19.08.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 09.09.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 26.09.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.3./CCYN7016
UDC: 327(045)(575.1)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Юсупова Фарингиз Уктам кизи,
доктор философии (PhD) по юридическим наукам,
и. о. доцента Института переподготовки
и повышения квалификации юридических кадров
при Министерстве юстиции Республики Узбекистан
ORCID: 0000-0002-8202-2160
e-mail: Faringiz002@gmail.com

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретико-правовые основы международного регулирования безопасности медицинской информации в условиях стремительной цифровизации здравоохранения. Особое внимание уделяется анализу нормативно-правовых актов, направленных на защиту конфиденциальных медицинских данных, включая Общий регламент ЕС по защите данных (GDPR), Руководящие принципы ВОЗ по цифровому здравоохранению, рекомендации ОЭСР и документы других международных институтов. Автор подчёркивает значимость формирования единых правовых стандартов и принципов, обеспечивающих надёжную защиту персональных медицинских данных в условиях глобальной интеграции цифровых медицинских систем. В работе раскрываются правовые и этические вызовы, возникающие при использовании телемедицины, электронных медицинских карт, систем искусственного интеллекта в диагностике и мобильных медицинских приложений. Исследуются риски, связанные с: несанкционированным доступом к информации; трансграничной передачей данных; дефицитом единых подходов к хранению, обработке и использованию персональных медицинских данных. Анализируется правоприменительная практика отдельных государств, а также деятельность региональных объединений (ЕС, СНГ) в сфере цифровой безопасности и медицинской этики. В заключительной части статьи представлены конкретные предложения по: гармонизации национального законодательства с международными стандартами, разработке комплексных политик информационной безопасности в здравоохранении и усилению роли надзорных органов и транснационального взаимодействия. Особое внимание уделяется необходимости соблюдения баланса между технологическим прогрессом и обеспечением фундаментальных прав личности – права на частную жизнь, неприкосновенность и защиту персональных данных.*

Ключевые слова: *медицинская информация, информационная безопасность, международное право, здравоохранение, конфиденциальность, Общий регламент ЕС по защите данных (GDPR), Всемирная организация здравоохранения, цифровое здравоохранение, защита данных, международное регулирование*

TIBBIY MA’LUMOTLAR XAVFSIZLIGINI TA’MINLASHNING XALQARO-HUQUQIY VA KONTSEPTUAL ASOSLARI

Yusupova Faringiz O‘ktam qizi,
O‘zbekiston Respublikasi Adliya vazirligi huzuridagi
Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash
va malakasini oshirish instituti dotsenti v.b.,
yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (PhD)

Annotatsiya. *Maqolada sog‘liqni saqlash tizimining jadal raqamlashtirilishi sharoitida tibbiy ma’lumotlar xavfsizligini xalqaro darajada tartibga solishning nazariy-huquqiy asoslari ko‘rib chiqiladi. Muallif maxfiy tibbiy ma’lumotlarni himoya qilishga qaratilgan normativ-huquqiy hujjatlar, jumladan, Yevropa Ittifoqining Ma’lumotlarni himoya qilish bo‘yicha umumiy reglamenti (GDPR), Jahon sog‘liqni saqlash tashkilotining raqamli sog‘liqni saqlash bo‘yicha yo‘riqnomalari, Iqtisodiy hamkorlik va taraqqiyot tashkiloti (IHTT) tavsiyalari hamda boshqa xalqaro institutlar faoliyatini tahlil qilishga alohida e’tibor qaratadi. Raqamli sog‘liqni saqlash tizimlarining global integratsiyalashuvi sharoitida tibbiy ma’lumotlarni ishonchli himoya qilishni ta’minlovchi yagona huquqiy standartlar va tamoyillarni shakllantirish muhimligi ta’kidlanadi. Telemeditsina, elektron tibbiy kartalar, diagnostikadagi sun’iy intellekt tizimlari va mobil tibbiy ilovalardan foydalanishda yuzaga keladigan huquqiy va axloqiy muammolar ochib beriladi. Shuningdek, muallif ma’lumotlarga ruxsatsiz kirish, ularning transchegaraviy uzatilishi, shaxsga doir tibbiy ma’lumotlarni saqlash qayta ishlash va ulardan foydalanish bo‘yicha yagona yondashuvlar yetishmasligi bilan bog‘liq xavflarni o‘rganadi. Ayrim davlatlarning huquqni qo‘llash amaliyoti hamda Yevropa Ittifoqi, MDH kabi mintaqaviy birlashmalarning raqamli xavfsizlik va tibbiy etika sohasidagi faoliyati tahlil qilinadi. Maqola yakunida milliy qonunchilikni xalqaro standartlar bilan uyg‘unlashtirish, sog‘liqni saqlash, sohasida axborot xavfsizligini ta’minlash bo‘yicha kompleks siyosat ishlab chiqish, nazorat organlari va transmilliy hamkorlik rolini kuchaytirish yuzasidan aniq takliflar bildiriladi. Shu bilan birga, texnologik taraqqiyot va shaxsning asosiy huquqlari – shaxsiy hayot, daxlsizlik va shaxsiy ma’lumotlarni himoya qilish o‘rtasidagi muvozanatni saqlash zarurligi alohida qayd etiladi.*

Kalit so‘zlar: *tibbiy ma’lumotlar, axborot xavfsizligi, xalqaro huquq, sog‘liqni saqlash, maxfiylik, Yevropa Ittifoqining Ma’lumotlarni himoya qilish bo‘yicha umumiy reglamenti (GDPR), Jahon sog‘liqni saqlash tashkiloti (JSST), raqamli sog‘liqni saqlash, ma’lumotlar himoyasi, xalqaro tartibga solish*

INTERNATIONAL LEGAL AND CONCEPTUAL FOUNDATIONS FOR ENSURING THE SECURITY OF MEDICAL DATA

Yusupova Faringiz Uktam kizi,
Acting Associate Professor of The Institute for Retraining
and Advanced Training of Legal Presonnel
under the Minstry of Justice of the Republic of Uzbekistan,
Doctor of Philosophy (PhD) in Law

Abstract. *The article examines the theoretical and legal foundations of international regulation of medical data security in the context of the accelerated digitalization of the healthcare system. The author pays special attention to the analysis of regulatory legal acts aimed at protecting confidential medical information, including the European Union’s General Data Protection Regulation (GDPR), World Health Organization guidelines on digital health, recommendations of the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD), and the activities of other international institutions. The importance of forming unified legal standards and principles that ensure reliable protection of medical information in the context of global integration of digital healthcare systems is emphasized. The author also examines*

the risks associated with unauthorized access to data, their cross-border transfer, and the lack of unified approaches to the storage, processing, and use of personal medical data. The law enforcement practice of individual countries and the activities of regional associations, such as the European Union and the CIS, in the field of digital security and medical ethics are analyzed. The article concludes with specific proposals for harmonizing national legislation with international standards, developing a comprehensive policy for ensuring information security in the healthcare sector, and strengthening the role of regulatory bodies and transnational cooperation. At the same time, the need to maintain a balance between technological progress and fundamental human rights - privacy, immunity, and the protection of personal data - is emphasized.

Keywords: *medical data, information security, international law, health, privacy, European Union General Data Protection Regulation (GDPR), World Health Organization (WHO), digital health, data protection, international regulation*

Введение

Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий привело к масштабной цифровизации современной системы здравоохранения. В настоящее время персональные данные пациентов, результаты диагностики, лабораторные анализы, заказы на лекарственные препараты и иная медицинская информация собираются, обрабатываются и хранятся преимущественно в электронном виде. Эти сведения относятся к категории медицинской информации и требуют высокого уровня информационной безопасности, поскольку представляют собой чувствительные персональные данные, непосредственно связанные с личной жизнью, здоровьем и даже жизнью человека.

По мнению исследователей, приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами способствует усилению контроля над медицинской информацией и повышению гарантий прав пациентов [1]. Так, немецкий юрист Томас Клемент [2] считает необходимым гармонизировать стандарты конфиденциальности на международном уровне при правовом регулировании трансграничного обмена информацией в системе здравоохранения, особенно в случаях применения искусственного интеллекта. Французский учёный Мария де Мернак [3], опираясь на опыт применения Общего регламента ЕС по защите данных – General Data Protection Regulation (GDPR), подчёркивает необходимость приведения национального законодательства развивающихся стран в соответствие с международными правовыми принципами. По её мнению, это является ключевым фактором формирования правовой культуры в сфере информационной безопасности.

Кроме того, американский исследователь Рави Гупта в своей статье 2022 года [4] особо акцентирует внимание на важности внедрения механизмов прозрачности и получения согласия пациента, наряду с использованием технологических решений для обеспечения безопасности медицинских данных в системе здравоохранения США посредством закона о переносимости и подотчётности медицинского страхования (HIPAA – Health Insurance Portability and Accountability Act). По его мнению, данные подходы следует обобщить на международном уровне для укрепления принципа цифрового доверия в сфере здравоохранения.

В то же время британский профессор Дэвид Эрдос [5] подчёркивает, что информационная безопасность в цифровых системах здравоохранения должна обеспечиваться не только техническими средствами, но и поддерживаться деятельностью надёжных органов правового

контроля. Он рассматривает чёткое определение правовых границ обмена данными между крупными технологическими компаниями и медицинскими учреждениями как стратегическую задачу для международного права.

Материалы и методы

Исследование основано на анализе международных документов (GDPR, HIPAA), национального законодательства, судебной практики и научных публикаций ведущих исследователей (Т. Клемент, М. де Мернак, Д. Эрдос и др.).

Методологическую основу составляют принципы международного права, теория информационной безопасности и концепция гармонизации национального законодательства с международными стандартами.

В ходе исследования применялись следующие методы: формально-юридический – для анализа норм права; сравнительно-правовой – для сопоставления международных и национальных стандартов; системный и междисциплинарный – для оценки взаимодействия права, медицины и технологий; доктринальный анализ – для изучения научных концепций; историко-правовой метод – для выявления эволюции защиты медицинских данных.

Результаты исследования

Международное регулирование безопасности медицинских данных является сегодня одной из наиболее актуальных и приоритетных сфер развития международного правопорядка. Формирование и развитие норм международного права в данной области прошло через определённые исторические этапы, демонстрируя постепенное усиление правовой защиты медицинской информации.

Исторический анализ показывает, что правовая защита медицинских данных на международном уровне изначально закреплялась в рамках базовых документов по правам человека. Так, в статье 12 Всеобщей декларации прав человека ООН, принятой в 1948 году, установлено право каждого человека на неприкосновенность частной жизни. Этот принцип заложил основу для дальнейшей защиты персональных данных, включая и медицинскую информацию [5].

Одним из первых крупных международно-правовых документов в данной сфере является Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Конвенция № 108), принятая 28 января 1981 года. Эта Конвенция стала первым международным инструментом, обязывающим государства-участники обеспечивать защиту персональных данных, включая чувствительные категории информации, такие как медицинские сведения. Конвенция № 108 заложила фундаментальные принципы обращения с персональными данными, такие как:

законность и справедливость обработки;

точность и актуальность данных;

защита от несанкционированного доступа и утечки;

право субъекта данных на доступ и исправление.

Особое значение Конвенция приобрела в контексте трансграничного обмена информацией в сфере здравоохранения и послужила основой для последующего развития региональных и международных стандартов, включая GDPR [6]. Данный документ был направлен на защиту физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных и впервые обеспечил международно-правовую защиту конфиденциальности медицинской информации.

Начиная с 1990-х годов, по мере широкого внедрения цифровых технологий в сферу здравоохранения, вопросы защиты информации в системе здравоохранения

приобрели особую актуальность. В этом процессе Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) разработала стратегические документы, направленные на обеспечение защиты цифровой информации в медицинских системах. Одновременно с этим Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) выработала универсальные принципы информационной безопасности, которые легли в основу международных подходов к регулированию данной области [7]. В частности, 25 мая 2016 года вступил в силу GDPR, который стал важнейшим нормативным актом в сфере охраны персональных данных, включая медицинскую информацию. GDPR установил чёткие правила по сбору, хранению, обработке и передаче персональных данных, придавая особое значение информированному согласию субъектов данных, прозрачности процедур и праву на забвение. Регламент стал ориентиром не только для стран Европейского союза, но и для многих государств за его пределами, формируя глобальные стандарты в области информационной безопасности, в том числе в здравоохранении [8].

В настоящее время в обеспечении безопасности медицинских данных важную роль играют международные стандарты ISO/IEC 27001 и ISO/IEC 27799, которые определяют совокупность критериев для внедрения систем управления информационной безопасностью в учреждениях здравоохранения. Эти стандарты направлены на минимизацию рисков несанкционированного доступа, утечки и разрушения медицинской информации, а также обеспечивают комплексный подход к управлению безопасностью данных с учётом специфики медицинской сферы [9]. Вместе с тем международные организации уделяют особое внимание укреплению информационной безопасности в контексте использования инструментов цифрового здравоохранения (digital health) и технологий искусственного интеллекта.

Одним из реальных практических примеров, подтверждающих актуальность данной темы, является случай нарушения конфиденциальности медицинских данных в рамках проекта сотрудничества между Google DeepMind и Национальной службой здравоохранения Великобритании (NHS) в 2017 году. В этом же году Управление уполномоченного по информации Великобритании (ICO) провело расследование и признало, что фонд NHS Royal Free Foundation Trust нарушил положения закона о защите данных 1998 года (*Data Protection Act 1998*). В отчёте подчёркивалось, что передача персональных медицинских данных третьей стороне без согласия пациентов является нарушением принципов конфиденциальности. Данный случай напрямую соотносится с Общим регламентом по защите данных, вступившим в силу в 2018 году в Европейском союзе, согласно которому медицинские данные относятся к специальной категории данных, подлежащей наивысшему уровню правовой защиты [10].

На наш взгляд, при работе с медицинскими данными особое значение имеет согласованность между национальным законодательством и международными стандартами. Многие государства, включая Республику Узбекистан, стремятся сформировать нормативно-правовую базу, направленную на укрепление информационной безопасности в сфере здравоохранения, исходя из своих международных обязательств. В этом направлении важным правовым основанием служит Закон Республики Узбекистан «О персональных данных» от 2 июля 2019 года. В частности, в пункте 4 статьи 25 данного закона, посвящённой обработке специальных категорий персональных данных, подчёркивается: «Обработка

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

таких данных допускается только при оказании медико-социальных услуг либо при установлении диагноза и назначении лечения, при условии, что обработка осуществляется медицинским работником или иным лицом медицинской организации, на которого возложена обязанность по обеспечению защиты персональных данных».

Закон устанавливает чёткие ограничения и условия для обработки медицинской информации, что соответствует основным международным стандартам в данной области, включая принципы конфиденциальности, минимизации доступа и обязательной правовой ответственности за утечку данных.

Современные цифровые технологии существенно упрощают процессы взаимодействия с пациентами, диагностики, лечения, мониторинга состояния здоровья и подготовки медицинских кадров, однако одновременно повышают требования к информационной безопасности и правовому регулированию в сфере здравоохранения.

Информационные технологии в здравоохранении способствуют решению следующих задач:

цифровое ведение медицинской документации: персональные данные пациентов, анамнез, диагнозы, протоколы лечения и назначения лекарственных средств хранятся в электронной форме в единой базе данных. Такая система обеспечивает медицинским работникам оперативный доступ к актуальной информации о пациенте, снижает бумажную нагрузку и повышает административную эффективность;

использование телемедицины и носимых цифровых устройств: с помощью телемедицинских платформ, «умных» часов, биосенсоров и других устройств в режиме реального времени осуществляется мониторинг жизненно важных показателей пациента, таких как частота сердечных сокращений, артериальное давление, уровень глюкозы в крови. Это позволяет врачам дистанционно отслеживать состояние пациентов и оперативно реагировать в экстренных ситуациях;

электронная обработка результатов лабораторных и инструментальных исследований: такие данные, как результаты рентгена, МРТ, ЭКГ, архивируются в цифровом формате и передаются между медицинскими специалистами по защищённым каналам связи. Это минимизирует риск потери информации и способствует повышению качества медицинской помощи.

С помощью электронных систем здравоохранения (Electronic Health Record – EHR) обеспечивается постоянный контроль над назначенными пациенту лекарственными средствами, протоколами лечения и проводимыми медицинскими процедурами. Это даёт врачам возможность анализировать корректность лечебного процесса и при необходимости вносить своевременные корректировки [11].

Информационные технологии позволяют организовать непрерывный образовательный процесс для медицинского персонала посредством вебинаров, онлайн-курсов и видеоуроков. Особенно актуально это для специалистов, работающих в сельской местности, поскольку способствует повышению их квалификации и профессионального уровня. Благодаря системам на основе искусственного интеллекта и дистанционным консультационным платформам врачи и медсёстры с ограниченным опытом могут получать профессиональные рекомендации от высококвалифицированных специалистов. Кроме того, за их деятельностью может вестись мониторинг, что позволяет осуществлять контроль качества предоставляемых медицинских услуг [12].

Анализ результатов исследования

В системе здравоохранения Республики Узбекистан с активным внедрением цифровых технологий всё более актуальным становится вопрос обеспечения безопасности медицинских данных. Электронные медицинские карты, электронные рецепты, дистанционная диагностика и другие процессы цифровизации требуют сбора, хранения и передачи большого объёма персональной информации о пациентах. Однако в данном процессе сохраняется ряд проблем, касающихся сферы законодательства и практических механизмов обеспечения информационной безопасности. На сегодняшний день в республике отсутствует специальный закон, регулирующий защиту медицинской информации. Защита данных осуществляется в общем порядке на основании Закона Республики Узбекистан «О персональных данных» от 2 июля 2019 года. Однако в данном документе медицинская информация не выделена в качестве особой категории данных; отсутствуют чёткие нормы, касающиеся её обработки, трансграничной передачи, врачебной тайны и получения согласия пациента.

Практика получения согласия пациентов в электронных системах ещё не сформирована. Во многих случаях пациенты не осведомлены о том, как и с какой целью обрабатываются их данные, что может привести к нарушению их конституционных прав [13]. Во многих учреждениях здравоохранения используемые информационные системы не соответствуют современным стандартам безопасности. Данные хранятся на уязвимых серверах, отсутствуют эффективные системы шифрования, а квалификация администраторов систем остаётся на низком уровне.

Кроме того, в стране отсутствует отдельный национальный орган, осуществляющий контроль за безопасностью медицинской информации, что усложняет выявление утечек данных и определение ответственных лиц. Республика Узбекистан не является официальным участником международных стандартов, касающихся защиты медицинской информации (например, GDPR). Это создаёт определённые барьеры в привлечении иностранных инвестиций и сотрудничестве с международными производителями медицинских технологий [14].

Несмотря на быстрый прогресс цифровизации здравоохранения в Узбекистане, в обеспечении безопасности медицинских данных всё ещё сохраняются системные проблемы. Вопросы конфиденциальности, информированного согласия, технической защищённости информационных систем и недостаточности нормативной базы требуют проведения глубоких институциональных и законодательных реформ [15].

Ограниченное применение международного опыта и несоответствие национального законодательства глобальным стандартам снижает надёжность информационных систем здравоохранения. Решение указанных проблем необходимо не только для защиты персональных данных, но и для создания доверенной и безопасной цифровой среды в интересах охраны здоровья граждан.

Выводы

На основании проведённого исследования и выявленных проблем в нормативной и технической сфере информационной безопасности в здравоохранении, предлагаются следующие меры:

Во-первых, необходимо разработать специальный законодательный акт, посвящённый защите медицинской информации как особой категории персональных данных. Действующее законодательство не охватывает в полной мере все аспекты обработки чувствительной информации в сфере здравоохранения. Новый закон должен чётко регулировать

вопросы сбора, хранения, обработки, передачи и уничтожения медицинских данных, а также закрепить ответственность за нарушение конфиденциальности и процедур информированного согласия.

Во-вторых, требуется интеграция международных стандартов в национальную правовую систему. Особое внимание следует уделить адаптации положений GDPR Европейского союза, а также рекомендаций ВОЗ и ОЭСР. Это позволит обеспечить совместимость национальной системы с международной практикой и повысить уровень доверия со стороны зарубежных партнёров.

В-третьих, необходимо цифровизировать систему получения согласия пациента на обработку его медицинских данных. Создание единого электронного механизма получения и хранения согласий, обладающего юридической силой, обеспечит прозрачность, прослеживаемость и соблюдение прав пациентов, включая возможность отзыва согласия.

В-четвёртых, следует усилить подготовку кадров в области информационной безопасности в здравоохранении. Внедрение программ профессионального обучения и повышения квалификации для специалистов на стыке информационных технологий и медицины будет способствовать созданию квалифицированной инфраструктуры защиты данных.

В-пятых, необходимо создать централизованный орган, ответственный за мониторинг и аудит информационной безопасности в медицинских учреждениях. Такой регулятор обеспечит системный подход к контролю, выявлению нарушений и внедрению лучших практик кибербезопасности.

В-шестых, важно расширить международное сотрудничество в сфере защиты медицинской информации. Активное участие в международных проектах и партнёрство с организациями, такими как ВОЗ, Международным союзом электросвязи (International Telecommunication Union – ITU), Программой развития ООН (UNDP), откроет доступ к передовым технологиям, образовательным ресурсам и финансово-технической поддержке.

REFERENCES

1. Klement T. Legal challenges of cross-border data exchange in healthcare and AI. *European Journal of Health Law,* 2019, vol. 26(3), pp. 223–239.
2. De Mernak M. L'harmonisation du droit des données médicales à la lumière du RGPD [Harmonization of medical data law in light of the GDPR]. *European Law Review,* 2021, no. 5, pp. 120–138.
3. Erdos D. Privacy and transparency in the digital health era: lessons from HIPAA. *Journal of Law, Medicine & Ethics*, 2022, vol. 50(2), pp. 135–145.
4. Gupta R., Iyengar R., Sharma M. et al. Consumer Views on Privacy Protections and Sharing of Personal Digital Health Information. *JAMA Netw Open,* 2023, vol. 6(3), p. e231305. DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2023.1305.
5. Council of Europe. Convention No. 108 of 28 January 1981 for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data. Available at: https://www.coe.int/
6. European Union. General Data Protection Regulation (GDPR), Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council, 27 April 2016. Available at: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng/
7. ISO/IEC 27001:2022 – Information technology – Security techniques – Information security management systems – Requirements. Available at: https://www.iso.org/

8. ISO/IEC 27799:2016 – Health informatics – Information security management in health using ISO/IEC 27002. Available at: https://www.iso.org/

9. World Health Organization (WHO). Global Strategy on Digital Health 2020–2025. – Geneva: WHO Press, 2021. Available at: https://www.who.int/

10. OECD Guidelines on the Protection of Privacy and Transborder Flows of Personal Data, 2013. Available at: https://www.oecd.org/

11. Yusupova F. Sog'liqni saqlash sohasida shaxsiy ma'lumotlar xavfsizligini ta'minlashning huquqiy jihatlari [Legal aspects of ensuring the security of personal data in the healthcare sector]. *Jurisprudence,* 2024, vol. 4(5), pp. 70–77. Available at: https://justy.uz/books/sogliqni-saqlash-sohasida-shaxsiy-malumotlar-xavfsizligini-taminlashning-huquqiy-jihatlari/

12. Information Commissioner's Office (ICO). Royal Free – Google DeepMind trial breached UK law, 2017. Available at: https://ico.org.uk/

13. Yusupova F. Telemedicine in the Digital Era: Navigating the International Legal Landscape to Expand Global Healthcare Access. *International Journal of Legal Information*, 2024, vol. 52(2), pp. 155–165. DOI: 10.1017/jli.2024.37.

14. Yusupova F. Meditsinskie uslugi v epokhu tsifrovoy transformatsii: pravovye aspekty telemeditsiny [Healthcare Services in the Age of Digital Transformation: Legal Aspects of Telemedicine]. *Legalitas,* 2025, vol. 4, no. 4, pp. 74–81. Available at: https://legalitas.semuniver.kz/index.php/main/article/view/143/

15. Gafurova N., Yusupova F., Yusupov N. Protection of patients' rights during a pandemic. *Russian Law Journal*, 2023, vol. 11, no. 7, pp. 191–197. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/protection-of-patients-rights-during-a-pandemic/

Kelib tushgan / Получено / Received: 18.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 09.09.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 26.09.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.3./XJIW2129
UDC: 347.4(045)(575.1)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДОГОВОРНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

Расбергенова Сарбиназ Алишеровна,
преподаватель кафедры «Международное право и права человека»
Ташкентского государственного юридического университета
ORCID: 0009-0004-9744-2602
e-mail: s.rasbergenova@tsul.uz

Аннотация. *Статья посвящена исследованию региональных систем защиты права человека на благоприятную окружающую среду, которые демонстрируют более прогрессивный и гибкий подход по сравнению с универсальным уровнем регулирования. Анализируются четыре ключевые модели: европейская – основанная на судебной интерпретации Европейской конвенции по правам человека и положениях Орхусской конвенции; межамериканская – закрепившая автономное право на благоприятную среду и экстерриториальные обязательства государств; африканская – впервые признавшая коллективное экологическое право на нормативном уровне; а также арабская и АСЕАН-системы. Особое внимание уделено судебной практике: прецедентным решениям по экологическим искам, делам о климате и трансграничном загрязнении, а также инновационным инструментам, в том числе Соглашению Эскасу 2018 года, установившему уникальные гарантии для экологических правозащитников. Рассматриваются механизмы интеграции экологического права на региональном уровне и влияние культурно-правовых традиций на формирование разнообразных подходов к его защите. Автор приходит к выводу, что разнообразие региональных практик формирует множественность моделей защиты, эффективно компенсирующих пробелы универсального регулирования. Каждая из систем внесла свой уникальный вклад в развитие концепции экологических прав человека, обеспечив переход от косвенного признания к их автономному закреплению и усилив трансграничное измерение экологических обязательств.*

Ключевые слова: *Европейская конвенция по правам человека, Орхусская конвенция, Африканская хартия прав человека и народов, Соглашение Эскасу, Межамериканский суд по правам человека, Европейский суд по правам человека, Африканская комиссия по правам человека, коллективные экологические права, экстерриториальные обязательства*

QULAY ATROF-MUHITGA EGA BO‘LISH HUQUQINI TA’MINLASH SOHASIDA MINTAQAVIY SHARTNOMAVIY-HUQUQIY MEXANIZMLAR

Rasbergenova Sarbinaz Alisherovna,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Xalqaro huquq va inson huquqlari kafedrasi o‘qituvchisi

Annotatsiya. *Maqola insonning qulay va sog‘lom atrof-muhitda yashash huquqini himoya qilish bo‘yicha mintaqaviy tizimlarini o‘rganishga bag‘ishlangan. Ushbu tizimlar tartibga*

solishning universal darajasiga nisbatan ilg‘orroq va moslashuvchanroq yondashuvni namoyon etadi. Tadqiqot doirasida to‘rtta asosiy model: Inson huquqlari bo‘yicha Yevropa konvensiyasining sud amaliyoti talqini va Orxus konvensiyasiga asoslangan Yevropa tizimi, qulay atrof-muhitga bo‘lgan mustaqil huquqni va davlatlarning hududdan tashqari majburiyatlarini mustahkamlagan Amerika qit’asi tizimi, jamoaviy ekologik huquqni birinchi bor me’yoriy darajada tan olgan Afrika tizimi, shuningdek, Arab va ASEAN tizimlari keng ko‘rib chiqiladi. Maqolada sud amaliyotiga alohida e’tibor qaratilib, ekologik da’volar, iqlim va transchegaraviy ifloslanish yuzasidan qabul qilingan o‘xshash qarorlar va shuningdek, ekologik huquq himoyachilarini qo‘shimcha kafolatlar bilan himoya qilishni nazarda tutuvchi 2018-yilgi Eskasu bitimi kabi innovatsion vositalar o‘rganiladi. Shuningdek, maqolada ekologik huquqning mintaqaviy darajada bosqichma-bosqich integratsiyalashuvi hamda madaniy-huquqiy an’analar ta’siri keng yoritiladi. Muallif xulosasiga ko‘ra, mintaqaviy tajribalar xilma-xilligi universal tartibga solishdagi bo‘shliqlarni to‘ldiruvchi samarali modellarni shakllantiradi. Har bir tizim inson ekologik huquqlari tushunchasining rivojlanishiga o‘ziga xos hissa qo‘shdi. Bu hissa bilvosita tan olishdan ularni mustaqil ravishda mustahkamlashga o‘tishni ta’minladi va ekologik majburiyatlarning transchegaraviy o‘lchamini kuchaytirdi.

Kalit so‘zlar: *Inson huquqlari bo‘icha Yevropa konvensiyasi, Orxus konvensiyasi, Inson va xalqlar huquqlari bo‘yicha Afrika xartiyasi, Eskasu bitimi, Inson huquqlari bo‘yicha Amerika sudi, Inson huquqlari bo‘yicha Yevropa sudi, Inson huquqlari bo‘yicha Afrika komissiyasi, jamoaviy ekologik huquqlar, hududdan tashqari majburiyatlar*

REGIONAL CONTRACT-LEGAL MECHANISMS IN THE SPHERE OF ENSURING THE RIGHT TO A FAVORABLE ENVIRONMENT

Rasbergenova Sarbinaz Alisherovna,
Lecturer at the Department
of International Law and Human Rights,
Tashkent State University of Law

Abstract. *The article is dedicated to the study of regional systems for the protection of human rights to a favorable environment, which demonstrate a more progressive and flexible approach compared to the universal level of regulation. Four key models are analyzed: European - based on the judicial interpretation of the European Convention on Human Rights and the provisions of the Aarhus Convention; Inter-American - consolidating the autonomous right to a favorable environment and the extraterritorial obligations of states; African - recognizing collective environmental law at the normative level for the first time; and Arab and ASEAN systems. Special attention was paid to judicial practice: precedent decisions on environmental claims, climate and transboundary pollution cases, as well as innovative tools, including the 2018 Escos Agreement, which established unique guarantees for environmental rights defenders. The mechanisms for integrating environmental law at the regional level and the influence of cultural and legal traditions on the formation of diverse approaches to its protection are examined. The author concludes that the diversity of regional practices forms a multitude of protection models that effectively compensate for the gaps in universal regulation. Each of the systems has made its unique contribution to the development of the concept of human environmental rights, ensuring the transition from indirect recognition to their autonomous consolidation and strengthening the transboundary measurement of environmental obligations.*

Keywords: *European Convention on Human Rights, Aarhus Convention, African Charter on Human and Peoples’ Rights, Escazú Agreement, Inter-American Court of Human Rights, European Court of Human Rights, African Commission on Human and Peoples’ Rights, collective environmental rights, extraterritorial obligations*

Введение

Региональные системы защиты прав человека сыграли основополагающую роль в признании и развитии права на благоприятную окружающую среду и обеспечении эффективных механизмов его реализации. В условиях глобального экологического кризиса, характеризующегося ростом техногенных катастроф, загрязнением воздуха и воды, истощением природных ресурсов и ускорением климатических изменений, проблема обеспечения экологических прав человека приобретает особую актуальность.

В отличие от универсального уровня регулирования, где до недавнего времени отсутствовало прямое закрепление права на благоприятную окружающую среду в обязательных международных договорах, именно региональные системы продемонстрировали более прогрессивный подход. Они создали разнообразные модели правовой защиты, интегрировав вопросы охраны окружающей среды в контекст защиты прав человека, тем самым обеспечивая более высокий уровень их фактической реализации.

Следует отметить, что развитие экологических прав человека напрямую связано с переосмыслением концепции прав и свобод в условиях XXI века. Права третьего поколения, к которым относится и право на благоприятную окружающую среду, требуют комплексного подхода, объединяющего не только традиционные гражданские и политические права, но и новые коллективные гарантии, обеспечивающие баланс между интересами общества, государства и будущих поколений.

В этом контексте особое значение имеют региональные механизмы защиты прав человека, которые благодаря своей гибкости и адаптивности сумели выработать уникальные юридические решения и судебные практики. Они стали не только катализатором развития экологического права, но и важным инструментом формирования глобальных стандартов в сфере охраны окружающей среды.

Материалы и методы

При проведении исследования были использованы методы сравнительно-правового анализа, индукции, дедукции и синтеза. В ходе исследования изучены работы национальных и зарубежных учёных-правоведов, таких как З.М. Исламов, К.Л. Кох, Н.А. Робинсон, К. Васак и др. Также проанализированы дела, рассмотренные Европейским судом по правам человека, включая: López Ostra v. Spain (1994), Guerra and Others v. Italy (1998), Öneryildiz v. Turkey (2004), Hatton and Others v. United Kingdom (2003), Taşkin and Others v. Turkey (2004), Tătar v. Romania (2009) и др.

Результаты исследования

Европейская система защиты прав человека представляет собой уникальный пример развития экологических прав через судебную интерпретацию существующих гражданских и политических прав. Несмотря на то, что Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года не содержит специального положения о праве на благоприятную окружающую среду, Европейский суд по правам человека разработал обширную практику защиты экологических интересов.

Эволюция подхода Европейского суда началась с дела López Ostra v. Spain (1994) [1], где суд впервые признал, что серьёзное загрязнение окружающей среды может нарушать право на уважение частной и семейной жизни, гарантированное статьёй 8 Конвенции. Заявительница жаловалась на вредные выбросы от станции по переработке отходов, расположенной вблизи её дома. Суд установил, что «серьёзное загрязнение окружающей среды может влиять на благополучие людей и препятствовать им пользоваться своими домами таким образом, что это негативно

сказывается на их частной и семейной жизни».

Данный подход получил развитие в деле Guerra and Others v. Italy (1998) [2], где суд расширил позитивные обязательства государств, включив в них обязанность предоставлять информацию об экологических рисках. Заявители проживали вблизи химического завода, производившего опасные вещества. Суд постановил, что непредоставление властями информации о рисках для здоровья нарушило статью 8 конвенции.

Особенно важным стало дело Öneryildiz v. Turkey (2004) [3], где Большая палата Европейского суда установила связь между экологическими рисками и правом на жизнь (статья 2 конвенции). Заявитель потерял девять членов семьи в результате взрыва метана на мусорной свалке. Суд признал, что государство нарушило свои позитивные обязательства по защите права на жизнь, не приняв превентивных мер для предотвращения известного риска.

Профессор З.М. Исламов справедливо отмечает: «Практика Европейского суда демонстрирует, как традиционные гражданские права могут эффективно использоваться для защиты экологических интересов через концепцию позитивных обязательств государств» [4].

В деле Hatton and Others v. United Kingdom (2003) Большая палата разработала тест «справедливого баланса» между экономическими интересами государства и правами индивидов [5]. Заявители жаловались на ночные полёты в аэропорту Хитроу. Суд установил, что государства пользуются широкой свободой усмотрения в вопросах экологической политики, но при этом обязаны обеспечивать процедурные гарантии и учитывать интересы затронутых лиц.

Процедурный аспект экологических прав получил особое развитие в деле Taşkin and Others v. Turkey (2004) [6]. Суд подчеркнул важность участия общественности в процессе принятия решений, затрагивающих окружающую среду, а также доступа к эффективным средствам правовой защиты. Заявители оспаривали разрешение на эксплуатацию золотого рудника с использованием цианида. Суд установил нарушение статьи 8 конвенции в связи с неисполнением национальными властями судебных решений об отмене разрешения.

Применение принципа предосторожности было продемонстрировано в деле Tătar v. Romania (2009) [7]. После экологической катастрофы на золотодобывающем предприятии, приведшей к загрязнению реки цианидом, суд признал, что государства обязаны принимать превентивные меры даже при отсутствии полной научной определённости о возможном вреде.

Параллельно с развитием судебной практики в европейском регионе был принят важнейший международный договор – Орхусская конвенция о доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (1998). Хотя географически конвенция выходит за рамки Европы, она была разработана под эгидой Европейской экономической комиссии ООН и воплощает европейский подход к процедурным экологическим правам. Орхусская конвенция детально регламентирует три «столпа» процедурных экологических прав:

1. Доступ к экологической информации (статьи 4–5) – включает право общественности получать экологическую информацию по запросу без необходимости формулировать свою заинтересованность, а также обязанность государственных органов активно распространять такую информацию.

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

2. Участие общественности в принятии решений (статьи 6–8) – предусматривает участие в принятии решений по конкретным видам деятельности, разработке планов и программ, а также подготовке нормативных актов.

3. Доступ к правосудию (статья 9) – гарантирует возможность оспаривания решений, действий или бездействия, нарушающих положения конвенции.

Европейская социальная хартия (пересмотренная, 1996) также вносит вклад в защиту экологических прав через статью 11 о праве на охрану здоровья. Европейский комитет по социальным правам интерпретирует это положение как включающее обязательство государств обеспечивать здоровую окружающую среду. В деле Marangopoulos Foundation for Human Rights v. Greece (2006) Комитет установил, что загрязнение воздуха вследствие добычи лигнита нарушает право на охрану здоровья [8].

Межамериканская система защиты экологических прав демонстрирует наиболее прогрессивный подход к защите экологических прав, признавая их автономный характер и развивая концепцию экстерриториальных экологических обязательств государств.

Хотя Американская конвенция о правах человека (1969) изначально не содержала положений об экологических правах, Дополнительный протокол в области экономических, социальных и культурных прав (Протокол Сан-Сальвадор, 1988) стал первым обязательным международным договором в западном полушарии, прямо закрепившим право на здоровую окружающую среду.

Статья 11 протокола устанавливает: «1. Каждый имеет право жить в здоровой окружающей среде и иметь доступ к основным публичным услугам. 2. Государства-участники содействуют защите, сохранению и улучшению окружающей среды».

Межамериканский суд по правам человека развил богатую практику по экологическим вопросам. В деле Kawas Fernández v. Honduras (2009) суд впервые признал особую уязвимость защитников экологических прав [9]. Бланка Хеанет Кавас Фернандес, экологический активист, была убита за свою деятельность по защите национального парка. Суд установил, что государство не только не расследовало должным образом убийство, но и не обеспечило превентивную защиту, несмотря на известные угрозы в её адрес.

Революционным стало Консультативное заключение OC-23/17 (2017) о окружающей среде и правах человека, запрошенное Колумбией. Суд установил несколько фундаментальных принципов:

автономное право на здоровую окружающую среду – суд признал, что это право является самостоятельным и защищается статьёй 26 Американской конвенции, включая как индивидуальные, так и коллективные компоненты;

экстерриториальные обязательства – государства несут ответственность за экологический ущерб, причинённый за пределами их территории, если они имеют эффективный контроль над деятельностью, вызвавшей такой ущерб;

процедурные экологические обязательства – включают проведение оценки воздействия на окружающую среду, обеспечение доступа к информации, участие общественности и доступ к правосудию;

принципы предосторожности и предотвращения – государства обязаны действовать в соответствии с принципом предосторожности даже при отсутствии научной определённости и принимать все необходимые меры для предотвращения экологического ущерба.

В деле Lhaka Honhat v. Argentina (2020) Межамериканский суд впервые установил нарушение автономного права на здоровую окружающую среду в контенциозном

производстве [10]. Дело касалось общин коренных народов, чьи традиционные территории были затронуты вырубкой лесов, разведением скота и другой хозяйственной деятельностью. Суд признал неделимость права на здоровую окружающую среду с правами на питание, воду и культурную идентичность коренных народов.

Важным региональным достижением стало принятие Регионального соглашения о доступе к информации, участии общественности и правосудии по вопросам окружающей среды в Латинской Америке и Карибском бассейне (Соглашение Эскасу, 2018). Это первое соглашение в регионе, посвящённое процедурным экологическим правам, которое адаптирует принципы Орхусской конвенции к специфике Латинской Америки.

Соглашение Эскасу содержит уникальную статью 9 о защитниках прав человека в экологических вопросах, обязывающую государства «гарантировать безопасную и благоприятную среду для лиц, групп и организаций, которые продвигают и защищают права человека в экологических вопросах».

Африканская система стала пионером в прямом закреплении права на благоприятную окружающую среду в обязательном международном договоре по правам человека. Африканская хартия прав человека и народов (1981) в статье 24 устанавливает: «Все народы имеют право на общую удовлетворительную окружающую среду, благоприятную для их развития».

Особенностью африканского подхода является признание коллективного характера экологических прав. Это отражает философию *ubuntu*, подчёркивающую взаимозависимость индивида и сообщества. Коллективное измерение экологических прав особенно важно при решении экологических проблем, которые по своей природе затрагивают целые сообщества.

Африканская комиссия по правам человека и народов развила содержание права на благоприятную окружающую среду в знаковом деле SERAC v. Nigeria (2001) [11]. Дело касалось деятельности нефтяных компаний в дельте реки Нигер, которая привела к масштабному загрязнению окружающей среды и нарушению прав народа огони. Комиссия установила четыре уровня обязательств государств в отношении права на благоприятную окружающую среду:

1) обязательство уважать – государство должно воздерживаться от действий, которые могут нанести ущерб окружающей среде;

2) обязательство защищать – требует принятия мер для защиты от экологического вреда, причиняемого третьими лицами, включая частные компании;

3) обязательство продвигать – включает просвещение и повышение осведомлённости об экологических правах;

4) обязательство осуществлять – требует принятия позитивных мер для реализации права на благоприятную окружающую среду.

В деле Centre for Minority Rights Development (Kenya) and Minority Rights Group International on behalf of Endorois Welfare Council v. Kenya (2009) Комиссия связала экологические права с правом на развитие [12]. Создание заповедника на традиционных землях народа эндороис без их согласия и без компенсации привело к деградации их среды обитания. Комиссия признала, что нарушение экологических прав препятствует реализации права на развитие.

Протокол к Африканской хартии о правах женщин в Африке (Мапутский протокол, 2003) содержит инновационные положения, связывающие гендерные вопросы с экологическими правами. Статья 18 признаёт право женщин на здоровую и устойчивую окружающую среду и обя-

зывает государства обеспечивать участие женщин в управлении окружающей средой.

Африканская конвенция о сохранении природы и природных ресурсов (пересмотренная версия, 2003) интегрирует правозащитный подход в природоохранную деятельность. Статья III закрепляет принцип участия общественности, а статья XVI требует от государств принятия мер для обеспечения права человека на благоприятную окружающую среду.

Арабская система защиты экологических прав. Арабская хартия прав человека (пересмотренная, 2004) представляет более осторожный подход к экологическим правам. Статья 38 включает право на здоровую окружающую среду в контекст права на достаточный жизненный уровень: «Каждый человек имеет право на достаточный жизненный уровень для себя и своей семьи, обеспечивающий благосостояние и достойную жизнь, включая питание, одежду, жилище, услуги и право на здоровую окружающую среду».

Арабский суд по правам человека, созданный в 2014 году, пока не рассматривал дел, связанных с экологическими правами, что отражает начальную стадию развития судебной защиты прав человека в регионе.

Система АСЕАН. Декларация прав человека АСЕАН (2012) в статье 28(f) признаёт «право на безопасную, чистую и устойчивую окружающую среду» как элемент права на достаточный жизненный уровень. Хотя декларация не имеет обязательной силы, она отражает растущее признание экологических прав в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Соглашение АСЕАН о трансграничной дымке (2002) представляет практический подход к решению конкретной региональной экологической проблемы – трансграничного загрязнения воздуха от лесных пожаров. Хотя соглашение не формулируется в терминах прав человека, его реализация напрямую связана с обеспечением права на здоровье и права на благоприятную окружающую среду [13].

Анализ результатов исследования

Проведённое исследование выявляет, что региональные системы защиты экологических прав демонстрируют различные модели их институционализации, обусловленные правовой традицией, политико-экономическим контекстом и степенью зрелости соответствующих правозащитных механизмов.

Наиболее развита европейская модель, опирающаяся на прецедентное право Европейского суда по правам человека. При отсутствии прямого положения о праве на благоприятную окружающую среду в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод Суд сформировал обширную практику, интегрируя экологические аспекты в толкование статей 2 и 8. Этот подход основан на признании того, что серьёзное загрязнение окружающей среды способно нарушать право на жизнь и право на уважение частной и семейной жизни, а также на возложении на государства позитивных обязательств по предотвращению экологического вреда, предоставлению информации о рисках и обеспечению участия общественности в экологически значимых процессах. Значимым институциональным усилением этой модели стала Орхусская конвенция, закрепившая три «столпа» процедурных экологических прав: доступ к информации, участие в принятии решений и доступ к правосудию.

В межамериканской системе наблюдается более прогрессивное признание автономного характера экологических прав. Протокол Сан-Сальвадор закрепил право на здоровую окружающую среду как обязательную норму, а практика Межамериканского суда по правам человека сформировала концепцию

экстерриториальных экологических обязательств, а также процедурных гарантий, включающих оценку воздействия, доступ к информации и участие общественности. Консультативное заключение OC-23/17 стало важнейшей вехой, установив, что экологические права имеют как индивидуальное, так и коллективное измерение. Особое внимание уделяется защите правозащитников в экологической сфере, что институционализировано в Соглашении Эскасу, уникально обязывающем государства обеспечивать безопасную среду для их деятельности.

Африканская система стала пионером в прямом закреплении права на благоприятную окружающую среду в международном договоре по правам человека. Африканская хартия прав человека и народов закрепляет коллективный характер экологических прав, отражающий философию ubuntu и региональную специфику. Африканская комиссия по правам человека и народов в ключевых делах SERAC v. Nigeria и Endorois v. Kenya сформулировала комплекс обязательств государств – от воздержания от вредоносных действий до активного продвижения экологических прав и просвещения населения. Гендерное измерение экологической повестки, закреплённое в Мапутском протоколе, а также интеграция правозащитного подхода в природоохранную деятельность через Африканскую конвенцию о сохранении природы и природных ресурсов подчёркивают многоуровневость африканской модели.

Арабская и АСЕАН-системы находятся на этапе концептуального оформления экологических прав, закрепляя их в рамках более широких социальных прав, связанных с правом на достаточный жизненный уровень. Отсутствие развитых судебных механизмов и обязательных процедурных гарантий ограничивает эффективность защиты. Вместе с тем такие региональные соглашения, как Соглашение АСЕАН о трансграничной дымке, демонстрируют потенциал точечных тематических инструментов в решении конкретных экологических проблем.

Сравнительный анализ показывает, что эволюция защиты экологических прав в разных регионах проходит путь от косвенного признания через традиционные права человека (европейская модель) к прямому закреплению их автономного статуса (межамериканская и африканская модели). Наиболее зрелые системы сочетают материальные и процедурные гарантии, включая доступ к информации, участие в принятии решений, эффективные средства правовой защиты и чётко сформулированные позитивные обязательства государств. При этом успешность реализации этих прав зависит не только от их формального закрепления, но и от наличия действенных механизмов исполнения решений, политической воли государств и интеграции экологической повестки в стратегию устойчивого развития.

Общей тенденцией для всех региональных систем является укрепление трансграничного измерения экологических обязательств, что отражает глобальный характер экологических угроз. Перспективы дальнейшего развития связаны с унификацией методологических стандартов оценки экологического вреда, интеграцией принципа предосторожности во все уровни принятия решений и обеспечением универсальной защиты экологических правозащитников. Комплексный, междисциплинарный и превентивный подход, основанный на взаимосвязи материальных и процедурных прав, представляется ключевым условием формирования эффективной международной архитектуры защиты экологических прав человека.

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

Выводы

Априори отметим, что региональные системы защиты прав человека оказались более прогрессивными в признании и защите экологических прав, чем универсальные механизмы.

Европейская, межамериканская и африканская системы прямо или косвенно признают право на благоприятную окружающую среду. Особое внимание следует уделить Орхусской конвенции как наиболее продвинутому региональному инструменту, обеспечивающему процедурные экологические права. Региональный уровень защиты часто компенсирует пробелы универсального регулирования, создавая эффективные механизмы правовой защиты.

Кроме того, региональные системы демонстрируют разнообразие подходов:

Африканская хартия первой закрепила прямое коллективное право на благоприятную окружающую среду (статья 24);

Протокол Сан-Сальвадор признал индивидуальное право на здоровую окружающую среду;

европейская система разработала сложную практику защиты через интеграцию экологических аспектов в существующие гражданские и политические права, дополненную Орхусской конвенцией как инструментом процедурных гарантий.

Каждая региональная система внесла уникальный вклад в развитие концепции экологических прав:

африканская – через признание коллективного измерения;

межамериканская – через автономное право и экстерриториальные обязательства;

европейская – через детальную разработку процедурных гарантий и механизмов участия общественности.

Региональное разнообразие подходов формирует множественность моделей защиты, что позволяет государствам адаптировать правовые механизмы с учётом собственных национальных особенностей. В этом контексте Соглашение Эскасу (2018) демонстрирует успешную адаптацию европейского опыта к латиноамериканскому контексту, делая акцент на защите экологических активистов и расширении участия общественности.

REFERENCES

1. López Ostra v. Spain, ECHR, Application no. 16798/90, Judgment of 9 December 1994. Available at: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-57905%22]/

2. Guerra and Others v. Italy, ECHR, Application no. 14967/89, Judgment of 19 February 1998. Available at: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-58135%22]/

3. Öneryildiz v. Turkey, ECHR, Grand Chamber, Application no. 48939/99, Judgment of 30 November 2004. Available at: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-67614%22]/

4. Islamov Z.M. Ekologicheskie prava v praktike Evropeyskogo suda [Environmental rights in the practice of the European Court]. *European Law*, 2022, no. 2, p. 123.

5. Hatton and Others v. United Kingdom, ECHR, Grand Chamber, Application no. 36022/97, Judgment of 8 July 2003. Available at: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-61188%22]/

6. Taşkin and Others v. Turkey, ECHR, Application no. 46117/99, Judgment of 10 November 2004. Available at: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-67401%22]/

7. Tătar v. Romania, ECHR, Application no. 67021/01, Judgment of 27 January 2009. Available at: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22002-1736%22]}

8. Marangopoulos Foundation for Human Rights (MFHR) v. Greece, European Committee of Social Rights, Complaint No. 30/2005, Decision on the merits of 6 December 2006. Available at: https://www.coe.int/en/web/european-social-charter/processed-complaints/-/asset_publisher/5GEFkJmH2bYG/content/no-30-2005-marangopoulos-foundation-for-human-rights-mfhr-v-greece/

9. Kawas Fernández v. Honduras, Inter-American Court of Human Rights, Series C No. 196, Judgment of 3 April 2009. Available at: https://www.legal-tools.org/doc/5d583b/

10. Indigenous Communities of the Lhaka Honhat Association vs. Argentina, Inter-American Court of Human Rights, Series C No. 400, Judgment of 6 February 2020. Available at: https://gnhre.org/?p=10827/

11. The Social and Economic Rights Action Center and the Center for Economic and Social Rights v. Nigeria, African Commission on Human and Peoples' Rights, Communication 155/96, Decision of 27 October 2001. Available at: https://achpr.au.int/en/decisions-communications/social-and-economic-rights-action-center-serac-and-center-economic-15596/

12. Centre for Minority Rights Development (Kenya) and Minority Rights Group International on behalf of Endorois Welfare Council v. Kenya, African Commission on Human and Peoples' Rights, Communication 276/2003, Decision of 25 November 2009. Available at: https://achpr.au.int/en/decisions-communications/centre-minority-rights-development-kenya-and-minority-rights-group-27603/

13. Koh K.L., Robinson N.A. Regional Environmental Governance: Examining the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) Model. *Global Environmental Governance: Options & Opportunities*, 2002, pp. 101–120.

14. Stockholm Declaration on the Human Environment, UN Doc. A/CONF.48/14/Rev.1, 1972. Available at: https://www.un.org/en/conferences/environment/stockholm1972/

15. Rio Declaration on Environment and Development. UN Doc. A/CONF.151/26/Rev.1 (vol. I), 1992. Available at: https://www.iau-hesd.net/sites/default/files/documents/rio_e.pdf/

16. Vasak K. Human Rights: A Thirty-Year Struggle. *UNESCO Courier*, 1977, vol. 30, p. 29.

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

Kelib tushgan / Получено / Received: 15.08.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 17.09.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 26.09.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.3./TOFA4840
UDC: 343.35+328.185(045)(575.1)

O‘ZBEKISTONDA YO‘L-TRANSPORT INFRATUZILMASI SOHASIDA KORRUPSIYAVIY XAVF-XATARLAR VA ULARNI BARTARAF ETISH MEXANIZMLARI

Mirzayeva Mohina Srojiddinova,
O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi mustaqil izlanuvchisi
ORCID: 0009-0009-4983-0770
e-mail: mohinamirzayeva1994@gmail.com

Annotatsiya. *Mazkur maqolada 2022–2024-yillar davomida O‘zbekistonda avtomobil yo‘llarini qurish va ta’mirlash sohasida sodir etilgan korrupsiya jinoyatlari chuqur tahlil qilingan. Tadqiqotda ushbu jinoyatlarning turlari, ularni amalga oshirish usullari, manfaatlar to‘qnashuvi holatlari, tender jarayonlaridagi kamchiliklar hamda davlat budjetiga yetkazilgan zarar statistik ma’lumotlar asosida yoritilgan. Muallif O‘zbekiston Respublikasi Bosh prokuraturasi va boshqa rasmiy manbalar, shuningdek, OECD, Jahon banki va Xalqaro valyuta jamg‘armasi kabi xalqaro tashkilotlarning hisobotlariga tayangan holda tahlilning ilmiy ishonchliligini ta’minlagan. Maqolada sohadagi korrupsion xavflarning tizimli sabablari aniqlanib, nazorat institutlarining yetarli samaradorlik ko‘rsatmasligi, shaffoflikning pastligi va affillanganlik muammolari ochib berilgan. Shuningdek, korrupsiya xavfini aniqlash va baholash bo‘yicha xalqaro tajribalar, xususan, Buyuk Britaniya, Italiya va boshqa mamlakatlarning raqamli nazorat platformalari hamda ma’lumotlarni skrining qilish usullari tahlil qilingan. Ushbu tajriba asosida O‘zbekistonda davlat xaridlarini shaffoflashtirish, tender jarayonlarini soddalashtirish va nazorat institutlarini kuchaytirishga oid aniq tavsiyalar ishlab chiqilgan. Muallif xalqaro tajriba va milliy qonunchilikka tayangan holda korrupsiyani kamaytirish hamda yo‘l-transport infratuzilmasida samaradorlikni oshirishga qaratilgan huquqiy, tashkiliy va iqtisodiy takliflarni ilgari surgan. Mazkur tavsiyalar jumlasiga davlat xaridlarini yagona raqamli platformaga o‘tkazish, tender jarayonlarini soddalashtirish, manfaatlar to‘qnashuvini cheklash va mustaqil nazorat mexanizmlarini joriy etish kiradi. Ushbu maqola sohaga oid korrupsiyaga qarshi kurash samaradorligini oshirishda amaliy ahamiyatga ega.*

Kalit so‘zlar*: korrupsiya, yo‘l qurilishi, ta’mirlash ishlari, budjet mablag‘lari, talon-toroj, jinoyatchilik, tender, nazorat mexanizmlari, davlat xaridlari*

КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ В СФЕРЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В УЗБЕКИСТАНЕ И МЕХАНИЗМЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Мирзаева Мохина Срожиддиновна,
самостоятельный соискатель
Правоохранительной академии
Республики Узбекистан

Аннотация. *В данной статье проведён углублённый анализ коррупционных преступлений, совершённых в Узбекистане в 2022–2024 годах в сфере строительства и ремонта автомобильных дорог. В исследовании освещены виды указанных преступлений, способы их реализации, случаи конфликта интересов, недостатки тендерных процедур, а также на основе статистических данных ущерб, нанесённый государственному бюджету. Опираясь на материалы Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан и других официальных источников, а также отчёты международных организаций (ОЭСР, Всемирного банка, Международного валютного фонда), автором обеспечена научная достоверность анализа. В статье выявлены системные причины коррупционных рисков в отрасли, раскрыты недостаточная эффективность контрольных институтов, низкий уровень прозрачности и проблемы аффилированности. Также проанализирован международный опыт выявления и оценки коррупционных рисков, в частности цифровые контрольные платформы и методы скрининга данных Великобритании, Италии и других стран. На основе этого опыта разработаны конкретные рекомендации по повышению прозрачности государственных закупок, упрощению тендерных процедур и усилению контрольных институтов в Узбекистане. Автор, основываясь на сравнительном анализе международного опыта и национального законодательства, предлагает правовые, организационные и экономические меры по снижению уровня коррупции и повышению эффективности в дорожной инфраструктуре. Среди предложений – перевод государственных закупок на единую цифровую платформу, упрощение тендерных процедур, ограничение конфликта интересов и внедрение независимых механизмов контроля. Настоящая статья имеет практическое значение для повышения эффективности борьбы с коррупцией в отрасли.*

Ключевые слова: *коррупция, дорожное строительство, ремонтные работы, бюджетные средства, хищение, преступность, тендер, контрольные механизмы, государственные закупки*

CORRUPTION RISKS IN THE FIELD OF ROAD TRANSPORT INFRASTRUCTURE IN UZBEKISTAN AND MECHANISMS FOR THEIR ELIMINATION

Mirzaeva Mohina Srojiddinova,
Independent researcher at
the Academy of Law Enforcement
of the Republic of Uzbekistan

Abstract. *This article provides an in-depth analysis of corruption crimes committed in the field of road construction and repair in Uzbekistan during 2022-2024. The study covers the types of these crimes, methods of their implementation, cases of conflicts of interest, shortcomings in the tender process, and damage to the state budget based on statistical data. The author ensured the scientific reliability of the analysis based on reports from the General Prosecutor's Office of the Republic of Uzbekistan and other official sources, as well as international organizations such as the OECD, the World Bank, and the International Monetary Fund. The article identifies the systemic causes of corruption risks in the sector and reveals the insufficient effectiveness of regulatory institutions, low transparency, and problems of affiliation. International experience in identifying and assessing corruption risks was also analyzed, in particular, digital control platforms and data screening methods of Great Britain, Italy, and other countries. Based on this experience, specific recommendations have been developed for the transparency of public procurement, simplification of tender processes, and strengthening of control institutions in Uzbekistan. Based on international experience and national legislation, the author put forward legal, organizational, and economic proposals aimed at reducing corruption and increasing the efficiency of road transport infrastructure. These recommendations include the transition of public procurement to a*

single digital platform, simplification of tender processes, limitation of conflicts of interest, and the introduction of independent control mechanisms. This article has practical significance in increasing the effectiveness of the fight against corruption in this area.

Keywords: *corruption, road construction, road repair, budget funds, embezzlement, crime, tender, control mechanisms, public procurement*

Kirish

Yo‘l-transport infratuzilmasi mamlakat iqtisodiy rivojlanishining asosiy omillaridan biri bo‘lib, yo‘l qurilishi va ta’mirlash kabi yirik loyihalar, asosan, davlat budjeti hamda xorijiy investitsiyalar hisobidan moliyalashtiriladi. Bunday katta moliyaviy aylanma esa korrupsion xavf-xatarlarning yuzaga kelish ehtimolini sezilarli darajada oshiradi. O‘zbekistonda so‘nggi yillar tahlillari tender jarayonlarida soxta raqobat tashkil etish, smeta qiymatini sun’iy ravishda oshirish, qurilish jarayonida sifatsiz ishlarga ko‘z yumish hamda ajratilgan mablag‘larni mansabdor shaxslar o‘rtasida noqonuniy taqsimlash holatlari mavjudligini ko‘rsatmoqda. Ushbu muammo nafaqat iqtisodiy zarar keltiradi, balki aholi uchun xavfsiz va sifatli transport xizmatlarini ta’minlash imkoniyatlarini ham cheklaydi.

Xalqaro tajribada (OECD, Jahon banki, UNODC tavsiyalari) korrupsiya xavfini kamaytirish maqsadida shaffof davlat xaridlari tizimi, mustaqil texnik nazorat, davlat-xususiy sheriklik asosida ochiq hisobotlilik hamda manfaatlar to‘qnashuvining oldini olish mexanizmlariga alohida e’tibor qaratilmoqda.

BMT Bosh Assambleyasi tomonidan qabul qilingan 2030-yilgacha Barqaror rivojlanish maqsadlarida ham korrupsiyaning taraqqiyotga salbiy ta’siri ta’kidlanib, 9-maqsadda a’zo davlatlarga “barqaror infratuzilma yaratish, inklyuziv va barqaror industrializatsiyani rivojlantirish hamda innovatsiyalarni rag‘batlantirish” vazifasi yuklatilgan. Shuningdek, 9.1-vazifada: “Iqtisodiy o‘sish va aholi farovonligini ta’minlash maqsadida barcha uchun arzon va teng huquqli foydalanish imkoniyatiga ega sifatli, ishonchli, barqaror va mustahkam infratuzilmani, jumladan, mintaqaviy va transchegara infratuzilmani rivojlantirish” zarurligi belgilangan.

Avtomobil yo‘llari sohasidagi muammolar aholi hayoti uchun nihoyatda dolzarb masala hisoblanadi. Afsuski, O‘zbekiston dunyo avtomobil yo‘llarining sifati bo‘yicha global reytinglarda (masalan, Jahon iqtisodiy forumining Global raqobatbardoshlik indeksida) qayd etilmagan [1]. 2018-yilgi hisobotda yo‘l infratuzilmasi sifati bo‘yicha baholangan davlatlar ro‘yxatida O‘zbekiston ko‘rsatilmagan bo‘lsa-da, amaliy holat mamlakatimizni ushbu yo‘nalishda past ko‘rsatkichli davlatlar qatoriga kiritadi.

Bunga olib keluvchi asosiy omillardan biri sifatida korrupsiya qayd etiladi. Jumladan, 2021–2022-yillar davomida yo‘l qurilishi va ta’mirlash ishlarida 45 ta holatda jami 34,5 milliard so‘m mablag‘ning noqonuniy sarflangani aniqlangan [2].

O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyev sohada mavjud bir qator tizimli muammolar, xususan, qurilayotgan yo‘llarning sifati pastligi va yangi yo‘llar qisqa muddatda yaroqsiz holga kelib, qayta ta’mirlashga muhtoj bo‘layotganini alohida ta’kidlagan edi [3]. Prezidentimizning fikricha, “Sifatli yo‘l odamlarning kayfiyati va iqtisodiyotimiz “arteriyasi” hisoblanadi. Shu bois yo‘l qurilishiga yangicha yondashuvlarni joriy qilib, sifatni oshirish, sohani raqamlashtirish va xususiy sektorni keng jalb qilish kerak”.

So‘nggi yillarda yo‘l qurilishi sohasiga alohida e’tibor qaratilib, mazkur yo‘nalishda qator normativ-huquqiy hujjatlar qabul qilindi. Jumladan, Prezidentning 2018-yil 16-iyuldagi “Xalqaro moliya institutlari va xorijiy hukumat moliya tashkilotlari ishtirokidagi

loyihalarni tayyorlash va amalga oshirish samaradorligini oshirish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi qarori yo‘l infratuzilmasini rivojlantirishda muhim huquqiy asos bo‘lib xizmat qilmoqda.

Prezidentimizning yo‘l-transport infratuzilmasini yanada takomillashtirishga qaratilgan alohida e’tibori ushbu soha taraqqiyoti uchun alohida ahamiyat kasb etadi.

2020-yil 10-yanvarda qabul qilingan “2020–2022-yillarda O‘zbekiston Respublikasining ijtimoiy va ishlab chiqarish infratuzilmasini rivojlantirish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi Prezident qaroriga muvofiq, avtomobil yo‘llari, ko‘priklar va yo‘l o‘tkazgichlarini qurish hamda rekonstruksiya qilish, ularni zamonaviy texnika va jihozlar bilan ta’minlash bo‘yicha manzilli dastur tasdiqlandi. Mazkur chora-tadbirlar yo‘l-transport infratuzilmasini yangilash va rivojlantirishga keng imkoniyat yaratib, aholining turmush darajasi hamda hayot sifatini oshirishga xizmat qildi.

Shuningdek, 2019-yil 9-dekabrdagi “O‘zbekiston Respublikasi yo‘l xo‘jaligi tizimini chuqur isloh qilish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi Prezident Farmoni yo‘l qurilishi sohasida tub islohotlar hamda ilg‘or yondashuvlarning joriy etilayotganidan dalolat beradi.

2022-yil 1-iyuldan boshlab Hukumatning “Avtomobil yo‘llari sohasida ochiqlik standartlarini joriy etish va jamoatchilik nazoratini kuchaytirish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi qarori asosida sohada oshkoralikni ta’minlashga qaratilgan muhim tashabbus – “Shaffof yo‘l” elektron platformasi ishga tushirildi. Ushbu platforma orqali avtomobil yo‘llariga oid ma’lumotlar bazasi ochiq tarzda taqdim etilmoqda. Shuningdek, “Ochiq budjet” axborot portali orqali tuman va shahar budjetlaridan ajratiladigan mablag‘larning qaysi ichki xo‘jalik yo‘llarini ta’mirlashga sarflanishi bevosita jamoatchilik fikri asosida belgilanmoqda.

Material va metodlar

Ushbu tadqiqot doirasida 2022–2024-yillar mobaynida O‘zbekiston Respublikasida sodir etilgan korrupsiyaviy jinoyatlar to‘g‘risidagi ma’lumotlar kompleks tahlil qilindi. Tahlil jarayonida ommaviy axborot vositalarida e’lon qilingan materiallar, huquqni muhofaza qiluvchi organlar, jumladan, Bosh prokuraturaning rasmiy hisobotlari, sud hukmlari hamda davlat statistikasi ma’lumotlaridan foydalanildi.

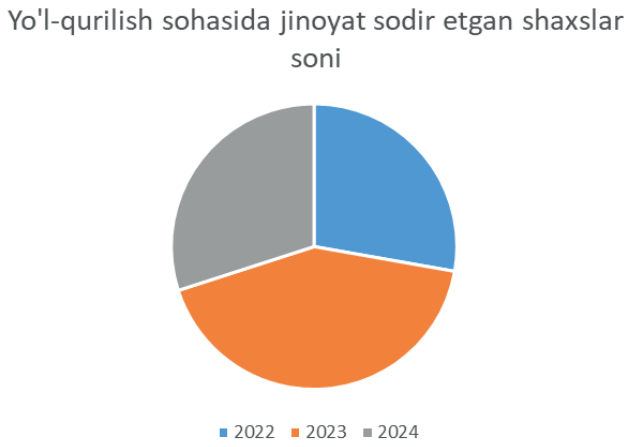
Tadqiqot metodologiyasi doirasida bir qator ilmiy usullar qo‘llandi. Xususan, hisobotlar va rasmiy ma’lumotlarni tahlil qilish, keys-stadi (real jinoyat ishlari va tegishli sud qarorlarini o‘rganish), 2022–2024-yillar kesimida solishtirma tahlil o‘tkazish, jinoyatlarning hududiy taqsimotini aniqlash, shuningdek, korrupsiyaviy sxemalar va mansabdor shaxslar o‘rtasidagi o‘zaro aloqalarni vizualizatsiya qilish usullaridan foydalanildi.

Bundan tashqari, sudlangan shaxslar soni, o‘zlashtirilgan mablag‘lar hajmi va jinoyatlarning hududlar kesimidagi statistik ko‘rsatkichlari umumlashtirildi. Shuningdek, ommaviy axborot vositalari va huquqni muhofaza qiluvchi organlarning ochiq ma’lumotlar bazalari qo‘shimcha manba sifatida tadqiqotga jalb etildi.

Tadqiqot natijalari

Xususan, 2024-yilda avtomobil yo‘llari sohasida jami 205 nafar shaxs (2023-yilda – 289 nafar, 2022-yilda – 190 nafar) turli korrupsiyaviy jinoyatlar sodir etgani uchun javobgarlikka tortilgan. Mazkur jinoyatlar, asosan, avtomobil yo‘llarini qurish va ta’mirlash, ularni ekspluatatsiya qilish, yo‘l xo‘jaligi tashkilotlarini saqlash xarajatlari uchun ajratilgan budjet mablag‘larini talon-toroj qilish, davlat xaridlari va tender jarayonlarida suiiste’molchilik hamda boshqa qonunbuzarliklar bilan bog‘liq bo‘lgan [4] (1-rasm). Shu bilan birga, sohada xususiy sektor subyektlari tomonidan sodir etilayotgan jinoyatlar ulushi ortib borayotgani kuzatilmoqda.

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X



1-rasm. Yo‘l qurilishi sohasida korrupsiyaviy jinoyatlar uchun javobgarlikka tortilgan shaxslar soni

Korrupsiyaviy jinoyatlarga qo‘l urgan xodimlarning tashkilotlar bo‘yicha taqsimoti o‘rganilganda quyidagi holat aniqlangan (2-rasm):

– Avtomobil yo‘llari qo‘mitasiga tegishli korxona va tashkilotlar xodimlari – 94 nafar (2023-yilda – 101 nafar, 2022-yilda – 121 nafar);

– tadbirkorlik subyektlari – 59 nafar (2023-yilda – 123 nafar, 2022-yilda – 59 nafar);

– tuman hokimliklari huzuridagi “Yagona buyurtmachi xizmati” injiniring korxonalari – 32 nafar (2023-yilda – 31 nafar, 2022-yilda – 10 nafar);

– obodonlashtirish boshqarmalari – 12 nafar (2023-yilda – 24 nafar);

– tuman hokimliklari va boshqa tashkilotlar xodimlari – 8 nafar.

– Ushbu xodimlar yo‘llarni qurish hamda ta’mirlash jarayonidagi korrupsion jinoyatlarni sodir etgan.

2-rasm. Korrupsiyaviy jinoyatga qo‘l urgan xodimlar sonining tashkilotlar bo‘yicha taqsimoti

Hududlarda kadrlar hamda pudratchi tashkilotlar bilan ishlash faoliyati yetarli darajada izchil va manzilli tashkil etilmaganligi sababli mazkur toifadagi jinoyatlar uchun javobgarlikka tortilgan shaxslar soni quyidagicha taqsimlangan (3-rasm):

Andijon viloyati – 22 nafar (2023-yilda – 18 nafar, 2022-yilda – 52 nafar);

Buxoro viloyati – 3 nafar (2023-yilda – 11 nafar, 2022-yilda – 6 nafar);

Jizzax viloyati – 2 nafar (2023-yilda – 5 nafar, 2022-yilda – 5 nafar);

Qashqadaryo viloyati – 22 nafar (2023-yilda – 50 nafar, 2022-yilda – 13 nafar);

Qoraqalpog‘iston Respublikasi – 10 nafar (2023-yilda – 30 nafar, 2022-yilda – 13 nafar);

Navoiy viloyati – 8 nafar (2023-yilda – 12 nafar, 2022-yilda – 10 nafar);

Namangan viloyati – 22 nafar (2023-yilda – 26 nafar, 2022-yilda – 14 nafar);

Samarqand viloyati – 8 nafar (2023-yilda – 22 nafar, 2022-yilda – 24 nafar);

Sirdaryo viloyati – 26 nafar (2023-yilda – 39 nafar, 2022-yilda – 19 nafar);

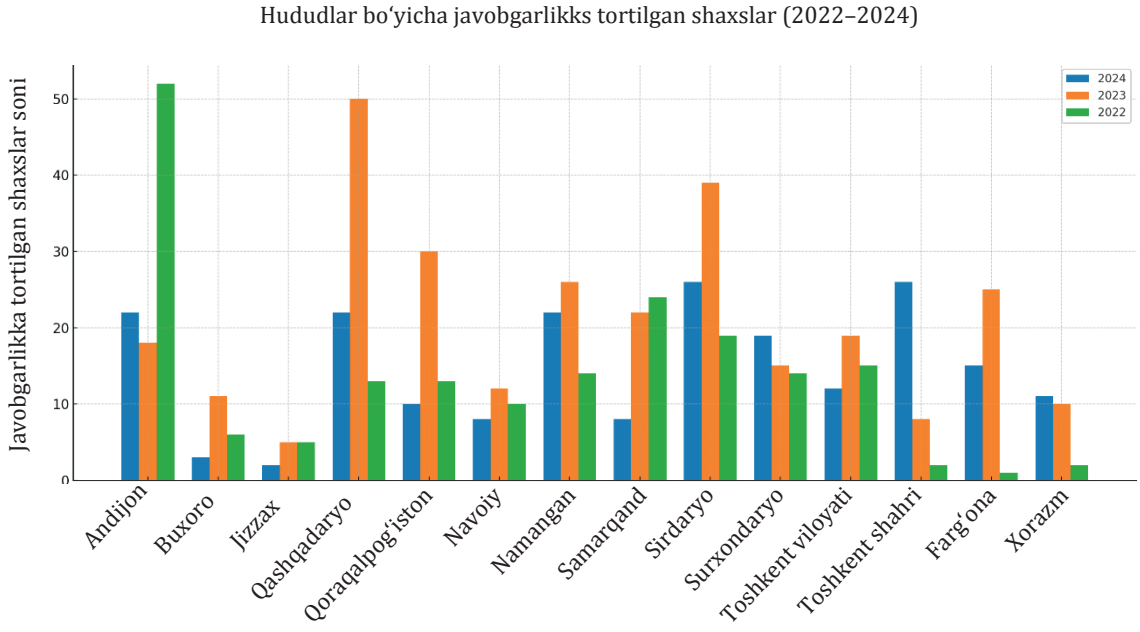
Surxondaryo viloyati – 19 nafar (2023-yilda – 15 nafar, 2022-yilda – 14 nafar);

Toshkent viloyati – 12 nafar (2023-yilda – 19 nafar, 2022-yilda – 15 nafar);

Toshkent shahri – 26 nafar (2023-yilda – 8 nafar, 2022-yilda – 2 nafar);

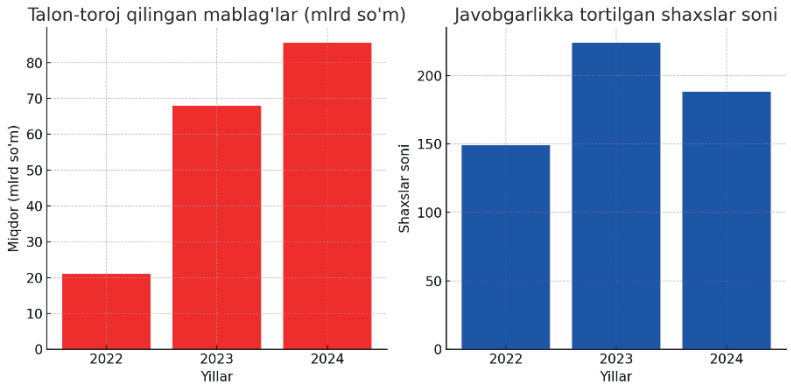
Farg‘ona viloyati – 15 nafar (2023-yilda – 25 nafar, 2022-yilda – 1 nafar);

Xorazm viloyati – 11 nafar (2023-yilda – 10 nafar, 2022-yilda – 2 nafar).



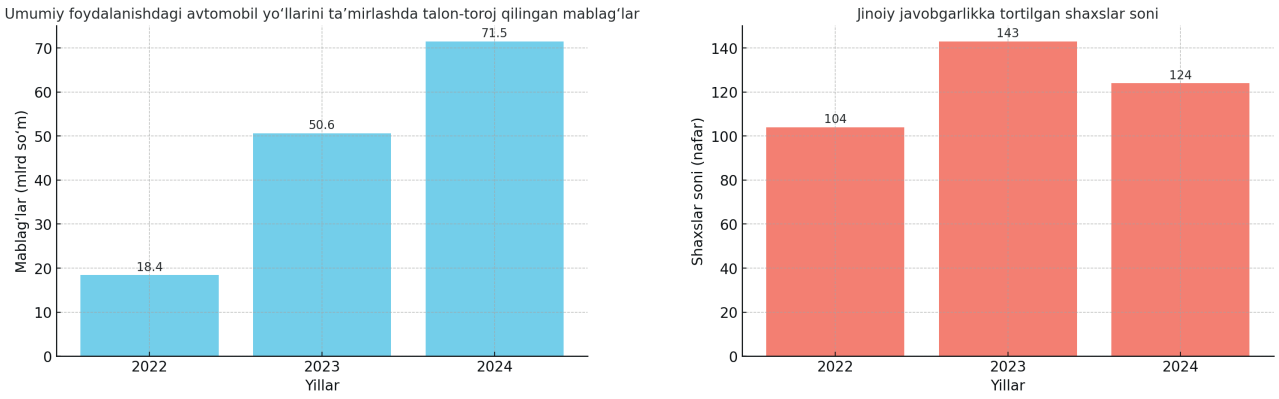
3-rasm. Korrupsiyaviy jinoyatga qo‘l urgan xodimlar sonining viloyatlar bo‘yicha taqsimoti

Budjet mablag‘larining talon-toroj qilinishi. Xususan, mazkur davrda ushbu toifadagi tergov qilingan jinoyat ishlari bo‘yicha jami 85,6 mlrd so‘m (2023-yilda – 68 mlrd so‘m, 2022-yilda – 21 mlrd so‘m) budjet va boshqa mablag‘larning talon-toroj qilinganligi aniqlangan. Natijada 188 nafar shaxs (2023-yilda – 224 nafar, 2022-yilda – 149 nafar) jinoiy javobgarlikka tortilgan [4] (4-rasm).



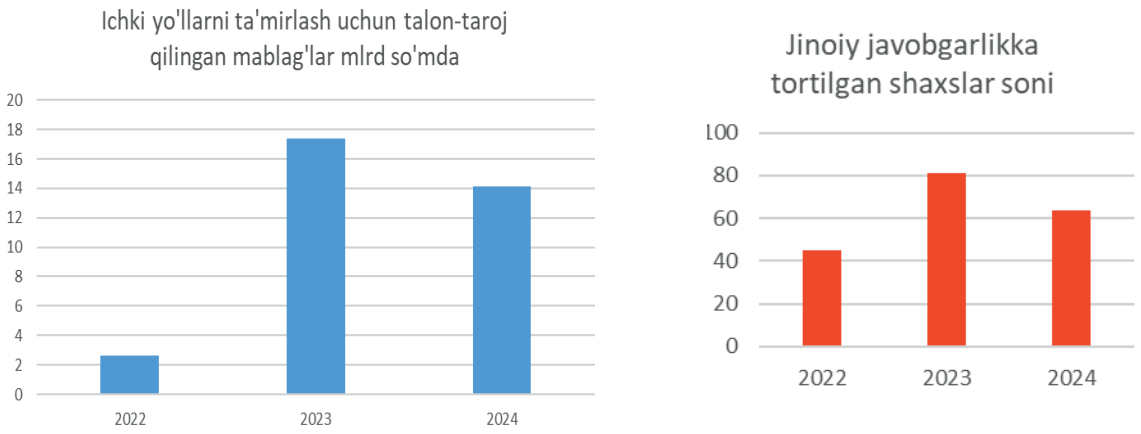
4-rasm. Korrupsiyaviy jinoyatlar bo‘yicha talon-taroj qilingan budjet va boshqa mablag‘lar yuzasidan tergov qilingan hamda jinoiy javobgarlikka tortilgan shaxslar soni

Qayd etish joizki, tahlil qilingan davrda umumiy foydalanishdagi avtomobil yo‘llarini ta’mirlash uchun ajratilgan jami 71,5 mlrd so‘m (2023-yilda – 50,6 mlrd so‘m, 2022-yilda – 18,4 mlrd so‘m) budjet va boshqa mablag‘larning talon-toroj qilinganligi aniqlangan. Natijada 124 nafar shaxs (2023-yilda – 143 nafar, 2022-yilda – 104 nafar) jinoiy javobgarlikka tortilgan (5-rasm).



5-rasm. Umumiy foydalanishdagi avtomobil yo‘llarini ta’mirlash uchun ajratilgan budjet va boshqa mablag‘larni talon-taroj qilish holatlari hamda bu bo‘yicha jinoiy javobgarlikka tortilgan shaxslar soni

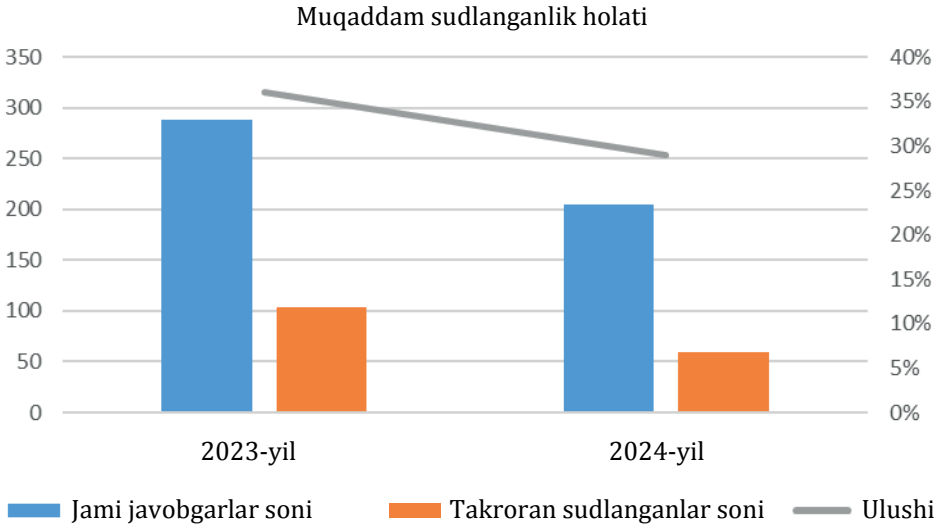
Shuningdek, mazkur davrda ichki yo‘llarni ta’mirlash uchun ajratilgan jami 14,1 mlrd so‘m (2023-yilda – 17,4 mlrd so‘m, 2022-yilda – 2,6 mlrd so‘m) budjet va boshqa mablag‘larning talon-toroj qilinganligi aniqlangan. Natijada 64 nafar shaxs (2023-yilda – 81 nafar, 2022-yilda – 45 nafar) jinoiy javobgarlikka tortilgan (6-rasm).



6-rasm. Ichki yo‘llarni ta’mirlash uchun ajratilgan budjet va boshqa mablag‘larni talon-taroj qilganlik uchun jinoiy javobgarlikka tortilgan shaxslar soni

Xususan, mazkur davrda 4 nafar shaxs (2023-yilda – 3 nafar, 2022-yilda – 4 nafar) yo‘l qurilishi obyektlarini olib berish yoki boshqa manfaatlar uchun pora berishga dalolat qilib, firibgarlik yo‘li bilan fuqarolarning pul mablag‘larini egallaganliklari uchun jinoiy javobgarlikka tortilgan.

Avtomobil yo‘llari sohasidagi korrupsiyaviy jinoyatlar uchun 2024-yilda javobgarlikka tortilgan jami 205 nafar mansabdor shaxsning 60 nafari, ya’ni 29 foizi (2023-yilda 289 nafar shaxsning 104 nafari yoki 36 foizi), muqaddam firibgarlik, pora olish yoki berish kabi korrupsiyaviy jinoyatlar sodir etganligi uchun sudlangan shaxslardir (7-rasm).



7-rasm. Avtomobil yo‘llari sohasida sodir etilgan korrupsiyaviy jinoyatlar bo‘yicha muqaddam sudlanganlik holatlari

Jinoyat ishlarini o‘rganish natijasida avtomobil yo‘llarini qurish va ta’mirlash sohasida korrupsiyaning asosiy sxemalari aniqlangan. Ularga bajarilmagan ishlar uchun soxta hujjatlar tayyorlash, tender va shartnomalarda qalloblik qilish, qurilish materiallari narxini asossiz oshirish, yonilg‘i va qurilish mahsulotlarini o‘zlashtirish, hujjatlarga yolg‘on ma’lumot kiritish, pora olish va firibgarlik orqali vakolatlarni suiiste’mol qilish kiradi. Aniqlangan

holatlarda ko‘pincha mansabdor shaxslar va xususiy kompaniya rahbarlari jinoiy til biriktirib harakat qilgan. Bu esa sohada sistemaviy muammoning mavjudligini ko‘rsatadi.

Shu bilan birga, avtomobil yo‘llarini qurish va ta’mirlash sohasidagi korrupsiya yakka holat emas, balki tizimli muammo sifatida namoyon bo‘lmoqda. Manfaatdor shaxslar o‘rtasidagi jinoiy til birikmalar va nazorat mexanizmlarining samarador emasligi bunday jinoyatlarga sharoit yaratmoqda. Qonunchilikdagi bo‘shliqlar, jamoatchilik nazoratining yetarli darajada emasligi va shaffoflikning pastligi korrupsiyaning avj olishiga xizmat qilmoqda.

Tadqiqot natijalari tahlili

2022–2024-yillar davomida O‘zbekistonda avtomobil yo‘llarini qurish va ta’mirlash sohasida aniqlangan korrupsiyaviy jinoyatlar tahlili sohada tizimli va kompleks muammolar mavjudligini yaqqol namoyon etmoqda. Har uch yilda ham yuqori moliyaviy zarar, mansabdor shaxslarning jinoiy sxemalarda ishtiroki va nazorat mexanizmlarining samarador emasligi asosiy muammolar sifatida namoyon bo‘lmoqda.

Yo‘l-transport infratuzilmasi mamlakat iqtisodiyotining rivojlanishida, aholi turmush sifatini oshirishda va logistik zanjirlarni samarali tashkil etishda hal qiluvchi ahamiyatga ega. Biroq sohadagi yirik moliyaviy mablag‘lar aylanmasi, tender va davlat xaridlari jarayonlarida shaffoflikning yetarli emasligi, shuningdek, nazorat mexanizmlarining samarador emasligi korrupsiyaviy xavf-xatarlarni yuzaga keltirmoqda.

O‘zbekiston Respublikasi transport infratuzilmasi, xususan, yo‘l qurilishi va rekonstruksiyasi tender jarayonlarida bir qator suiiste’mollik holatlari aniqlangan. Davlat xaridlarida, ayniqsa, yo‘l qurilishi va ta’mirlash tenderlarida, “so‘nggi daqiqada” kiritilgan shartlar, manfaatdor shaxslarga tegishli pudratchilarga qulaylik yaratish, noqonuniy kelishuvlar hamda hujjatlarni soxtalashtirish kabi holatlar uchraydi.

Xususan, Korrupsiyaga qarshi kurashish agentligi tomonidan o‘tkazilgan tekshiruv natijasida, obyektlarda qurilish va ta’mirlash ishlarini amalga oshirish bo‘yicha “tender.mc.uz” maxsus axborot portalida e’lon qilingan jami 9 ta tenderning umumiy qiymati 42 mlrd so‘m bo‘lib, tender g‘oliblari aniqlanmasdan qurilish ishlari boshlab yuborilganligi ma’lum bo‘ldi [5].

Manfaatlar to‘qnashuvi va affillanganlik holatlariga quyidagilar misol bo‘la oladi. Masalan, Qumqo‘rg‘on tumanida “32-sonli oilaviy poliklinika binosini mukammal ta’mirlash” bo‘yicha eng yaxshi takliflarni tanlash jarayonini o‘rganish natijasida, mazkur davlat xaridida o‘zaro affillangan shaxslarga tegishli tadbirkorlik subyektlari g‘oliblikni qo‘lga kiritgani aniqlangan [6].

Shuningdek, “Toshkent xalqa avtomobil yo‘llaridan foydalanish uchastka boshqarmasi” unitar korxonasi buyurtmachiligida o‘tkazilgan 3 mlrd 220 mln so‘mlik davlat xaridida 2 ta holat bo‘yicha hujjatlar tadbirkorlarning o‘zlari tomonidan emas, balki xarid komissiyasining kotibi tomonidan ishlatilgan kompyuterning IP-manzili orqali elektron platformaga yuklanganligi aniqlangan. Bundan tashqari, xarid komissiyasi raisi va a’zolarining ishtirokisiz, boshqa shaxslar tomonidan ularning elektron raqamli imzolari orqali xarid natijalari baholangan va imzolanganligi ma’lum bo‘lgan [7].

Amaliyotda, shuningdek, poraxo‘rlik orqali tender yutug‘ini ta’minlash holatlari ham uchrayotgani kuzatilgan [8].

H. Rajabovning fikriga ko‘ra [9], davlat xaridlari uchun yagona raqamli platformani yaratish va unda ma’lumotlarni tekshirish (data screening) amaliyotini joriy etish zarur. Shuningdek, narxlarning keskin pasayishi (20–50 %), arizalarni rad etish yoki narxlarning juda oz (1 %gacha) pasayishi holatlarini Ruminiya va Janubiy Koreya tajribasi asosida tekshirish, tender o‘tkazmasdan to‘g‘ridan to‘g‘ri shartnomalar tuzish amaliyotini imkon

qadar kamaytirish muhimdir. To‘g‘ridan to‘g‘ri shartnomalar faqat milliy xavfsizlik, favqulodda holatlar va mudofaa masalalarida tuzilishi mumkinligi belgilanishi lozim.

Shuningdek, Jinoyat kodeksiga “Davlat xaridlari to‘g‘risidagi qonunchilikni buzish” nomli alohida modda kiritish, huquqni muhofaza qiluvchi organlar va davlat xizmatchilari uchun davlat xaridlaridagi korrupsiya sxemalarini aniqlash va isbotlash bo‘yicha maxsus o‘quv mashg‘ulotlarini tashkil qilish tavsiya etiladi.

Sh. Rizakulov va A. Jumanovlarning fikriga ko‘ra [10], davlat xaridlari tizimini raqamlashtirish bo‘yicha asosiy muammolar texnologik, tashkiliy va kadr omillariga bog‘liqdir. Texnologik barqarorlik yetarli emasligi sohadagi IT infratuzilmasining ishonchsiz ishlashiga va tizim uzilishlariga olib keladi. Tashkiliy muammolar esa muvofiqlashtirishning yetarli darajada emasligi, mas’uliyatlarning noaniqligi va bo‘shliqlar mavjudligini o‘z ichiga oladi. Kadr resurslarining yetishmasligi esa raqamli kompetensiya va malakali mutaxassislar yetarli emasligidan dalolat beradi.

Shunga ko‘ra, normativ-huquqiy asoslarni mustahkamlash, texnik infratuzilmani modernizatsiya qilish, kadrlar tayyorlashni rag‘batlantirish, xalqaro tajribani adaptatsiya qilish hamda holistik yondashuv asosida tizimli chora-tadbirlarni amalga oshirish tavsiya etiladi.

Sohadagi talon-toroj qilishlar asosan loyiha-smeta hujjatlarini asossiz qimmatlashtirish, bajarilmagan ishlar uchun hujjatlarni rasmiylashtirish, dublikat to‘lovlar va affillangan pudratchilar orqali “aylanma” sxemalar orqali namoyon bo‘ladi. Masalan, Bosh prokuratura tomonidan o‘tkazilgan tekshiruvlarda loyiha hujjatlarida asossiz qimmatlashtirish holatlari aniqlangan [11].

Yo‘l qurilishida talon-toroj va sifat kamchiliklari sifatida Transport vazirligi huzuridagi inspeksiya tomonidan 2022-yilning 7 oyida 139 ta holatda jami 6,132 mlrd so‘m noqonuniy sarf-xarajat aniqlangan [12].

Prezident tashabbusi bilan 2024-yildan boshlab qurilish shartnomalari, ishlar va nazorat jarayonlari raqamlashtirilmoqda, bu esa talon-torojni kamaytirishga qaratilgan [13]. Biroq kamchiliklar va o‘tmishdan qolgan past sifatli nazorat tufayli ayrim yo‘l obyektlarida moliyaviy intizom muammolari saqlanib qolgan.

OECD ACN (2024)ning O‘zbekistonda korrupsiyaga qarshi islohotlarning 5-raund monitoringi (Istanbul Anti-Corruption Action Plan) natijalariga ko‘ra, xavf-bazaviy ichki audit va ochiq ma’lumotlardan foydalanish amaliyotini kengaytirish tavsiya etilgan [14].

Jahon banki sohaviy hujjatida (2020/2023–24) [15] yo‘l infratuzilmasi va transport sektorining institut hamda moliyaviy tuzilmasini modernizatsiya qilish orqali korrupsiya xavfini kamaytirishga xizmat qiladigan strategik choralar ko‘rsatib o‘tilgan. Masalan, vertikal ajratish orqali manfaatlar to‘qnashuvining oldini olish mumkinligi qayd etilgan. Unda yo‘l sektorida institutlarning siyosat ishlab chiqish, rejalashtirish va xizmat ko‘rsatish funksiyalarini ajratish orqali manfaatlar to‘qnashuvi va monopoliya amaliyotlarini kamaytirish tavsiya qilingan.

Shuningdek, Yo‘l qo‘mitasining monopolistik tuzilmalari ajratilib, mijoz (client) va yetkazib beruvchi (supplier) funksiyalari bir-biridan mustaqil bo‘lishi lozimligi ko‘rsatib o‘tilgan. Xususiy sektor va xususiy-davlat sherikchiligi (Public-Private Partnership) asosida loyiha va qurilish ishlarini amalga oshirish, shuningdek, tenderlarda ishtirok imkoniyatlarini kengaytirish orqali shaffoflik va samaradorlikni oshirish mumkinligi ta’kidlangan.

IMF tomonidan 2024-yilda O‘zbekistonda olib borilgan IV Modda konsultasiyasi [16] natijalariga ko‘ra, davlat xaridlari va Public-Private Partnership (PPP) loyihalari bilan bog‘liq moliyaviy xavflarni kamaytirish bo‘yicha aniq tavsiyalar berilgan. Korrupsiya xavfining oldini olish bo‘yicha takliflar asosan PPP mexanizmlari bilan bog‘liq bo‘lib, davlat

qarzdorligi va budjet xavfini kamaytirishga qaratilgan.

L. Mardiyeva [17] tomonidan O‘zbekistonda davlat xaridlarida pora, til biriktirish (bid-rigging), talon-toroj va nepotizm holatlari huquqiy-institusional nuqtayi nazardan tahlil qilingan. Shuningdek, elektron xarid platformalarini to‘liq integratsiya qilish, audit izi (audit trail) yaratish va ochiq API orqali jamoatchilik monitoringini amalga oshirish tavsiya etilgan.

E’tirof etilganidek, korrupsiyani kamaytirishda ochiq ma’lumotlar, affillanganlikni avtomatik aniqlash, xavf-bazaviy audit va jamoatchilik monitoringi muhim ahamiyatga ega.

Nazorat organlari faoliyati nuqtayi nazaridan, O‘zbekistonda yo‘l-transport infratuzilmasi loyihalaridagi korrupsiya xavflarini kamaytirishda tashqi (Hisob palatasi) va ichki audit, moliyaviy monitoring hamda davlat xaridlari ustidan nazorat tizimida bir qator tizimli bo‘shliqlar saqlanib qolmoqda. Jahon bankining 2022-yilgi davlat xarajatlari bo‘yicha tahlilida tashqi audit amaliyoti “formal qoidabuzarliklarni aniqlash va jarima/tuzatish tavsiyalariga asoslanib, tizimli sabablarni tahlil qilishga kam e’tibor berishi” qayd etilgan. Bu esa loyihaviy xavflarni oldindan bartaraf etish o‘rniga, oqibatlarni keyinchalik bartaraf etishga moyillikni kuchaytiradi [18].

2024-yilda OECDning AKN (Anti-Corruption Network) 5-raund bazaviy monitoring hisoboti qonunchilikni yangilash va institutsional qurilishda siljishlar bilan birga, jinoyatlarni fosh etish va qonuniy javobgarlikni ta’minlashda amaliyot samaradorligini oshirish, mustaqillik va muvofiqlashuvni kuchaytirish zarurligini ta’kidladi. Hisobotda davlat xaridlari, ichki nazorat va jamoatchilik hisobdorligi o‘rtasidagi bog‘lanishlarning yetarli darajada ishlamayotgani ham qayd etilgan.

2025-yil I choragida Hisob palatasi tomonidan o‘tkazilgan tekshiruvlar natijasi [19] nazoratning ustuvor ravishda “reaktiv” (oqibatga javob) xarakterga ega ekanini va profilaktik boshqaruv vositalarini kuchaytirishga ehtiyoj borligini ko‘rsatadi.

Xalqaro “Open Budget Survey 2023” tadqiqotlari [20] mamlakatlar kesimida qonunchilik va oliy audit instituti nazoratining roli, hisobotlarning ochiqligi va jamoatchilik ishtirokini baholaydi. Natijalar shuni ko‘rsatadiki, audit nazorati kuchli bo‘lsa-da, uni ijro hokimiyati va parlament tomonidan to‘liq amalga oshirishda kamchiliklar saqlanib qolmoqda. Bu tendensiya O‘zbekiston uchun ham dolzarb bo‘lib, auditorlik tavsiyalari ijrosini kuchaytirish va jamoatchilik ishtirokini institutsional tarzda mustahkamlash zaruriyatini ko‘rsatadi.

Nazoratning “oqibatga javob” (ex post) xususiyati ustun keladigan vaziyatlarda, profilaktik (ex ante) nazoratni kuchaytirish zarur. Shu bilan birga, institutsional rol va vakolatlar o‘rtasidagi bog‘liqlikni ta’minlash uchun tenderdan tortib aksept va ijrogacha bo‘lgan jarayonlarda muvofiqlashuv va ma’lumot almashuvini yagona raqamli dasturlar orqali amalga oshirish talab etiladi. Auditorlik tavsiyalarining ijrosini majburiy qilish hamda ularni parlament va OAV orqali jamoatchilik nazoratiga qo‘yish hisobdorlikni oshiradi.

Xalqaro tajribada korrupsiyaga qarshi mexanizmlar misolida, OECD tavsiyalariga muvofiq, yo‘l qurilishi va ta’mirlash loyihalarini amalga oshirishda barcha tender hujjatlari, shartnomalar va bajarilish natijalari jamoatchilik uchun onlayn rejimda ochiq bo‘lishi kerak. Bu shaffoflik va hisobdorlikning muhim kafolatidir [21].

Masalan, Italiyada Transport vazirligi tasarrufidagi OpenCantieri portali orqali mamlakat ichidagi infratuzilma loyihalarining moliyalashtirilishi, xarajatlar, muddatlar va kechikishlar bo‘yicha ma’lumotlar ochiq formatda taqdim etiladi. Hindistonda esa Sentral Pablik Prokyurement Portali (CPPP) barcha turdagi tovar, xizmat va qurilish tenderlari natijalari va hujjatlarini huquqiy erkinlik

asosida nashr etadi [22]. Bu mexanizmlar raqobatni oshiradi, korrupsiyaga imkoniyatlarni kamaytiradi va jamoatchilik nazoratini mustahkamlaydi.

Mustaqil audit va jamoatchilik nazorati korrupsiyaning oldini olishda muhim rol o‘ynaydi. Buyuk Britaniyaning National Audit Office (NAO) moliya auditi (Financial Audit) va “Value for Money” (VFM) auditlari orqali nodavlat xarajatlar va davlat loyihalarining qonuniyligi hamda iqtisodiy samaradorligini tekshiradi va natijalarni parlamentga taqdim etadi. Kolumbiyaning Partnerships BC tashkiloti esa davlat-xususiy sheriklik (PPP) asosidagi infratuzilma loyihalarini boshqaradi, shaffoflikni ta’minlaydi va xarajatlarning samaradorligini baholaydi. Bu jarayonda asosan umumiy audit va ishtirokchilar o‘rtasidagi tenglikka e’tibor qaratiladi.

Jahon banki, Yevropa Tiklanish va Taraqqiyot Banki (EBRD) hamda boshqa xalqaro taraqqiyot banklari “cross-debarment” mexanizmlarini qo‘llaydi. Ushbu tizim korrupsiyada ayblangan korxona yoki shaxslarni bir nechta bank tenderlaridan bir vaqtda chetlashtirish imkonini beradi. Masalan, EBRD Enforcement Policy asosida yetarli darajada korrupsiya yoki firibgarlik aniqlangan hollarda subyektlar loyihalardan uzoq muddatga chetlatiladi [23]. AIIB Debarment List esa boshqa mustaqil davlatlar bilan muvofiqlashtirilgan holda qo‘llanadi [24]. Bu mexanizmlar korrupsiyaga qarshi kuchli vosita bo‘lib, insofsiz subyektlarni davlat va xo‘jalik tenderlaridan uzoqlashtirish orqali korrupsiyaning oldini olishga xizmat qiladi.

Xulosalar

2022–2024 yillar mobaynida O‘zbekistonda umumiy foydalanishdagi va ichki avtomobil yo‘llarini ta’mirlash hamda qurish uchun ajratilgan budjet mablag‘larining talontoroj qilinishi holatlari qiymat va jinoyatchilar soni jihatidan xavotirli darajada bo‘lib qolmoqda. Davlat va xususiy sektordagi jinoyatlar soni dinamikasi quyidagicha:

2022 – 190 jinoyat (davlat 62 %);

2023 – 289 jinoyat (davlat 58 %);

2024 – 205 jinoyat (davlat 45,9 %).

Yuqoridagilarga asoslanib, O‘zbekiston amaliyotiga mos ravishda quyidagilarni tavsiya etish mumkin:

Ochiq ma’lumotlar va tender shaffofligi ta’minlash uchun:

– yagona “Ochiq xaridlar” portali (e-procurement)ni Open Contracting Data Standard (OCDS)ga to‘liq muvofiqlashtirish: e’londan to shartnoma ijrosigacha barcha hujjatlar, qo‘shimcha kelishimlar (change orders), aktlar, to‘lovlarni ochiqligini ta’minlash;

– haqiqiy egalik (beneficial ownership) reyestrini joriy etish kerak va tenderda ishtirok uchun ushbu ma’lumotni taqdim etishni majburiy qilib qo‘yish kerak, xarid portalida reyestr, soliq va bank-risk ma’lumotlari bilan API orqali integrasiya qilish;

– yagona ishtirokchi, qisqa muddat, takroriy g‘olib, chegaradan ortiq narx almashinuvi, affillanganlik belgilarini avtomatik aniqlashga yordam beradigan qizil bayroqlar (red flags) algoritmini joriy etish.

Qonunchilikni takomillashtirish uchun:

– “Davlat xaridlari to‘g‘risida”gi Qonunga OCDS standarti va ochiqlikni majburiy normalar sifatida kiritish;

– shartnoma ijrosi ma’lumotlarini (progress, to‘lov, o‘zgarishlar) ochiqlashni talab etuvchi moddalar qo‘shish;

– Ma’muriy javobgarlik to‘g‘risidagi kodeksga ma’lumotlarni yashirish/xato ma’lumotlar kiritish uchun yuqori jarimalar miqdorini belgilash.

Mustaqil audit va jamoatchilik nazorati ta’minlash uchun:

– Hisob palatasi huzurida yo‘l-infratuzilmaga ixtisoslashgan Value-for-Money (VfM) auditi bo‘limi (ijro samaradorligiga qaratilgan) tuzish;

– yirik loyihalar (100 mlrd so‘mdan katta) uchun Mustahkam mustaqil muhandis (Independent Engineer) va sifat laboratoriyasini shartnoma shartlariga kiritishni talab qilish;

E-ISSN 2181-1148
ISSN 2181-919X

– jamoatchilik monitoringi portalida esa xaritaga bog‘langan (geo-tagged) foto/video-dalillar yuklash, ish grafigi va aktlar bilan solishtirish, “hisobotga javob” funksiyasini joriy qilish.

Barcha 50 mlrd so‘mlik yo‘l qurilishi va ta’miri shartnomalariga Transparency International-ning Integrity Pact formatini qo‘llash majburiyati joriy etilishi zarur. Mazkur pakt doirasida:

– pudratchi va buyurtmachi pora yoki hadyadan voz kechish majburiyatini oladi;

– mustaqil nazoratchi (civil monitor) tayinlanadi;

– ushbu talablar buzilgan taqdirda shartnoma bekor qilinadi va depozit/kafolat mablag‘lari ushlab qolinish mexanizmi amal qiladi.

Shuningdek, pudratchilar uchun komplayens dasturi (etika kodeksi, ichki shikoyat liniyasi, manfaatlar to‘qnashuvi siyosati) tenderda kvalifikatsiya sharti sifatida kiritilishi lozim.

Jahon amaliyotidagi qora ro‘yxat (debarment) va “cross-debarment” mexanizmlarini tatbiq etish maqsadida Milliy Debarment reyestri qabul qilinishi kerak. Mazkur reyestrda:

– muddatli (1–5 yil) va doimiy taqiq kategoriyalari mavjud bo‘ladi;

– ayb darajasiga qarab gradatsiya belgilanadi (masalan, takroriy holat – 5 yil + doimiy menejer diskvalifikatsiyasi);

– “Cross-debarment” mexanizmi orqali Jahon banki, Yevropa tiklanish va taraqqiyot banki (EBRD), O‘zbekiston banklari (OBR) kabi qora ro‘yxatlar avtomatik tarzda import qilinadi – bunday subyektlar tenderda qatnasholmaydi.

Shuningdek, reabilitatsiya mexanizmi joriy etilishi zarur. Pudratchi komplayens dasturi va mustaqil monitoringni amalga oshirgan taqdirda taqiq muddatini qisqartirish imkoniyati beriladi.

Kontrakt menejmenti va narx o‘zgarishini nazorat qilish uchun quyidagilar muhim hisoblanadi:

– agar loyiha qiymati asosiy summadan ±15 % dan ortiq o‘zgarsa, ish qayta tenderga chiqarilishi kerak;

– sement, bitum, yoqilg‘i va boshqa asosiy materiallar narxi o‘zgarish formulasi aniq va oldindan belgilangan bo‘lishi shart;

– subpudrat limiti belgilanishi lozim: asosiy pudratchi ishning 30 %dan ortig‘ini boshqa kompaniyalarga bermasligi, yashirin subpudrat holatlari aniqlansa, sanksiya qo‘llanishi kerak;

– ish sifatini ta’minlash maqsadida performance bond – loyiha qiymatining 10 % miqdorida, avans uchun esa 100 % kafolat talab qilinadi;

– bajarilgan ishlar geo-teglangan foto/video va laboratoriya tekshiruv natijalari bilan hujjatlashtirilishi shart.

Manfaatlar to‘qnashuvi va deklarasiyalar to‘g‘risidagi qonun talablari ham qo‘shimcha o‘zgartirishlar kiritishga muhtoj. Xarid komissiyasi a’zolari, rahbarlar va ekspertlar o‘z qarindoshlari yoki bog‘liq kompaniyalar bilan aloqalarini ochiq bayon qilishi shartligi talabi qonunga kiritilishi kerak. “Cooling-off” qoidasini joriy etib, tender komissiyasi a’zosi yoki buyurtmachi rahbariyati tender g‘olibi kompaniyada kamida 12 oy ishlay olmasligi talabi kiritiladi. Agarda qonun buzilishi aniqlansa, shaxs komissiyadan avtomatik chiqarilishi va bu haqda jamoatchilikka xabar qilinishi lozim.

Javobgarlikni ta’minlash uchun esa har chorakda xavfli holatlar ro‘yxati tuzilishi, ochiq onlayn jadvalda tender natijalari va samaradorlik ko‘rsatilishi, qoida buzganlar jarima to‘lashi, reytingi tushirilishi yoki tenderga qo‘yilmasligi lozim.

REFERENCES

1. Uzbekistan Economic Indicators. Available at: https://www.theglobaleconomy.com/Uzbekistan/

2. Gazeta.uz internet-nashri. Yo‘l qurilishida milliardlab so‘mlik mablag‘lar noqonuniy sarflangani aniqlandi [Detection of billions of soms used illegally in road construction]. Available at: https://www.gazeta.uz/uz/2022/07/29/way/

3. Prezident.uz internet-nashri. Yo‘l xo‘jaligi sohasi yangicha yondashuv asosida rivojlantiriladi [Road sector to be developed on the basis of new approaches]. *Official website of the President of the Republic of Uzbekistan*. Available at: https://president.uz/uz/lists/view/6651

4. Mirzayeva M.S. Bosh prokratura jinoyat ishlari ro‘yxatidan muallif ishlanmasi [Author’s work from the list of criminal cases of the Prosecutor General’s Office].

5. Anticorruption.uz. Davlat xaridlariga oid qonunbuzilish holatlari aniqlandi [Violations of public procurement laws have been identified]. Available at: https://old.anticorruption.uz/uzc/item/2021/09/16/davlat-kharidlariga-oid-qonunbuzilish-holatlari-aniqlandi

6. Anticorruption.uz. Davlat xaridlarida manfaatlar to‘qnashuvi va affillanganlik holatlari [Conflicts of interest and affiliations in public procurement]. Available at: https://old.anticorruption.uz/uzc/item/2022/12/16/davlat-xaridlarida-manfaatlar-toqnashuvi-va-affillanganlik-holatlari

7. Anticorruption.uz. 32 milliard so‘mlik davlat xaridlari natijasi komissiya ishtirokisiz baholangani aniqlandi [It was revealed that the results of state procurement worth 32 billion soums were evaluated without the participation of the commission]. Available at: https://old.anticorruption.uz/uzc/item/2023/04/11/32-milliard-somlik-davlat-xaridlari-natijasi-komissiya-ishtirokisiz-baholangani-aniqlandi

8. Kun.uz internet-nashri. Andijonda 42 mlrd so‘mlik yo‘l loyihasini olib berishni va’da qilgan shaxslar qo‘lga olindi [Individuals promising to arrange a 42 billion-soums road project in Andijan were detained]. Available at: https://kun.uz/41128338

9. Radjapov H. Bid Rigging in Uzbekistan: Collusive Schemes in Public Procurement and Their Signs for Detection. *Web of Scientist: International Scientific Research Journal*, 2023, vol. 4, no. 8, pp. 128–134. DOI: 10.17605/OSF.IO/BHQCR.

10. Rizakulov S.S., Jumanov A.I. Digital Transformation of the Public Procurement System in Uzbekistan: Challenges of Implementation and Future Prospects. *Web of Scientist: International Scientific Research Journal*, 2025, vol. 6, no. 6.

11. Kun.uz. Prosecutor General’s Office reports significant quality issues in construction, initiates criminal cases. Available at: https://kun.uz/en/news/2024/07/09/prosecutor-generals-office-reports-significant-quality-issues-in-construction-initiates-criminal-cases

12. Daryo.uz. Jan.–July 2022: Uzbek road constructors misuse 6.1 bln soums. Available at: https://daryo.uz/en/2022/09/06/jan-july-2022-uzbek-road-constructors-misuse-61-bln-soums

13. Gazeta.uz internet-nashri. O‘zbekistonda qurilish qanday qilib “korrupsiyasiz soha”ga aylantiriladi? [How the construction sector in Uzbekistan is being transformed into a “corruption-free sphere”]. Available at: https://www.gazeta.uz/uz/2024/01/29/no-corruption/

14. Baseline report of the fifth round of monitoring of anti-corruption reforms in Uzbekistan. OECD CAN, 2024, p. 202.

15. Uzbekistan: Building Blocks for Integrated Transport and Logistics Sector Development. Washington, World Bank, 2020, p. 137.

16. Republic of Uzbekistan: 2024 Article IV Consultation – Staff Report. *IMF Country Report. International Monetary Fund*, 2024, Article A001, no. 210, p. 48.

17. Mardieva L. Public procurement: how can legislative reforms and technological innovation be harnessed to combat corruption? SSRN Westminster international university in Tashkent, 2023. DOI: 10.2139/ssrn.4615383.

18. Uzbekistan Public Expenditure Review: Better Value for Money in Human Capital and Water

Infrastructure. World Bank, 2022. Available at: https://documents1.worldbank.org/curated/en/099143503032342898/pdf/P1731400b7033d022087b409217648dc35e.pdf

19. UzDaily.uz. Accounts Chamber uncovers violations in public procurement worth 1.7 trillion soums in Q1. Available at: https://www.uzdaily.uz/en/accounts-chamber-uncovers-violations-in-public-procurement-worth-17-trillion-soums-in-q1/

20. Open Budget Survey 2023. HESPI. Available at: https://hespi.org/open-budget-survey-2023/

21. Reforming Public Procurement. OECD, 2019, p. 118. Available at: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2019/10/reforming-public-procurement_4846551d/1de41738-en.pdf

22. Osaka Declaration on Digital Economy. G20. 2019. Available at: https://worldjpn.net/documents/texts/G20/20190629.O3E.html

23. EBRD Sanctions System. EBRD. Available at: https://www.ebrd.com/home/who-we-are/strategies-governance-compliance/ebrd-sanctions-system.html

24. Debarment List. AIIB. Available at: https://www.aiib.org/en/about-aiib/who-we-are/debarment-list/index.html

YURIDIK FANLAR AXBOROTNOMASI
ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК
REVIEW OF LAW SCIENCES

Huquqiy ilmiy-amaliy jurnal
Правовой научно-практический журнал
Legal scientific-practical journal

2025-yil 3-son

VOLUME 9 / ISSUE 3 / 2025
DOI: 10.51788/TSUL.ROLS.2025.9.3